

ДОНСКАЯ ДНБЕРНЯ

ИЗДАЮЩИЙ

Донская Либррия

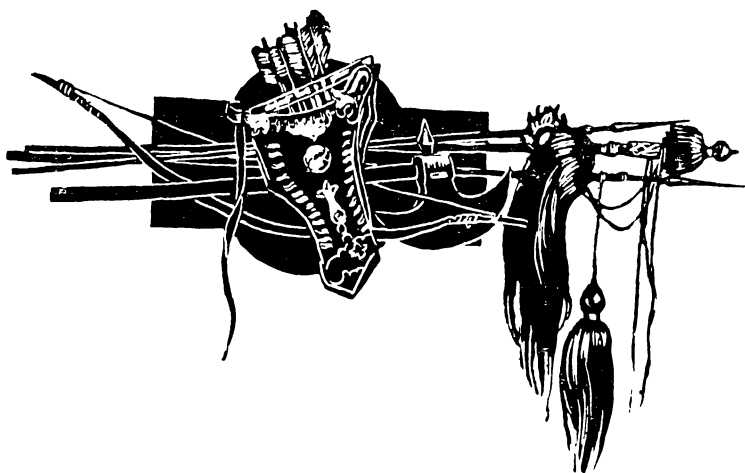
**Внучке Леночке эту правд-
вую и печальную повесть о
донской либерии и ее вожде
посвящает автор.**

Николай
Задонский

Донская
Библиотека

Исторические
хроники

*На вершинах было, братцы, на Булавин-
ских,
Собирались, съезжались там, братцы,
Люди вольные, беспачпортные...*

(Из старинной народной песни)

ВСТУПЛЕНИЕ

Я познакомился с ним давно, еще в детские годы... Это был красивый чернобровый казак средних лет, горячий, смелый, самолюбивый, упрямый. Ходил он всегда в богатых бархатных казацких кафтанах, мягких сафьяновых сапогах, с небрежно засунутыми за кушак пистолетами и запорожской саблей, а в левом ухе поблескивала большая золоченая серьга. Таким выглядел Кондратий Булавин в рассказах донских старожил и моих родных, считавших себя потомками булавиновцев, высланных после бунта в верховье Дона.

Рассказывали мне о том, что был Булавин в азовских походах и будто царь Петр чем-то обидел гордого атамана, и вскоре поднял он на царя и бояр «всех казаков и черный

люди», долго и успешно воевал за вольность, а затем, преданный своим другом, застрелился.

Несмотря на то, что со времени Булавинского восстания прошло свыше двух столетий и устные рассказы о его вожде дополнялись всяческим вымыслом, народная память все же очень любовно хранит героический облик Кондрата, «ставшего за народ» в те далекие, тяжелые времена.

Совсем другая, весьма неблагоприятная характеристика вождя одного из крупнейших народных восстаний была мною обнаружена в письменных и печатных документах, знакомство с которыми я начал в тридцатых годах по задонским и воронежским архивам. В библиотеке некогда знаменитого Задонского монастыря я нашел много всевозможных документов, в которых Булавинское восстание обрисовывалось как бунт против петровских реформ, поднятый на Дону беглыми стрельцами и раскольниками. Святейший синод прямо предлагал духовенству «рассматривать булавинский бунт как именно раскольническое движение».

А воронежские историки Дольник и Второв, работавшие в середине прошлого столетия над местными булавинскими документами, определяли причины восстания следующим образом: «Во время тяжелой борьбы Петра Великого со шведским королем Карлом XII Мазепа, гетман малороссийских и запорожских казаков, прельщенный обещаниями Карла и в надежде сделаться независимым владельцем, изыскивал средства к привлечению на свою сторону донских казаков. Не смея еще действовать открыто, он тайно избрал в соумышленники донского походного атамана Кондратия Булавина, который тогда охранял границы со стороны Донца и города Бахмута, где донское войско имело соляные варницы... Булавин под тайным покровительством Мазепы набирал в Малороссии и Запорожье всякую сволочь, отсылая их в свои отряды, скрывавшиеся в степях за Миусом...»

Подобные свидетельства на первых порах сильно смущали. Герой моих детских лет обрстал бородой раскольника, и меркла слава его, когда думалось о возможной близости атамана с предателем гетманом. Впрочем, как только я получил возможность ознакомиться с булавинскими материалами, хранившимися в центральных архивах, стала ясна лживость вышеприведенных свидетельств.

Царь Петр, укреплявший государство в интересах по-

мещиков и нарождавшегося российского купечества, первым понял, что жестоко подавленное им народное восстание, имена его вождей будут долгие годы возбуждать вольнолюбцев, и поэтому принял меры к тому, чтоб скрыть правду о размахе восстания и чтоб «о злом воровстве донских казаков» вообще поменьше говорили. Петр не разрешил даже воронежскому епископу предать Булавина анафеме, справедливо полагая, что эта поповская затея будет вызывать излишние и опасные толки в народе.

После Петра правительство продолжало замалчивать антикрепостническую сущность Булавинского восстания, умышленно стараясь очернить личность Кондратия Булавина, производя его и в «дурня», и в «раскольника», и в «агента Мазепы».

На Дону, где домовитое богатое казачество превращается в подлинный оплот самодержавия, тоже боялись правды.

Только после Октябрьской революции, когда были распечатаны архивные секретные документы, появилась возможность исторически правдиво воссоздать картину Булавинского восстания и образы его вождей.

И хотя до сей поры нет ни одной сколько-нибудь полной биографии Кондратия Булавина, однако место, которое он имеет право занимать среди других вождей крупнейших народных восстаний, ныне достаточно точно определилось.

«Трудовой народ — крестьяне и ремесленники — не только строили и создавали материальную культуру, — писал М. Горький, — но, начиная с восстания рабов против римского дворянства, стремились вырвать власть над своей жизнью из рук дворян. «Альбигойские войны» против феодальной римской церкви, восстание «жаков» вокруг Парижа в 1358 году, восстание кузнеца Уота Тайлера, крестьянские войны в Германии 1524—1525 годов, восстание Ивана Болотникова в начале XVII века, Степана Разина при втором царе Романове, бунт Кондратия Булавина при Петре, поход Емельяна Пугачева на Москву — вот главные битвы крестьянства против бояр, дворян, помещиков»*.

Причины Булавинского восстания, охватившего весь Донской край, Слободскую Украину, Нижнее и Среднее Поволжье и многие уезды Русского государства, кроются

* М. Горький. История деревни. — «Большевик» № 14, 1936 г.

в весьма сложной обстановке, которая образовалась на Дону в начале XVIII века.

После взятия Азова и заключения в 1700 году мирного договора с Турцией старинные права донского казачества начинают сильно ущемляться московским правительством. Казакам строжайше запрещаются «своевольные» нападения на турецкие и крымские земли, окончательно закрывается выход в Азовское и Черное моря, ограничиваются торговые связи.

Вскоре особым указом казаки лишаются рыбного лова «по реке Дону и до реки Донца, также и на море и по запольным речкам», ибо «велено в тех местах рыбу ловить азовским жителям». Затем следует запрет на порубку и торговлю лесом, «утесняют» казаков и в разработке соляных промыслов. В то же время казаков заставляют нести непривычную для них гарнизонную службу в Азове и во вновь построенном городе Троицком, обязывают принять на себя тяжелую по тем временам «почтовую гоньбу» от Азова до Валуек и Острогожска, для чего по этим шляхам было переселено с Дона около тысячи казацких семейств.

Казаки шумели, роптали, но попробуй послушаться, когда почти рядом, в Троицком, сидит и зорко за всем наблюдает энергичный и хитрый губернатор Иван Андреевич Толстой, под рукой у которого и сильная крепостная артиллерия и несколько солдатских полков.

Не менее чувствительно тревожили казаков бесконечные, с каждым годом все более настойчивые требования московского правительства о высылке всех «новопришлых» людей, бежавших с государевых работ и от помещиков на Дон и поселившихся здесь после Азовских походов.

Грозная опасность высылки и беспощадного наказания нависла над десятками тысяч беглых ратных и работных людей, боярских холопей и крестьян, над «голытьбой», оседавшей главным образом в верховых донских, донецких и хоперских городках. Но и низовому «домовитому» казачеству и «старожилам» казакам царские указы были не по душе.

Зажиточное низовое казачество давно утратило воинственный пыл, занималось сельским хозяйством, промыслами, торговлей. Беглый голутвенный люд поставлял дешевую рабочую силу. За кусок хлеба и дырявый зипун от зари до зари батрачили у низовых казаков беглые кре-

стьяне российские, пахали землю, пасли скот, ломали соль в бердянских и бахмутских соляных озерах. А иной раз предприимчивые хозяева составляли из голытьбы отряды, вооружали, посылали их в разбойничьи набеги на калмыков, ногайцев, крымчан, а то и на Волгу грабить русские торговые караваны, причем добрая полovina добычи доставалась хозяевам. Понятно, что природному казачеству не было никакого расчета выдавать беглых людей.

Царские указы о своде всех самовольно построенных верховых городков и сыске беглых оставались невыполненными. Казацкая старшина неизменно отписывалась, будто «верховые те городки построены в прошлых, давних годах, до твоего, великого государя, указу и до Азовской службы, а населены они старожилыми казаками, а не вновь пришлыми русскими людьми».

В 1703 году на Дон для сыска беглых были отправлены царские стольники Максим Кологризов и Михайла Пушкин, затем несколько воронежских дворян-сыщиков под начальством Никиты Бехтеева, но казаки сумели предупредить и «ухоронить» беглых. Кологризов и Пушкин, побывав в пятидесяти донских городках, «пришлых ратных и всяких чинов служилых людей и беглых боярских холопей и крестьян не изъехали ни одного человека». Поиски Бехтеева также окончились неудачно.

Однако никакие хитроумные уловки казацкой старшины не могли обмануть царя Петра. Он отлично знал, что бегство на Дон не утихало, а усиливалось и что донские казаки всячески этому потворствуют.

Воронежские помещики жаловались:

«Крестьянишки наши, покидая поместья и домишки свои, разошлись безвестно и разбежались на Дон и на Хопер и ныне бегают непрестанно, а подговаривают и провожают таких беглых людей на Дону донские казаки».

Полковник Изюмского полка Федор Шидловский доносил:

«Чугуевцы, харьковцы, золочевцы, змеевцы, моячане, служилые и жилецкие люди многие, оставляя дома свои, с женами и детьми, а иные оставляя жен своих, явно идут на Дон и в донецкие казачьи городки».

Воевода белгородский сообщил:

«Полковые и городские всяких чинов люди и их крестьяне, покинув свои поместные земли и всякие уголья и

дворы и животы, не хотя его великого государя службы служить, и податей платить, и устроения морских судов, и у стругового дела, и у лесной работы, и в кормщиках, и в гребцах, и у сгонки на плотах быть, бегут на Дон».

Особенно тревожили царя Петра донесения о бегстве рекрутов из вновь создаваемых воинских частей и рабочих людей со строительства Воронежских верфей, Таганрогской крепости и других оборонных сооружений. Шведские войска стояли на рубежах отечества. Дорог был каждый солдат, нужен был каждый работник. И в конце концов огромное скопление беглых на Дону создавало напряженное положение в тылу.

Политика донского казачества вызывала у царя все большее негодование. Терпение Петра истощилось. Он решил перейти от слов и увещаний к действию...

Заств первая

Я

I

рким, солнечным утром 2 сентября 1707 года* в столицу донского казачества Черкасск вошел походным маршем большой отряд драгун под начальством полковника князя Юрия Владимировича Долгорукого. Во второй половине дня на соборной площади собрался шумный вой-

* Все даты указаны в книге по старому стилю.

сковой круг. Княжеский писарь огласил царский указ:

«Господин Долгорукий! Известно нам учинилось, что из русских порубежных и из иных разных наших городов, как с посадов, так и уездов, позадонские люди мужики разных помещиков и вотчинников не хотят платить обыкновенных денежных податей и, оставя прежние свои промыслы, бегут в разные донские городки, а паче из тех городков, из которых работные люди бывают по очереди на Воронеже и в иных местах. И забрав в зачет работы своей наперед лишние многие деньги, убегают они и укрываются на Дону с женами и с детьми в разных городках; а иные многие бегают, починя воровство и забойство. Однако ж тех беглецов донские казаки из городков не высылают и держат в домах своих. И того ради указали мы ныне для сыску оных беглецов ехать из Азова на Дон вам без замедления. Которых беглецов надлежит тебе во всех казачьих городках переписав, за провожатыми, с женами и с детьми, выслать в те города и места, откуда кто пришел. А воров и забойцев, если где найдутся, имая отсылать за караулом в Москву или в Азов...»

Писарь не успел еще закончить чтения, как казаки, среди которых было немало голутвенных, закричали:

— Нет у нас беглецов, нет забойцев! Сыска на Дону не доვволим! Не бывать тому, не бывать!

Долгорукий нахмурился, схватился непроизвольно за эфес сабли и тут же отдернул руку. Приходилось сдерживаться. Азовский губернатор Толстой предупреджал, что раздражать казачью толпу опасно.

Долгорукий перевел взгляд на стоявшую близ него казачью старшину. Почему они кажутся смущенными? Вот с булавой в руках коренастый рыжебородый войсковой атаман Лукьян Максимов. Он упорно прячет глаза под наспуленными мохнатыми бровями и порой тихо вздыхает. Вот Зерщиков Илья, не раз ходивший в атаманах. Смуглолицый, с черной в проседи бородкой, вглядывается он в крикунов чуть прищуренными вороватыми глазами, а своего отношения к тому, что происходит, ничем не выдает. Вот богатейшие низовые старики Ефрем Петров, Абрисим Савельев, Никита Саломат, Василий Поздеев. О них азовский губернатор отзывался с похвалой, как о наиболее верных. Это они два года назад, «усердно служа и радея государю», удержали донских казаков от «помощи» астра-

ханским бунтовщикам. А сейчас эти старики тоже стоят опустив головы и молчат. Странно!¹

Казаки между тем все более распалялись и буйствовали. Припоминались древние государевы обиды. Поднимались кулаки, слышались угрозы.

— Не дадим казацкой старины рушить!

— Побьем дворян и сыщиков!

Долгорукий не вытерпел, перебил крикунов:

— Не слушайте воров, казаки! Велик и страшен в гнев государь!

Кто-то из круга отозвался с насмешкой:

— Сапог велик лишь на ноге, да мал под лавкой! Не дюже нас испугал!

Долгорукий, позеленев от гнева, шагнул к старшинам.

— Вы что же молчите, старики? Иль заодно с врагами царскими? Добро, добро, попомним!

Зерщиков, подавив неприметную усмешку, промолвил:

— Взбаламученного моря словами ни нам, ни тебе не утишить, высокородный князь...

Долгорукий вспылил:

— Ваше попустительство, старшины, во всем я вижу. Велите крикунов немедленно разыскать — да в кандалы! Нечего смутьянов и воров щадить!

Степенный и благообразный Ефрем Петров выдвинулся вперед, почтительно поклонился.

— Напрасно худое про нас мыслишь, князь. Мы воров не жалуем, служим великому государю по чести, да, сам рассуди, стоит ли сие в кругу войсковом выказывать? Ты изловишь на Дону главарей да отсель и отбудешь, а нам тут жить... Казаки же усердья нашего к тебе не позабудут.

Войсковой атаман наклонился к князю и вкрадчивым, тихим голосом совсем успокоительно добавил:

— Мы, твое сиятельство, от помощи тебе не уклоняемся. И стариков дадим для сыска беглых и пущих заводчиков, коих знаем, укажем. Только шуметь о том в Черкаске не след, — тебе прибытка не будет, а нам, верно Ефрем сказывал, опасно... Близ своей норы лиса на промысел не ходит.

Доводы стариков казались убедительными. Ссориться с донской вольницей домовитым низовым казакам нельзя.

¹ Постраничные примечания автора смотри в конце книги.

Домовитые могут помогать лишь тайно. Пусть будет так!

Долгорукий согласился. В тонкостях казацкой дипломатии он разбирался плохо.

По совету войскового атамана Долгорукий со всем отрядом направился на Северный Донец. Там в верховных городках, и в лесных скитах, и в степных балках особенно много укрывалось беглых. Сопровождали князя самые знатные и усердные старики Ефрем Петров, да Абросим Савельев, да Никита Саломат, да Григорий Матвеев, да Иван Иванов².

II

А в Черкасске тем временем созрел заговор. Войсковой атаман Лукьян Максимов и бывший войсковой атаман Илья Зерщиков непрерывно совещались с наиболее преданными им низовыми и старожилыми казаками.

Сыскная экспедиция Долгорукого явно не походила на прежние. Стольники Кологривов и Пушкин, приезжавшие пять лет назад на Дон, никакой воинской силы не имели, рассчитывая лишь на помощь получавшей царское жалование казацкой старшины. К тому же столтники (а также прибывший вслед за ними воронежский дворянин Бехтеев) были довольно добродушны, доверчивы и ленивы, не отказывались от подарков и угощений, — не удивительно, что проведенные ими розыски закончились так, как желали того войсковые старшины.

Долгорукий держал себя иначе. Он твердо знал, что донские городки полны беглым людом. Именной царский указ обязывал действовать решительно, и горячий, храбрый князь, привыкший к военной точности, медлить не собирался. А полагался он главным образом на своих драгун, не преминув старшинам намекнуть, что азовский губернатор Толстой в случае необходимости может прислать и дополнительную воинскую силу. На установление приятельских отношений с надменным князем старшинам рассчитывать не приходилось.

Значит, и сыск беглых на этот раз обычными казацкими хитростями приостановить было нельзя... Донскую гольтубу ожидали виселицы, плети, каторга и вновь крепостная неволя; домовитых, старожилых казаков — лишение всех выгод, получаемых обычно от укрытия беглых; казацкую старшину — гнев крутого и скорого на расправу царя Петра. Ведь удачный сыск беглых неопровержимо

уличил бы войскового атамана и старшин в долголетних заведомо ложных отписках, в измене его царскому величеству, и, кто знает, не придется ли за это распроститься тихому Дону с последними вольностями.

Недовольство сыском князя Долгорукого объединяло все слои донского казачества. Мысль о том, чтоб известить князя, зародилась в горячих головах еще в то время, когда Долгорукий находился в Черкасске. Но голытьба выражала свое желание открыто, домовитые казаки держали его в строгой тайне. Верное старым обычаям «себя не марать и загребать жар чужими руками», домовитое донское казачество, опасаясь возможного подозрения в соучастии, не допустило в Черкасске нападения на Долгорукого. Пусть расправляется с князем голытьба где-нибудь подальше от Черкаска!

Совет Долгорукому ехать на Северный Донец, где наблюдалось наибольшее скопление беглых, дан был войсковым атаманом не без умысла. Авось найдутся там охотники покончить с князем. И еще лучше, если притом поплатятся головами сопровождающие князя старшины: войсковому атаману хорошо известно, что эти верные царю люди давно подозревают его, Лукьяна Максимова, и Илью Зерщикова в тайных сношениях с голытьбой и могут, чего доброго, написать донос в Москву.

Долгорукий и сопровождавшие его войсковые старшины не успели еще доехать до северодонецких верховых городков, а уж там тайные посланцы войскового атамана предупреждали беглых «хорониться по лукам» и «наклика-ли вольницу убить князя».

И беглые хоронились. Но «накликать вольницу» для убийства князя Долгорукого оказалось не так-то просто. Нужен был предводитель, атаман, пользовавшийся доверием голутвенных и вместе с тем послушный войсковой старшине, обладающий к тому же известным воинским умением, — ведь у Долгорукого под рукой были офицеры и солдаты регулярной армии. Черкасские заговорщики упорно ломали головы над тем, как и где найти такого предводителя.

Во второй половине сентября с Северного Донца в Черкасск примчался атаман Старо-Айдарского городка Семен Алексеев, известный больше под кличкой Дранный.

Этому высокому и подвижному казаку с умными серыми глазами и негустой русой бородкой давно перевалило

за сорок. Некогда, молодым парнем, не стерпев издевательств помещика, он поджег барский дом и бежал на Дон. Несколько лет батрачил у низовых казаков, затем построился в Старо-Айдарском городке и, считаясь старожилом, вполне мог сыска не опасаться. Но никогда не забывал Семен ужасов крепостной неволи — до сих пор напоминали о ней нывшие в непогоду страшные рубцы на теле — и, люто ненавидя господ и бояр, всегда сочувственно относился Дранный к беглому люду, искавшему приюта на донских и донецких реках. Увидев, как жестоко расправляются драгуны Долгорукого с беглыми, Семен возмутился и, зная, что многие черкасские старшины настроены против князя, решил просить их совета и помощи.

Был поздний вечер. Слюдяное оконце куреня Ильи Зерщикова тускло светилось. Привязав у крыльца взмыленного коня, Семен нетерпеливо постучал в дверь. Зерщиков был один и еще не ложился спать. Впустил Семена в горницу, завесил оконце. Потом из расписного турецкого глиняного жбана, стоявшего на столе, налил чашу хмельной домашней браги, протянул гостю. Тот не отказался.

— Будь здоров, Илья Григорьич!

Зерщиков, выждав, пока чаша была осушена до дна, произнес:

— Ну, рассказывай, друже мой Семен, с чем приехал?

Семен сразу загорячился:

— В верховье донецком огнем и кровью сыск чинит князь Долгорукий... Станицы многие драгуны сожгли дотла. Под кнут и плети без разбора кладут и новопришлых и старожилых казаков. Губы, уши и носы людям режут. Младенцев по деревьям вешают. А жен и девок берут в солдатскую постель! — Атаман задохнулся от негодования и, смахнув рукавом кафтана капельки пота с загорелого лица, докончил: — Сил боле нет терпеть сыскные лютости, Илья Григорьич!

— А вы чего ж терпите? — отозвался с легкой усмешкой Зерщиков. — Не бабы все-таки, казаки... Дали б по башкам обидчикам, чтоб и ныне и впредь неповадно было над людьми изгиляться...

— Самому думается так-то, — вздохнул Семен, — да неспособно, вишь ты, с пустыми руками супротив царских солдат...

— Ружья-то, чаю, у многих найдутся?

— Ружья-то найдутся... Пороха и свинца нет,

— За сими припасами остановы не будет,— сказал Зерщиков.— Прости войскового атамана, чтоб отпустил их вам для охоты на волков, коих ныне в донецких лесах видимо-невидимо развелось... Не поскупимся, будь надежен. Волки-то всех страшат. Да сам и берись за облаву.

Старая манера Зерщикова говорить осторожности ради несколько иносказательно была Семену известна. Предложение не вызвало удивления. Думалось и об этом. Но сможет ли он, неграмотный мужик, обдумать все тонкости такого трудного дела, как нападение на вооруженный армейский отряд? Покачав головой, признался честно:

— Не гожусь я для этакого, Илья Григорьич... Иной атаман нужен, похитрей да посмекалистей.

Зерщиков укоризненно качнул головой.

— Вот все вы этак... На майданах глотки до ушей дерете, а пришла нужда за старые казацкие права и вольности постоять, нет никого...

Обидные слова задели Семена за живое.

— Не тревожь зря мою душу, Илья Григорьич. Всегда готов я за правду стоять. И ныне отсиживаться на печи не собираюсь, потому сюда и приехал... А об ином, более разумном, атамане для общей пользы говорю...

Зерщиков слегка передернул плечами, перебил сердито:

— Где его взять, иного-то? Пока отыщется, Долгорукий все верховые городки спалит, со всех вас, верховых казаков, шкуру спустит...

— Это еще как бог даст,— возразил Семен,— а то, глядишь, и не успеет.

— Успеет, коли до сей поры и на примете никого нет, кто взялся бы князя окоротить...

— Есть на примете, Илья Григорьич,— тихо отозвался Семен.— По мне лучшего желать не надо. Как только вам, старшинам, глянется?

— Это... кто же?

— Кондратий Афанасьич.

— Бахмутский атаман? Булавин?

— Он самый... Всем ведомый защитник старинных казацких прав...

Зерщиков крепко задумался. Старожилого, предприимчивого, смелого казака из Трехизбянской станицы Кондратия Булавина он знал давно. Вместе были в Азовских походах, вместе ставили на речке Бахмуте первые соляные

варницы, приносившие им немалый по тем временам доход. А потом заводить солеварни на Бахмуте стали другие низовые казаки и вскоре само собой возник здесь городок, жители которого состояли из донских казаков — владельцев солеварен и работавших на них беглых, стекавшихся сюда со всех сторон. Атаманствовал в городке Булавин.

Донские казаки одновременно захватили и пустовавшие богатейшие угодья, леса, сенокосы, рыбную ловлю и пасеки на Бахмуте и соседних речках Жеребце и Красной, впадавших в Северный Донец. Но спокойно владеть этими промыслами и угодьями казакам не пришлось. Вблизи находился Изюмский слободской полк, начавший вытеснять казаков из этих привольных мест. Тогда Зерщиков, бывший войсковым атаманом, тайно разрешил Булаvinу создать из верховых новопришлых людей вооруженный отряд для охраны казацких промыслов и угодий³.

Борьба между казаками и изюмцами разгорелась остро, часто доходя до кровопролитных стычек. Пять лет назад по приказу изюмского полковника Шидловского сотник Федор Черноморец с солдатами внезапно напал на Бахмут, разорил его и уничтожил казацкие солеварни. Булавин и казаки не остались в долгу, они сожгли соляной городок, построенный изюмцами⁴.

Москва в этом споре держала руку изюмского полковника. На Бахмут для описи захваченных казаками земель и угодий был послан дьяк Алексей Горчаков. Булавин опись производить не позволил и, продержав дьяка несколько дней под стражей, выпроводил ни с чем обратно. Все это осуществлялось с ведома войскового атамана и старшин и одобрялось ими. Отношение к Булаvinу было самое благожелательное.

Однако, имея под рукой вооруженных гулятьев, чувствуя поддержку широких слоев казачества, бахмутский атаман все более и более выходил из подчинения донской старшины. Он отказывается выполнить приказ войскового атамана о высылке в Черкасск двух беглых, подозреваемых якобы в ограблении богатого донского мельника, не считает нужным обращать внимание на другие требования черкасской старшины.

Не удивительно после этого, что войсковой атаман и старшины резко изменили свое отношение к Булаvinу. На войсковом «совете добрых сердец» уже заходила речь о Кондратии Афанасьевиче, и большинство старшин отвергло

возможность какого-либо сговора с ним. И Зерщиков признавал, что для такого отношения к Булавину у старшин есть основание. Вступив в тайный сговор с войсковой старшиной, укрепив свои силы, своевольный атаман может оказаться весьма опасным... Попробуй угадать, что у него на душе.

Но, с другой стороны... Кто же еще способен быстро покончить с Долгоруким, прекратить сыск? Время не ждет, не ждет время! А если потом, успешно совершив нападение на сысковой отряд, Булавин учинит какую-нибудь дурость, разве нет средств обуздать своевольца?

В голове Зерщикова, превосходно освоившего все хитрости казацкой дипломатии, зарождались уже какие-то смутные мысли... Впрочем, это для себя, только для одного себя! А вслух, глядя прямо в глаза Семена, он медленно произносит:

— Что ж, спорить с тобой не хочу... Я давний благожелатель Кондрата, казак он справный, в воинском деле разумный... Пусть собирает вольницу и порешит злую волчью стаю. Я ж всегда помогать вам готов, будьте в надежде.

— В тебе не сомневаемся, Илья Григорьевич, да только гутарил я с Кондратом... Первей всего согласия войскового атамана он желает...

Зерщиков, расправляя собравшиеся на лбу мелкие морщинки, заметил:

— Съехаться им нужно... Хотя, таить нечего, в большой обиде Лукьян Васильевич на Кондрата, непокорство и своевольство его глаза колют...

Семен, перебивая, спросил:

— А съезжаться-то где лучше?

— В Черкасске. Ныне тут тихо, никаких помех не будет. Стариков-то, кои нам вечно противостоят, войсковой атаман отослал с князем...— Зерщиков передохнул, прищурился, потом добавил:— Скажи Булавину, чтоб потише держался при встрече с войсковым.

— Беспременно скажу,— поняв намек, улыбнулся Семен, прощаясь с хозяином.

III

Трехизбянская станица затаилась от посторонних глаз в лесном овраге. Второй день не переставая лил дождь. Дороги и тропы сплошь покрылись водой, сделались не-

проходимыми. Станичники, большая часть которых состояла из новопришлых, осенней непогоды были рады: вряд ли сейчас потревожат их рыскавшие по донецким шляхам княжеские драгуны.

Кондрат Булавин, живший последние дни в Трехизбянской, лежал, прикрывшись овчиной, на полатах в старой отцовской избе, грязноватой и холодной. Печь топилась по-черному, сырые дрова разгорались плохо. Проворная черноглазая дочь Галя, творившая тесто у печки, поминутно вытирала рукавом сарафана слезившиеся от дыма глаза.

Кондрата знобило, встать не хотелось. Да лежать и думать лучше. А подумать есть о чем! Неделю назад, будучи в Черкасске у войскового атамана, он успешно обо всем договорился. Лукьян Васильевич одобрил нападение на Долгорукого, послал от себя «возбуждательные» грамоты атаманам верховых городков, выдал из войсковых складов порох и свинец. Две сотни конных вооруженных людей, собранных в Ореховом буераке, близ Ново-Айдарской станицы, готовы выступить по первому знаку. Разведчики-доброхоты следят за каждым шагом князя. Все как будто ладится. И все же на душе у атамана беспокойно...

Кондратию Афанасьевичу исполнилось тридцать семь лет. Отец, как все казаки из беглых холопов, отличался свободолюбием, принимал участие во всех донских смутах, ходил шарпальничать на Волгу со Степаном Разиным и до конца дней своих оставался истым разинцем. Прозвище «Булавин», как говорили, получил отец потому, что, будучи при Разине, хранил его атаманскую булаву. Может быть, желая почтить память любимого атамана, а может быть, и всерьез, покойный отец утверждал, будто Кондрат появился на свет 6 июня 1671 года, в день, когда в Москве на Красной площади сложил свою буйную головушку батюшка Степан Тимофеевич.

Бесконечные разговоры о Разине, его походах и удачах, слышанные в детстве, глубоко запали в душу впечатлительного мальчика. Игры со сверстниками носили отпечаток легендарных рассказов. Кондрат с ранних лет атаманствовал и рубил головы боярам или, собрав станичных казачат, отправлялся с ними в степь, где разрывали курганы в поисках клада. А позднее, когда сверстники подросли, не раз гонялись они во главе с Кондратом за татарскими и ногайскими разведчиками, выискивавшими близ казачьих станиц легкую добычу.

Сейчас, лежа на полатах, вспоминая о своем детстве, Кондрат невольно, в который уже раз, возвращался к мыслям о том, что, возможно, отцовские слова о дне его рождения имеют некое пророческое значение. Кондрат не чуждался суеверий. А в том, что теперь на Дону затевалось, ощущалось что-то грозное, тревожное...

Донские казаки, и он, Кондрат, в их числе, хотели сделать окорот слишком чувствительным посягательствам Москвы на старые казацкие права и вольности, прекратить всем немилый сыск и жить по-прежнему. При этом учитывалось напряженное положение в стране, вызванное продолжавшейся войной со шведами. Вся русская армия была на границах. Карательных войск для посылки на Дон собрать царю негде. Обострять отношения с донским казачеством московскому правительству невыгодно. Следовательно, строгого возмездия за нападение на сыскной отряд Долгорукого ожидать нельзя, все ограничится обычной длительной перепиской посольского приказа с войсковой старшиной. Так успокоительно размышляли все казаки.

Однако Кондрат знал, что московское правительство возглавляется сейчас энергичным, умным царем Петром. Кондрат видел его под Азовом, видел, как Петр, огромный и суровый, засучив рукава, помогал солдатам разгружать корабли, как потом, под огнем турецких пушек, хладнокровно распоряжался боем, не выпуская из рта трубки.

Петр не чета прежним слабовольным боярским царям, его вокруг пальца не обведешь. Кто знает, что он предпримет, узнав о нападении на сыскной отряд? Дело может иметь самые непредвиденные последствия...

Кондрат сознавал это и все же от принятого решения отказываться не собирался. Отстаивая долгие годы права донского казачества на бахмутские промыслы и уголья, Кондрат сдружился с верховым и голутвенным человеком, составлявшим самую верную его опору. Разве мог он оставаться безучастным к сыскным неистовствам, которым подвергались сейчас голутвенные?

А в Черкасске старый дружок Илья Зерщиков открыл, что помимо сыска беглых, царь приказал Долгорукому произвести строгий розыск по жалобе изюмского полковника Шидловского, бахмутские промыслы и уголья у донских казаков описать и найти виновников, посадивших в прошлом году под караул дьяка Алексея Горчакова. И этот настырный поганый дьяк по царскому указу снова сейчас

едет на Бахмут, чтоб старую вражду между изюмцами и донскими казаками «успокоить и искоренить», и грозитя своего обидчика, бахмутского атамана, заковать в кандалы.

Кондрат мрачно вздыхает. Стало быть, так или иначе нужно защищаться, нужно действовать. Он предугадывал надвигающиеся грозные события, но не мог их предотвратить. И тут снова одолевают Кондрата думы о своих близких, родных...

Булавиных было четыре брата. Старший, Петр, давно ушел на Кубань, женился на черкешенке, обзавелся семьей, стал кубанским казаком. Второй, Аким, разбогатевший на торговле рыбой и солью, проживал в Рыковской станице под Черкасском. Третьим был Кондрат. Самый младший, Иван, неженатый добродушный тридцатилетний казак, жил-тествовал в Трехизбянской.

Отцовской избой владели Кондрат и Иван совместно, но большую часть года она стояла заколоченной. Иван занимался охотой и бортничеством, с весны до осени не покидал дальней пасеки, а зимой бродил с ружьем за плечами по донецким лесам и буеракам, появляясь в станице лишь на короткое время. Кондрат имел хорошую постройку на Бахмуте, где обычно и жил вместе со второй женой Ульяной и детьми от первого брака, невестившейся дочерью Галиной и тринадцатилетним сыном Никифором.

С Ульяной Кондрат жил не особенно дружно. Дочь богатого бахмутского казака-солеваря, она относилась к связям мужа с верховой вольницей недоброжелательно, становилась все более раздражительной... Впрочем, во многом виноваты были дети, обожавшие отца и не прощавшие мачехе ни одного худого о нем слова, ни одной размолвки с ним.

Недавно Ульяна, бывшая на сносях, отправилась рожать к вдовой своей сестре, жившей под Белгородом. Кондрат, опасавшийся, как бы возвращающийся в Бахмут озлобленный дьяк Горчаков впрямь не причинил бы ему зла — старые недруги изюмцы охотно бы помогли в том, — отпустил жену с легким сердцем, а сам с детьми переселился в родную станицу.

Теперь и здесь становилось небезопасно. Долгорукий мог проведать о готовящемся на него нападении и обрушить внезапный удар на Трехизбянскую. Если же этого и не произойдет, то все равно начинающаяся заварушка чревата всякими случайностями и лучше всего брата Ива-

на, Никифора и Галю отправить отсюда в Рыковскую к брату Акиму...

— Тятя, ты что, оглох, что ли?— прервала размышления отца подошедшая к нему дочь.— Вставай, говорю, пироги-snидать, пока горячие...— И, взглянув ему в лицо, добавила участливо:— Аль занедужил ты, тятя?

Кондрат поднялся, ласково обнял Галю.

— Ты и Никиша меня заботите, донька... Смутно ныне в донецких станицах, сама ведаешь. Не годится вам тут оставаться. Придется к дяде Акиму ехать.

— Никуда я от тебя отлучаться не хочу,— решительным тоном возразила Галя.

— Эх, глупая какая!— досадливо отозвался Кондрат.— Да я бы сам с тобой никогда не разлучался, кабы можно было... А коли нельзя?

— А пошто? Я ж не пугливая, тятя... Коли драгуны сюда налетят, я и стрелять и рубиться могу...

— Да не девичье это дело, сама посуди. Докуку лишнюю чинишь ты мне, донька...

В глазах у Гали заблестели слезы. Отец снова привлек ее к себе.

— Юлно, полно, не навек наша расстань, ясынька. Минет скоро смута — опять вместе будем...

И чуть погодя спросил:

— А где же Никиша? Я, признаться, крепко заснул под утро, не слыхал, как он поднялся...

— Затемно с дядей Иваном отправились капканы на лисиц ставить...

— Эка нашли время!— укоризненно покачал головой Кондрат.— Ну, да мы их ждать не будем... Корми пирогами-то своими, донька, и все, что в печи — на стол мечи! Да квасу холодного дай!

...В полдень приехал в Трехизбянскую станицу Семен Дранный с сыном Михаилом, следом явились есаулы верховой вольницы Григорий Банников, Филат Никифоров, старик Иван Лоскут и беглый коротоякский подьячий, взятый Булавиным для писарских дел. Обсудив положение, все сошлись на том, что пришла пора действовать.

Долгорукий, не встречая нигде противодействия, допустил оплошность: разбил свой отряд на несколько частей и отправил их для сыска в разные стороны, а сам со старшинами, имея под рукой всего сорок драгун при четырех офицерах и небольшой казачий конвой, свернул вчера с

Донца из станицы Явсужской на реку Айдар и ночевал в Ново-Айдарской, где успел схватить полтора человека застигнутых врасплох беглых.

Кондрат соглашался, что оплошкой Долгорукого следует воспользоваться. Да и трудно отыскать более удобные для нападения места, чем разбросанные по Айдару, окруженные густым лесом городки. А ко всему этому именно здесь укрывалась собранная Булавиным вооруженная верховая вольница. Долгорукий словно нарочно сам лез в западню.

В Старо-Айдарской станице остановился посланный сюда Долгоруким другой сыскной отряд под начальством офицеров Афанасия и Якова Арсеньевых, и Семен Драный предложил произвести нападение одновременно на оба отряда.

Кондрат с товарищами продолжали еще держать совет, когда в избу ворвался забрызганный с ног до головы грязью никому неведомый паренек с вздернутым носом и белобрысым чубом, выбившимся из-под старой казацкой шапки.

— Кто тут атаман Булавин будет? — произнес он, сбрасывая шапку и смело всех оглядывая.

Казаки переглянулись. Семен Драный спросил:

— А ты кто таков?

Парень вытер рукавом мокрый лоб, улыбнулся:

— Не пужайся, дяденька... Свой я... Панька Новиков из Шульгина городка...

Кондрат вышел вперед, сказал:

— А кем и с чем послан? Я Булавин, рассказывай не таясь.

Панька с нескрываемым любопытством посмотрел на него, потом достал запрятанную под кафтан бумагу и, передавая Булавину, пояснил:

— Нашим шульгинским атаманом Фомкой Алексеевым писана.

Банников, знавший шульгинского атамана как верного слугу казацкой старшины, насторожился:

— Смотри, Кондратий Афанасьич, может, хитрость какая? Ты вслух чти...

Кондрат прочитал. Шульгинский станичный атаман уведомлял старшину Абросима Савельева, находившегося при князе, что вольница атамана Булавина, укрытая в Ореховом буераке, умышляет вскоре убить князя Юрия Владимировича Долгорукого и всех, кто с ним...

Банников, прослушав, закрипел зубами:

— Ну, Фомка, берегись! Вытрясем из тебя подлую душу!

Кондрат обратился к Паньке:

— Ты от кого письмо получил?

— Фомка сам отдал. Поезжай, говорит, борзей в Ясужскую, вручи старшине Абросиму Савельеву. А я коня туда не погнал, а своротил в Ореховый буерак...

— Пошто так? Фомка небось тебе не открывал, о чем в бумаге-то писано?

— Я сам грамоту разумею, — улыбнулся Панька. — А в Ореховом буераке шульгинский наш казак Стенька... Вот ему бумагу я и показал, а он сюда меня послал...⁵

— Спасибо, хлопец, — дружески потрепав парня по плечу, промолвил Кондрат, — служба твоя многого стоит. А теперь скажи обратно, скажи шульгинскому атаману, что письмо старшине Абросиму Савельеву ты отдал...

— А ежели старшина тот в Шульгине? — задал вопрос Панька и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Стенька сказывать велел, что Долгорукий князь обоз свой из Ново-Айдарской в Шульгин городок гонит... ночевать у нас будет...

— Ну, коли так, с нами оставайся... Вечером в Орехов буерак поедом. Ступай коня кормить.

Панька вышел сияющий. Кондрат объявил:

— Более нам выжидать нельзя, братья. Слыхали сами: тайный наш умысел открыт. Фомка не успел предать вчера — предаст сегодня. Отступаться поздно. Ты, Семен, — обратился он к Драному, — справляйся у себя в станице, я ж с вольницей из Орехового буерака двинусь в ночь на Шульгин городок... Наш час пришел! Отплатим супостатам за утеснения, чинимые казакам, за кровь и муки голытьбы!

IV

Князь Юрий Владимирович Долгорукий находился в состоянии крайней раздражительности. Побывав в десятках верховых городков, он не встречал нигде открытого сопротивления, зато убедился, с каким упорством старожилое казачество укрывает новоприспых и беглых.

Атаман Обливенского городка, старожилый казак, встретивший князя хлебом и солью и распинавшийся в верности государю, при допросе под присягой показал, что у

них в городке проживало всего человек двадцать новопришлых, но они разбежались, услышав про сыск. И лишь случайно Долгорукий выяснил, что атаман и все казаки того городка перед приездом князя «целовали крест и святое евангелие, чтоб им новопришлыми не сказываться, а сказаться старожилыми». Кнут заставил атамана повиниться. В городке оказалось только шесть старожилых казаков и свыше двухсот новопришлых.

В Беловодской, Митякинской, Явсужской, Ново-Айдарской и других станицах происходило то же самое. Верить нельзя было никому. Даже бывшие при нем усердные черкаские старшины иной раз лукавили.

Вот почему, приехав 8 октября поздно вечером с небольшим своим отрядом в Шульгинский городок, Долгорукий отнесся к сообщению атамана Фомы Алексеева о тайном умысле булавинской вольницы с недоверием и подозрением. Опять казачья хитрость! Его уже не раз пытались запугивать всякими угрожающими слухами и подметными письмами. Насторожило лишь поведение старшины Абросима Савельева, который, по словам шульгинского атамана, вчера еще был извещен о воровском умысле. Почему же он утаил это?

Долгорукий вызвал Абросима Савельева. Тот поклялся, что никаких извещений от шульгинского атамана не получал. Послали за Панькой, но его нигде отыскать не могли. Послали за казаком, котельного дела мастером, бывшим в Трехизбянской и говорившим о сборе булавинской вольницы. Казак пояснил, что сам ничего не видел, а слышал от встречного гультая, будто «собрал-де их Булавин человек полтора, чтоб князя Долгорукого убить, только-де напал на них страх и все разбежались».

Показания других казаков, на которых указывал князь шульгинский атаман, тоже основывались на толках и слухах. Ничего достоверного никто не сообщил. Долгорукий прекратил дальнейший розыск, приказав, однако, разложить на улице костры и усилить караул.

В станичной избе с Долгоруким остались ночевать майор князь Семен Несвицкий да поручик Иван Дурасов. Казацкие старшины загостевали у станичного атамана. Майор Матвей Булгаков и капитан Василий Арсеньев с подьячими и писарями расположились в казачьих дворах.

А ночь была темная, промозглая. Дул холодный север-

ный ветер. Глухо шумел и стонал лес, с двух сторон вплотную подходивший к Шульгинскому городку.

Когда господа офицеры и старшины заснули, драгуны, стоявшие на карауле у станичной избы, клевали носами и начали гаснуть огни костров, где-то близко завыл волк, и ему тотчас же отозвался другой. Сержант, начальник охраны, вздрогнул, почувствовал неладное и пошел поправить затухавший костер, но лишь только успел подложить мокрый валежник и нагнулся, чтоб поддуть огонь, как на его голову обрушился тяжелый удар дубины и сержант потерял сознание.

Сейчас же раздался оглушительный свист, грянули выстрелы, со всех сторон выскочили вооруженные ружьями, топорами и вилами люди. Драгуны были перебиты. Конвойные казаки из охраны старшин связаны.

Долгорукий и офицеры, услышав выстрелы, вскочили, схватились за лежавшие рядом пистолеты. Сонные денщики вздували огонь. Дверь находилась на крепком запоре, но ее уже выламывали. Прошли секунды. Свет вспыхнул, зачала и затрещала лучина, и это было последнее, что увидели Долгорукий и бывшие при нем офицеры. Спустя мигу обезображенные их трупы лежали у крыльца станичной избы. Булавин приказал побросать их в волчьи ямы.

Разгром сыскаго отряда и гибель Долгорукого были столь молниеносны, что с тех пор, если случалось с кем внезапная смерть, в народе говорили: «Кондрашка хватил».

Лишь одному конвойному казаку удалось предупредить о нападении булавинской вольницы ночевавших у станичного атамана казацких старшин, и они, «устрашась того, пометались на подводничьи лошади верхами без седел и побежали в степь все врозь и друг друга не сведали, кто куды побежал, а ночь была темная».

Булавин, войдя в атаманскую избу, застал там только старшину Григория Матвеева. Он лежал на койке и бился в трясовице то ли от болезни, то ли от страха.

Булавин спросил:

— Куда ж товарищи твои старшины сбежали?

Матвеев, заикаясь, ответил:

— Ох, не ведаю ничего... Свалил и скрутил меня злой недуг...

Булавин строгим голосом сказал:

— Мы не самовольно князя и будущих при нем побили, не одни о том думали, а со стариками войсковыми... Завтра дам тебе подводу, поезжай скорей в Черкасск и объяви атаману Лукьяну Васильичу, что свершили-де Булавин с товарищами расправу по его грамотам...

А у станичной избы в это время голутвенные дуванили захваченный княжеский обоз. Господскую обувь и одежду напяливали прямо на лохмотья. Из разбитых бочек вино черпали шапками. Захмелевший Панька Новиков, сжимая в руках добытое драгунское ружье, горланил:

Налетел орел на ворона,
Полетели перья в разны стороны...

Голутвенные встречали Булавина восторженно, как всеми признанного любимого атамана. И это было ему приятно и вместе с тем наполняло душу смутной тревогой. Что делать дальше? Черкасские старшины, несомненно, желали, чтоб, покончив с князем, он, Булавин, утихомирил и распустил собранную им вольницу, которая могла в конце концов напасть на домовитое низовое казачество. Булавин понимал и в какой-то степени, как старожилый зажиточный казак, разделял опасения старшин. Но, с другой стороны, убийство князя еще крепче связало его с голытьбой, требовавшей «идти в украинские города для коней и для добычи», и с этими требованиями нельзя было не считаться.

Булавин, будучи в Шульгинском городке, так и не принял никакого решения. Он явно колебался, ему не хотелось разрывать уз с донской старшиной.

Булавин отправляет в Черкасск, помимо Матвеева, еще двух казаков с донесением войсковому атаману об успешном исполнении порученного ему дела, извещает атаманов верховых городков о гибели Долгорукого и предлагает «побить до смерти» остальных офицеров, посланных к ним для сыска, но это делается в полном соответствии с желанием донской старшины. Булавин посылает своих казаков по разным дорогам, чтоб перехватить ехавшего из Воронежа дьяка Алексея Горчакова, но этот дьяк угрожал не ему одному, а всему зажиточному казачеству, бахмутские земли и промыслы которого собирался описывать.

И наконец, Булавин направляет свою вольницу под Изюм, имея явное намерение разорить владения Изюмского полка, но известно, что изюмцы старинные враги не

только Булавина, а прежде всего того же домовитого донского казачества и черкасской старшины.

Таким образом, на первых порах действия Булавина сговаривались его соглашением с войсковым атаманом, и Булавин этого соглашения не нарушал.

Острогжский казак Владимир Мануйлов с товарищем, бывшие по своим делам в Старо-Боровском городке, дали нижеследующее показание:

«Октября двенадцатого дня в том городке наехали на них донские казаки, которые забунтовали, а атаман у них Булавин, и при нем было казаков конных с пятьсот человек, да пеших столько же. И того городка атаман со всею станицею встретили его с хлебом, вином и медом, и приняли его в станичную избу. А при атамане Булавине были: один называется полковником, прозвище Лоскут, сходяец с Вулуйки, про которого сказывают, что он был при Стеньке Разине лет семь; другой называется полковником же, староайдарского атамана сын; третий называется коротояцкий подъячий. Да при них-де было человек с пятьдесят, которых называли сотниками. А остальные были около станичной избы. И в то время боровской атаман со всею станицей говорил ему, Булавину, и всем его старшинам: заколыхали вы всем государством, что вам делать, если придут войска из Руси, тогда и сами пропадете и им пропасть же будет?

И тут атаман Булавин сказал: не бойтесь-де, для того, что он то дело начал делать не просто, был он в Астрахани и в Запорожье и на Терках, и они, астраханцы и запорожцы и терчане, все ему присягу дали, что им быть к нему на вспоможение в товарищи, и вскоре они к ним будут⁶.

А ныне пойдут они по казачьим городкам в Новое Боровское, в Краснянск, на Сухарев, на Кабанье, на Меловой Брод, на Сватовы Лучки, на Бахмут. И идучи будут казаков к себе приворачивать. А если некоторые с ними не пойдут, и они-де их, назад вернувшись, будут жечь, а животы грабить. И как городки свои к себе склонят, пойдут Изюмским полком до Рыбного, и конями, ружьями и платьем наполнятся и пойдут на Азов и на Таганрог и освободят ссылочных и каторжных, которые будут им верные товарищи, потому что у них есть заобычные.

А на весну, собрався, пойдут на Воронеж и до Москвы, и идучи, которые не будут к ним уклоняться, и тех станут бить.

А Лоскут-де, которого называют полковником, говорил ему, Булавину: чего-де ты боишься, я-де прямой Стенька, не как тот Стенька без ума свою голову потерял, а я-де вож вам буду.

И боровской атаман со всею станицею склонились и передались Булавину и пошли за ним в Новое Боровское. И новоборовский атаман с казаками, его, Булавина, встретив, склонились и передались и пошли за ним же. А передались ему, Булавину, их казачьи городки по Донцу: Трехизбянский, да Старое и Новое Боровское, да Новый Айдар, Шульгин, Белянск...»⁷.

Вскоре, однако, события развернулись таким непредвиденным и странным образом, что Булавину пришлось изменить все первоначальные планы и замыслы.

V

Войскового атамана Лукьяна Максимова одолевали беспокойные мысли, и причин для этого с каждым днем становилось все больше. Булавин соглашения с ним не нарушал, никаких своевольств не чинил, но тайные соглашения доносили, что стоило лишь появиться слуху о сборе Булавиным вольницы, как во всех верховых донских, и донецких, и хоперских городках заволновалась голытьба. Имя отважного атамана передавалось из уст в уста, гулять и двигались к нему толпами. А в низовых донских станицах участились случаи неповиновения батраков домовитым казакам, драк, грабежей; у самого Лукьяна Максимова осмелевшие воровские люди отогнали из табуна полсотни лучших коней. Шатость чувствовалась повсюду. А что же будет, когда молва вознесет Булавина как избавителя от всем ненавистного сыска?

Однажды, встретив Илью Зерщикова, войсковой атаман высказал без утайки свои опасения. Зерщиков пожал плечами.

— Сыск прикончить так или иначе нужно, Лукьян Васильич... А там видно будет.

— Так-то оно так, а все же... Бережливого бог бережет. Слышал небось, сколь знатных стариков и добрых казаков при Стеньке Разине погублено?

— Сами старики были виноваты... зря поноровку давали Стеньке-то...

— Я ж о том и толкую. Боюсь крамолы. Голытьба

удержу не знает... Кабы от Кондрашкина начатка большого худа прямым казакам не учинилось.

— Не все ударит, что гремит, — отозвался Зерщиков. — Окоротить голытьбу можно, ежели шарпальничать вздумают...

Лукьян поскреб в затылке, вздохнул.

— Руки связаны. Как окоротить, ежели сами мы подсобляли вольницу на князя накликать! Коли государю о том донесут, он нас не помилует...

В вороватых темных глазах Зерщикова мелькнула лукавая смешинка:

— А мне намерении один умник шепнул, что знатно бы было и тех побить, кои князя побьют... Тогда-де и пущей смуте на Дону не бывать и государю явно станет, что вся вина на своевольной голытьбе, а донская старшина в верности пребывает... Вишь, что удумали!

Хитроумный совет войсковому атаману пришелся по душе, он довольно крикнул:

— Неплохо, кабы этак-то... да ведь не менее тысячи доброконных казаков посылать нужно, чтоб окружить их воровское собрание. Враз столько казаков не поднимешь. Калмыцкого тайшу Батыря или татар брать придется... Как мыслишь?

Зерщиков удивленно развел руками.

— Вот тебе раз! А я тут при чем? Я так просто сболтнул, к слову пришлось... Я ж на Булавина в надежде, дуровства не позволит, казак он природный. Напрасно ты...

Зерщиков превосходно знал войскового атамана. Семя брошено в благодатную почву. Теперь глаз не сомкнет Лукьян, будет обдумывать, как бы расправиться с Булавиным и его вольницей. А он, Зерщиков, останется в стороне от этого. Если удастся Лукьяну уничтожить главарей вольницы — спокойней будет жить низовому казачеству, а если осилит Булавин и погибнут вместе с войсковым атаманом поддерживавшие его старики, то он, Зерщиков, опять-таки в накладе не будет. Перед Булавиным он ни в чем виновным не окажется, может даже при случае поддержать и уж, конечно, сумеет за свои услуги поживиться угодами и добром черкасских богатеев.

Таким образом, на Дону создалось совершенно необычайное драматическое положение. Беглые хоронились от сыска, драгуны Долгорукого искали беглых, вольница Бу-

лавина выслеживала драгун, а войсковой атаман Максимов готовил предательский удар Булавину.

Спустя несколько дней в Черкасск пришло известие о гибели Долгорукого. Лукьян Максимов спешно собрал «совет добрых сердец» и объявил о своем решении выступить с войском против вольницы Булавина, чтобы «их воров и богоотступников до пущего злого намерения не допустить и злой их совет нечестивый разорить».

Под рукой у войскового атамана находилось несколько казацких сотен, да калмыцкая кочевая орда тайши Батыря, да две сотни татар.

«Совет добрых сердец» поход одобрил. Казаки учинили между собой крестное целование.

Илья Григорьевич Зершиков в совете не участвовал: его не оказалось дома, он ездил проведать брата, служившего в азовском гарнизоне.

...Была тихая, лунная, с легким морозцем ночь. Булавинская вольница раскинулась станом на Айдаре близ городка Закотного. Булавин лежал в наскоро сбитом шалаше. Последние дни он не слезал с коня, страшно устал, и все же тяжелые мысли отгоняли сон. Кондратий Афанасьевич не знал еще о предательстве войскового атамана, но смутные подозрения начали закрадываться в душу. Почему черкасские старшины упорно не желают отвечать на его донесения? И почему не возвращаются обратно посланные в Черкасск казаки?

Что-то непонятное, странное примечалось и в том, что произошло в Старом Айдаре. Попытка Семена Драного уничтожить стоявший здесь сыскной отряд братьев Арсеньевых не удалась. Арсеньевы оказались более осторожными, чем князь Долгорукий. Нападение голутвенных было отбито дружными огневыми залпами. Семен Драный с полсотней удальцов бежал к Булавину.

А на другой день в Старом Айдаре собрались неизвестно кем предупрежденные старожилые казаки из десяти соседних городков. Выбрали нового станичного атамана и предупредили Булавина, чтоб он сюда не приходил, ему будут противиться. Булавин послал своих казаков спросить староайдарцев, зачем-де они так поступают и по чьему наущению, но посыльщиков не приняли, отогнали выстрелами.

Тогда в Черкасск, чтоб подробней обо всем разведать, отправился Семен Драный. Однако до столицы донского казачества ему добраться не пришлось...

Ночную тишину прорезал гулкий выстрел. Засвистели, перекликаясь, сторожевые казаки. Булавин приподнимается, чуткое ухо улавливает цокот конских копыт. Верховой скачет наметом... ближе, ближе... Что-то случилось!

И вот перед ним Семен Дранный, покрытый пылью, с воспаленными глазами, задыхающийся от волнения и гнева:

— Измена, измена, Кондрат! Солживил войсковой атаман!

Булавин тяжелой рукой придавил плечо Семена, прохрипел:

— Подлинно ли так? Чем измена показана?

— Идет на нас Лукьян Максимов с войском, с пушками походными... Калмыцкая орда с ним, татары...

— Кто сказывал?

— Брата своего встретил близ Старо-Айдарской... Домой спешил из Черкаска... Войсковая старшина и домовитые нашими головами перед царем отыгаться желают... Иуды проклятые!

— А Зерщиков где?

— Илья Григорьич, и Василий Поздеев, и Василий Фролов, и других прямых казаков немало держат нашу руку, в противенстве с войсковым...

— А что ж молчали они в войсковом кругу?

— Про тайный умысел старшин никто не ведал. «Совет добрых сердец» без круга все порешил. Чуяли старики, что казаков, окромя домовитых, не поднимут, потому и калмыков наняли.

— Однако ж твоих староайдарцев против нас подняли?

— Старшины Ефрем Петров и Никита Саломат там намутили... Сплели хитро, что всех-де старожилов Булавин грабить приказал. А вчерашний день, уведав о неправде и промысле старшин, станишники всех наших супротивников из Старо-Айдарской выбили и в кругу меня вновь атаманом прокричали...

Булавин немного приободрился.

— Ну, коли так... Не все потеряно. Жив не буду, а рано или поздно головы изменникам снесу!

Кондратий Афанасьевич быстро подготовил свою вольницу к обороне. Перевел всех на крутой и лесистый берег Айдара, устроил на опушке завалы, за которыми легли пешие казаки с ружьями и пищалями, конных расположил в засаде. Обоз был сдвинут и укрыт в лесу,

Передовой отряд донского войска под начальством Ефрема Петрова подошел на рассвете. Три сотни казаков и калмыков попытались с ходу переправиться через Айдар, но убийственный ружейный огонь заставил повернуть обратно.

Ефрем Петров спешил конницу и завязал с булавинцами вялую перестрелку, поджидая Лукьяна Максимова с остальным войском и пушками.

Булавин, не располагавший достаточной вооруженной силой, наступать не мог, он рассчитывал лишь на возможно длительную задержку неприятеля, чтобы дать время скрыться подальше безоружной голытьбе, составлявшей большую часть его табора. Поэтому пустился на хитрость.

Когда под вечер подошло войско Лукьяна Максимова и ударила пушка, несколько булавинцев, выбежав на берег и размахивая платками, стали кричать:

— Эй, перестаньте стрелять, станичники! Надо нам, казакам, собраться и меж собою переговорить...

Стрельба прекратилась. Булавинцы не спеша переплыли реку и передали письмо, в котором Кондратий Афанасьевич сообщал донским казакам, что нападение на Долгорукого совершено им «с ведома общего нашего со всех рек войскового совета», и жаловался на предательские действия «неправых старшин».

Лукьян Максимов, не дав казакам дочитать письма, велел снова стрелять по ворам из пушек. Между тем стемнело, и, пользуясь этим, конные булавинцы, зайдя кружным путем со стороны городка Закотного, напали на обоз донского войска, вызвав страшное смятение в неприятельском лагере.

Лукьян Максимов с донцами и калмыками вынужден был «мало отступить». Он занял дорогу в Закотный городок, полагая, что булавинцы пойдут туда, но жестоко просчитался. Поддерживая на берегу Айдара костры, чтоб отвлечь внимание неприятеля, булавинцы всю ночь уходили совсем в другую сторону лесными дорогами и тропами.

«А на заре,— показал впоследствии Ефрем Петров,— пошли они войском донским на то место, где воры стояли, и в том месте их, воров, не явилось, только стоит их воровской табор, телеги и лошади».

Кондратий Булавин перехитрил Лукьяна Максимова. Замысел войскового старшины быстро покончить с Булавиным и его товарищами не удался⁸.

VI

Первое известие об убийстве князя Долгорукого царь Петр получил от азовского губернатора. Имея постоянные тесные сношения с донскими казаками, азовский губернатор Толстой, несомненно, знал об их враждебной настроенности к сыску и был обязан не только должным образом предостеречь горячего князя Долгорукого, но и подкрепить его большей воинской силой, чего он, однако, не сделал.

Чувствуя свою оплошность, Толстой постарался представить печальное событие как простую случайность, чем, по сути дела, ввел царя Петра в заблуждение.

«Мы ныне получили подлинную ведомость, — довольно спокойно писал царь Меншикову, — что то учинилось не бунтом, но те, которых князь Юрий высылал беглых, собравшись ночью тайно, напали и убили его и с ним десять человек, на которых сами казаки из Черкасского послали несколько сот и в Азов о том дали знать».

Отписка войсковой старшины еще более уверила Петра, что о донских делах тревожиться нечего, верная донская старшина воров не милует и бунта не допустит. На Дон была отправлена похвальная царская грамота. За «верность и усердие ко успокоению такого возмущения радение» донскому казачеству жаловалось десять тысяч рублей — огромные по тем временам деньги — да калмыцкому тайше Батырю двести рублей. Кондрашку Булавина с товарищами приказано было сыскать.

Меншикову царь сообщал:

«О донском деле объявляю, что конечно сделалось партикулярно, на которых воров сами казаки, атаман Лукьян Максимов ходил и учинил с ними бой, и оных воров побил, и побрал, и разорил совсем, — только заводчик Булавин с малыми людьми ушел, и за тем пошли в погоню; надеются, что и он не уйдет; итак сие дело милостью божьей все окончилось».

А в действительности все обстояло иначе...

Весть о предательских действиях войсковой старшины против булавинцев, освобождавших Дон от жестокого сыска, возмутила не только верховых голутвенных, но и старожилых казаков, да и среди домовитых находились недовольные. Во многих донских, и донецких, и хоперских городках возбужденные казаки осуждали предателей, недвусмысленно угрожая им скорой расправой.

В Акишевской станице казаки убили станичного атамана Прокофия Никифорова и приехавшего из Черкаска старшину Василия Иванова, пытавшихся оправдать действия войскового атамана. В Федосеевской станице та же участь постигла старшин Ивана Матвеева и Феоктиста Алексеева. Открытые возмущения против старшины произошли в Алексеевском и Усть-Бузулукском городках. А казак Беленского городка Кузьма Акимов, назвавшись Булавиным, собирал вокруг себя вольницу, чтоб «побить богатых стариков».

Досталось и калмыкам тайши Батыря, принимавшим участие в расправе над булавинцами. Калмыцкие мурзы Четерь и Чемець привели из-за Волги «воровских калмык», которые начисто разграбили улусы тайши Батыря, уведя в полон свыше тысячи человек, в том числе двух жен и двух сыновей Батыря.

В Черкасске и в ближних низовых станицах тоже не прекращались волнения. Казачьи круги собирались каждый день. Кричали, чтоб стоять за Булавина, а стариков не слушать. Сыпались угрозы. Кипели страсти. Осторожные старшины предпочитали из куреней не показываться. Лукьян Максимов жил на своем хуторе под охраной.

Как-то раз, когда черкасский войсковой круг особенно разбушевался, среди голутвенных казаков появился монах. Это никого не удивило. Свалявшаяся сивая борода, старенькая скуфейка, залатанный обрызганный грязью кафтан, котомка за плечами — все свидетельствовало, что монах беглый, а бегство из монастырей было тогда явлением самым заурядным.

— Откуда притопап, отец? — поинтересовался стоявший рядом с монахом казак.

— Дальний я, голубь... Тешевской богородицкой обители смиренный инок.

— Что? Знать, и у вас не сладко?

— Ох, не сладко, — вздохнул монах. — Замучил игумен работами да батогамы.

И, чуть помедлив, почесывая поясницу, спросил:

— А пошто, в толк не возьму, старшин-то ваших ругают?

Казак злобно сплюнул.

— Повесить их мало! На чужих спинах захребетники ездят, чужими головами спасаются. Бахмутского атамана Кондратия Булавина сами подговорили сыскного князя

убить, а после того пошли с калмыками промысел над ним чинить... сколько верховых казаков погубили!..

Монах больше ничего не спрашивал. Слушал молча, о чем говорили в кругу, внимательно вглядываясь в лица тех, кто выражал наибольшее сочувствие бахмутскому атаману.

А как стемнело и казаки начали расходиться, монах, поправив котомку за плечами, не спеша побрел к Дону, потом, оглядевшись, пробрался огородами к обширному поместью Зерщикова, постучался в дом с черного хода.

Зерщиков открыл. Монах молча прошел за хозяином в горницу. Здесь совсем по-свойски сбросил сукфейку, снял котомку, кафтан и принялся отвязывать бороду.

Зерщиков улыбнулся:

— А впрямь никто тебя от беглого чернеца не отличит, Кондратий Афанасьич...

— Борода надежная. Говором себя опасаюсь выдать,— сказал Булавин.— Церковности во мне мало...

— А как тебе в войсковом кругу приглянулось? Слышал, что у казаков на душе лежит?

— Слышал. Дон ныне всюду смутен. Старикам измена не впрок пошла, а на погибель...

— Я ж сказывал... Старики не крепки. И ежели, как мыслили с тобой, запорожцы дадут подмогу, все донские реки враз станут за тебя...

— У запорожцев в кошевых-то ныне кто, не ведаешь?— спросил Булавин.

— Тимофей Финенко.

— Старый сечевик?

— Старый... Да сильно робок, оглядками живет. Потолкуй сначала с казаками. Верней бы дело вышло, кабы Костя Гордеенко в кошевых ходил...

— Попомню.

— Ты, стало быть, решаешь?

— Да. Медлить больше нечего. Завтра в Сечь отправлюсь.

— Ну, в добрый час! А я тут буду ожидать твоих посыльщиков... И приведу пока в готовность казаков, радеющих за наши старинные права... Не мало их, сам видел.

— А коли что со мной случится,— тихо произнес Булавин,— пригляди, чтоб рыжий сатана Лукьян родичей моих не загубил...

— Не тревожь себя напрасно, — решительным тоном успокоил Зерщиков. — Всех ухороню.

Булавин подошел к нему, обнял.

— Спасибо. Ты верный друг, Илья Григорьевич... Не ведаю, что мне сулит судьба... а жив останусь — вовеки дружества твоего не позабуду, в том клянусь!⁹

...Войсковой атаман Лукьян Максимов понимал, в каком скверном положении он очутился. Весь смысл предательского нападения на Булавина заключался в том, чтобы захватить и уничтожить главарей вольницы, отделаться таким образом от свидетелей неблагоприятных поступков войскового атамана и затем свалить на мертвых всю вину за убийство князя Долгорукого. Надежды не сбылись. Булавин и «пушие заводчики» скрылись, они несомненно будут мстить за предательство. Наказание, учиненное над случайно схваченными беглыми, вызвало общее негодование, увеличив число сторонников Булавина. В донских станицах зрела смута.

Оправдаться перед царем, уверить его в преданности пока удалось, но надолго ли? Может быть, Булавин или кто другой донес, что убийство Долгорукого совершено по сговору с войсковым атаманом?

Лукьян Максимов после долгого размышления решил наведаться к азовскому губернатору, потолковать с ним о совместном розыске булавинцев и предупредить на всякий случай, чтобы не давалась вера ворами, пытающимся очернить войскового атамана всякими злобными вымыслами.

Зная, что Иван Андреевич Толстой, хотя и являлся полным хозяином огромного приазовского края, однако от подарков и приношений не отказывался, Лукьян Максимов поехал к нему не с пустыми руками и встречен был весьма ласково. Толстой устроил в честь войскового атамана обед, пил его здоровье, все обещал, во всем обнадежил.

— Воровских замыслов бояться нечего, Лукьян Васильевич, — сказал губернатор. — Я вчера из Посольского приказа грамоту получил: государь приказал послать тебе в помощь стольника Степана Бахметева с царедворцами, да быть с ним острогожскому полковнику Тевяшову и воронежскому подполковнику Рыкману с их полками...

— Благодарствую великого государя за многие его милости, рад служить ему вечно, не щадя головы своей, — смиренно ответил войсковой атаман. — Ведают сие враги

мой, недаром стараются наветами всякими очернить меня...

— А наветам и небылицам, сплетаемым ворами на верных, никто ныне веры не дает,— заверил губернатор.— Придорожная пыль неба не коптит!

Лукьян Максимов возвратился домой приободренный.

А Толстой, проводив гостя, призадумался. Не стал бы скупой и корыстный Лукьян щедро одаривать подарками без особых на то причин. Значит, скребет что-то душу. Чует вину свою собака, если хвостом виляет!

Вспомнил тут же Иван Андреевич, что недавно сказывал кто-то, будто в азовской приказной палате некий пришлый человек клепал на войскового атамана... Тогда не обратил на это никакого внимания. А теперь захотел разобратся...

Вызванный из азовской приказной палаты дьяк пояснил, что пришлый тот человек объявился казаком Нижнего Кундрючья городка Леонтием Карташом, а расспросные речи его хранятся в палате, а сам-де Карташ посажен под караул.

Толстой приказал доставить ему расспросные речи. Углубился в чтение:

«И как в их казачьи городки приезжал князь Юрий княж Володимеров сын Долгорукой, и в то время... атаман Лукьян Максимов казаку Болдырю давал лошадь, и велел в казачьих городках накликать вольницу убить князя Юрья Долгорукого. И на той лошади тот Болдырь приехав, в Верхнем Кундрючем городке тот Болдырь был же и казаков накликал, и его, Леонтия, для убийства князя Юрия тот Болдырь звал, и он, Леонтий, сказал, что у него нет лошади, а к их воровству не пристал... Да он же, атаман Лукьян Максимов, посылал от себя письма в верховые и хоперские городки, чтоб его, князь Юрья, убить, где изъедут... Да в том же их Кундрючем городке казаки Авдей Меретин да Аноха Семерников сказывали всей станице, как-де за вором Кондрашкою Булавиным ходил атаман Лукьян Максимов и при них-де тот Кондрашка съехался с ним Лукьяном, и он, вор Кондрашка, ему, Лукьяну, говорил, для чего-де ты, атаман, за ним Кондрашкою в поход ходишь, ты-де велел убить князя Юрья Долгорукого и посылал сам. И по отъезде его, князя Юрья, из Черкасского он, Кондрашка, у него, Лукьяна, был...»

В показаниях Леонтия Карташа никаких примет личной неприязни к войсковому атаману не обнаружилось, все отличалось полной достоверностью.

Толстой достал платок, вытер выступившую на лбу испарину. Вот оно что! Существовал, стало быть, тайный заговор против Долгорукого, и войсковой атаман, а вполне возможно, и вся войсковая старшина принимали в нем участие. А он-то, азовский губернатор, писал царю, что в убийстве Долгорукого повинны лишь одни беглые. Нет, хотя и страшно вато признаваться царю Петру Алексеевичу в оплошке, а, видно, придется... Нельзя иначе. Дело важное, государственное. Пусть сам царь решает, как поступить с изменниками.

На следующий день казак Леонтий Карташ был спешно под конвоем отправлен в Москву. Сопровождавший его капитан Тит Чертов имел при себе собственноручное письмо азовского губернатора на имя государя.

А спустя некоторое время английский посол при русском дворе Чарльз Витворт, касаясь начавшейся донской смуты, писал своему правительству:

«Войсковой атаман письмами подстрекал к бунту и к умерщвлению Долгорукого, обещал поддержать бунтовщиков всеми силами, а теперь уверяет царя в своей преданности и предлагает ему свои услуги против них»¹⁰.

VII

Явившись в Запорожскую Сечь и подробно расспросив сиромашных о всех запорожцах, на которых можно положиться, Булавин пришел к выводу, что Зерщиков прав: Костя Гордеенко в самом деле оказывался наиболее подходящим кошевым.

Кондратий Афанасьевич отправился к Гордеенко. Тот недавно женился, жил близ Сечи на хуторочке и встретил бахмутского атамана приветливо.

Константин Гордеевич Головка, или Костя Гордеенко, как звали его казаки, широкоплечий великан, буйный и дерзкий на язык, со шрамом на лице, оставшимся после Азовского похода от кривой янычарской сабли, не был уже, как прежде, вожаком сиромашных. Втайне завидуя богатым сечевым старикам, Костя успел обзавестись крепким хозяйством, стал корыстолюбив и прижимист. Но, зная, какую силу в Запорожье представляют сиромашные, он на

виду всегда поддерживал их требования, чем и снискал доброе о себе мнение.

Дом Гордеенко содержался в чистоте и порядке. В горнице тепло, уютно. Костина проворная жинка в цветном сарафане и желтых сафьяновых сапожках пекла блины. На столе, покрытом вышитой украинской скатертью, стояли и сулея со старой пенной горилкой, и жбан с брагой, и рыба, и сметана. Костя наполнил кубки горилкой и, глядя на гостя чуть косящими и хитроватыми глазами, произнес:

— Бувай здоров, атаман! Рад, ей-богу, видеть тебя у нас.

— Будь здрав и ты, Константин Гордеевич!

Казаки чокнулись. Выпили. Принялись за блины.

Гордеенко сказал:

— С Дону давно идут о тебе добрые слухи... Знаю, как ты Долгорукого князя побил и как старики, собачьи дети, зраду учинили и промысел над тобой творили... Одного не разумею,— он хитровато прищурился,— кого донские старики более страшатся, царя или голоты?

Булавин высказался без утайки. Донскую голытьбу приводить в Черкасск он не собирался. Тайного договора с войсковым атаманом и старшиной не нарушал. Совершая предательство, атаман и войсковые старшины хотели прежде всего оправдаться перед царем, свалить всю вину за убийство Долгорукого на Булавина и его вольницу. Теперь же, конечно, он соберет голутвенных и поведет их на Черкасск. Расправы за измену старикам не миновать.

— А хибя ж все войсковые старики заедино?— полюбопытствовал Гордеенко.

— Не все. Есть среди них и честные, и в измене неповинные. Я с их согласия в Сечи у вас ишу помогу...

— Кто ж там из стариков за вольность ратует?

— Зерщиков Илья Григорьич первый.

— Зерщиков?— удивленно поднял брови Гордеенко.— Ну коли он с тобою вкупе... удача быть должна. Зерщиков без пользы палец о палец не ударит.— Он снова наполнил кубки горилкой.— За твою удачу, атаман!

Булавин выпил и, чувствуя, как отяжелела голова, отставил кубок в сторону. Гордеенко заметил, сморщился:

— Э, негоже! Казаки пьют, пока сидеть могут...

— А у меня уже той мочи не стало,— попробовал отшутиться Булавин.— Не приневоливай, Константин Гордеич... Мне с тобой еще о делах гутарить надо...

— Успеем, куда нам спешить-то?— И Гордеенко потянулся с кубком к Булавину.— За дружество, за счастье, за славу нашу казацкую!

А потом, когда Булавин рассказал о своих планах и встречах с запорожской сиромашней, Гордеенко пообещал:

— Коли меня кошевым на раде прокричат, охотное войско запорожское поднять тебе дозволю и на Дон идти никому возбранять не буду, порох и свинец из войсковой скарбницы дам... А когда соберешься в силах и пойдешь к Черкасскому, пошлю допомогу покрепче и пушек для осады... Я вольным людям всегда радею.

Булавин, поблагодарив хозяина за добрые намерения, признался:

— Еще опасаясь, как бы гетман Мазепа подсылки в Сечь не сделал, чтоб меня схватить, или иной шкоды не учинил.

Гордеенко заверил:

— Того у нас не бывает, атаман. Пан Мазепа универсалы сердитые пишет, а тронуть никого не посмеет без нашего согласия... А мы за тебя единодушно постоим!

Сечева рада бушевала. Когда Кондратий Булавин вместе с кошевым и куренными атаманами появился в круге, его встретили восторженными криками:

— Хай живе батько Кондратий! Слава атаману!

— Станем заедино с донскими казаками!

— Сказывай, батьку, не бойся... Поможем!

Кондратий, сняв шапку, чинно на все стороны поклонился:

— Бью челом славному низовому товариству... Прошу я вас, атаманов-молодцов, и тебя, кошевой атаман, оказать милость донским казакам, встать с нами за вольность и в разорение себя не отдать... Нам дело до бояр и панов, которые неправдой живут, а нас всех обижают... Прошу войско учинить нам помощь, дать походные пушки и вкупе с нами стоять, как было искони между нами, казаками, единомысленное братство...

— Любо, любо, атаман!— закричали запорожцы.

— Станем заедино с донскими казаками!

— Дадим помощь! Дадим пушки!

— Побьем панов и арендарей!..

Кошевой Финенко не раз сердито поднимал палицу, насилу остановил крикунов:

— Негоже, лыцари... Нынешней зимой в поход под-

няться невозможно... Потому казаки наши ныне на государственной службе. Ежели мы поднимемся, их всех в Москве задержат.

Но кошевому долго говорить не дали. Сиромашные закричали:

— Сам ты негож!

— Покинь, скурвый сыну, кошевье, бо ты уже казачьего хлиба наився...

— Ступай прочь, ты для нас негоден.

— Положи палицу! Положи!

Кошевой повиновался. Бросил на землю шапку, положил палицу, поклонился товариству, отошел в сторону. Громада продолжала буйствовать. Старики напрасно пытались удержать сиромашню:

— Ой, лихо всем будет, коли не послухаете кошевого...

— Нема на всим свити того лиха, шоб мы его боялись!— крикнул Лупька Хохlach.

— К нечистой матери старых дурней!— задорно подхватил другой казак.— Костю Гордеенко треба просить...

— Костю... Гордеенко...— подхватили сотни глоток.

— Симонченку! Горбатенку!..

— Гордеенко! Гордеенко! Костю!

Выкрики продолжались долго. Все казаки, имена которых были названы, уходили в свои курени. Кондратий Булавин, по-прежнему стоявший в кругу, довольно жмурился.

Сиромашные своего добились, выбрали Гордеенко.

Десятка два казаков отправились к нему в курень сообщить волю товариства. Зная обычай, Костя сначала от чести отказался. Тогда двое казаков взяли его под руки, остальные стали толкать в бока и спину, приговаривая:

— Иди, иди, собачий сын, бо нам тебя треба, ты теперь будешь наш батько...

Войсковой довыбыш ударил в литавры. Запорожцы окружили нового кошевого. Иные, подходя к Косте, мазали его бритую голову грязью: не забывайся, мол, на высоком месте.

Костя кланялся, благодарил:

— Буду чинить, панове, по вашей воле и по старым лыцарским обычаям...

— Так, батьку, так и чини,— отвечали довольные казаки.

— Будь здоровый да гладкий!

— Дай тобі боже лебединий вик да журавлиний крик!..

...После того как Костя Гордеенко был избран кошевым атаманом, войско запорожское приговорило: никому донского атамана Булавина не выдавать, в помощи донских казаков обнадежить, охотного войска запорожского не задерживать.

Булавин заложил свой стан сначала в Тернах на реке Самаре, а затем перебрался в Кодак.

Именно в это время Булавин написал первое обращение ко всем атаманам и вольным людям:

«Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники. Кто похочет с военным походным атаманом Кондратием Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поехать, то приезжайте в Терны на вершины самарские»¹¹.

Вскоре эти булавинские грамоты стали обнаруживать и в донских станицах, и на всех дорогах и шляхах, и под Воронежем, и под Тулой, и под Тамбовом.

VIII

Пока Кондрат Булавин устраивался в Кодаке и собирал охотное войско, между Малороссийским приказом в Москве, киевским воеводою князем Дмитрием Михайловичем Голицыным и украинским гетманом Иваном Степановичем Мазепою велась деятельная переписка о том, как быстрее и лучше «изловить вора Булавина и разорить его воровское собрание».

ГРАМОТА ИЗ ПРИКАЗА ГЕТМАНУ МАЗЕПЕ

«Декабря 20-го числа 1707 года будучие из Сечи казаки сказывали: приезжали-де в Сечу из Кадака вор Булавин с товарищами, и для того их приезду была в Сече рада, и в раде читали письмо. И просил он, Булавин, войско запорожское себе в споможение, чтоб учинить бунт в великороссийских городах... И тебе нашего Царского Величества верному подданому Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману и кавалеру Ивану Степановичу от себе в Сечу к кошевому атаману и ко всему посольству по рассуждению своему писать, дабы они вышеписанного вора,

велели поймать, а поймав прислали б его за крепким караулом к тебе. Также, чтоб к возмущению бунта свою братью запорожских казаков они не допустили. И которые к тому злу обще с ворами явятся, и они б тем людям чинили наказание по войсковым правам. А когда тот вор Булавин с товарищами пойман будет, его прислать, оковав, за крепким караулом в Москву».

ПАМЯТЬ ИЗ ПРИКАЗА БОЯРИНУ СТРЕШНЕВУ

«Января 20-го дня 1708 года писал Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман Иван Степанович Мазепа. Посылал он нарочного посыльщика с письмом в Сечу к кошевому атаману и ко всему посольству, повелевая им, дабы они выдали из фортеции Кадацкой донского бунтовщика Кондратия Булавина с его единомышленниками, и, сковав их, прислали с тем же его посланным. И когда с тем его письмом посланец в Сечу приехал, и в общей их войсковой раде по обыкновению то письмо было чтено, тогда все единогласно хотя и постановили того бунтовщика выдать, а на другой день собралися в другой раз на раду и первое свое постановление о выдаче тех преступников неистовые голоса пьяниц и гультьев переменяли, понеже они большим числом превосходят добрых и постоянных людей. А сказали-де, что в Войске Запорожском никогда того не бывало, дабы таковых бунтовщиков выдавать. В одном только явили будто свою верность: послали есаула с коша в Кадак к полковнику тамошнему с письмом, дабы он все гультьятство, которое почал к себе прибирать тот бунтовщик Кондратий Булавин, разогнал. И ему, бунтовщику, приказал бы, чтоб он в Кадаке смирно жил, гультьятство к себе не собирал и ничего враждебного и вредительного против его, Великого Государя, не починал».

ГРАМОТА ИЗ ПРИКАЗА ГЕТМАНУ МАЗЕПЕ

«Острогожский полковник Иван Тевяшов писал к изюмскому полковнику, чтобы он послал от себя в Терны, в Кадак и в Запорожье тайным обычаем для проводывания вора и бунтовщика Булавина... И января 29-го дня нынешнего 1708 года посыльные его возвратились в Изюм, а в расспросных их речах написано: ездили-де они тайным обычаем на вершину Самарскую в урочище Опалиху, и

вниз той рекою Самарою проехали все курени севрюков запорожских, и сказывали они, что Булавин пошел в Сечу. А товарищей его в тех самарских Тернах не видали... А потом пришли в Кадак и объявились кадацкому полковнику, и просили, чтобы они приняты были в его курень, и сказывали, что пойдут с Кадаку в Запорожье казаковать. И он, полковник, в свой курень принял, и были они в том курене три дня и видели на лицо изменника Булавина дважды, а товарищей с ним, донских казаков, двенадцать человек. И при них он, Булавин, с полковником казацким в курене сидел пообочь, слушали челобитчиков. И в то число явились из Новобогородицкого с воеводским письмом три человека, жаловались на кадачан, что у них пограбили рыбу. И письмо воеводское читали, и он, Булавин, тех людей бранил и письмо ругал. А полковнику кадацкому говорил: вы-де не знаете, что они в письмах своих все плутуют да страшат. И в то время тем людям запорожцы за его словами справедливости не учинили».

ДОНОШЕНИЕ КИЕВСКОГО ВОЕВОДЫ ГОЛИЦЫНА ЦАРЮ ПЕТРУ

«Из Киева февраля 28-го дня 1708 года. Донской казак бунтовщик Булавин жил немалое время в запорожском городе Кадаке, и приехало к нему с Дону сорок человек таких же воров, и поехал с ними в Сечу и просил запорожских казаков, дабы они с ним поступили к бунту, в разоренье Ваших Государевых великороссийских городов. И кошевой атаман к бунту не поступил, а за то его с атаманства скинули, а ныне выбрали нового атамана Константина Гордеенко, о котором ко мне господин гетмап Мазепа писал, что древний вор и бунтовщик. И позволил ему вору охотников набирать, и оный вор песколько сот таких же воров собрав, через Днепр переправился, и ныне стоит на речке Вороновке, от Новобогородицкого верстах в двадцати, и многие к нему такие же шаткие люди пристають».

ПАМЯТЬ ИЗ ПРИКАЗА БОЯРИНУ СТРЕШНЕВУ

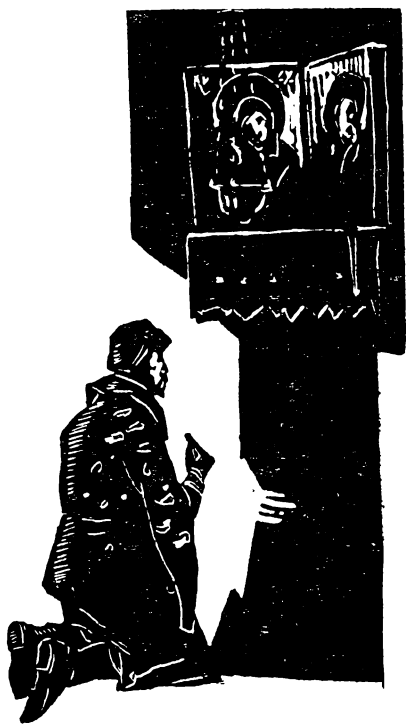
«В нынешнем 1708 года марта в 22 день писал гетман Мазепа, что послал он на место, где тот изменник и душегубец Булавин обретается, полковника полтавского с его

полком и полк конный для разорения там устроенной крепости, и для учинения над раскольником тем поиска и поимки его, и для разгромления того бунтовничного сборища».

ДОНОШЕНИЕ КИЕВСКОГО ВОЕВОДЫ ГОЛИЦЫНА ЦАРЮ ПЕТРУ

«Из Киева апреля 4-го дня 1708 года. В прежних своих письмах доносил вам, всемилостивейшему Государю, о воре Булавине, который был в Запорожье и принял позволение, чтобы таких же к себе принимать легкомысленных, и собирався на урочище Вороной. И по тому известию, собрав я конных 600 человек, послал для охранения Самары, и писал к господину гетману, чтоб он regimentу своего полку полтавскому приказал, сколь возможно быстрее собраться и идти к Самаре на помощь. И господин гетман до Вашего всемилостивейшего указу тому полку велел собраться, который собрався стоял в ближних местах от Самары. И увидев о том, оный вор тех урочищ лишился»¹².

Из этой переписки, между прочим, видно, что Кондратий Булавин был тесно связан «единомысленным братством» с запорожскими казаками, но не имел и не мог иметь ничего общего с гетманом Украины Мазепой, который ненавидел и русских, и украинцев, и казаков,

Часть Вторая

I

Восемнадцатого марта 1708 года поздно вечером козловского воеводу князя Григория Ивановича Волконского обеспокоил подъячий приказной избы Ларион Силин. Князь поужинал, помолился богу, улегся в пуховики и начинал уже сладко дремать, как вдруг этакая неожиданность...

Стоит в дверях Ларион, пощипывает пегую бороденку и гнусавит:

— Неладные вести, батюшка князь... Воровской атаман Кондрашка Булавин, слышно, поблизости от нас объявился...

Воевода в одной рубахе соскочил с постели, недоумевающе заморгал глазами:

— Кондрашка? Да ты не с ума ли спятил? Я ж только вчера ведомость светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова получил, что оный вор и бунтовщик в Запорогах обретається...

— Зимовал там, а ныне воровское его собрание в Пристанском городке на Хопре...

— Быть того не может! Кто сказывал?

— Тамбовец Ромашка Белевитинов и татарин Акмет Дунаев третьего дня еще с чужих слов о том болтали, да я веры им не дал... А ныне тамбовский дьячок Иван Попов, бывший по своим нуждам в том Пристанском городке, показал, что сам-де он тех воровских казаков видел... А намерение-де у них, воров, захватить государевых лошадей, которые на корму в Козлове и Тамбове. Да они же, воры, говорили, что дело им до бояр, до прибыльщиков, до немцев, до подьячих, да до вашей княжой милости, чтобы всех перевести...

— Ишь, дьяволы сиволапые, чего захотели! — буркнул воевода. — Вот пошлю на них драгун... — И круто сломав фразу, спросил: — А много ли в собрании воров-то?

— Сказывают, будто тысяч семнадцать, — промолвил подьячий, — да еще будто ожидают с разных сторон множество... Письма прелестные с печатью того Кондрашки Булавина по всем селам и деревням читают...

— Ах, семя воровское, проклятое, — сердито просопел воевода и распорядился: — Вот что, Ларион... Вестовщиков тех держать под караулом. Расспросы хранить в тайне. А в Пристанский городок послать немедленно добрых шпигов для подлинного уведомления о ворах. Может, прибрехал с перепугу дьячок. У страха глаза-то велики!

Однако как ни старался воевода себя приободрить, а черные мысли лезли в голову столь настойчиво, что более всю ночь заснуть он не мог. Положение складывалось скверное. Посылать против воров некого. Кроме двух драгунских рот, охраняющих государевых лошадей, никакой воинской силы в Козлове нет. Вооружить местных жителей? Но чем? На днях сам осматривал воинский склад: порох сырой, к пальбе не годен, ружей и свинца нет... Да

и надежда на козловцев плохая. Многие давно замечены в шатости и склонности к бунту. А рабочий люд, занятый заготовкой корабельных лесных припасов и постройкой будар на Хопре и Воронеже, при первой возможности присоединиться к ворам. И если, избави бог, вздумает Кондрашка брать Козлов и Тамбов, противиться ему нечем...

Так, ничего утешительного не найдя, забылся воевода на рассвете в тяжелом сне.

А на другой день примчался из Тамбова от стольника Василия Данилова нарочный, сообщил:

— Воровские казаки отогнали с тамбовских государевых заводов четыреста сорок лошадей и триста жеребят. А как учинился-де сполох, все конюхи и мужичишки убежали в леса за реку Цну. А рабочих людей, плотовщиков и бурлаков воры подговаривают идти к ним, а надзирателей утопить...

Дурные вести продолжали следовать одна за другой. Крестьяне деревень Карачана, Русской Поляны, Самодаровки, Никольской, Ключей и многих других склонились на «воровскую прелесть» и, по казацкому обычаю, учинив круги, выбирают атаманов и есаулов. Потом прибежал в Козлов староста принадлежавшей светлейшему князю Меншикову деревни Грибановки Меркул Федоринов. Наехавшие «воры» разграбили здесь без остатка все господское имущество, скотину частью порезали, частью угнали, а атаманом поставили гультая Гаврилу Викулина.

Воевода, услышав об этом, схватился за голову. Вот тебе лишняя доука! Вспомнил, как перед отправкой в Козлов на воеводство Меншиков как бы в шутку предупредил:

— Смотри, Григорий, без призора мою деревеньку Грибановку не оставляй... Ежели дуровство какое там случится, с тебя взыскивать буду.

Чего доброго, а на это жадный и корыстный светлейший князь способен! Заставит деревеньку восстанавливать, и спорить с царским фаворитом не станешь.

Волконский тяжело вздыхает. Вообще хуже ничего нет, когда поблизости расположены владения знатных лиц. Помощи от них не жди, а неприятностей и нареканий не оберешься. Простой дворянин воровское нападение, как божью кару за грехи, снесет со смирением, безропотно, а знатные вотчинники во всем воеводу винить будут, он-де ворам потакал, он-де нас не оберег... А тут, куда ни глянь, на сотни верст вокруг богатейшие поместья бояр Нарыш-

киных, Салтыковых, Воротынских, Воронцовых, Одоевских, Репниных...

Воевода думает о том, что надо немедленно предупредить этих спесивых господ о начавшемся на Хопре воровстве... да, кстати, собрать провиант для ратников... да попытаться о дворянском ополчении из их недорослей и приживалов... Жестокосердием вотчинников возмущение мужичишек воздвигается, пусть и потрудятся себя охранить.

Волконский снова ночью не спит. Сидит за столом, кричит, готовит письма. А в окнах тревожно отсвечивает далекое зарево. Где-то полыхает помещичья усадьба.

...Боярин Иван Петрович Салтыков свыше пятнадцати лет проживал в своем родовом селе. Отец его, Петр Михайлович, любимец царя Алексея Михайловича, числился среди шестнадцати самых родовитых бояр. Но Иван Петрович царедворцем оставался недолго. Он примыкал к тем, кто поддерживал царевну Софью и неодобрительно относился к затеям молодого царя Петра. После разгрома партии царевны боярину Ивану Петровичу Салтыкову предложили «отъехать из Москвы не мешкая и безвыездно пребывать в тамбовской вотчине». Царь Петр ограничился довольно легким наказанием потому, что помнил, как некогда взбунтовавшиеся стрельцы вместо его дяди Афанасия Кирилловича Нарышкина убили ошибочно стольника Федора Салтыкова, родного брата Ивана Петровича.

Сельская жизнь боярина Салтыкова не очень удручала. Безмерно богатый, тщеславный и властный, он чувствовал себя здесь по крайней мере владетельным князем. Окруженный белокаменной оградой двухэтажный с колоннами дом походил на дворец. Рысистые лошади собственного завода славились на всю Тамбовщину. В охотничьих сворах насчитывалось несколько сотен породистых гончих и борзых собак. Праздничные приемы у Салтыкова обставлялись с царским великолепием. Крепостные слуги выполняли любую прихоть хозяина. Малейшееслушание жестоко каралось, часто из конюшен наказанных выносили за-
мертво.

Слух о появлении в Пристанском городке «воровских казаков» боярина Салтыкова не испугал. Он вооружил на всякий случай дворовых, выставил караулы вокруг села и на этом успокоился. Грозный владыка многих тысяч кре-

постных крестьян слишком презирал своих подданных, чтоб расстраивать себя мыслями о возможном соединении крестьян с бунтовщиками...

Приехавшего от козловского воеводы подьячего Лариона Силина принял боярин милостиво, посадил с собой обедать и даже пошутить изволил:

— Небось со страху перед ворами князь Григорий в штаны напустил...

— Сила воровская огромна, боярин, утушить сей огонь вспыхнувший нелегко,— заметил подьячий.— Воевода одну токмо надежду питает на дворянское ополчение...

— Удумал! — фыркнул сердито Салтыков.— Воинской силой завсегда бунты смиряли, а не дворянским ополчением.

— Так-то оно так,— сказал подьячий,— да где воинскую силу-то взять? Шведы на рубежах отечества, сам ведаешь... А коли пришлет государь недавно собранные рекрутские полки, они для отпору бунтовщикам не годятся, ибо у многих рекрут в воровском собрании братья и родственники... Того ради князь Григорий Иванович и велел мне говорить с тобой, боярин, чтобы вступал ты с недорогими своими в ополчение...

Салтыков гневно стукнул кулаком по столу:

— Не бывать! Салтыковы при четырех царях ближними были. Нам с ворами биться низко.

Ларион Силин, зная крутой нрав хозяина, немного помолчал, потом со вздохом вставил:

— Так-то так, милостивец, да кабы хуже не было... Князь Одоевский тоже в ополчение идти не захотел, а ныне воры деревеньку его сожгли, а самого утопили...

Сообщенная новость произвела на боярина впечатление, он даже в лице изменился:

— Ты что, Ларион Иванович? Шутить? Да ведь от его деревеньки и ста верст до меня нету... Ах, богоотступники, смерды подлые!

Подьячий, пряча под усы усмешку, подумал: «Подожди, я тебя допеку, не так еще запоешь». А вслух произнес:

— Я ж сказываю, боярин, кабы-де хуже не было... Ежели Кондрашку у нас не смирить и не удержать, их воровской намерок размножится, дуровство по всей Руси пойдет. Уж и ныне, откроюсь тебе, за Тамбов и Воронеж опасаемся.

— Господи Исусе! Неужто так, Ларион Иваныч?

— Воистину так, боярин...

— Гм... Придется, пожалуй, ехать...

— Придется, милостивец,— кивнул головой подьячий.— Ополчения все равно тебе не миновать.

— Какое там ополчение! Воевать мне негоже. Поеду с воеводой говорить, как от воров вотчину свою обезопасить...

— Воевода не поможет. С двумя драгунскими ротами супротив воровской орды не пойдешь. Да и тебя, боярин, укрыть от ополчения князь Григорий Иванович не посмеет...

— Ты какие это темные загадки мне загадываешь? — нахмурился Салтыков.

Подьячий наклонился к нему и, понизив голос до шепота, промолвил:

— По старому дружеству открою тебе, боярин... На подозрении ты ныне состоишь. Из Москвы тайная бумага прислана. Велено строго сыскать, как ты государевым указам противенствуешь, недорослей своих от военной службы укрываешь, а Ивашку-холопа до смерти батогами застегал...

— Облыжные слова! Поклеп! Я в смерти Ивашки не повинен!

— Мы-то верим тебе боярин, а посланцы государевы не верят. Его царское величество не раз указывал руду искать со всяким прилежанием, дабы божье благословение под землей втуне не осталось. А сыщики, вишь, проведали, будто бы ты, не желая для отечества трудиться и заводы строить, за то Ивашку и застегал, что тот руду обрел...

Салтыков не выдержал, схватился за голову, застонал:

— Ох, время тяжкое! Прежде цари православные не так жили, не так поступали. А этот словно подмененный какой. Все государство разворошил. На болоте город строит. Лучших бояр на колья посажал. Басурманские порядки заводит. Скоро от веры православной отвращать станут...

— Вот и этикие слова твои непотребные государевым сыщикам ведомы,— сказал подьячий,— как же воеводе от царского гнева спасти тебя?

Салтыков вытер платком вспотевшую шею, признался:

— До сердца довели. Истинно говорю: ума не дам, что делается? Кругом плохо. Одни расстрои великие зрю, и куда прибегнуть, не ведаю. Ужель того хотят, чтобы старый род Салтыковых в бесчестии сгинул?

Подьячий, пощипывая по привычке бородавку, подсказал:

— В ополчение иди, боярин. Единый путь вижу, како царский гнев избыть и чести не утратить... Может, смерть честну примешь, боярин, а с мертвого токмо и не взыщут.

— Ан врешь, врешь! — перебил Салтыков. — И с живого не взыщут, коли ты поможешь...

— В толк не возьму, боярин, о чем ты речь ведешь? — удивился подьячий.

— Правая ты рука у воеводы, Ларион Иванович. Ведаю: и оправить меня перед Москвою сумеешь и от ополчения избавить... А я за услугу сию ста червонных не пожалею.

Подьячий испуганно замахал руками:

— Что ты, опомнись! Ныне за малую корысть смертью наказуют, а за взятки и лихоимство — страшно молвить. Нет, уволь, боярин, мне своя голова дороже твоих денег.

Салтыков вышел из-за стола, принес деньги в бархатном кошельке, высыпал перед подьячим.

— Старой чеканки, Иванович... А уладишь дело — вдвое получишь.

— Страшусь, страшусь, милостивец, — пробормотал Ларион, а у самого дрожащие руки так к деньгам и тянутся.

— Бери, не лукавь, — произнес Салтыков. — Все взятками живут. Все поползновенны!

Противился Ларион недолго. Прибрал деньги, сказал:

— Ин ладно, боярин. Так и быть, приму грех на душу. Приезжай в Козлов — оправим. Токмо не мни, что златом меня, старого, купил... Злато сие сыщикам. А меня, видно, иным приветишь. Давча девку у тебя видел, Фроськой кличут, в метрессишки хочу... Подари да прикажи снарядить.

Салтыков только крикнул:

— Эх, дорог ты нынче, Ларион Иванович, да, видно, твое счастье. Дарю девку.

И, налив венгерским вином чары, продолжил:

— Ну, во здравие твое и воеводы!

Но выпить вино не успели. Послышался какой-то странный шум. Дверь распахнулась, вбежал перепуганный дворецкий.

— Беда, боярин! Неведомые люди приехали! Сюда идут!

Салтыков, багровея, крикнул:

— Кто... кто пустить посмел?

— Силой взяли. Сотни две, все конные и оружейные...

Они входили уже в горницу, сопровождаемые взволнованными дворовыми мужиками и холопами. Впереди чернобровый, средних лет казак, в бархатном кафтане, подпоясанном красным кушаком, и с запорожской кривой саблей...

— Бьем челом, боярин... Не обессудь, что во множестве.

Салтыков ворочал выпученными от страха глазами и еле пробормотал:

— Не ведаю вас... люди добрые...

Казак обжег его горячим, недобрый взглядом, сказал с насмешкой:

— Кондрат Булавин. Может, слышал?

Салтыков молча шевелил губами. Подьячий дрожал всем телом.

Кто-то из казаков произнес:

— Не пытай, Кондратий Афанасьич... Видишь, от радости языка лишились...

— Воистину так,— не помня себя, вымолвил подьячий.

— А ты что за ворона? — спросил Булавин.

— Служилый, приезжий, подневольный человек... — залепетал подьячий.

Булавин, не дослушав, повернулся к дворовым:

— Кто ведает?

— За одно они стоят, атаман,— ответил хмурый пожилой крестьянин.— Боярин, как пес, народ грызет, а дьяк сей бесчинства его покрывает...

— Ну, ежели так, заодно и спрашивать будем...

Подьячий затряс бороденкой, бросился в ноги атаману:

— Неправда... оговорили меня...

— Молчи, род гадючий! — прикрикнул Булавин и приказал:— Ведите их во двор!

А там у крыльца толпились приехавшие с Булавиным казаки и одетые в рваные зипуны и лапти крестьяне. Когда Салтыкова и подьячего вывели из дома, толпа встретила их зловещим негодующим рокотом.

Булавин, выйдя на крыльцо, крикнул:

— Эй, народ! В чем боярин ваш повинен? Кажи, не таись...

Толпа закипела. Полыхала ненависть в глазах людей.

Вековые обиды жгли мужицкие сердца. Потрясая дубинами и топорами, перебивая друг друга, кричали:

— Разорил всех, замучил, изверг!

— Ходим нагие, едим хлеб гнилой!

— От работ тяжких спины согнуло!

— Никакой управы на него нет! Собаками травит!

— Ивашку батогами до смерти забил!

— Зверь он лютый! Оборони нас, атаман, все тебе верно служить станем!

Булавин слушал жалобы молча. Только губы от еле сдерживаемого гнева чуть приметно дрожали. Потом повернулся он к Салтыкову, спросил:

— Слышал вины свои, боярин?

Салтыков, собрав силы, злобно выдохнул:

— Воры, смерды подлые... не вам меня судить...

— Нам! — грозно сдвинув густые брови, перебил Булавин. — Кончилось царство ваше, туенядцы. Возьми, народ, обидчиков и недругов своих! В воду обоих!

Толпа охнула, расступилась и словно проглотила боярина и подьячего. Булавин обратился к крестьянам и холопам:

— Ведайте, братья, что встали мы, казаки, за старые обычаи и вольности, порушенные боярами и господами. Отныне крестьянству для них не пахать и не сеять. Созывайте круг, избирайте атамана, живите вольно. А кто похочет с нами погулять — всем рады. Ведайте, братья, — возвысил он голос, — ныне и запорожцы и кубанцы с нами в единомыслии, работный люд и голытьба всех рек донских поднимаются за нас, а завтра Русь вся всколыхнется. Душа моя открыта перед вами... Покуда изменников старшин, князей, дворян, прибыльщиков и подьячих не переведем, — оружия не сложим. А ежели я от намерения своего отступлюсь или корысть какую заимею, этой саблей, — выхваченная из ножен сильной и ловкой рукой, она сверкнула в воздухе, — этой саблей голову мне отсекиete...

— Верим, атаман! Веди нас на Воронеж!

А между тем сгустились сумерки. Кругом зажглись костры. Казаки выводили из конюшен рысистых лошадей. Мужики тащили порезанных господских телят, кур и гусей, готовился обильный ужин. Из боярских погребов вытаскивались бочки с вином и старым хмельным медом.

Булавин довольно жмурился, подкручивая усы и беседовал приветливо с деревенскими стариками.

II

Появление булавиинцев в Пристанском городке на Хопре, показавшееся неожиданным многим начальным людям, не было случайностью. Булавин, будучи в Запорожье, весьма тщательно обдумал план предстоящих действий, и можно лишь удивляться той дальновидности, с какою местом сбора вольницы был определен ничем как будто не приметный казачий хоперский городок.

Булавин прибыл в Пристанский городок в первых числах марта, сопровождаемый несколькими сотнями запорожских гультаев под начальством Лукьяна Хохлача.

Замысел Булавина состоял тогда в том, чтобы как можно быстрее собрать войско для похода в Черкасск, расправиться там с предателями-старшинами и восстановить на Дону старые казацкие права и вольности. А для выполнения этого замысла Пристанский городок создавал наивыгоднейшие условия. На Хопре, Воронеже, Битюге, Цне и других ближних реках тысячи насильно согнанных сюда работных людей — лесорубов, плотовщиков, бурлаков — занимались под жестоким надзором смотрителей заготовкой и сплавом леса, готовили государевы будары и лодки. Кроме того, в лесах, окружавших Пристанский городок, укрывалось множество беглых солдат, холопов и староверов. Булавин надеялся на помощь этих обездоленных людей, надеялся, что они составят крепкую основу его будущего войска, с которым на государевых бударах по Хопру и Дону он легко доберется до Черкасска. Необходимый для войны провиант без особого труда можно было найти в помещичьих усадьбах, а лошадей забрать с ближних государевых конных заводов.

А чтобы привлечь к себе народ, Кондратий Афанасьевич пишет в Пристанском городке несколько «прелестных» писем, которые во множестве списков широко распространяются по всему краю.

Вот одно из таких писем, доставленных козловскому воеводе князю Волконскому:

«От Кондратия Афанасьевича Булавина и от всего съездного Войска Донского в русские города начальным добрым людям, также в села и деревни посадским торговым людям и всяким черным людям челобитье. В ведомо вам чиним, что мы всем войском стали единодушно вкупе в том, что стоять нам со всяким радением за дом пресвя-

той богородицы, за истинную веру христианскую, за благочестивого Царя нашего, и за свои души и головы, сын за отца и брат за брата, друг за друга стоять и умирать заодно.

А вам бы всяким начальным добрым и всяким черным людям такоже с нами стоять вкупе заодно... А от нас вы всякие посадские и торговые люди и всякие черные люди обиды никакой ни в чем не опасайтесь и не сомневайтесь отнюдь. А худым людям князьям и боярам, прибыльщикам и немцам за их злое дело отнюдь бы вам не молчать и не спущать. А между собою вам добрым начальным людям, посадским, торговым и черным людям отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить и не грабить и не разорять. А кто станет напрасно обижать или бить, тому человеку вам бы там учинить смертную казнь без пощады.

А по которым городам в тюрьмах есть заключенные люди, и вам бы боярам, воеводам, всяким начальным людям тех заключенных людей из тюрем всех выпустить тотчас без задержания.

Да еще вам ведомо чиним, что с нами запорожские казаки, и Белгородская орда и иные многие орды нам руки задавали в том, что они рады с нами стать заедино и радеть заодно.

А с сего нашего письма по городам и селам всяким начальным людям везде списывать списки и посылать. А буде кто, боярин или князь или иной какой начальник человек, или кто, ни на есть, сие наше письмо затеряет или потаит, и мы того человека где ни на есть найдем, то учинена ему будет смертная казнь без пощады.

А сие наше письмо посылать до города Тулы, а больше не посылать, ради того, что мы всем войском в том городе Туле будем и сие письмо спросим, и его б нам объявить безо всякого коварства.

А к сему письму нашему войскового походного атамана Кондратия Афанасьевича Булавина печать».

Высказанное в письме желание стоять за истинную веру христианскую и за благочестивого царя является хорошо продуманным тактическим приемом. Булавин знал, как еще сильна была в простом народе вера в бога и царя, добрые намерения атамана увеличивали ряды вольного войска. А в практической деятельности Булавина религиозные вопросы большого значения не имели. Кондратий

Афанасьевич во многих городах и станицах конфискует церковные деньги, а священников и монахов, стоявших за царя, булавицы грабили и вешали столь же охотно, как воевод и помещиков. Церковных обрядов и постов булавицы, как правило, не соблюдали. Князь Волконский в одном из писем свидетельствует, что безбожники-булавицы «всякий скот и кур и гусей и прочее бьют и едят в нынешний великий пост»¹³.

Следует остановиться и на сделанной в письме приписке о том, будто булавицы собираются быть в Туле. Булавин, как известно, думал лишь о походе в Черкасск, но он превосходно знал, что письмо его так или иначе попадет в руки воевод и правительственных чиновников, и хотел ввести их в заблуждение. С этой же целью булавицы широко распространяют и слухи о якобы предполагаемых нападениях на Козлов, на Тамбов, на Воронеж и на другие города.

Цель была достигнута. Воеводы вместо наступательных действий против только что начавшей собираться на Хопре булавиной вольницы — на первых порах с ней легко было справиться — начинают заниматься укреплением мест, называемых в допросах и «прелестных» письмах. Конным и пешим войскам, которые правительство начало стягивать для борьбы с Булавиным, приказали собираться в Туле; за этот город, где изготовлялось оружие, царь Петр особенно опасался.

Деятельность Булавина в Пристанском городке вообще очень ярко характеризует природный ум, сметку и огромную энергию вождя восстания. Весьма примечательны и порядки, которые Булавин вводит в своем войске.

В первые же дни одновременно с «прелестными» письмами Булавин посылает грамоты «по реке Хопру и по Медведице и по Бузулуку, по всем станицам, чтоб съезжались лучшие люди по двадцать человек от станицы в Пристанский городок на совет». Собранный таким образом войсковой казачий круг избирает Булавина походным атаманом и как бы узаконивает намеченные им мероприятия.

С ведома этого круга назначаются старшины, полковники, есаулы, знаменщики; выделяются отряды для отгона лошадей с государственных конных заводов; и Булавин, уже как избранный войском походный атаман, посылает по донским рекам приказ, «чтоб по всем станицам всем казакам верстаться пополам: одной половине быть готовым

в поход конным и оружейным, а другой быть на куренях».

Булавин назначает казака Степана Жукова ведать допросами прибывающих людей, а несколько позднее создает на дорогах тайные заставы, которые задерживают подозрительных лиц и перехватывают письма начальных людей.

Вынесение приговоров по важным делам Булавин поручает войсковому съезду или совету своих старшин и полковников. Козловец Кузьма Андиферов, задержанный в Теликинском городке на Хопре по подозрению в шпионстве, впоследствии показал: «И тот-де вор Булавин велел тем теликинским провожатым доставить его, Кузьму, в Усть-Хоперский городок для того, что-де в том городке будет вся река в съезде, и что-де всею рекою ему, Кузьме, приговорят, казнь ли ему учинить или освободить, то он, Булавин, и учинит. И в тот же день он, Булавин, собрав своих полковников и есаулов и посоветовав с ними, его, Кузьму, отпустил и лошадь его, которая в Теликене городке у него была отобрана, ему, Кузьме, отдал»¹⁴.

Основное внимание Булавина было сосредоточено на подготовке войска. Голытьба приходила в Пристанский городок с пустыми руками. Надо было всех приодеть, накормить, вооружить, подготовить к предстоящему походу. И все это в самый короткий срок.

Булавин заботится даже об артиллерии. Узнав, что в Борисоглебске стоят две старые пушки, он немедленно посылает казаков взять эти орудия, но предупрежденный воевода вывез их из города. Дважды посылаются казаки в Донецкий городок, где находились пушки Воронежского Адмиралтейства, однако достать их тоже не удалось. Впрочем, Кондратий Афанасьевич надежды не терял. Беглые солдаты-артиллеристы, принятые им на службу, пользовались у него особым почетом. Они еще пригодятся!

Менее чем за один месяц Булавин сумел собрать весьма значительную по тем временам армию, насчитывающую свыше десяти тысяч человек. Добрая половина из них была посажена на коней, составив несколько устроенных по-казацки полков.

В конце марта, как только Хопер очистился ото льда, Кондратий Афанасьевич отправился с войском в Черкасск. Конница шла берегом, в восемь рядов, под кумачовыми знаменами, за ней двигался войсковой обоз. Две тысячи пеших голутвенных, вооруженных ружьями и пищалями,

плыли по реке на отбитых государевых бударах и стругах.

Остальная безоружная и бесконная вольница и две сотни запорожцев оставались в Пристанском городке. Атаманом над этими запасными войсками поставлен Лукьян Хохлач. Он обязывался доставать коней, оружие, составлять из оставшейся и продолжавшей подходить со всех сторон голытьбы отряды и отсылать их к Булавину.

Посланные князем Волконским в Пристанский городок шпионы Дементий Сушков и Тимофей Кусов, возвратившись в первых числах апреля в Козлов, показывали:

«Кондрашка Булавин, собрав в хоперском Пристанском городке несколько тысяч человек, пошел конницею и водою в Черкасск для истребительства войскового атамана и старшин, будто за их неправду. А с ним-де пошло из всех хоперских и бузулукских и медведицких городков старых казаков из каждого городка по половине, а бурлаки все. Да тамбовцы, которые высланы из Тамбова для сгонки в Азов плотов, с ними соединились. А взяв-де Черкасск идти им, вора, разорять Азов, а потом до Москвы; а в Азове и на Москве и во всех городах вывести им бояр да прибыльщиков да немцев... да он же, Булавин, из воровского его походу в хоперские городки к оставшему от него атаману Хохлачу присылает письма, чтоб они, казаки, ныне хлеба не сеяли и не пахали и из городков никуда не отлучались, а были б в собрании и к службе в готовности. А пришлых с Руси беглецов принимали бы со всяким прилежанием, а против прежней обыкности с них, беглецов, деньгами и животами и вином не брали для того, чтоб больше к ним в хоперские городки беглецов шло. А таких-де беглецов по половине посылают они, казаки, за ним, вором Булавиным, вслед. А таких-де беглецов встретилось с ними, идут с Руси в хоперские городки многое число».

III

Воронежского воеводу Степана Андреевича Колычева появление булавинцев на Хопре встревожило еще больше, чем воеводу козловского. Кто знает, не учинят ли воровские казаки какой-нибудь шкоды кораблям российского флота, стоявшим в Воронеже, Ступине, Шатрове и Таврове?

Колычев был старым честным служакой, он хорошо знал, как дорог царю Петру каждый корабль, и поэтому

прежде всего приказал подполковнику Рыкману, командиру Воронежского пехотного полка, усилить охрану ко- раблей.

Однако беда пришла совсем не с той стороны, откуда она ожидалась.

На реке Битюге, близ новопостроенного города Боброва, готовились лесные материалы для Воронежских верфей. Главный надзиратель немец Брум думал лишь о своей выгоде, ухитряясь отполовинивать и без того скудное казенное жалованье трудникам, которых заставляли работать по двенадцать часов, а кормили гнилым хлебом да затхлой солониной. Строптивых и непослушных работников немец отсылал к бобровскому воеводе, тот люто драл их батогами, морил в тюремных сырых казематах. Не удивительно, что, услышав о появлении булавинской вольницы, работные люди постарались связаться с нею.

Козловец Гур Лычагин рассказал о том, как с реки Битюга, где готовят лесные припасы, «приходили четыре работника в Пристанский городок к воровскому атаману Хохлачу и били челом, что им, работным людям, лесные припасы готовить тяжело и чтоб он с казаками от той тягости их оборонил. И он-де, Хохлач, собрав воровских казаков человек двести с ружьем, поехал на ту поделку для взятъя немца, которому та поделка приказана, и для обороны работных людей».

30 марта Лукьян Хохлач с казаками хозяйничал на Битюге. Работные люди повсюду встречали их радостно. Многие тут же вооружались чем попало, присоединялись к восставшим. Надзиратель Брум, подрядчики и стражники были повешены. Никто убежать не успел.

А вечером того же дня внезапным налетом Лукьян Хохлач взял город Бобров.

Шла страстная неделя. Воевода и другие начальные лица находились в церкви. Священник заканчивал службу. Воевода, стоявший у амвона, громко вздыхал. Великопостные песнопения щемили душу. Оплывшие нагаром свечи слабо мерцали.

Неожиданно среди молящихся произошло какое-то шумное движение. Воевода сердито оглянулся и обомлел... Прямо на него были устремлены горевшие злобой глаза битюгского гультая Ромашки Желтопятого, которого только сегодня утром он, воевода, подверг за распространение воровских слухов жестокой порке, а затем приказал поса-

дить на цепь в острожной яме... Как же он оттуда выбрался?

Размышлять воеводе, впрочем, долго не пришлось. Ромашка протиснулся к нему, схватил, словно клещами за руку:

— Хватит! Всех грехов не замолишь! Пойдем со мною...

Стоявшие за Ромашкой люди тут же скрутили и воеводу, и бургомистра, и подъячих, а заодно и попа, пытавшегося увещевать казаков, и поволокли их из церкви на площадь.

Там собравшиеся жители с любопытством слушали Лукьяна Хохлача, призывавшего их к вольной жизни. У приказной избы полыхал костер, жгли указы и казенные бумаги, а из домов бобровских начальных людей и богатеев казаки выносили пожитки и складывали их на телеги.

Лукьян Хохлач, увидев связанного воеводу, крикнул:

— Эй, братцы, кто в деньгах нуждается? Пять целковых тому, кто воеводу на острожные ворота вздернет!

Ромашка, нетерпеливо крутивший в руках заранее приготовленную веревку, сказал с ухмылкой:

— Дорожишь, атаман. Я за один рубль охотно трех воевод удавлю, да и веревки своей не пожалею...

Расправившись с недругами и разбив кабаки, всю ночь гуляли казаки и бобровцы. А на другой день Лукьян Хохлач отправился с казаками вверх по Битюгу, забрал с государевых конюшен хорошие косяки лошадей и, переночевав в большом селе Чигле, совсем недалеко от Воронежа, спокойно повернул в Пристанский городок.

Узнав об этом безнаказанном марше воровских казаков по Воронежской губернии, воевода Степан Андреевич Колычев вызвал подполковника Рыкмана и сказал:

— Мы с тобою, Виллим Иванович, солдат в гарнизоне держим, корабли государевы от воров оберегаем, а воры, не ведая никакой острастки, час от часу множатся и по всей губернии, словно по своей вотчине, гуляют...

— Слыхал, Степан Андреевич,— вздохнул Рыкман, раскуривая трубку, с которой никогда не расставался.— Я двойной караул при кораблях поставил!

— Это хорошо, да воры-то не только кораблям опасны,— продолжал воевода.— Битюгский приказной пишет, что в Боброве и в Чигле и в иных местах, где Лунык Хохлач разбойничал, работные люди и мужичишки сплошь с

с ними, ворами, в единомыслии... Вот чего страшусь!

— Надо государя просить, чтобы для воинского промысла над ворами драгун прислали,— заметил Рыкман.— Иначе замыслов воровских не пресечешь.

— Кабы было кого прислать, так не стали бы в Посольском приказе пустые отписки для нас стряпать,— отозвался сердито Колычев.— Указал-де великий государь промысел над вором Кондрашкой Булавиным чинить по-прежнему стольнику Степану Бахметеву с царедворцами, да с ними в том походе быть Воронежскому полку Рыкмана.

— Того никак не можно,— недоумевая, пожал плечами Рыкман.— Полк мой к Воронежскому Адмиралтейству для охраны российского флота причислен.

— В том-то и суть,— кивнул головой воевода.— В приказе не хуже нашего о том осведомлены, а пишут... стало быть, иной воинской силы нет, Виллим Иванович... Сам разуместь должен, шведы того и гляди границы наши перейдут.

— А на что же надеяться, Степан Андреевич? — спросил Рыкман.— Воров в тылу оставлять зело опасно...

— Донские низовые казаки, думается мне, с Кондрашкой в лучшем виде управятся,— ответил Колычев.— Воронежский посадский человек Иван Сахаров возвратился вчера из Черкасского, сказывал, что войсковой атаман Лукьян Максимов с конницею и пушками и со всякими войсковыми припасами вверх по Дону отправился против воров... А во всех-де низовых станицах, сказывал тот посадский, казаки крест целовали, чтоб служить государю верно и дуровства воровского не допускать. Оно понятно: низовым казакам голытьба Кондрашки Булавина словно кость поперек горла. Однако ж,— передохнув, продолжал воевода,— и нам, Виллим Иванович, сложа руки сидеть не следует. Сего ради собрал я из разных мест губернии офицеров, урядников, стражников, гренадеров, пушкарей и станичников, да эскадрон драгун, всего четыреста тридцать шесть человек конных, и решаю послать их на воронежскую границу, дабы воровских шаек в близость к нам не допускать и воровское единомыслие повсюду искоренять... Что на сие скажешь, а?

— Очень хорошо,— одобрил Рыкман.— Токмо добрый начальник войску сему потребен...

— А добрый начальник у нас есть...

— Кто же?

— Ты сам, Виллим Иванович... В полку твоём, слава богу, среди солдат блази нет, офицеры толковые, каких-нибудь две или три недели, пока в походе будешь, без тебя обойдутся...

Доводы воеводы были убедительны. Рыкман возражать не стал. Спросил кратко, во-военному:

— Когда укажете отправляться в поход?

— Да чем скорей, тем лучше,— сказал Колычев.— Завтра принимай под начало войско, а послезавтра с богом с Воронежа и трогайтесь.

Рыкман молча кивнул головой. К концу концов, если не дать острастки бунтовщикам, они могут внезапно подобраться и к флоту, охрана которого ему доверена.

...Воронежский посадский Иван Сахаров, побывав в Черкасске, рассказал о том, что там видел, и тем успокоил воеводу. Но Сахаров не мог, разумеется, разглядеть всех сложных, противоречивых чувств и настроений, существовавших тогда в среде донского казачества.

Кондрат Булавин в Пристанском городке собирает вольницу для похода на Черкасск! Одного этого известия было достаточно, чтобы встревожить войскового атамана Лукьяна Максимова и донскую старшину, повинную в прошлогоднем предательстве. Лукьян Максимов тотчас же поехал в Троицк просить у азовского губернатора совета и помощи.

Толстой, оценив положение, ни одним намеком не выдал, что знает об участии войскового атамана и старшин в убийстве князя Долгорукого и об их взаимоотношениях с преданным ими затем Булавиным. Толстой понимал, что теперь этому старому рыжебородому негодяю Лукьяну и вечно изменчивой донской старшине ничего не остается, как всеми способами защищать себя от нависшей над ними смертельной опасности, а посему вполне на них теперь можно положиться.

Посоветовав поскорей собрать донское войско и выступить против Булавина, чтоб не дать ему времени укрепиться в силах, Толстой обещал щедрое снабжение пушечными снарядами, порохом и свинцом, а также посылку вместе с донцами полковника конной службы Николая Васильева с азовскими гарнизонными солдатами, казаками и калмыками.

Донская старшина начала лихорадочно готовиться к походу. Во всех низовых станицах попы по распоряжению войскового атамана проклинали вора и богоотступника Кондрашку и приводили казаков к присяге на верность царю. В урочище на речке Кагальнике, где собиралось донское войско, свозили артиллерию, снаряды, провиант, фураж.

Однако основная масса старожилых казачества, выказывая видимое послушание войсковой старшине и не отказываясь от целования креста, настроена была иначе.

Старожилы не забывали, что Кондратий Булавин, будучи природным донским казаком, честно и отважно отстаивал на Бахмуте их общие казацкие интересы, что убийство Долгорукого и прекращение жестокого сыска совершено с общего их согласия, а необычайное рвение войскового атамана и старшины, подготавливающих теперь донское войско в поход против Булавина, вызвано лишь боязнью справедливой расплаты за их собственные тяжкие грехи. Старожилым казакам нет нужды держать руку войскового атамана и богатых низовых стариков.

О голутвенных казаках, живущих в низовых станицах, нечего и говорить, они целиком были на стороне Булавина и, вступив в собираемое старшинами войско, ожидали первого случая, чтоб перейти к булавинцам.

В несколько особом и довольно затруднительном положении находился Илья Зерщиков. Всю зиму он внимательно следил за действиями Булавина в Запорожье и, сказываясь больным, уклонялся от войсковых дел, поддерживая в то же время тайные связи с булавинцами, остававшимися на Дону. Зерщиков бывал зимой у взятого им на поруки староайдарского атамана Семена Драного и у братьев Булавина в Рыковской станице.

Но, узнав, что помощь Кондратию Афанасьевичу запорожцы ограничили разрешением собирать в Кодаке гультаев, Зерщиков потерял на него надежду, считая деятельность его конченной. Зерщиков опять сближается с Лукьяном Максимовым, помогает восстанавливать порядок в верховых станицах, становится войсковым наказным атаманом.

Появление Булавина в Пристанском городке несказанно удивило Илью Григорьевича. Что может сделать Кондрат, имея всего две-три сотни запорожских гультаев?

— Нечего нам воров опасаться, — успокаивал Зерщи-

ков войскового атамана и встревоженных старшин.— Мы и до Хопра не дойдем, как царские драгуны покончат с гультиями...

— Твоими устами да мед бы пить,— вздыхали старшины.— Дай бог, коли так, а ежели укрепится Кондрашка на Хопре, да сюда с вольницей своей обрушится?

— Быть того не может, не допустят воеводы бунта,— отмахивался Зерщиков, да и сам верил, что иного исхода не будет.

Лукьян Максимов перед отъездом к походному войску сказал Зерщикову:

— Опасаюсь я, как бы сечевики не оказали подлинной помощи Кондрашке... Ты б, Илья Григорьич, написал грамоту от Войска Донского кошевому Гордеенко, чтоб не давали там веры прелестным воровским письмам.

Возможно, войсковой атаман просил об этом наказного потому, что знал о старинных приятельских отношениях его с кошевым Гордеенко, а может быть, хотел убедиться в верности Зерщикова, крепче связать его со старшиной подписью подобной грамоты.

Илья Григорьевич, разгадывая намерение войскового атамана, сказал спокойным тоном:

— Напишу сегодня же... Хотя зря опасаясь, не станет Гордеенко без толку запорожцев губить.

Грамота, посланная в Сечь, гласила:

«Кошевому атаману и всему войску запорожскому донские атаманы и казаки, наказной войсковой атаман Илья Григорьев и все Войско Донское челом бьют. В нынешнем 1708 году приехал к вам в Сечю вор и изменник донской казак Кондрашка Булавин с единомышленниками своими и сказывал вам, будто мы Войском Донским от Великого Государя отложились и для того будто его, вора, к вам прислали, чтоб вы войском шли к нам на помощь. И тем его словам прелестным вы не поверили и из Сечи его выслали вон. И тот вор Кондрашка Булавин ныне явился на Хопре в верховых наших казачьих городках, и для искоренения того вора и его единомышленников войсковой наш атаман Лукьян Максимов с Войском Донским пошел в поход. И ныне мы в своем войсковом кругу приговорили послать от себя к вам в Сечю свое войсковое письмо для подлинного уверения, что мы Великому Государю Петру Алексеевичу служим верно, за православную веру и за него Великого Государя готовы головы свои положить. И вам, кошевому

атаману и всему войску впредь никаким возмутительным письмам и его, Булавина, товарищам не верить. А буде такие вору явятся, и их присылать к ним, за крепким караулом».

И вдруг...

Не успела грамота дойти до запорожцев, не успел еще Лукьян Максимов доехать до Кагальницкого урочища, где собиралось донское войско, как к наказному атаману Зерщикову примчался побывавший у Булавина в Пристанском городке Семен Дранный с неожиданными вестями:

— Булавин сухим и плавным путем идет в Черкасск... А с ним из всех хоперских, бузулуцких и медведицких станиц половина казаков да вольница... Лошадей с государевых заводов Кондрат побрал, пять конных полков устроил. А голытьбу на будары и струги посадил. Народу сила, смотреть любо!

Зерщикова это сообщение поразило и чрезвычайно взволновало, но, привыкнув скрывать свои мысли и чувства, он не выразил на лице никакого удивления.

— Я уже слыхал... Скоро, однако, Кондрат собрался... Голытьбы-то с ним много ли?

— Тысяч десять, думается, будет, и еще немало набегут... Да у меня донецких верховых казаков тысячи две в полной готовности.

— Я Кондрату прошлой осенью сказывал, что все донские реки за наши старые вольности поднимутся...

— Он вспоминал о том, — подтвердил Семен. — Поклон тебе прислал и просит, чтоб ты низовых станичников от противенства ему остерегал.

— Стараюсь, сколь возможно... В донском походном войске и половины природных казаков нет, чтоб по душе стояли за предателей старшин... Вот что в толк возьми!

Семен Дранный, уверившись еще раз в неизменном дружестве и единомыслии наказного, вскоре уехал. А Зерщиков долгое время оставался в мрачном раздумье...

Непостижимая быстрота, с какой Булавин создал и вооружил целую армию, просто ошеломляла. И все это делалось открыто и не где-нибудь на окраине, а в центре страны, под носом у царских воевод, которые оказались не в состоянии хоть чем-нибудь помешать сбору вольницы. Стало быть, царское правительство более бессильно, чем можно было предполагать, а Булавин умнее, смелее и дальновиднее, чем думалось...

И теперь что же? Непрерывно пополняемое верховым казачеством и гулятьями войско Булавина идет вниз по Хопру на Черкасск, а войско Лукьяна Максимова вот-вот тронется навстречу. Следовательно, в ближайшие дни произойдет решительная схватка, которая определит дальнейшую судьбу донского казачества. Зная силы противников, Зерщиков почти не сомневался, что победу одержит Булавин, а если так... Тут-то и приходилось ломать голову.

Зерщиков много лет поддерживал Булавина, боровшегося за старинные права и вольность тихого Дона, готов был поддержать и сейчас, но булавинское войско, как пояснил Семен Драный, состояло ныне не из одних верховых голутвенных казаков, а в большей части из российской голытьбы, работного люда, лесорубов, бурлаков, необузданных и непривычных к казацким порядкам... Пребывание их в Черкасске и в богатых низовых станицах чревато серьезными столкновениями с донским природным казачеством... В отличие от других старшин Зерщиков полагал, что «своих» донских голутвенных казаков всегда можно окоротить, а российская голытьба — иное дело.

А потом, как еще удастся оправдаться перед Булавиным за некоторые поступки, свершенные ему во вред, и за эту проклятую грамоту запорожцам, которую в недобрый час черт подсунул!

Зерщиков хотя и не прерывал тайных сношений с булавинцами и даже успел на всякий случай — ибо судьбы божии неисповедимы — еще в Пристанском городке обнадежить Булавина через своего свойственника и приятеля Василия Поздеева весточкой о том, что старожилое казачество в Черкасске ждет его и встретит с радостью, а все же своих грехов, порожденных двоедушием, накопилось немало.

Надо было что-то предпринять, чтоб еще больше расположить к себе Кондрата.

Ночью, когда потухли последние огоньки в куренях черкасских казаков, Илья Григорьевич отправился в ближнюю станицу Рыковскую, где жили братья Булавина.

IV

4 апреля 1708 года Кондратий Афанасьевич Булавин находился в большой, раскинувшейся по Хопру и Дону казацкой станице Усть-Хоперской. Конные полки и обоз

заканчивали переправу на паромах через Дон. Будары и струги с пехотой уже несколько дней стояли у станичного донского причала. Вблизи размещались государевы житницы с хлебными запасами. По распоряжению Булавина семь тысяч четвертей муки взяли для войска, погрузили на будары, остальной хлеб роздали местным жителям по мешку на человека.

Был первый день пасхи. Весело звонили колокола станичной церкви. Толпившиеся на берегу празднично одетые устьхоперцы провожали казаков, желали им удачи.

Булавин, одним из последних переправившись через Дон, сопровождаемый старшиной и полковниками, объезжал на гнедом жеребце Салтыковского завода конные войска, вытянувшиеся по берегу на несколько верст. Погода стояла теплая, солнечная. Нежная зелень покрывала поля. Ржали кони, скрипели телеги. Легкий речной ветерок колыхал знамена.

На душе у Кондратия Афанасьевича было радостно. Пока все как будто удавалось. Войско имело хороший вид, настроение у всех чудесное, провианта и фуража хватит надолго. Вчера вечером подошли под начальством Семена Драного донецкие казаки. А сегодня ранним утром приехали брат Иван и сын Никиша, передали весьма важные тайные сведения об идущем навстречу донском войску, сообщенные Ильей Григорьевичем Зерщиковым. Верный друг не сидел сложа руки в Черкасске!

Осмотрев на марше конные полки, Булавин приостановил коня на береговом взгорье, откуда открывался широкий вид на полноводный, отливавший бирюзой Дон, по середине которого в строевом порядке плыли с распушенными парусами десятки стругов и будар с пешей вольницей. Кондратия Афанасьевича там заметили, по реке раскатиисто громыхнуло:

— Будь здрав, атаман! Слава! Слава!

Булавин снял шапку, приветливо помахал вольным. Потом повернулся к старшинам, весело, уверенно сказал:

— Не одолеть такой силы старикам изменникам... Возьмем Черкасск, братья!

Старшины согласно закивали головами. И только один находившийся среди них казак, видимо пропустив мимо ушей слова атамана, неотрывно продолжал смотреть на реку, думая о чем-то своем. Казак этот был в средних годах, крепко сколочен, с крупными чертами лица и с темной гу-

стой курчавившейся бородой. Звали его Игнатием Некрасовым. Говорили, будто некогда служил он в армии Шереметева, застрелил офицера за издевательства над солдатами, затем удачно бежал и поселился в донском городке Голубых, где проживал уже свыше пятнадцати лет, занимаясь кузнечным делом. Станичники уважали Некрасова за военные познания, за умелый труд, смелость и прямоту в суждениях. Некрасов не раз заступался за обижаемых домовитыми казаками голутвенных, и, хотя подобное заступничество домовитым не нравилось, они почти всегда уступали, побаиваясь ссориться с настойчивым, сильным, умевшим поставить на своем станичным кузнецом.

Не удивительно, что, порешив идти к Булавину, казаки городка Голубых и соседних станиц избрали Игната Некрасова своим атаманом. Приведенные им в Усть-Хоперскую две казачьи конные сотни отличались хорошей походной справностью и сразу привлекли общее внимание.

Булавин, поговорив с Некрасовым, безошибочно отгадал в нем большую силу воли, недюжинные способности командира. Некрасов стал одним из булавинских полководцев.

И теперь Кондратий Афанасьевич, заметивший задумчивость Некрасова, подъехал к нему, спросил:

— Ты о чем, Игнат, словно закручинился? Иль сомнение какое на душу пало?

Некрасов таиться не стал, высказался прямо:

— Прикидываю я, Кондратий Афанасьич, какая надобность нам донское понизовье воевать? Голытьба-то первой всего в добыче нуждается, а велика ли пожива в Черкасске? Ну, раздуванят добро изменников-старшин, а дальше что? Коли свару голутвенные с природными казаками начнут — в крови потонешь...

Булавин, слушая, хмурился. Самому в голову лезли подобные вопросы, и были они как будто разумны, да неприятны, ибо сколько об этом ни размышлял, ясности никогда не бывало. Ответил Кондратий Афанасьевич сердито:

— Сперва войско старшинское осилить надо и Черкасск забрать, а там всем кругом помышлять о дальнейшем... — И, чуть помолчав, покосился на Игната: — А ты как бы сам порешил? Чего надумал?

— На Волгу с голытьбой пошел бы, — отозвался Некрасов. — Там простору больше, и города стоят богатые, и караваны торговые ходят, без хлеба не будешь... А то на

стружках, по разинской проторенной дорожке, и к персидским берегам добраться можно. И опять, ежели царские войска давить начнут, свободней оттуда на Кубань и на Терек уйти...

— Я туда и с Дону хаживал,— вставил Булавин.— О том пока загадывать рано.

Кондратий Афанасьевич понимал, что в словах Некрасова много правды, но больно уж не ко времени этот разговор. И, резко его оборвав, перешел на другое:

— Ты посоветуй лучше, где с большей выгодой заложить нам стан и ожидать донское войско? Ты ж в сих местах не первый год живешь и, чаю, ведаешь все береговые балки, леса и буераки?

Некрасов пояснил:

— Ежели занять успеем, ежели Лукьян Максимов нас не опередит... нет удобней места, чем у Красной Дубравы, чуть повыше Паншина. Там и обоз легко укрыть, и пешую вольницу, и засаду конную устроить.

Булавин поправился в седле, потом произнес раздумчиво:

— Красная Дубрава... Пожалуй, верно... А занять успеем. Лукьян вчерашний день в Нижнем Курмояре находился, оттуда суток пять до Красной Дубравы, а мы на трети там быть должны... Посмотрим!

...Подготавливая битву у Красной Дубравы, Булавин проявил свои недюжинные таланты военачальника.

Донское походное войско, собранное Лукьяном Максимовым, состояло из восьми тысяч конных превосходно вооруженных казаков и нескольких сотен азовских гарнизонных солдат и калмыков. Булавинские войска численно равнялись с донцами, но конницы было меньше, а пешая вольница вооружена чем попало. Главное же преимущество донского войска заключалось в артиллерии, которой у Булавина не имелось. Зерщиков сообщил, что Лукьян Максимов взял четыре пушки, а губернатор азовский обильно снабдил их снарядами.

Булавинцы заняли Красную Дубраву 7 апреля, в то время, как донское войско находилось еще в восьмидесяти верстах отсюда. Булавинцы получили возможность выбрать лучшие позиции и хорошо отдохнуть. Местность представляла несомненные выгоды для всяких военных изворотов. Берега Дона и впадавшей в него речки Лисковатки были холмисты, покрыты лесом и густым кустарни-

ком. Лопчины и буераки позволяли булавицам не только надежно укрыться, но и зайти кружным путем в тыл противника.

Кондратий Афанасьевич отлично всем этим воспользовался. Зная порядок боевого устройства казачьих войск, он точно определил, где Лукьян Максимов поставит обоз, где выставит пушки, и в соответствии с этим наилучшим образом разместил свою конницу и пехоту. Немало стараний было употреблено и на то, чтоб «посеять плевелы смуты в донском войске», как выразился один из участников событий.

Дозоры и передовые сотни булавинской конницы были подобраны из коренных казаков. Столкнувшись на другой день близ Красной Дубравы с казаками передового отряда донского войска, булавицы затеяли с ними мирную беседу. Сделать это оказалось совсем нетрудно: среди казаков обеих сторон нашлось немало односумов, приятелей, свойственников. И общий язык был быстро найден.

— Зачем напрасно казацкую кровь проливать? Надо миром распрю уладить. Надо между собой сыскать виноватых.

Бывшие в донском войске казаки верховых городков собрали круг. Лукьян Максимов и старшина тщетно пытались усовестить станичников, напоминая о недавнем крестном целовании. В полном единомыслии казаки все доводы старшины отвергли, от боя с Булавиным отказались и «приговорили учинить с ним пересылку и разговор».

Лукьян Максимов вынужден был уступить.

Наутро в булавинский лагерь отправились старшина Ефрем Петров и выбранные войсковым кругом казаки.

Булавин, окруженный своими полковниками и есаулами, принял посланных с подобающей честью. Ефрем Петров сказал:

— Войско Донское просит вас, атаманов-молодцов, объявить, зачем чините вы крамолу в донских городках и по какой надобности, собрався многолюдством, идете ныне в Черкасск?

Кондратий Афанасьевич спокойно ответил:

— Тебе, Ефрем Петров, чаю, ведомо, как прошлой осенью войсковой атаман Лукьян Максимов посылал меня с верховыми казаками убить князя Юрия Долгорукого, а потом, дабы скрыть воровство свое от государя, стал чинить над нами воинский промысел... Ты, Ефрем Петров,

сам, чаю, помнишь, — возвысил негодующий голос Булавин, — как многих новопришлых и старожилых казаков вы по деревьям за ноги вешали, и всякое надругательство над нашими жепами творили, и младенцев меж колодами давили, и городки наши многие огнем выжгли, а пожитки наши на себя отбирали...

Молча слушали казаки страшную повесть о предательских бесчеловечных действиях донской старшины. Ефрем Петров стоял, опустив голову, не смея поднять глаз, чувствуя, как страх перед возмездием леденит все тело.

А Булавин, обратившись к казакам, продолжал:

— Скажите Войску Донскому, станичники, что встали мы за правду, за старые наши права и вольности, а в Черкасск ныне идем, чтоб наказать новоявленного Иуду — войскового атамана Луньку Максимова и неправых старшин за их воровство и злую измену... Выдайте головой вора Луньку Максимова и соединяйтесь с нами!

Казакам речь атамана понравилась. Возвратившись в свой лагерь, они снова собрали войсковой круг, но... в это время булавинская конница жестоким напуском ударила на стоявших в стороне азовских казаков и калмыков, а Игнат Некрасов с конным полком с тыла налетел на войсковой обоз и захватил пушки.

Верховые казаки донского войска стали палить вверх из ружей и закричали:

— Слава Булавину! Будем вкупе стоять заодно!

Лукьян Максимов со старшиной, азовский полковник Николай Васильев и наиболее преданные войсковому атаману низовые казаки и калмыки едва успели спастись бегством.

Победа Булавина была полной. В его руках оказался весь обоз Войска Донского, пушки и снаряды, вся войсковая казна, восемь тысяч рублей — огромные по тем временам деньги, тут же отданные для дувана наиболее нуждающейся вольнице.

А главное, армия Булавина увеличилась почти вдвое и двигалась теперь к Черкасску, не предвидя более никакого сопротивления.

V

Царь Петр жил в своем парадизе, как именовал он новостроющийся город Петербург. Сильнейшая лихорадка, усиленная горловой и грудной болезнью, на целых три не-

дели приковала Петра к постели. И лишь сегодня, 12 апреля, он впервые вышел из дома.

День выдался на редкость теплый и ясный. Пахло морем и смолой. Всюду стучали топоры и визжали пилы. Петр заглянул в крепость, побывал на строительных работах, прокатился на парусном боте по Неве, а затем, зайдя в аустерию, часа два за кружкой пива толковал там с голландскими негодциантами и матросами о разных корабельных и торговых делах.

Возвращался он довольный, оживленный. Пять лет назад пустынные и неприглядные были эти угрюмые места, а ныне, словно сказочный богатырь, поднимается здесь заложенный им чудесный город, и украшается, и богатеет, и корабли с иноземными флагами стоят на реке. Отрадно думать об этом.

В оттопыренных карманах царского выдавшего виды кафтана лежат подаренные голландцами заморские диковинки — яблоки земляные. Сие для сердечного друга Катеринушки! В рубленом обшитом тесом двухкомнатном домишке светлей и теплей как будто стало с тех пор, как она хозяйничает тут, проворная, ласковая, любимая...

И сейчас, едва переступив порог, Петр очутился в ее нежных объятиях:

— Где так долго гулять изволили, хозяин дорогой? Соскучилась я, свет мой...

— Заговорился с иноземцами, Катеринушка. Шкипера знакомого встретил. — Петр полез в карман, достал пару крупных в грязноватой кожуре заморских диковинок и, протянув ей, продолжал: — Яблоки земляные, сиречь картопель, новый, лучший сорт... Наказал голландцам тысячу пудов этих лучших сортов нам доставить.

Катерина слегка обтерла шелковым платочком картофелину, с хрустом откусила:

— Ах, сколь дивен сей заморский плод... Балуете меня, хозяин...

Петр от удивления округлил глаза. Катерина продолжала кушать, похваливала:

— По мне картопель сей во всем лучше абрикос... И нежен и духовит.

Петр досадливо закусил губу. И тут бабье лукавство! Не вытерпел, крикнул:

— Ври больше! Его печеным едят, а сырым вкусу не имеет, сам пробовал.

Он хотел еще что-то добавить, но сдержался, только сердито засопел и, круто повернувшись, ушел в свой кабинет.

А там давно ожидал с бумагами секретарь Алексей Васильевич Макаров. И по его невзрачному, в этот момент сосредоточенному лицу Петр сразу догадался, что есть какие-то неприятные известия. Опасаясь более всего внезапного наступления шведов, спросил нетерпеливо:

— От Меншикова из войска ничего нету?

— Есть, государь...

— Ну?

— Шведы по-прежнему стоят в Родошковичах... Александр Данилович сообщает, что король Карлус с панами банкетует и никаких приготовлений к походу наши лазутчики не примечают...

Петр, успокаиваясь, набил табаком трубку, закурил:

— А еще откуда нынче ведомости? Главные сказывай...

— С Дону от войскового атамана Лукьяна Максимова... Тако же от губернатора азовского господина Толстого и от стольника Степана Бахметева отписки...

— Иль опять о донских ворах?— поморщился Петр.— Что там за важность такая?

— Вор Кондрашка Булавин снова в большую силу входит, государь...

— А чего ж они сами губы распускают? Мы ж писали, чтобы им сообща трудиться, дабы злые Кондрашкины намерения разрушить и пущих заводчиков переловить...

— Просят, государь, учинить указ о присылке прибавочных ратных конных и пеших людей, пушек и пушкарей и подъемных лошадей и всяких артиллерийных припасов...

Петр выдохнул густую струю дыма, перебил:

— Ишь чего надумали! Оголяй рубежи, посылай к ним армию, они без того с ворами управиться не могут, дьяволы ленивые... Он где сейчас обретается, Кондрашка-то?

— В Усть-Хоперской станице, государь... Пишут, будто с ним побольше десяти тысяч казаков и гулятьев... И в той-де станице они, воры, лесные материалы, заготовленные для корабельного строения, пожгли, а хлебные государевы запасы разграбили, а работные люди и бурлаки и беглые солдаты повсюду с ними, ворами, соединяются. И ныне-де собирается Кондрашка в Черкасск, чтоб побить старшин...

Петр, слушая, хмурился все больше. Судя по прежним

донесениям азовского губернатора и отпискам донской старшины, он предполагал, что «воровство» Булавина имеет чисто местное значение и достаточно небольшой военной силы, чтобы расправиться со смутьянами. Петр знал о взаимоотношениях войсковой старшины с преданным ими Булавиным и вполне разделял мнение азовского губернатора Толстого, что, страшась возмездия, старшины примут все зависящие от них меры для уничтожения воров. И это обстоятельство тоже отчасти успокаивало.

Чтобы подбодрить войскового атамана и старшину, Петр приказал послать на Дон грамоту, в которой сообщалось, будто «из Литвы в помощь к ним посланы несколько драгунских полков, которые за излишком были», а также «московские ратные, конные и пешие люди, которых будет слишком за двадцать тысяч». На самом же деле под начальством посланного на Дон против «воров» стольника Степана Бахметева состояло всего триста московских ратных людей, да собирались в поход еще два солдатских резервных полка, а в Литве, конечно, никаких лишних драгун не имелось.

Теперь приходилось с большей настороженностью и тревогой размышлять о донских делах. Булавин за какой-нибудь месяц, не встречая сопротивления, сумел создать целую армию. Восстание вот-вот может охватить весь юг страны. Необходимы решительные меры, чтоб как можно быстрее, пока шведы «увязли» в Родошковичах, покончить с бунтовщиками...

Петр, отослав Макарова, перечитал все последние известия с Дона и долго потом с трубкой в зубах шагал по кабинету, изредка останавливаясь перед висевшей на стене картой и покачивая головой. Где взять войска для подавления бунта? О том, чтобы снять несколько регулярных конных полков с границ накануне возможного вторжения шведов, нечего было и думать. Новые рекрутские полки посылать опасно... Козловский воевода Волконский сделал верное замечание: «Если с Москвы присланы будут полки из рекрутов, которые из волостных и из помещичьих крестьян тамошних краев набраны в недавних временах, то, чаю, государь, они к отпору изменников будут ненадежны, для того обносится у нас слово, что нынешний бунт и начался от таковых беглых крестьян, которые бегают из волостей и из-за помещиков, а паче от взятых в рекруты,

и у них есть в бунтовщиках братья или дети и свойственники...»

В конце концов Петр решил выделить из резервной кавалерии два драгунских полка под начальством Ефима Гулица и фон Делдина и солдатский пехотный полк Давыдова. К ним прибавлялись украинские слободские полки Изюмский, Ахтырский и Сумский, четыреста воронежских драгун, отряд Бахметева, а также дворянское ополчение... При мысли о болтающихся без дел царедворцах, укрывающихся в канцеляриях боярских недорослях, в глазах Петра блеснул недобрый огонек: эх, удалось бы собрать всех этих тунеядцев да выбить из них сонную одурь капральской палкой!

Вопрос о вышнем командире карательных войск тоже не был легким... Хороших русских генералов не доставало регулярной армии, генералитет российский наполовину состоял из иноземцев,— Петр морщился, думая об этом,— а уж им, конечно, доверить подавление донского бунта нельзя, это могло еще более ожесточить народ...

И вдруг в памяти Петра всплыло узкое, худощавое, надменное лицо гвардейского майора с холодными серыми глазами, не раз отличавшегося редкой исполнительностью... Для вышнего командира майорский чин, правда, маловат, ведь придется подчинить этому командиру местных губернаторов и воевод, не обойдется без спесивых жалоб и ворчаний, зато майор не будет медлить, подобно воеводам, никому спуску не даст и, можно ручаться, с ворами раздается беспощадно... Майор Василий Владимирович Долгорукий приходился родным братом убитого в прошлом году князя Юрия.

Петр тут же написал ему:

«Min Her!

Понеже нужда есть ныне на Украине доброму командиру быть, того ради приказываем вам оное, для чего, по получении сего письма, тотчас поезжай к Москве и оттоль на Украину, где обретается Бахметев. А кому с тобою быть, и тому посылаю при сем роспись. Также писал я к сыну своему, чтобы посланы были во все украинские города грамоты, чтобы были вам послушны тамошние воеводы все. И по сему указу изволь отправлять свое дело с помощью божию не мешкав, чтоб сей огонь зарань утушить. Piter».

А вместе с росписью выделенных войск Петр, подумав,

решил добавить и свое «рассуждение о том, что чинить»:

«Понеже сии воры все на лошадях и зело легкая конница, того для невозможно будет оных с регулярною конницею и пехотою достичь и, для того только за ними таких же посылать по рассуждению. Самому же ходить по тем городкам и деревням (из которых главный Пристанский городок на Хопре), которые пристают к воровству, и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставанию (о чем вели выписать из книг князя Юрия Алексеевича) воровства у людей, ибо сия сарынь кроме жесточи ничем не может унята быть. Протчее полагается на рассуждение господина майора».

Ночью, осторожно приоткрыв дверь царского кабинета, Катерина увидела, что Петр еще сидит за столом и пишет. Зная крутой нрав своего хозяина, Катерина хотела удалиться, но Петр заметил ее, позвал:

— Иди, иди, Катериночка. Я все дела зараз кончаю...

Катерина подбросила в камин сухих полешек, они весело затрещали, в горнице приятно запахло березовым дымком. Петр встал, потянулся, с видимым удовольствием погрел у камина руки.

— Худо на Дону, дружок мой,— сказал он.— Кондрашка Булавин, коим прошлой осенью князь Юрий Долгорукий убит, паки силу забирает... опасаясь, кабы пущего зла не учинил... А посему семь тысяч драгун и солдат против того вора отправляю. А вышним командиром брата покойного князя Юрия, майора нашего Василия поставил.

— Тем уже выбор ваш хорош, Питер,— вставила Катерина,— что господин майор поноворки вора не даст за дружбу ихнюю...

— Сообразила, умница!— довольно' похвалил Петр.— Припишу в письме, будто опасаясь сей поноворки... Пусть злей станет!— И, обняв Катерину, смеясь припомнил:— А как давча... картопель сырой... Эх вы, Евины дочки!

...Спустя несколько дней в Москве всюду читали именной государев указ:

«Против воров и бунтовщиков Кондрашки Булавина с его единомышленниками быть на своей, Великого Государя, службе московским всех чинов людям, и городовым полковой службы и отставным и нетчикам, которые к смот-

ру в Москве не бывали,— всем по списку, опричь тех, которые ныне на Москве и в городах в посылках и у дел.

А быть им, ратным людям, на той службе в полку князя Василия Владимировича Долгорукого, а до приезда его стать на указанной срок мая девятого числа нынешнего 1708 года. Да им же, вышеупомянутых чинов людям, для той службы, во всех истцовых делах, опричь татиных и разбойных и убивственных дел, до указа отсрочить. И о том в городки к воеводам послать свои, Великого Государя, грамоты с подтверждением».

И в те же дни поздней вечерней порой, таясь лишних глаз, начали выезжать из первопрестольной Москвы закрытые повозки и кареты. Бояре и царедворцы и дворянские недоросли избывали ратной службы и капральской палки, надеялись пересидеть смуту в дальних вотчинах. Пусть смиряют воров и бунтовщиков государевы войска!

VI

А Кондрат Булавин стоял под Черкасском... Бежавшие сюда после поражения при Красной Дубраве донские старшины «окрепились полисадами, также и Рыковской станции казаки окрепились и сели в осаду». Азовский губернатор дал им несколько пушек и мортир, отправил в подмогу искусных азовских пушкарей.

Но войсковой атаман Лукьян Максимов чувствовал свою обреченность. У Булавина было едва ли не двадцатитысячное войско. Что могла сделать горсточка старшин и преданных им домовитых казаков?

Ефрем Петров, поехавший еще раз в Азов говорить с губернатором о воинском сикурсе, возвратился в самом мрачном настроении:

— Толстой сам в страхе великом, опасается, кабы Кондрашка с вольницей на крепость азовскую не опрокинулся... Присылки солдат губернатор в ближайшем времени не ожидает, никакой надежды не подает.

— А донесено ли государю о воровском нашествии и о нашем бедстве?— спросил войсковой атаман.

— Донесено,— сказал Ефрем.— Государь милостивой грамотой нас обнадеживает.

Лукьян Максимов, приняв грамоту, поцеловал ее, передал писарю, велел читать.

В грамоте общими словами подтверждалась посылка

против «воров» большого войска, а затем сообщалось следующее:

«А ныне по имянному нашему указу послан к тем войскам нашей гвардии майор и ближний стольник князь Василий Володимирович Долгорукий. И велено ему над вышеименованными посланными с Москвы и из походу, також над всеми протчими войсками быть вышним командиром, которому во всех наших городах воеводам и протчим велено быть послушным. И как к вам сия наша грамота придет и вы б, войсковой атаман и все Войско Донское, о том нашем указе ведали, и о чем помянутый майор, наш ближний стольник, будет к вам писать и чего требовать, и вам быть ему во всем послушным и чинить над оным вором Булавиным военный промысел при помощи господней, по верности к нам и по вышеписанному нашему указу, которая ваша к нам, Великому Государю, служба никогда у нас забвенна не будет».

Лукьян Максимов поскреб по привычке рыжую бороду, горько усмехнулся:

— Брата покойного князя Юрия поставили, стало быть, вышним командиром... Быть большой крови на Дону!

Ничего более не сказал войсковой атаман, поник головой, пошел тихим шагом в свои хоромы. Не первый год Лукьян Максимов держал в руках войсковую атаманскую булаву, умудрен был долгим опытом, знал, сколько времени пройдет, пока соберутся государевы войска, и отлично понимал, что никакой помощи ему не дожидаться...

Из всех старшин, казалось, одного лишь наказного атамана Илью Григорьевича Зерщикова не коснулся дух уныния. Зерщиков деловито устраивал оборону соседних низовых станиц и всех успокаивал:

— Отсидимся от воров, у нас народу меньше, зато пушек и снарядов больше.

И никто при этом не подозревал, что наказной успел уже сговориться с наиболее влиятельными казаками соседних станиц о сдаче их Булавину. Казаки боялись одного: Лукьян Максимов приказал стрелять из пушек по тем станицам, которые не будут защищаться от булавинцев. Чтобы избежать этого, казаки трех Рыковских, Скородумовской, Тютереvской станиц по совету Зерщикова послали Булавину челобитье:

«О том у тебя милости просим, когда ты изволишь к Черкасскому приступить, и ты пожалуй на наши станицы

не наступай. А хотя пойдешь мимо наших станиц, и мы по тебе будем бить пыжами из мелкока ружья. А ты також-де вели своему войску по нас бить пыжами... потому что на наши станицы будут из Черкасского мозжерами палить, и ты пожалуй нас не подай».

Булавин казацкую кровь щадил и разорения станиц, где относились к нему благожелательно, не допустил. Ночью Булавин пробрался в Рыковскую станицу, там радостно обнял родных и верного друга Илью Григорьевича.

На тайном совещании, состоявшемся в избе Акима Булавина, присутствовали и казаки ближних низовых станиц, приглашенные Зерщиковым.

Булавин спросил:

— Ну, как, станичники, мыслите о Черкасском? Есть у Луньки Максимова силы, чтоб нам противиться?

Казаки согласно ответили:

— Окромя усердных старшин да сотни домовитых казаков никто за Лукьяна не держится... Противиться войсковому нечем!

Зерщиков предложил:

— Допреж всего, станичники, нужно Лукьяна и стариков его схватить да сковать...

Казаки обещали. Но тут же предусмотрительно предупредили Булавина:

— Гляди только, Кондратий Афанасьич, в оба глаза за губебщиками, кабы они нас, природных, обижать не стали.

— Не бойтесь, я с вольницы своей узды не спускаю, — заверил казаков атаман.

1 мая, после того как одна за другой сдались Рыковские, Скородумовская, Тютюревская, Дурная и Прибылая станицы, булавинцы с трех сторон стали входить в столицу донского казачества.

«Черкасские жители, — показал один из участников событий, — встретили воров, не противясь нимало и из пушек не стреляв, в Черкасской пустили, только-де в то время войсковой атаман Лукьян Максимов от своих хором с перил из малой пушки против них, воров, велел стрелять, как они в Черкасской с поля через мост шли, и выстрелили дважды или трижды».

Игнат Некрасов, спешив сотню казаков, быстро справился с войсковым атаманом и небольшой кучкой верных ему старшин. Они были избиты, связаны, взяты под стражу.

Явившийся вслед за тем Зерщиков произвел тщательный обыск в доме войскового атамана, но, к удивлению своему, кроме ковров и разной рухляди, ничего не обнаружил. Зерщиков закусил от досады губы. Ведь точно знал, сколько золота и серебра и дорогих вещей хранилось еще недавно в кованых сундуках Лукьяна. Куда же все это делось?

Зерщиков произвел затем обыск в домах других арестованных старшин — всюду то же самое, большая часть пожитков исчезла. Правда, Илья Григорьевич ухитрился уже загнать на свой баз добрый косяк рысаков из табуна войскового атамана, успел воспользоваться и кое-каким старшинским имуществом, а все же обидно, что уплывало из рук богатство, на которое давно зарились вороватые его глаза...

Между тем Булавин паходился у брата в Рыковской станице и впредь до выборов нового войскового атамана в Черкасск приезжать не собирался. По-видимому, он соблюдал старый казацкий обычай, по которому выдвигаемые кандидаты удалялись, чтоб не стеснять свободы выборщиков. В донесении царю азовский губернатор, отмечая, что Булавин в Черкасск не показывается, писал: «А для управления воровского своего замысла в Черкасской присылает от себя единомышленников своих Игнатия Некрасова и Семена Драного, которые чинят непрестанно круги и выбирают войскового атамана».

Кондратий Афанасьевич в Рыковской станице чувствовал себя как дома. Рыковские казаки, среди которых были братья, много родных и друзей, являлись главной его опорой в донском понизовье. Племянник Левка, сын Акима, восторженный почитатель дяди Кондратия, создал для него даже небольшой охранный отряд из рыковских казачат. Посланный следить за Булавиным шпион доносил: «А совет у него о всем непрестанный с рыковцами».

Когда Зерщиков сообщил о результатах обыска у войсковой старшины, Булавин приказал произвести строгий допрос. Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова, Обросима Савельева, Никиту Саломата и Ивана Машлыченко посадили в лодку и под надзором Игната Некрасова повезли из Черкасска в Рыковскую.

Здесь били их плетями, допрашивали о пожитках. Лукьян Максимов и Ефрем Петров признались:

— Пожитки свои, боясь воровского умышления, отвезли мы в Азов, о чем губернатору Толстому ведомо...

Остальные взятые под стражу старшины показали, что имущество их хранится в Черкасске у свойственников, а частью закопано в подвалах.

Старшин посадили в станичную яму. Найденные пожитки по распоряжению Булавина сложили в рыковский станичный амбар, определив их на жалование голытьбе.

6 мая в Черкасске собрался казачий круг. Из Рыковской привезли скованных цепями Лукьяна Максимова и старшин, поставили близ помоста под сильным пешим и конным конвоем. Толпа глухо зарокотала.

Неожиданно ударили войсковые барабанщики и литаврщики. Появился Кондратий Афанасьевич Булавин, окруженный своими соратниками. Он быстро вошел на помост, снял шапку, поклонился войску. Затем, повернувшись в сторону арестованных старшин, сказал гневно:

— Перед всем великим Войском Донским виню вас, войсковые старики, в злой измене и воровстве. Ведомо всем, как в прошлом году накликали вы вольных убить присланного для сыску новопришлых князя Юрия Долгорукого, а после того, дабы укрыть воровство свое, положили в том вину на одного меня и товарищей моих... И предали нас, как Иуды, и стали воинский промысел над нами чинить, и многих безвинных побили, и по деревьям вешали, и в воду сажали, и всякие иные неистовства творили. Кровь умученных вами вопиет к небу!..

Булавин передохнул и, обратившись к казакам, продолжил:

— Прошу вас, атаманы-молодцы, все любезное Войско Донское, по чести и совести учинить приговор сим злодеям изменникам... Как приговорите, так и будет.

Толпа колыхнулась, грозно тысячью голосов выдохнула:

— Смерть! Смерть изменникам! Побить их всех!

Булавин сошел с помоста и вскоре уехал в Рыковскую. Игнат Некрасов сдвинул конвой вокруг приговоренных. Их повели на Черкасские бугры и там всем отсекали головы.

...А через три дня съехавшиеся в Черкасске казаки ста десяти донских станиц единодушно избрали Кондратия Афанасьевича Булавина войсковым атаманом.

В честь этого события весь день палили пушки.

Вино выдавалось безденежно. Казаки гуляли. Голытьба дуванила пожитки казенных старшин.

VII

Пристанский городок на Хопре оставался в руках оставших. Сюда со всех сторон и главным образом из центральных губерний продолжали стекаться обездоленные беглые люди. Козловский воевода Волконский тщетно просил царя и Меншикова о присылке драгун для разорения «бунтовщицкого гнезда». Волконский указывал при этом, что крестьяне Козловского и Тамбовского уездов, видя бессилие правительства, находятся в полном согласии с «ворами» и «весьма на всякую злохитрость умышленного их воровства в твердости замерзели, понеже им никакого страха нет». Ничего не помогало, драгун обещали, но не присылали.

Атаман Лукьян Хохлач посмеивался:

— В тутошних местах я воевода, и опричь меня начальным людям тут не бывать.

Совершив счастливое нападение на Бобров — пристанские казаки неделю дуванили пожитки знатных бобровцев, — Лукьян Хохлач вскоре снова с четырьмя конными сотнями отправился на добычу по знакомой дороге, однако на этот раз удачи предприимчивому атаману не было.

Переправившись ночью через Битюг, казаки Хохлача неожиданно столкнулись с воронежским конным отрядом Рыкмана. Казаки растерялись, повернули обратно, воронежцы стали преследовать и «секли тех воров версты четыре до той же переправы, где они сперва перебрались, и многие вору в той речке утонули, а иные, переплыв реку, побежали в степь, и драгуны, доезжая тех воров, побили многих. В том бою взято шесть знамен воровских, да бунчук, да пойманы восемь воровских казаков».

Но Лукьян Хохлач не унялся. Возвратившись в Пристанский городок, он быстро собрал свыше тысячи конных и пеших гультаев и опять явился на Битюг.

При этом гультаи говорили:

— Если одолеем царских ратных людей, пойдем на Воронеж, тюремных сидельцев распустим, судей, дьяков, подьячих и иноземцев побьем.

Воронежский отряд Рыкмана тем временем соединился близ Чиглы с подошедшими сюда тремя сотнями конных царедворцев стольника Степана Бахметева и острогожскими казаками полковника Тевяшова.

28 апреля на речке Курлаке произошла битва, окончившаяся полным поражением Лукьяна Хохлача.

«И они воры, увидя наш приход к переправе, — сообщал в отписке Бахметев, — к той речке пришли всем собранием с конницею и пехотою, и у той переправы учинился бой. И я, видя их такое многое собрание и наглый приход к переправе, велел гренадерам и драгунам, спешась, идти через переправу на оных воров... И от них, воров, стрельба и напуски были превеликие, у переправы был непрерывный бой часа три, но с помощью божией оных воров сбили и рубили верстах на двадцати, и многое число воров побили и поколотили, разве которые спаслись лесами и болотами. И в том бою взято оных воров 143 человека, да три знамени; а ружья оных воров и лошадей разобрали ратные люди, для того что у многих лошади в том бою были побиты».

Лукьян Хохлач бежал в Пристанский городок, занялся его укреплением, известив Булавина, что стольник Бахметев с большим войском идет разорять хоперские городки.

Бахметев в самом деле имел такое намерение. Но стойкость повстанцев и потери в происшедшем бою заставили изменить первоначальный план. «При мне, — оправдывался Бахметев, — драгун, и солдат, и пушек, и артиллерии, и всяких полковых припасов, и лекаря нет, и раненых лечить некому. Без прибавочных людей и без пушек и безо всяких полковых припасов над вором Булавиным промысел и поиск чинить с теми людьми, которые ныне при мне, не с кем»¹⁵.

Полк Тевяшова отправился в Острогожск. Бахметев и Рыкман с остальными ратными людьми возвратились в Воронеж.

Воевода Степан Андреевич Колычев встречал победителей у городской заставы. Бахметев на белом иноходце гарцевал впереди своих одетых в парадные кафтаны царедворцев. Рыкмана, раненного в ногу, везли в коляске. Несли опущенные порванные знамена повстанцев. Гнали полуодетых и босых пленных.

Какой-то купчина, стоявший среди горожан, заметил с насмешкой:

— Ишь как здорово воров-то ощипали!

Пожилой бородатый пленник с обвязанной окровавленной тряпкой головой отозвался:

— Не дюже радуйся. Перья ощипали, а когти остались.

Весь день звонили торжественно колокола. Воронежский епископ служил благодарственный молебен. Вечером жгли потешные огни. Пушки Адмиралтейства произвели салют. Царедворцы беспробудно пьянствовали в кабаках и трактирах с непотребными женками.

А 12 мая в Воронеж прибыл вышний командир Василий Владимирович Долгорукий. Злой как собака. Встретил одетых не по форме драгун, раскричался, растопался, кулаками в нос тыкал. Двух царедворцев с опухшими от многопьянства мордами велел посадить под караул.

На воеводу Колычева напустился вышний командир грозно:

— Не мешкая чтоб собраны были из уездов подводы под солдатские полки, под провиант и воинские припасы. И немедля чтоб поставлены были двадцать виселиц по дороге в Пристанский городок,— буду всех воров, взятых господином Бахметевым, вешать, а коих четвертовать и по колям растыкивать...

Воевода не возражал, обещал все, что нужно, сделать. Когда же Долгорукий объявил, что возьмет с собой в поход полк Рыкмана, воевода достал адмиральское письмо, молча протянул вышнему командиру. Тот прочитал, скривил губы. Всюду проклятая неразбериха!

— В военном приказе сказывали, что вместо Рыкмано-ва полка на Воронеж для охраны флота посланы солдаты московского гарнизона...

Колычев невозмутимо отвечивал:

— Ничего о том не слыхал, господин майор... А флот, сами рассудить извольте, без надежного караула оставить я никак не могу.

Долгорукий с каждым днем все более ощущал тяжесть возложенного на него дела. Он горел желанием мстить за убийство брата и, благодарно приняв указ о назначении вышним командиром, писал царю:

«В цыдулке, Государь, ко мне написано, что Ваше Величество опасается, чтобы я Булавину за его ко мне дружбу поноровки какой не учинил; истинно, Государь, доношу, что сколько возможно за его к себе дружбу платить ему буду».

И он начал трудиться довольно настойчиво, но все усилия, направленные к скорейшему сбору выделенных для

него войск, оказались тщетными. В московских приказах заверяли обещаниями, охотно писали всякие грамоты и бумаги, и никакого толку от этого не было. Булавин в течение одного месяца сумел создать целую армию; он же, вышний командир, облеченный огромными полномочиями, не смог за месяц получить хотя бы один солдатский полк, и, стыдно признаться, подъезжая к Воронежу, он еще не знал, «где ныне обретается Бахметев и бригадир Шидловский», которые по распоряжению царя должны были поступить под его начальство.

Встреча с Бахметевым в Воронеже оказалась случайной, да и не особенно радостной. Царедворцы и дети боярские не очень-то охотились воевать. А где же взять другие войска?

Долгорукий вынужден был с горечью писать царю Петру:

«А как приехал я, Государь, на Воронеж и в готовности только триста царедворцев, которые с Бахметевым... А которые, Государь, полки с Москвы,— драгунский Яковлева, солдатский Давыдова, также и фон Делдина,— ко мне не бывали, а из царедворцев единого человека не бывало... А Шидловский отзывается, что он на своих изюмских и на полтавский полк надежду имеет худую... А господин Колычев показал мне письмо адмиральское, что Рыкманову полку велено быть на Воронеже; а посланные вместо того полка из Москвы солдаты на Воронеже по сие число не бывали ж...»

Надежда оставалась на солдатский полк Неклюдова, который, по словам Бахметева, отправили в его распоряжение несколько месяцев назад. Кроме того, можно рассчитывать на эскадрон драгун из воронежского сборного отряда.

Долгорукий решил с этими небольшими силами идти, как указал царь, на Пристанский городок... И вдруг все меняется.

Царь Петр, встревоженный походом Булавина к Черкасску, приказывает вышнему командиру более всего помышлять о защите Азова.

«Смотри неусыпно,— пишет он,— чтоб над Азовом и Таганрогом оный вор чего не учинил прежде вашего приходу: для того заранее дай знать в Азов к Толстому, для эха или голосу тамошнему народу, что ты идешь с немалыми людьми. Также дай слух, что и я буду туда, дабы како-

го зла не учинили тайно оные воры в Азове. Еще вам зело надлежит в осмотрении иметь тех, которые к воровству Булавина не пристали, или хотя и пристали, да повинную принесли, чтобы с оными зело ласково поступать, дабы, как есть простой народ, они того не поняли, что ты станешь мстить смерть брата своего, что уже и ныне не без молвы меж них, чтоб тем пущего чего не учинить. Також надлежит пред приходом вашим к ним увещательные письма послать, и которые послушают, также ласково с оными поступать, а кои в своей жесточи пребудут, чинить по достоинству».

Вслед за этим письмом, 16 мая, накануне страшных казней, назначенных на Пристанской дороге, явились в Воронеж низовые донские казаки Мартын Панфилов и Фетис Туляев, подали Долгорукому войсковую отписку на имя государя. А в той отписке сообщалось, будто донские казаки собрались в Черкасске не для бунта, а для того, чтоб переменить войсковых старшин, чинивших казачеству нестерпимые обиды и неправду, и на их место избрать иных.

«Казнив неправых своих старшин,—говорилось далее в отписке,—мы вместо их по совету всем Войском Донским выбрали атаманом Кондратия Афанасьевича Булавина и старшин, которые нам войску годны и любы, и для крепкого впредь постоянства и твердости в книги написали. А от Великого Государя мы Войском Донским не откладываемся и его городам разорения никакого не чинили и отнюдь не будем и не помышляем, и желаем ему Великому Государю служить по-прежнему... И в том мы войском ему ныне целовали крест и святое евангелие. И просим, чтоб назначенные к нам государевы ратные полки не ходили б. А буде вы, полководцы, насильно поступите и какое разорение учините, и в том воля его Великого Государя, мы Войском Донским реку Дон и со всеми запольными реками уступим и на иную реку пойдем. А буде мы войском ему, Государю, на реке годны, и в винах наших милосердно простит, и на реке жить по-прежнему укажет, и о том мы войском от него, Великого Государя, ожидаем указу и грамот. А как сия отписка вам полководцам будет подана, и вам бы послать ее от себя тотчас к Великому Государю в Москву, или где он ныне обретается».

Долгорукий, перечитав царское письмо и донскую войсковую отписку, уразумел, что в сложившейся обстановке обострять отношений с казаками никак нельзя. Казни

пленных, скрепя сердце, пришлось отменить. И вместо похода на Пристанский городок думать о сборе войск в Валуяхах, откуда шла большая дорога на Азов.

Царю Петру вышний командир ответил так:

«Изволишь, Государь, писать, чтоб я не мстил смерти брата своего, и чтоб тем пущего чего не учинить. И я, Государь, на сие доношу Вашему Величеству: казаков 143 человека, которых взял в бою господин Бахметев, и по розыску подлежали они смертной казни, хотел я, Государь, их вершить, но мая шестнадцатого числа получил от всего Донского Войска отписку с покорением их, которую послал до Вашего Величества. И тем виновным казакам смертной казни не учинил для такого случая до Вашего Государеву указу. И мне, Государь, какая польза смерть брата своего мстить? Я, Государь, желаю того, чтоб они тебе вину свою принесли без великих кровей»¹⁶.

VIII

После выборов Кондратий Булавин поселился в хоромах казенного Лукьяна Максимова. Здесь каждый вечер собирались теперь его ближние товарищи и новая войсковая старшина, состоявшая из старожилых, природных казаков. Приходилось помышлять о многих неотложных делах.

Послав по настоянию своей старшины отписку царю, Булавин не очень-то верил в возможность мирного исхода... Слишком глубоко пущены корни поднятого им мятежа, никогда не простят князья и бояре пережитого ими страха и учиненных голытьбой разорений. Да и не в состоянии он, войсковой атаман, удержать голытьбу от нападений на извечных своих недругов — бояр, вотчинников, богатеев, дьяков и подъячих.

Голытьба доставляла больше всего забот Булавину и его войсковой старшине... Согласие донских казаков с голутвенным людом, существовавшее во время похода, кончилось. Борьба за старые донские права и вольности привлекала природных, старожилых казаков, но была чужда бездомной и раздетой голытьбе, требовавшей непрерывно «хлеба, зипунов и жалованья».

И в Черкасске началось то, о чем втайне давно думали наиболее дальновидные казаки... Булавин по совету Зерщикова отделил пришедшую с ним голытьбу от казаков.

Шпионы доносили, что «сила его воровская живет на Черкасском острове в рознь: знатные по куреням, а бурлаки по амбарам и базам». Но избежать столкновений голытьбы с природным казачеством все равно не удалось.

Бездомные гулятьи, слоняясь по улицам низовых станиц, завистливо глядя на курени донских богатеев, все настойчивее выражали желание «природных казаков всех побить и пожитки их разграбить».

Чтоб успокоить голытьбу, Булавин вводит твердые, дешевые цены на хлеб, по гривне за мешок, и выдает жалованье по два рубля, три алтына и две деньги на человека, забрав для этого двадцать тысяч рублей церковных денег. Наконец, сажает под караул и высылает из Черкасска и низовых донских станиц «в верховые городки выше Кагальника» двадцать богатых стариков с женами и детьми.

Однако эти меры не помогли, а напротив, еще больше раскололи булавинцев. Поддерживавшие Булавина домовитые и старожилые казаки, уstraшенные высылкой стариков, начинают шептаться, «чтоб им тоже от того вора не погибнуть», казаки верховых городков, не получив жалованья, бегут из Черкасска «по донским городкам в свои жилища, потому, что будучи при нем долгое время, испроелись», а голытьба буянит и грозит зажиточному казачеству по-прежнему.

Кондратий Афанасьевич со своими соратниками и старшинами сидит в просторной, убранной коврами горнице за длинным столом, уставленным всевозможной снедью, флягами и жбанами с привозным вином и домашним хмельным варевом. За открытыми окнами теплая майская ночь. Неумолчно заливаются соловьи в садах. Да слышится порой перекличка караульных. Колеблется пламя оплывающих нагаром свечей.

Булавин в душе был с Игнатом и Семеном согласен, но, зная, что большая часть старшин, надеясь на мир с царем, настроена против, ничего не сказал, решив поговорить об этом с Игнатом и Семеном наедине.

— И той же пользы нашей ради,— продолжал Семен Драный,— с запорожскими и кубанскими казаками о всяких общих делах душевно договориться и пересоветовать надо, и пересылку немедля о том учинить...

— От запорожцев ничего доброго не чаю,— вставил Зерщиков.— Кондратий Афанасьич сказывал, как они меж себя в Запорогах советовались, и души позадавали, чтоб

всем быть с нами в соединении и друг за друга радеть, а к Черкасскому и для совета никто от них не пришел...

— Написать все же запорожцам следует, Илья Григорьич, а также и кубанским казакам,— сказал Булавин.— Веры нам весной не дали запорожские старики, видно пугнул их кто-то из черкасских старшин нашей слабостью, а ныне мы не слабы... Пусть ведают и в Запорогах и на Кубани, что ныне у нас в единогласии тысяч сто и больше, и много русских людей отовсюду бегут к нам на Дон денно и ночью с женами и детьми от изгоны царя нашего и от неправедных судей...

Некрасов добавил:

— От кубанцев и того таить не нужно, о чем прежде мы гутарили. Ежели царь станет утеснения нам чинить, то мы всем войском от него отложимся и будем милости просить у кубанцев нас от себя не отринуть...

Старшины не спорили. Булавин поднялся из-за стола:

— Добрый совет всегда впору, братья, поступим, как тут говорили... Отпустим вольницу на Донец и Хопер и пересылку с запорожцами и кубанцами учиним, а низовому и верховому казачеству велим для всяких военных случаев быть в готовности...— Булавин сделал передышку, обвел глазами старшин и атаманов и, хмуря брови, закончил так:— А крикунов и шептунов, коими всякая подлая небыль про нас разносится, ты б, наказной атаман Илья Григорьич, брал под караул... Нет большего худа для нас, братья, нежели распри меж собою... отныне недруги наши, творящие сию злохитрость, пощады пусть не ожидают. Вольность дороже всего! Не позволим недругам рушить согласие наше, коим вольность держится!

...Кондратий Афанасьевич, проводив старшин, долго еще оставался в задумчивости. И тревожили его не одни войсковые дела...

Булавин лохматит густые темные волосы, золотая серьга в левом ухе, качаясь, неярко поблескивает.

— Пишут с Донца атаманы Никита Голый и Сергей Беспалый, что собираются близ Святогорского монастыря царские ратные люди,— тихо и раздумчиво говорит Булавин,— и хотят явно идти для разорения наших донецких городков, и просят те наши атаманы воинскую подмогу... Того ради мысляю я, братья, отпустить отсюда на Донец тысячи две голутвенных, а полковниками над сим войском учинить Семена Драного и брата моего Булавина Ивана...

Маленький юркий Тимофей Соколов, черкасский казак, недавно избранный в есаулы, подхватил:

— Лучше не придумаешь, Кондратий Афанасьич! И на Донце защита окрепнет, и тут у нас без гультьев потише будет.

Илья Григорьич Зерщиков, сидевший среди старшин, согласно закивал головой:

— Ладно, так и приговорим всем войсковым советом.

Игнат Некрасов, тряхнув упрямой головой, сказал:

— А я, братья, паки прошу вас отпустить меня с вольницей на легких стружках для добычи на Волгу...

Старшины стали возражать:

— Негоже, атаман... Мы от государя ответную грамоту на войсковую отписку ожидаем, как нам своеволие дозволять?

Булавин, сдержав легкую усмешку, произнес:

— Верно, шарпальничать покуда не будем... А тебе, Игнат, тож с двумя тысячами конных и пеших надобно на Хопер идти в подмогу Лукьяну Хохлачу для бережения тамошних наших казацких городков...

— Сроду замирения с царем не дождетесь, — махнул рукой Некрасов. — Зряшняя проволочка!

— Вот и я так-то мыслю, — отозвался Семен Дранный. — Не для гостевания драгунские и солдатские полки собирают... Боя не миновать. И нечего головы морочить царским милосердием, надо о своей выгоде помышлять, братья...

— А ты, Семен, какую свою выгоду разумеешь? — задал вопрос Булавин.

— Ныне, слышать, атаман Ивашка Павлов с бурлаками на Волгу вышел, и кабы Игнат с голытьбой нашей соединился с ними — куда как важно было бы. Царь-то с боярами головы почесали бы, куда им ратных людей посылать: то ли супротив нас, то ли для охранения волжских городов?

Жена Ульяна, благополучно родившая в конце прошлого года сына, продолжала жить у сестры под Белгородом, так как выехать на Дон было трудно, дороги охранялись слободскими солдатами. Булавин послал трех проворных трехизбянских казаков выручить жену, и казаки добрались до места, но возвратились обратно с печальным известием: жена и сын схвачены по приказу белгородского воеводы и посажены в острог¹⁷.

Грамоты Булавина к воеводе с просьбой отпустить жену и сына ни к чему не привели. Приходилось искать более действенные способы освобождения. Кондратий Афанасьевич хотя и часто ссорился с женой, а, не видя ее долгое время, соскучился, да и не терпелось поскорей увидеть, прижать к сердцу маленького сынишку.

Булавин хотел сначала послать на Белгород сильный казачий отряд, а потом раздумал. В Белгороде, во-первых, стояли солдатские полки и была артиллерия, а, во-вторых, при подходе казаков жену с сыном могли отправить куда-нибудь дальше, в неизвестные места.

Булавин решил теперь воздействовать на киевского губернатора князя Голицына, в подчинении которого находился белгородский воевода. Булавин написал Голицыну полную собственного достоинства грамоту:

«Ведомо нам Войску Донскому учинилось, что нашего войскового атамана Кондратия Афанасьевича Булавина жена с сыном у вас в Белгороде сидят за караулом. И вы ее держите за караулом напрасно по доносу неправедных прежних наших старшин Лукьяна Максимова с товарищами, а не по его Великого Государя указу. А если б за атамановой женой явилась какая вина, и она бы взята была по его Великого Государя указу и послана в Москву, а не токмо бы вам ее в Белгороде держать за караулом. И тебе, ближний стольник Дмитрий Михайлович, пожаловать бы войскового атамана Кондратия Афанасьева, жену его с сыном из-за караула освободить и отдать посланным нашим казакам на руки... И чтоб вам Дмитрий Михайлович отпустить ее к нам войску с нашими посланными казаками не задержав, бессорно. А буде вы ее из-под караула не освободите, и мы Войском Донским за нею к вам в Белгород пришлем от себя войско тысяч сорок или пятьдесят. А что у нас в войске учинилось меж себя, о том мы Великому Государю и в походные государевы полки почасту пишем. А с сей отпиской послали мы войском вышеписанных казаков и велели им самим явиться и отписку подать тебе киевскому воеводе Дмитрию Михайловичу Голицыну с товарищами. Также велели им казакам милость просить у тебя и на словах»¹⁸.

Покончив с грамотой, Кондратий Афанасьевич прилег отдохнуть, задремал, а когда открыл глаза, увидел, что солнце давно взошло, и услышал, как в соседней горнице оживленно шептались Галя, Никиша и кто-то еще...

Кондратий Афанасьевич прислушался, признал голос племянника Левки и по отдельным словам догадался, что ребята хотят отправиться на Донец с голутвенным походным войском, а Галя сердито отговаривает брата... И она права! Левке восемнадцатый год, настоящий казак, и на коне молодцом, и птицу влет стреляет, а Никишка совсем мальчик, рано еще ввязываться ему в драку...

Кондратий Афанасьевич потихоньку поднялся, подошел к двери, открыл, притворно строгим голосом прикрикнул:

— Вы чего тут спозаранку своеволите, спать людям не даете?

Галя вздрогнула, всплеснула руками:

— Ох, тятя, испужал... Мы же тихо гутарили.

А Никишка, смело глядя в глаза отца, заметил:

— Спят люди ночью, а сейчас вон где солнце-то...

Левка, подправив лихо взбитый рыжий чуб, ломким баском выложил все сразу:

— Я просить хотел тебя, дядя... И Никишка тоже... Отпусти нас с войском походным...

Кондратий Афанасьевич сдвинул густые брови, коротко племянника обрезал:

— Слыхал. Не пушу.

Ребята смутились. Булавин продолжал:

— Война не сегодня кончается, успеете каждый в свой черед в походах побывать... А сейчас, Левка, ступай покличь ко мне атамана Некрасова.

Левка вышел. Никишка стоял недовольный. Отец подошел к нему, ласково положил руку на плечо:

— А тебя, Никиша, я с собой возьму, как на Азов пойдем... только о том до времени не болтай.

— Лучше бы тут сидел,— вмешалась неожиданно Галя,— в Азове, говорят, десять тысяч солдат да сто пушек выставлено.

— А кто ж говорит, донька?— насторожился Булавин.

— Да по всей станице бают... Фролова Василия девки сказывали, будто сам царь с войском огромным сюда для расправы над бунтовщиками идет...

— Я от черкасских казачат о том же слыхал, тятя,— подтвердил Никиша.

Булавин сразу посуровел.

— Губернатор азовский и тайные враги брех сей в народ пускают, дабы ослабить нас... Чую, множество недругов вокруг меня!— Кондратий Афанасьевич помолчал.

вздыхнул, потом, обратившись к сыну с неожиданной мягкостью и легким укором, промолвил: — А ты, Никиша, меня одного оставить тут хочешь?

На глазах у мальчика навернулись слезы, он прижался к отцу, тихо, смущаясь, произнес:

— Никуда я не хочу от тебя...

Галя с пылающим лицом подошла к отцу с другой стороны, прошептала страстно, как клятву:

— И я, тятя родный, никогда, никогда тебя не покину. До самой смерти!

...Хотя Игнат Некрасов постоянно возражал войсковому атаману и спорил с ним, Булавин все же любил и уважал Некрасова более других своих атаманов и полковников. Знал, что этот упрямый, крепкий, как камень, казак всецело предан делу, и помыслы его направлены лишь к общей пользе, и никогда он не предаст, не изменит, не отступится...

Прощаясь с Некрасовым наедине, высказал Кондратий Афанасьевич свои сокровенные мысли. Признался, что не так страшат его государевы войска, как действия тайных недругов, и что не очень-то верит он даже своим старшинам, посему и остерегается открываться перед ними.

Некрасова признание войскового атамана несколько не удивило. Сказал просто, дружески:

— Я давно подмечаю, Кондратий Афанасьевич, как ты на две стороны озираешься... На Волгу-то пошто меня не пустил. Ссоры со старшиной не желаешь... а сам ведаешь, сколь сильней были бы мы, кабы на Волгу вышли.

— Догадлив ты, Игнат,— невольно улыбнулся Булавин.— Я сам толковать хотел о том, чтоб забрал ты с Хопра более надежных Лунькиных вольных, да на Волге с Ивашкой Павловым соединишься, шли бы к Царицыну... вольность нашу казацкую всюду утверждали б...

— На царское милосердие, стало быть, не дюже полагаешься?— насмешливо сощурив глаза, спросил Некрасов.

— Чего ж полагаться, коли вышним командиром государевой рати поставлен брат убитого нами князя Юрия... Я на днях царю Петру другую отписку послал, прямым образом пояснил, что собрались мы не для войны с ним, но ежели его полки станут разорять наши казачьи городки, то мы будем противиться всеми реками... Ну, а коли осият они

нас, — задумчиво продолжал Булавин, потирая собравшиеся на лбу морщины, — придется впрямь на Кубань-реку, к землякам своим подаваться...

— Там кто у тебя из ближних-то?

— Брат, племянники... наших донских и донецких верховых казаков много...

— Вот и порешим с тобой: буде начнут по Дону и Донцу теснить казаков царевы ратные люди, то мне, не мешкая, знак о том подай, соберемся вместе в Цимле, оттуда на Кубань шлях прямой лежит...¹⁹.

Булавин, продолжая находиться в задумчивости, кивнул головой. Некрасов, силясь отгадать думы войскового атамана, пристально посмотрел на него, неожиданно вздохнул:

— Не родная нам на Кубани земля, Кондратий Афанасьич, и слезы человечьи там не слаще, да что поделаешь? Живыми в руки врагов нам попадать нельзя...

— Что впереди будет — один бог ведает, Игнат, — ответил со вздохом Булавин. — В готовности же ко всяким случайностям быть нам следует, и о сборе в Цимле положим с тобой накрепко. Благодарю, друже, за преданность твою, службу верную, советы добрые... А теперь накажи есаулам и сотникам нашу вольницу в Паньшином собирать, а сам с казачьей полсотней ступай в Пристанский городок, чини, как говорено меж нами... Да Луньку Хохлача построже моим именем от своевольства остереги... Не могу забыть, сколько людей он, дурень, на Курлаке загубил.

— Попробую образумить, только надежды что-то нет, — сказал Некрасов. — Упрямый, черт! Ему хоть кол на голове теши!

— Розыском войсковым припугни, ежели дуровать будет.

— Ладно, постараюсь, Кондратий Афанасьич...

Атаманы крепко обнялись, поцеловались. Булавин, вспомнив, добавил:

— Да возьми с собой племянника моего Левку... Хлопец смелый, горячий, ты опаси его где нужно, и посылки всякие ко мне с ним отправляй без сомненья... Прощай!

IX

Узнав о том, что Кондрат Булавин взял Черкасск и избран войсковым донским атаманом, запорожцы вновь заволновались.

Собранная 13 мая рада была особенно бурной. Сиромашные казаки с кулаками лезли на кошевого и куренных атаманов, кричали:

— Для чего не дозволили нам идти великим постом к Булавину? Для чего и ныне возбраняете?

Кошевой Гордеенко, обливаясь потом, оправдывался:

— Ныне войску запорожскому подняться невозможно, панове, потому семьдесят шесть наших казаков посланы за государевым жалованьем в Москву и там их заневолят, ежели мы за донских поднимемся...

Сиромашные, перебивая кошевого, завопили:

— Нечего его слушать. Заелся казацким хлебом! Скинуть с кошевья к чертовой матери!

Гордеенко хотел послушно атаманскую палицу положить, но его остановили еще пущим криком:

— Не смей класть, тогда скажем, как совсем не годеи будешь, собачий сын! А сейчас вели быть походу... Да укажи за конями в табун войсковой послать, да полковников и войсковые клейноты отпустить...

И быть бы по «воле товариства» тому походу, если б не чрезвычайное происшествие. В открытых сечевых воротах показались монахи, присланные для увещания буйных сечевиков Киево-Печерской лаврой по приказу князя Голицына. Несколькими рядами, в черных рясах и клобуках, с хоругвями, иконами и крестами надвигались они, подобно темной туче, на запорожцев и оглушительно ревели:

— Царю небесный утешителю душе истинной...

Запорожцы-храбрецы натиска не выдержали, малость попятились. А монахи, вращая сверкающими очами, тыкали иконами прямо в морды сечевикам, устрашали:

— Зрите, како в геенне огненной над ворами и смутьянами расправу чинят!

На иконах впрямь многие разглядели, как рогатые и хвостатые дьяволята поджаривали на чурках живых чубатых запорожцев. Монахи же продолжали вещать без устали:

— И вам, нечестивцам, тако гореть, коли на сатанинское булавиное прельщение склонитесь. Бойтесь злоехидных козней лукавого! Покайтесь, безумцы!

Запорожцы, поснимав шапки, ошалело крутили головами и, отплеываясь, пробирались потихоньку к воротам.

Так была сорвана киевскими черными попами запорожская сечевая рада²⁰.

Но вскоре после этого запорожцы получили грамоту бу-

лавинского атамана Семена Драного, собиравшего на Донце войско для защиты казачьих городков.

«Для того разорения,— сообщал атаман,— идет с русскими полками князь Василий Володимирович Долгорукий, хотя наши казачьи городки свести и всю реку разорить. И мы войском походным ныне выступя стоим под Ямполем, ожидаем к себе вашей общей казачей единобрацкой любви и споможения, чтоб наши казачьи реки были по-прежнему, и нам бы быть казаками как было искони казачество и между нами казаками единомысленное братство. И вы, атаманы молодцы, все великое войско запорожское учините к нам походному войску споможение в скорых числах, чтоб нам обще с вами своей верной казачьей славы и храбрости не утратить. Также и мы в какое ваше случение рады с вами умиратти заедино, чтоб над нами Русь не владела и общая наша казачья слава в посмех не была».

Простые, сильные и убедительные слова этой грамоты дошли до сердца. Велика была казацкая единобратская любовь! Не стали больше слушать черных попов запорожцы, конные и пешие двинулись на помощь донским казакам. Конные, загонами в двести-триста человек, «купя кумач и сделав себе знамя», пробирались степными дорогами, пешие сиромашные казаки плыли на лодках с песнями:

Ой, як тяжко в свити стало,
Бо ти прокляти пани
Из нас шкуры поздирали
Та пошили жупани...

И кошевой, хотя войсковых клейнот охотникам не дал, а препятствий никаких не чинил.

Дьяк, приехавший в Сечь из Киева, полюбопытствовал:
— Куда казаки конные и пешие путь держат?

Кошевой, потягивая вниз сивые усищи и пряча под ними смешок, отвечивал:

— Пошли те казаки и впредь многие пойдут для заготовки лесных припасов на реку Самару с нашего войскового ведома, а не бездельно...

Силы булавицев, собиравшихся на Донце, крепили с каждым днем.

...После страшного поражения на Курлаке атаман Лукьян Хохлач немного притих, а затем снова начал собирать войско, бахвалясь летом взять Воронеж.

Когда Игнат Некрасов, приехав в Пристанский городок, объявил, что идет на Волгу и берет с собою, по распоряжению Булавина, хоперских казаков, Лукьян Хохлач вспылил:

— Не пушу с Хопра никого. Мне самому казаки нужны... Я сам в походе буду!

— Войсковой атаман лучше нас ведает,— сдержанно возразил Некрасов,— где кому быть общей пользы ради...

Хохлач сдвинул шапку набекрень, перебил заносчиво:

— А що мне войсковой атаман? Кабы не моя подмога, ему бы и войсковым никогда не бывать. Мне указывать нечего. Я своим разумом живу.

Некрасов уговаривать не стал, сказал прямо:

— Ну, ежели ты никого слушать не желаешь, нам с тобой гутарить не о чем... Прощай! Жди теперь войскового розыска за своевольство...

Хохлач сразу остыл, знал, что войсковой розыск с ослушниками расправляется сурово, а с него, чего доброго, потребуют заодно держать ответ и за погибших на Курлаке казаков. И в тоне совсем примирительном неожиданно предложил:

— Ты меня возьми с собой на Волгу, я давно туда охочусь, я бы тебе Саратов достал...

Некрасова такой оборот невольно рассмешил:

— Скоро ты передумал... И на посулы горазд. То Воронеж, то Саратов... Язык все терпит!

— А ей-богу, Игнат, ничего мудреного нет,— ответил Хохлач.— Камышин-то наши казаки без боя взяли...

Некрасов посмотрел на него с удивлением:

— Когда Камышин взяли? Какие казаки?

— Сиротининской донской станицы казаки днями взяли...

— А ты откуда дознался?

— Пристанский наш станичник сегодня сказывал, он в Камышине у свойственников гостил...

Некрасов велел позвать станичника. Тот охотно и подробно обо всем поведал.

Сиротининские казаки издавна ездили в Камышин за солью и по торговым надобностям. Узнав от них о переменах в донском войске, местные жители и гарнизонные солдаты тайно сговорились о переходе на сторону Булавина и просили сиротининских казаков оказать им помощь. 13 мая, на заре, четыреста конных сиротининских казаков

подъехали к городским воротам. Солдаты предупредительно их открыли. Воевода Данила Титов случайно успел убежать, а дьяков приказной избы, офицеров, полкового писаря, бурмистров соляной продажи и кабатчиков камышинцы утопили.

Победителям досталось пятнадцать пушек, много оружия, снарядов, свинца и пороха, огромные запасы хлеба и соли. Государева казна и пожитки начальных людей и богатеев были раздуванены. Заключенные из тюрем выпущены.

Созванный затем из местных жителей и солдат круг избрал атамана, старшин, есаулов и «велел им чинить право казачье, а соль продавать по восемь денег за пуд». Солдат Иван Гуськов поехал в Черкасск с челобитьем камышинцев, просивших Булавина принять их под свою защиту.

Выслушав эту любопытную историю, Некрасов задумался. Предложение Лукьяна Хохлача теперь не казалось уже сумасбродным, тем более, что пристанский станичник подтвердил, будто камышинцы поговаривали при нем о возможном походе на Саратов, где, по их сведениям, кроме обычного небольшого гарнизона, никакой иной воинской силы нет.

— Ладно,— сказал Некрасов, обращаясь к Лукьяну Хохлачу.— Бери сотен пять доброконных казаков, иди на Камышин, там хорошенько о Саратове проведай и мне дай знать...

— А тебя где искать-то?

— Я в Паньшином походное войско собирать буду. И ежели верно сказывают, что Саратов воинской силой скуден, попытаем с тобой вместе городок тот взять...

— Возьмем! — уверенным тоном произнес Хохлач.— У меня рука легкая!

И на другой день, как договорились, Лукьян Хохлач с доброконными казаками пошел на Камышин. Некрасов для пущей верности послал с ним Левку Булавина.

Прошло несколько дней. Камышинцы, разбивая проходившие мимо речные торговые караваны, не отказывали в хлебе и одежде тянувшейся к ним отовсюду голытьбе. Не удивительно, что силы волжских повстанцев быстро увеличивались.

Атаман Лукьян Хохлач был встречен в Камышине общим ликованием. Вопрос о походе на Саратов выяснился

сразу. Возвратившиеся оттуда разведчики единодушно свидетельствовали о непрочности города. А камышинские солдаты Трошка Трофимов и Иван Земин успели вооружить около тысячи человек, которые с радостью поступили под начальство булавинского атамана.

Левка Булавин поскакал к Некрасову. Тот передал, чтоб Хохлач со своими казаками и камышинцами ждал его под Саратовым, куда он, Некрасов, обещал быть из Паньшина с казачьим конным полком...

Однако Лукьян Хохлач и тут не отказался от своевольтва. Он задумал отличиться — с ходу «достать Саратов» и, не дожидаясь Некрасова, сделал приступ, который саратовцы отбили с большим уроном для нападавших.

Лукьян Хохлач вынужден был отступить. Подошедший с конными казаками Некрасов начал готовить второй приступ, но в это время неожиданно на булавинцев ударили с тыла пять тысяч калмыков тайши Аюка, посланных на помощь саратовцам. Булавинцы были разбиты. Хохлач со своим поредевшим войском возвратился в Камышин. Некрасов, проклиная себя за неосмотрительность, ушел в Паньшин городок.

Некрасов отдавал себе ясный отчет, что неудача под Саратовом могла губительно отразиться на общих донских войсковых делах. Недруги воспрянут духом, а среди булавинцев усилятся колебания и раздоры. Надлежало как можно быстрее исправить положение.

Некрасов с необыкновенным упорством в пять дней создает четырехтысячную армию из находившихся в Паньшином верховых казаков и донской голытьбы. И ведет ее на Царицын, как и советовал Булавин. Лукьян Хохлач, с которым поддерживается постоянная связь, направляется под Царицын по Волге с камышинскими повстанцами, они везут на стругах осадные лестницы, кирки, мотыги, лопаты и заступы. С волжского понизовья к Царицыну подходит атаман Иван Павлов с бурлаками.

7 июня утром булавинцы с трех сторон ворвались в Царицын, заняв весь так называемый старый городок. Жители встречали булавинцев радушно, приглашали в дома, потчевали пирогами. Над сторожевой башней взметнулось кумачовое знамя. Левка Булавин поскакал в Черкасск, не терпелось порадовать дядю доброй вестью.

А битва еще продолжалась. Воевода Афанасий Турчанин с гарнизоном «сел в осаду в малой крепости». В гар-

низоне не насчитывалось и тысячи солдат, зато малую крепость окружал глубокий ров, прочные палисады, из бойниц грозно выглядывали пушки, и снарядов было вдоволь.

Первые приступы булави́нцев осажденные отбили. Воевода знал, что на помощь из Астрахани спешит полковник Бернер с солдатским полком, и надеялся до его прихода «от воров отсидеться». Но предусмотрительно высланные Некрасовым конные дозоры вовремя заметили приближение солдат. Оставив Лукьяна Хохлача продолжать осаду малой крепости, Некрасов и Павлов с двумя тысячами конных казаков и бурлаков встретили и наголову разбили полк Бернера близ Сарпинского острова, в пяти верстах ниже Царицына.

Возвратившись к осажденной крепости, Некрасов и Павлов велели засыпать в двух местах землей ров, а затем булави́нцы, «наметав дров и всякого смоленого лесу и бересты, зажгли огонь», который быстро перекинулся на палисады и деревянные бойницы крепости. Спротивление осажденных, задыхающихся от дыма, начало ослабевать. Булави́нцы пошли на приступ и, как доносил царю астраханский воевода, «великою силою и тем огнем тот осадной городок взяли; и Афанасия Турченина убили, великою злобою умуча, отсеки голову, и с ним подъячего и пушкаря и двух стрельцов; а других, кои были в осаде, офицеров и солдат, отобрав ружье и платье, ругаясь много в воровских своих кругах, оставили быть на свободе».

Так Царицын стал вольным казачьим городом.

А тем временем Левка Булави́н, сменив коня в Паньшином, мчался знакомой степной дорогой в донскую столицу. Не прошло и месяца, как покинул он родные места, а во скольких событиях довелось участвовать, сколько любопытного успел повидать. Будут завидовать теперь ему станичные казачата. И черноглазая Галя перестанет насмехаться, пожалуй, над молодецки взбитым рыжим чубом... А как будет доволен его сообщением дядя Кондратий! Левка слышал, как приезжавшие низовые станичники говорили, будто в Черкасске не утихают раздоры меж казаков и домовитые грозят расправой войсковому атаману. Прикусят небось поганые свои языки недруги, узнав о взятии Царицына, не осмелятся более суесловить!

И все же мысли о дяде были тревожны...

Некрасов, прощаясь с Левкой, сказал:

— Гляди, Левка, как там Кондратий Афанасьич, а ежели что, от дяди не отлучайся... Опасаюсь я тайных происков черкасских стариков.

— Наказной атаман Илья Григорьич небось за ними усмотрит,— промолвил Левка.

По лицу Некрасова словно тень проскользнула, он огляделся, потом наклонился к Левке, произнес:

— Ты хоть и молод, а, ведаю, тайного до поры не пронесешь... Слух есть, будто наказной сам путляет, со стариками в ночную пору его будто примечали...

У Левки от удивления глаза на лоб полезли и в горле пересохло:

— Илья Григорьич? Да он же сам верховодил и зачинал смуту... Как же так?

Некрасов пожал плечами:

— Мало что бывает! Сам-то наказной все ж из низовых богатеев, а ворон ворону глаз не выклюет. Может, и брешут про него, а остерегаться надо... при случае скажи о том дяде...

— Скажу непременно,— пообещал Левка.

И вот последний вечер в пути, до Черкаска рукой подать, завтра Левка будет дома...

Сумерки начали густеть. Повеяло прохладой. Острей запахло степной полынью и чабрецом. И вдали приветливо замигал огонек костра.

Левка подъехал ближе. Стало совсем темно. Костер из сухих степных будыльев трещал и брызгал золотистыми искрами. Двое незнакомых бородатых казаков варили в котелке пшениный кулеш. Вблизи паслись стреноженные лошади.

Левка соскочил с коня, поздоровался. Станичники окинули его равнодушным взглядом, спросили:

— Куда путь держишь, хлопец?

— В Рыковскую... Я рожак тамошний...— И, в свою очередь, полюбопытствовал:— А вы с какой станицы?

— Донецкие,— неохотно отозвался один из казаков и опять спросил:— С Паньшина, что ли, гонишь?

— Оттуда...

— Не слыхал там, как наши под Царицыном?

— Не слыхал,— осторожности ради солгал Левка,— я не в самом Паньшине, а верстах в пяти на хуторе у собственников своих гостил...

Казак помешал кипевший в котелке кулеш, потом поднял вверх бороду:

— Ложка-то есть у тебя?

— Есть!

— Так присаживайся, хлебово важнецкое...

Станичники были не из разговорчивых. Поужинали, проверили лошадей, улеглись, захрапели.

А Левка решил переждать еще часок, пока конь отдохнет, подкормится, да и трогаться дальше. Но усталость дала себя знать, и он крепко заснул.

И вдруг, почувствовав страшную, давящую тяжесть, он приоткрыл глаза, хотел приподняться, крикнуть и не мог. Бородачи скрутили ему руки и ноги, заткнули рот кляпом, засунули голову в мешок.

Дышать стало нечем. Левка потерял сознание.

Х

Английский посланник при русском дворе Чарльз Витворт статс-секретарю сэру Гарлею в Лондон. Из Москвы 2 июня 1708 года:

«Украинский бунт становится опасным. Глава мятежников Булавин, казнив атамана донских казаков, принудил жителей выбрать себя на его место и известил царя об этом избрании, извиняясь, что решился на такое «справедливое дело», как он выражается, без ведома Его Величества, в уверенности, что Государь одобрит его, когда узнает, почему он так действовал. Булавин не признает мятежниками ни себя, ни своих сообщников, указывая на то, что они не коснулись царских доходов или чего-нибудь, принадлежащего казне, напротив допустили свободную отpravку всего казенного добра в Москву. Они желают жить мирно, пользуясь старинными вольностями, и очень удивляются, зачем царь высылает войска против своих верноподданных, тем более, что из этого ничего не выйдет, так как с Булавиным тридцать шесть тысяч человек и он с божьей помощью состоит в союзе с башкирами, которые снова взяли за оружие. Если же Булаvinу не позволят жить мирно, он со всеми приверженцами грозит уйти с Дона и поселиться на какой-нибудь новой реке. Этим он, надо полагать, намекает на намерение уйти к татарам кубанским, проживающим под покровительством Высокой Порты. Многие думают, что царь, ввиду настоящих об-

стоятельств, даст свое согласие на все и уступит требованиям Булавина».

Английский посланник Чарльз Витворт был превосходно обо всем осведомлен, и его донесение, несмотря на отдельные неточности, верно определяет отношение царя Петра к отпискам Булавина.

Узнав в середине мая от азовского губернатора, что Булавин, взяв Черкасск и казнив старшин, заявил будто «ничего противного государю не умышляет», и послал особую оправдательную отписку в Москву, царь Петр в письме к Меншикову высказался так:

«...Однакож чаю сие оный дьявол чинит, дабы оплошить в Азове... Сему в подкопе лежащему фитилю верить не надобно; того ради необходимая мне нужда месяца на три туда ехать, дабы с помощью божией безопасно тот край сочинить, понеже сам знаешь, каково тот край нам надобен, о чем больше терпеть не могу».

Но в конце мая, получив две собственноручные отписки Булавина, царь начал сильно колебаться... Покорность, изъявляемая в отписках, Петра, конечно, никак не убедила, знал он цену казацкой покорности, зато настораживало твердо выраженное Булавиным намерение уступить Дон и переселиться на иную реку, если царь пришлет войска и они будут разорять верховые казацкие гордки.

Донское казачество охраняло южные границы государства, сдерживало постоянные набеги степных хищников — татар, ногайцев, калмыков. Обнажить южные границы в момент довольно обостренных отношений с Турцией и накануне возможного шведского вторжения... тут было над чем подумать!

А потом еще неизвестно, каковы силы Булавина. Способны ли справиться с ним карательные войска Долгорукого? Петр знал, что Булавин во всяком случае человек недюжинного военного дарования, сумел же он в короткий срок создать целую армию, разгромить соединенное войско Лукьяна Максимова и азовского полковника Васильева и сделаться войсковым атаманом. Петр, называя Булавина «дьяволом», тем самым признавал его ум, твердую волю и силу.

28 мая Петр из Петербурга написал Долгорукому:

«Господин майор! Как к тебе сей указ придет, и ты больше над казаками и их жилищами ничего не делай, а

войско собирай по первому указу к себе, и стань с ним в удобном месте».

В тот же день было отправлено письмо к азовскому губернатору с приказом «казакам ничего не чинить, ежели от них ничего вновь не явится».

Вскоре, однако, Петр понял, что совершил оплошность, против которой сам недавно других предупреждал. Донская либерия, как называли тогда некоторые дворяне донскую власть, возглавляемую Булавиным, ничего доброго для царского правительства не сулила²¹. Булавинцы продолжали мутить народ «прелестными» письмами, собирали и крепили свои силы. Никаким воровским отпискам веры давать нельзя. Донесения об этом поступали отовсюду. И вышний командир Долгорукий, и азовский губернатор Толстой уверяли, что Булавин повинные отписки чинит «под лукавством, понеже ожидает к себе помощников по своим воровским письмам из Сечи». Канцлер Головкин сообщал, что «те воры, опасаясь прихода Вашего Величества ратных людей, являют себя будто с повинною, а по-видимому хотят себе тем отдых получить, дабы вяще усилиться и присовокупить к себе таких же воров».

Петр не знал еще о падении Царицына, но и того, что знал, было достаточно, чтоб отказаться от мысли о каком бы то ни было перемирии с булавинскими мятежниками.

20 июня Петр отправил Долгорукому новое письмо:

«Господин майор! Три ваши письма до нас дошли, и по оным о всем состоянии вора Булавина известно; и хотя перед сим писано к вам с солдатом нашей роты Спицыным, чтоб без указу на оных воров вам не ходить, а ныне паки рассудили мы, что лучше вам собрався идти к Северному Донцу, понеже мы известились, что оный вор послал надвое своих людей: одних с Некрасовым водою в верховые городки, или на Волгу, а других с Драным, у которого только две тысячи, против вас; и ежели тот Драный не поворотился, то лучше над ним искать, с помощью божией, так и над прочими такими. Также приезжий казак из Черкасского сказывал, что за посылками вышеписанными при Булавине только с тысячу их воров осталось. Буде же весьма кротко оные сидят и никуда не посылаются, то лучше бы дожидаться отсель посланных полков. Прочее вручаем на ваше рассуждение, по тамошнему дел обороту смотря; ибо издали так нельзя знать, как там будучи».

...Вышний командир Долгорукий тем временем собирал карательную армию в Валуйках. В первых числах июня здесь было около четырех тысяч драгун и солдат, да близ Валуек стояли обозом Сумской слободской полк, солдатский Неклюдова и стрелецкий Колпакова. Таким образом, Долгорукий имел под своим начальством около семи тысяч человек. Но боевые качества этого войска были очень низки. Лучший полк Неклюдова состоял из семисот «изрядно» стрелявших солдат; ротами командовали стрелецкие сотники, переименованные в капитанов, а других офицеров, поручиков и прапорщиков, не было.

Новые полки фон Делдина и Давыдова оказались «плохи и ненадежны», солдаты не могли стрелять, офицеры из дворянских недорослей ничего не знали. А Полтавский слободской полк пришлось хитростью заманивать в Валуйки и поставить «меж других полков, чтоб не можно было им бежать».

Особенно негодовал вышний командир на царедворцев, детей боярских и дворянских, отбывавших от воинской службы. Московские приказы их укрывали, не сообщали в полк даже фамилий сысканных молодых бездельников. И, словно на смех, записывались «биться с ворами» одни старики. «Приехали два брата Дуловы да Жуков, лет им будет по девяносто и параличом разбиты,— жаловался царю Долгорукий.— И которые, Государь, едут с Москвы царедворцы, сказывают про них куриеры, все старики, которым служить невозможно. И не знаю я, что мне с ними делать?»

Все же Долгорукий, несмотря на «малолюдство» и «скудность в провианте», имел намерение идти к Азову, где с нетерпением ожидал царских войск опасавшийся «воровского» нападения губернатор Толстой.

Вышний командир, считавший, что в бою «один солдат стоит двадцати воров» и что даже не отличавшиеся храбростью царедворцы «на этот народ зело способны», явно недооценивал силы противника и вскоре убедился в этом со всей очевидностью...

Сумской полк стоял в урочище на речке Уразовой, в пятнадцати верстах от Валуек.

Полковник Андрей Герасимович Кондратьев, широкоплечий богатырь с висячими запорожскими усами, слыл храбрым воякой и давно горел желанием переведаться с бунтовщиками.

Будучи в Валуяхах у высшего командира, полковник так прямо и объявил:

— Мне бы только до воровского их собрания добратся, сиятельнейший князь, спуску никому не дам... Я воровские повадки знаю. Воры на майданах бахвалятся, многолюдством давят, а в бою слабы...

— Не гораздо хвастай, полковник,— усмехнулся Долгорукий.— Вор Кондрашка со своими единомышленниками все донское войско к рукам прибрал.

— Нерадением начальных людей то учинилось,— сказал, раздувая щеки Кондратьев.— А кабы спервоначалу, как он, вор, в Пристанском городке явился, поноровки воеводы ему не дали, он бы Черкаска, как ушей своих, не узрел...

— Сие верно, полковник,— с любопытством глядя на него, согласился Долгорукий.— Нерадение воевод и доселе во всем примечаю. Суждение твое зело разумно.

— Эх, князь мой милостивый! — воскликнул ободренный ласковым словом полковник.— Добавь мне два эскадрона драгун да пусти на Донец, где ныне булавинские атаманы Сенька Дранный и Микитка Голый с гультейством шарпальничают, я зараз их смирю и воровских атаманов на цепи к тебе доставлю.

Долгорукий милостиво кивнул головой, обещал при случае просьбу полковника попомнить. Сумской полк, который недавно осматривал, произвел на князя неплохое впечатление: солдаты выглядят молодцами, одеты и обучены ладно, воровской «блази» среди них нет. И полковник Кондратьев, хотя и любит прихвастнуть, а видно по всему — деловит, уверен в себе и в своих солдатах... Не чета изюмскому полковнику Шидловскому и острогожскому Тевяшову, кои вечно жалуются с перепугу на умножение воров и просят подмогу!

А спустя некоторое время, ранним утром, дозорные Сумского полка задержали ехавшего на телеге с Валуек высокого, длиннолицего, рыжебородого мужика. Телега была чем-то нагружена, покрыта рогожей. Дозорный засунул руку под рогожу и достал свежий пшеничный калач. Мужик усмехнулся:

— А ты небось думал бомбы там?

И пояснил:

— Калачник я, волуйченин, везу вашим полчанам для продажи хлеб и калачи, на сухарях-то небось все

зубы пообломали... Где обоз-то ваш? В том овраге, что ли?

Дозорные проводили калачника к обозу. Оказался он добрым покладистым мужиком, продавал свой товар весело, с шутками и прибаутками, солдаты вволю с ним набалагурились, и, когда телега опустела, проводили с честью, просили и впредь мимо их полка калачей не провозить.

В следующую же ночь, когда солдаты Сумского полка крепко спали на вольном воздухе, случилось страшное...

Незадолго до рассвета к палатке, где ночевал полковник Кондратьев с есаулами, прискакал на взмыленном коне один из дозорных, крикнул:

— Войско великое на нас идет, господин полковник...

Кондратьев, протирая глаза, в одном белье выскочил из палатки:

— Какое войско? Чего буровишь? Где видел?

— За обозом, верстах в двух, сторожил я дорогу... Вдруг глянулось... Идут конные многолюдством, кто такие, за темнотой не узришь, а знамо, что на нас...

Полковник приказал есаулу Трофиму Яковлеву разведать, в чем дело, а старшинам и урядникам поднимать солдат, выводить в степь за обоз, строить к обороне.

Но было поздно. Загудела земля под топотом конских копыт, загревели выстрелы, засвистели сабли. С двух сторон обрушилась на сумцев грозная лавина булавицев.

Кондратьев с сотником Скрицким и несколькими солдатами успели добраться до обоза, где стояли пушки, но там шла уже жестокая схватка.

— Бей воров! Гони от пушек! — закричал полковник, кидаясь в бой и тесня нападающих спешенных гультеев.

В эту минуту на бугре, прикрывавшем стоянку полкового обоза, показались сопровождаемые бунчужниками и знаменщиками двое конных казаков. Один высокий, русобородый, подвижной, сидел в седле с казацкой ухваткой, другой, худощавый, темноволосый, со шрамом на лице, держался на коне мешковато: видимо, верховая езда его стесняла. Это были булавинские атаманы Семен Дранный и Никита Голый, соединенные силы которых доканчивали разгром Сумского полка.

Заметив полковника Кондратьева, пробивавшегося с солдатами к пушкам, Семен Дранный сказал с усмешкой...

— Ишь, бойкие какие стали с наших калачей...

Никита Голый молча тронул коня и, подъехав ближе к

сражающимся, выстрелил из пистолы в голову полковника. Тот упал, гультяи доби́ли его прикладами.

— Собаке собачья смерть, — произнес угрюмо Никита, возвращаясь к Драному. — Мне сказывали, будто полковник этот, гадюка, похвалялся весь Донец виселицами убрать, а нас с тобой на цепь посадить.

— Лютовать над нами охотников много, — отозвался Дранный, — князь-то Долгорукой, бают, четыре воза цепей с Воронежа пригнал... Проведает про наш нынешний промысел, будет небось зубами щелкать!

— Вот бы, Семен, нам на него ударить... да самого в те цепи оковать, да в Черкасской к Кондратию Афанасьевичу представить. Ловит, дескать, волк, но ловят и волка!

— Как в силах укрепнем, и до князя доберемся... Пожди малость!

Атаманы повернули коней. Место боя было густо покрыто трупами. Булави́нцы снаряжали огромный полковой обоз, доставшийся им как победителям, клали на телеги раненых. Сумской полк прекратил существование.

Полковые есаулы Трофим Яковлев и Кондрат Марков, которым среди других немногих удалось спастись, прибежав в Валу́йки, сказали вышнему командиру следующее:

«А как-де они у тех воров были, и те воры меж собою говорили: одни, чтоб им идти под Изюм, а другие, чтоб ударить и разорвать обоз господина князя Долгорукого. А впрямь ли они по такому своему злому намерению учинить хотят, того они, есаулы, подлинно не знают, только-де от них воров надобно иметь крепкое опасение, потому что их, воров, великое собрание, они-де признают, двадцать тысяч, конечно, будет. Да с ними ж было четыре пушки, да четыре шмаговницы. С ними ж де есть и запорожцы с полковниками и старшиною тысячи с полторы. И прибавляется-де к ним голытьба всякая, также еще ожидают запорожцев в помощь...»

А знатно-де, что на тот их полк воров привел волу́иченин калашник, потому тот калашник до приходу их воровского приезживал к ним в обоз для продажи хлеба и калачей. А как-де они у тех воров были, и они-де того калашника видели в том их воровском обозе. А ростом-де тот калашник высок и долголиц, борода продолговата и рыжа».

Долгорукий, узнав о разгроме Сумского полка, совершенно растерялся. Об этом свидетельствует его доношение

царю, написанное на следующий день. Побоявшись преследовать булавицев, Долгорукий оправдывается тем, что «у них конница легкая и многолюдно и при них же запорожцы», и всячески доказывает царю, будто сам Булавин с полками собирается напасть на Валуйки, а поэтому теперь нельзя идти в Азов, надо «украинные города оберегать». Долгорукий решается даже для большей своей безопасности задержать у себя драгунский полк Кропотова, отправленный из армии для охраны Азова и Таганрога.

Полученный как раз в эти дни царский опрометчивый указ о том, чтоб над казаками ничего не делать и стоять с войском в удобном месте, совершенно устраивал высшего командира. Две недели стоит он без нужды в Валуйках, ссылаясь теперь уже не на воровское «многолюдство» и необходимость защищать «украинские города», а на именной царский указ.

Впрочем, вполне вероятно, что Долгорукий к тому же не желал спасать азовского губернатора Толстого, с которым находился в старинной вражде. Петр считал необходимым в одном из писем даже напомнить князю: «Хотя вы с Толстым имеете некоторую противность, однако надлежит оную отставить, дабы в деле помешки не было».

Долгорукий обещал, а все же не смог этого исполнить. Замедление похода к Азову вообще оправдать трудно. «Пошел бы я к Азову и с малыми людьми,— пишет Долгорукий,— только удержался за нынешним твоим Государевым указом». Но и после отмены этого указа он не поспешил к Азову, находя все новые предлоги для задержки.

Петр, внимательно следивший за действиями Долгорукого, в конце концов сделал ему замечание:

«Господин майор! Письма ваши до меня дошли, из которых я выразумел, что вы намерены оба полка, то есть Кропотов драгунский и пеший из Киева у себя удержать, на что отвечаю: пешему, ежели опасно пройтись в Азов, то удержать у себя, а конный, не мешкав, конечно отправьте в Таганрог. Также является из ваших писем некоторое медление, что нам зело неприятно».

Так неприглядно выглядит вышний командир Долгорукий. Хладнокровная жестокость, проявленная им, как увидим дальше, при расправе над беззащитными людьми, сочеталась с весьма скромным военным дарованием, отсутствием решительности и мужества при встрече с сильным

противником. Выбор Петра нельзя признать удачным, и сам царь почувствовал это, сознаваясь Меншикову, что назначил Долгорукого «понеже иного достойного на то дело не нашел».

Приходится говорить об этих чертах характера высшего командира потому, что впоследствии дворянские летописцы превозносили его как умного, талантливое, смелого полководца, — после смерти Петра он был сделан фельд-маршалом, — сумевшего в трудных условиях усмирить донских мятежников.

На самом же деле из среды весьма посредственных офицеров Долгорукий ничем не выделялся. Петр за «показанные на Дону труды» пожаловал его всего-навсего чином подполковника.

Часть Третья

I

Деятельность Булавина в Черкасске представляется его биографам цепью сплошных ошибок. Главнейшими из них признаются следующие: Булавин раздробил свои силы, послав на Донец и Волгу наиболее преданную ему вольницу под начальством лучших своих атаманов Драного и Некрасова; Булавин потерял напрасно время на переписку с царем, упустив возможность взять Азов и Таганрог,

пока карательная царская армия еще собиралась; Булавин слишком долго потворствовал низовому домовитому казачеству, вместо того чтоб решительно стать на сторону голытьбы, главной своей опоры.

Однако можно ли эти поступки считать ошибками? Если б Булавин не отослал из Черкасска голытьбу, то, во-первых, чем бы он ее кормил, а, во-вторых, начавшаяся уже борьба голытьбы с природными казаками привела бы к губительной кровавой резне, на что, кстати сказать, надеялся азовский губернатор. Если б Булавин не оттянул похода на Азов и Таганрог, то, во-первых, хватило ли бы у него умения и силы взять хорошо укрепленные крепости, а во-вторых, если б и удалось их взять, разве это спасло бы донскую либерию? Не правильней ли предположить, что в таком случае царское правительство более быстро и жестоко обрушилось бы на донских мятежников? А если б Булавин сразу стал на сторону голытьбы, то, вероятней всего, этим самым он лишь ускорил бы раскол в лагере своих приверженцев и созревание тайного заговора природного казачества.

Следовательно, в поступках Кондратия Булавина, кажущихся на первый взгляд ошибочными, в его постоянных колебаниях есть какая-то закономерность, вызванная существовавшими тогда общественными условиями. Булавин был природным казаком и прежде всего хотел отстоять для донского казачества старинные права и вольности, на которые посягало царское правительство. Однако несомненно, что Булавин искренне желал улучшить и жизнь голытьбы, желал, чтоб простой народ, крестьяне и рабочий люд, были повсюду как-то ограждены от боярской «неправды», но не знал и, конечно, не мог знать, что для этого нужно делать.

Раздача голытьбе имущества черкасских старшин и церковных денег, устройство в российских селах и деревнях казацкого самоуправления, распоряжение делить «бессорно и безденежно» государственные хлебные запасы — все подобные мероприятия имели временное значение и не решали главных вопросов...²²

Вот причины, порождавшие кажущиеся ошибочными поступки Булавина, его постоянные колебания, лишенную ясной политической определенности деятельность.

Кондратий Афанасьевич, находясь в Черкасске, видел,

как быстро расширяется трещинка, появившаяся в отношениях с природным казачеством. Бывшие союзники все чаще под разными предлогами уклонялись от участия в войсковых делах, а многие бежали из Черкаска и низовых станиц в Азов с повинной, клялись там, будто Булавин силой и угрозами принудил их служить себе. И все громче звучали повсюду голоса недовольных.

В начале июня, ранним утром, прибежали табунщики, сторожившие в придонских лугах, верстах в десяти от Черкаска, войсковых лошадей, сказали:

— Ночью наехали на нас Васька Фролов с товарищами, будет-де их человек за сорок, и всех сторожей перевязали, и весь табун коней, без малого тысячи две, угнали неведомо куда, оставив только жеребых кобыл да стригунов... А по сакмам-де приметно погнали войсковой тот табун на Азов...

Булавиным овладела ярость. Он устраивает смотр казаков в Черкаске и в соседних низовых станицах. Не явившихся на смотр объявляет изменниками, семьи их берутся под стражу, пожитки запечатываются в куренях. Дом Васьки Фролова разоряется до основания.

Одновременно посылается войсковая грамота азовскому губернатору Толстому. Ссылаясь на то, будто «вины их государем отданы», Булавин настойчиво требует выдачи Василия Фролова с товарищами и возвращения воровски отогнанного ими войскового конского табуна²³.

Губернатор молчит. Зерщиков советует:

— Надо доставать Азов... Словно бельмо на глазу крепость сия проклятая.

Булавин соглашается. И долго сидят с наказным, обдумывают тайные войсковые дела.

Кондратий Афанасьевич, разумеется, не знал, кто и как подстроил бегство Васьки Фролова... Этот черкасский казак, некогда ярый противник Москвы, испуганный бесчинством голытьбы, одним из первых отвернулся от Булавина и стал высказывать мысль о необходимости быстрее примириться с царем.

Но бежать в Азов с повинной по примеру других Фролов не решался: губернатор знал его как «древнего бунтовщика» и мог не поверить в искренность намерений, хотя Фролов, чтоб расположить к себе Толстого, отправил ему однажды тайные сведения о булавинцах...

И вот поздним вечером к Фролову является булавиц-

ский есаул Тимофей Соколов. Без дальних слов приступает к делу:

— Ты что ж, Василий, в шпионах у господина Толстого состоишь или как?

Фролов помертвел от страха, забормотал:

— Наклепали на меня... не ведаю чего... Сроду того не мыслил.

Есаул Соколов впился в него острыми глазками, произнес с ухмылкой:

— Сказывай кому другому! Я твою цидулю господину Толстому сам читал...

Фролов повалился есаулу в ноги:

— Не губи, Тимофейч! Вспомни, как допрежь сего в ладу с тобой жили... Попутал меня окаянный! Зарок дам... никогда более и пера в руки не возьму...

— Кто ныне зарокам верит?— перебил есаул.— Вставай, не грешь. И ответствуй без утайки. Я тебе не враг, понял?

Фролов поднялся растерянный и, моргая глазами, спросил:

— А коли так... где ж цидуля та?

— У господина Толстого... Не трясись! Я, прочитав, задержки посланцу твоему не чинил...

У Фролова отлегло на сердце, он обтер полотенцем лицо, признался:

— Фу... Напужал таково, аж в пот вдарило. А ты сам-то... с войсковым атаманом... врозь разве?

— Ну, о том после погутаим,— уклончиво сказал есаул.— Ныне прислал сюда губернатор своих людей, велел им, с тобой и товарищами твоими согласясь, отогнать в Азов табун войсковых коней... Собирай своих, не мешкая, дабы сегодня ночью то дело справить. А тем и полное оправдание старых грехов твоих перед государем явлено будет...

— Опасаюсь, не соберу враз казаков-то,— заколебался Фролов, все еще сомневаясь в хитром булавинском есауле.— Кабы до завтра погодить...

Есаул мотнул головой, возразил строго:

— Нельзя. Булавин приказал наказному, чтоб завтра с утра всех подозрительных в кандалы ковать. А в том списке тебя первым я узрел.

Фролов более не колебался. Договорились об остальном без спора. И вскоре возглавляемый Фроловым небольшой

отряд казаков направился на рысях по дороге в придонские луга.

Тимофей Соколов, возвращаясь домой, завернул к дому наказного атамана, постучал в окошко. Зерщиков сам открыл, промолвил почти шепотом:

- Ну, что?
- Слава богу, Илья Григорьич...
- Без оплошки ли сделано?
- Комар носу не подточит. Покойной ночи вам!

...Спустя несколько дней в войсковом кругу слушали грамоту, присланную князем Долгоруким. Сообщая о разгроме Сумского полка, вышний командир требовал от атаманов и казаков:

«И вам бы, памятуя свое обещание великому государю, товарищам своим и иным, никому чинить так не велеть, чтоб неповинной крови и разорения никому не было. И Семена Драного, и Беспалова, и Никиту Голого, и иных своевольцев, которые без вашего войскового совету то чинили, взять и ко мне прислать. А как вы их ко мне пришлете, то вам будет во оправдание и во всем очистка. И за такую верную вашу службу от великого государя получите пребогатую милость и жалованье».

Как только войсковой писарь прочитал эти строки, казаки заволновались, закричали:

— Исполнить по грамоте! Взять своевольцев, отвезти в Валуйки. Не хотим за воровских атаманов ответ держать. Не хотим разорения. Взять своевольцев, взять!

Булавин попробовал крикунов утихомирить:

— Опомнитесь, братья! Где видно, чтоб своих выдавали? Не слушайте смутьянов!

Из круга перебили:

— Ты много говоришь, а с повинной к государю не посылаешь. Царские войска придут — все через тебя пропадем.

Булавин, гневным взглядом выискивая в кругу зачинщиков, пригрозил:

— А тех недругов, коими раздор на Дону чинится, давно кандалы ожидают и высылка.

Казацкая толпа на минуту затихла, потом вновь забурлила:

— Всех не перекуешь! Ныне нас в согласии много! Самого тебя в кругу поймать можем!

Кондратий Афанасьевич, сопровождаемый Зерщиковым и наиболее преданными старшинами, возвратился с круга потрясенный. Не сдержавшись, скрипнул зубами:

— Поджечь бы проклятый Черкасск да на Кубань по-даться...

Зерщиков молча переглянулся со старшинами, заметил:

— За что ж твоя немилость на всю нашу станицу-то? В семье не без урода, крикуны всюду водятся, а тут в единомыслии с тобой казаков множество...

— До сердца довели, не ожидал этого,— признался со вздохом Булавин.— А тебе, Илья Григорьевич, нужно бы тех крикунов лучше сыскивать.

— Я о том и хотел с тобой гутарить,— спокойно произнес Зерщиков, доставая бумагу и протягивая ее Булави-ну.— В сильном подозрении у меня означенные казаки...

Булавин, просмотрев список, приказал всех отмечен-ных взять под караул. И тут же было решено увеличить личную охрану войскового атамана до пятидесяти человек. Начальниками охраны поставлены есаулы Степан Ананьин и Карп Казанкин. Оба из рыковских надежных станич-ников.

А ночью в Черкасск приехали казаки с письмом Игната Некрасова, извещавшего подробно о взятии Царицына. Булавин приободрился. Станичным попам велел служить благодарственные молебны, кабацким сидельцам поить ка-заков вином безденежно, а пушкарям палить из пушек. Два больших приволжских города, Камышин и Царицын, стоят заедино с вольными донскими казаками. А коль бу-дет счастье, и Астрахань вскоре соединится...

Однако не все радовало. Беседуя с гонцами, Булавин выяснил, что еще прежде их послан был Некрасовым из Царицына племянник Левка... Куда же он девался? Була-вин любил Левку и сильно встревожился. Он послал во все стороны конных и пеших разведчиков, но все поиски оказались тщетными. Булавин терялся в мрачных до-гадках.

И лишь случайно спустя несколько дней из перехва-ченного казаками донесения азовского губернатора узнал о судьбе племянника. Толстой писал царю:

«Сего Государь июня в десятый день посланные мои поймали родного племянника вора Кондрашки Булавина Левку Акимова сына Булавина, который послан от него Кондрашки из Черкасского с вором Игнаткой Некрасовым

на Хопер... И с ним Игнаткой да Лунькой Хохлачем для воровства был на Камышенке и у Саратова и ехал от них с ведомостью в Черкасской к дяде своему Кондрашке. И ныне он, Левка, держится в Троецком за крепким караулом».

II

Булавин, вероятно, так никогда и не узнал, какой громовой отзвук по всей стране дало поднятое им восстание, с какой лютой злобой произносилось его имя боярами, царедворцами, помещиками и с какой любовью и надеждой шептали это же имя обездоленные люди. Но до сих пор хранятся в архивах сотни пожелтевших от времени всяческих воеводских доношений, отписок и показаний, свидетельствующих о размахе булавинского движения в грозное лето тысяча семьсот восьмого года.

Заглянем же в эти бумаги...

Под Воронежем у помещика Веневитинова крестьяне самовольно рубят лес, а работать в поле и платить оброк отказываются. Веневитинов едет в Воронеж, слезно просит воеводу Колычева прислать в имение солдат и наказать ослушников, дабы «впредь никакой скверны и воровского поползновения не было». Воевода отпустил нескольких солдат. Веневитинов начинает расправу. Крестьян хватают, беспощадно порют, но они упорно повиниться не желают и угрожают:

— Будут-де скоро в здешних местах казаки от Булавина, всех вас мучителей жестокосердных переведут.

Как только солдаты из имения ушли, крестьяне подожгли господскую усадьбу. А четверо зачинщиков на другой день убежали неизвестно куда.

Под Тамбовом, как сообщает воевода, продолжается «всенародное возмущение и разорение здешнего края». Государевы лесные работы не производятся, ратные люди разбежались. Большая часть вотчин разгромлена. Близ самого города стоят воровские казаки и калмыки. В лесах и оврагах таятся шайки вольных гулящих людей. Дворянам и дьякам носа нельзя показать на больших дорогах. «Служилые из городов всяких чинов люди, укрываясь от службы и податей, и волостные, и монастырские, и помещичьи крестьяне, отбывая тягл и платежей и помещиков, живут самовластно». Провианта в городах нет. Сбор пода-

тей прекратился. Жалованье солдатам и чиновникам платить нечем.

Воевода Волконский не выдержал и в письмах к своему покровителю Меншикову запросился на военную службу:

«Умилосердись, государь светлейший князь, прикажи мне быть в армии... Еще прошу вашей княжой милости, чтоб на мое место прислан был иной, кому ведать города Козлов и Тамбов. Все мне счисляют превеликое богатство с оных городов, а я уже четыре года судом и расправою не ведаю, и ведать их мне неколи, за отправлением врученных мне дел. Умилися, государь светлейший князь, на мою убогую просьбишку и не остави меня в своей милости».

А Мценский воевода жалобно повествует, как он сам чуть не погиб от врагов. Ездил он, воевода, «высылать дворян на Государеву службу против вора Кондрашки Булавина» и, возвращаясь домой по белевской дороге, наехал на большой крестьянский обоз, состоявший из многих подвод, а «на тех подводах женский пол со всей рухлядью».

Воевода полюбопытствовал: что-де за люди, куда и по какой надобности они направляются? Ему сказали: боярские крестьяне, а бегут-де они от непереносимой тяжелой жизни в украинские города.

Тогда он, воевода, «тех беглецов служилым людям велел взять в Мценск к приказной избе, для того, что не явили проездных писем, куда и зачем едут».

Служилые люди пригнали обоз с беглецами в Мценск. Там, у приказной избы, окружили их посадские люди во главе с бурмистром, начали спрашивать и открыто жалеть бедных мужиков и плачущих баб.

Когда подъехавший воевода строгим голосом приказал посадским людям расходиться, они его не послушались и закричали:

— Ты зачем, кровопийца, безвинных людей терзаешь?

После этого бурмистр с посадскими набросились на служилых, всех перевязали, посадили в подвал на цепь.

А беглецов отпустили. А его, воеводу, стащили с лошади и за бороду таскали и «били смертным боем». И он едва жив дополз до дома.

Особенно сильно огни мятежа разгорались на Волге. Слух о взятии булавицами Камышина и Царицына всколыхнул волжскую голытьбу. По всей великой реке «дети вселукавого дьявола», как называет булавищев астрахан-

ский воевода, прекращают свободный проезд. В приволжских селах и деревнях появляются отряды повстанцев.

Жители Нижнего Новгорода, идя майским утром мимо Дмитриевских ворот, заметили сделанную мелом надпись: «Быть бунту». Подобные надписи были обнаружены в кремле, у стрелецкого головы на огородном заборе и во многих других местах. Вскоре под городом стали собираться ватажки вольных гулящих людей. Они численно увеличиваются и смелеют с каждым днем. Балахнинский земских дел бурмистр Ларион Гусельников доносит в приказ:

«Меж городов Балахной и Нижним, и ниже и вверх по реке по обе стороны, на помещиковых, вотчинниковых и монастырских землях, стоят воры разбойники многими станами человек по двадцать и тридцать, по пятьдесят и больше, с ружьем и в лодках и на лошадях, и струги останавливают, разбивают, и грабят посадских торговых людей и кормщиков, и в Волгу сажают, и проезда не стало, торги и работы остановились».

Нижегородский воевода Леонтьев подтверждает:

«От воровских людей в трех верстах проезду нет... Вор Ганька Старченок по ведомостям с десятью тысячами ходит, со знаменами и с барабанами, и он казнит и четвертует, и приказывает, что будет в Нижнем и распустил тюрьмы».

Повстанцы Ганьки Старченка успешно действуют на обширной территории. Они появляются и на Ветлуге и на Унже, где «приказную избу разбили и многие дела в приказной избе порвали, денежную казну взяли и из тюрьмы колодников распустили».

Повстанцы стоят «множеством станов между Кинешмой и Юрьевцом, в Тверском, Костромском и Галичском уездах. Муромский воевода Панип доносит в приказ, что «воровские люди собрався многолюдством разбили в Муромском уезде монастырь Бориса и Глеба и архимандрита били и без остатка пограбили, а ныне стоят те воры на Оке реке близ Мурома в пяти верстах и захватили все дороги».

Бушует пламя крестьянского восстания вокруг Пензы. Вооруженные топорами и вилами повстанцы берут города Верхний Ломов, Мокшанск и Чембар.

Булавинцы пробираются к башкирам и татарам, чувашам, марийцам и вотякам, подстрекая их к бунту. Недавно жестоко усмиренные царскими войсками башкиры вновь поднимаются, захватывают Хлыновский уезд. А за-

держанный татарин Телесбот показывает, что «их в собрании многое число и согласие имеют с казаками, и каракалпаками, и с донскими воровскими людьми, и с кубанцами, и положено-де на том, чтобы друг друга не выдавать и всем быть заодно».

Смута перекинулась на Смоленщину. Помещик Корсак от имени всей шляхты смоленской жалуется канцлеру Головкину на массовое бегство в сторону Брянска их крепостных крестьян, которые при этом «разоряют их помещичьи дворы, животы, грабят и людей бьют до смерти». Канцлер Головкин велел смоленскому воеводе сыскать тех беглецов и возвратить владельцам. Но из этого ничего не вышло. Посланные воеводой солдаты натолкнулись на упорное сопротивление беглых. Извещая об этом царя Петра, канцлер Головкин пишет:

«По ведомости от воеводы бегут из Вяземского и из иных уездов от разных помещиков крестьяне с женами и с детьми и с пожитками своими, с пищалями и с рогатинами, большими станицами человек по сто, по двести, по триста, по пятьсот и больше, поднявша целыми селами и деревнями, и через Дорогобужский уезд идучи чинят великое разорение, и по селам и деревням крестьян с собой же подговаривают, и многие к ним пристают. А которые помещики и их люди за теми беглецами гонятся в погоню, и по них стреляют из ружья и бьют до смерти... Опасаясь, дабы из того не выросло какого дурна, рассудили мы за благо к смоленскому воеводе писать, дабы он для поимки упомянутых беглых крестьян послал еще к прежним в прибавку солдат с ружьем, тако ж и шляхты и рейтар конных с добрыми офицерами. А которые из них, беглецов, будут им бороться ружьем, тех бы, перенмав, во страх иным вешали по дороге. Тако ж, чтоб по всем городам и в уездах у церквей прибили указы под смертным страхом, дабы никто впредь из крестьян таких побегов и противности помещикам своим чинить не дерзал».

Не помогли и эти строгости. Бегство крестьян продолжается. И во многих западных уездах на месте недавно оживленных сел и деревень образовались пустоши; из разросшихся лопухов и крапивы торчали, словно после пожара, одни лишь остовы закопченных печей.

Украина дышала мятежами и смутой... Об этом красноречиво поведал в письме к Меншикову сам украинский гетман Иван Степанович Мазепа:

«Тут в Украине внутренний огонь бунтовничий от гультьев пьяниц и мужиков во всех полках начал разгораться... Всюду в городах великими купами с киями и с ружьем ходят, арендаторов бьют до смерти, вино насильно забирают и выпивают; в Лубнах арендаря и ктитора убили до смерти; в Мглине сотника тамошнего казаки изрубили и спицами покололи; с Сотницы сын обозного моего войскового генерального насилиу с женою своею уходом спаслись; в Гадяче на замок тамошний наступали, хотя добре мое там разграбить и господаря убить... в простом и малодушном народе мятеж и роптание, а между гультьев своеволие, ибо опасность и в том великая, что два предводителя гультьейские, один Перебежный, другой Молодец, прибравши к себе своевольных, и больше великороссийских людей донцов две тысячи, по берегам Днепра и в полях шатаются и людей разбивают...»

Шведский король Карл XII был превосходно осведомлен о народном волнении на Дону и на Украине. Считая себя освободителем русского и украинского народов от царской тирании, Карл, готовя план вторжения, возлагал немалые надежды на помощь вольнолюбивого казачества. Русский посланник в Голландии Андрей Матвеев доносил царю Петру:

«Из секрета здешнего шведского министра сообщено мне от друзей, что Швед, усмотря осторожность царских войск и невозможность пройти к Смоленску, также по причине недостатка в провианте и кормах, принял намерение идти в Украину, во-первых, потому, что эта страна многолюдная и обильная и никаких регулярных фортеций с сильными гарнизонами не имеет; во-вторых, Швед надеется в вольном казацком народе собрать много людей, которые проводят его прямыми и безопасными дорогами к Москве».

Шведский король в своих расчетах ошибся. Как только шведские войска перешли украинский рубеж, вольный казацкий народ, бунтовавший против своих отечественных угнетателей, не только отказался от помощи шведам, но, собираясь в охотные партизанские отряды, стал беспощадно истреблять чужеземцев захватчиков.

Царь Петр тоже вначале с тревогой думал о том, что вольный казацкий народ может соединиться с неприятелем, и был приятно удивлен, увидев, с каким мужеством этот народ защищает свою отчизну от шведов.

«Малороссийский народ,— писал Петр адмиралу Апраксину,— так твердо стоит, как больше нельзя от них требовать. Король посылает прелестные письма, но сей народ неизменно пребывает в верности, а письма королевские нам приносит».

III

Азовский губернатор еще в первых числах июня доносил вышнему командиру князю Долгорукому:

«Вор Кондрашка Булавин прислал ко мне из Черкасского в Азов отписку свою за войсковой печатью, в которой пишет с грозами, открыв явно свое воровское намерение, что хочет Азов и Троицкой добывать. И послали они войском вверх по Дону и по всем рекам в свои казачьи городки, чтоб для того съезжалось войско в Черкасской, и велели собрать по семи человек с десятка. И войско-де уже в собрании у него есть, а со всех рек будут-де к ним в Черкасской вскоре. А собрався, конечно, хочет идти войною к Азову и Троицкому. А меня и азовских и троицких офицеров хочет побить до смерти, и иные многие похвальные слова пишет с великими грозами... И сего ради к Азову и к Троицкому изволь ваша милость с полками поспешить в скорых числах, чтобы тот вор с единомышленниками своими какого бедства не учинил».

Вышний командир, как известно, на тревожное донесение губернатора внимания не обратил и к Азову не пошел, сославшись на царское указание «над казаками ничего не делать».

Но и тревога азовского губернатора была сильно увеличена. Булавин в письме, о котором идет речь, требовал возвращения отогнанного в Азов войскового конского табуна и выдачи Васьки Фролова. О том, будто в Черкаске «войско уже в собрании», губернатор присочинил от себя, он превосходно знал, что походное войско еще не собиралось и при Кондратии Булавине находится «единомышленников его человек пятьсот или немногим больше».

Вопрос о сборе войска для азовского похода был весьма сложным. Булавин несколько раз обсуждал его со своими старшинами и ничего не добился.

Азов представлял постоянную угрозу для донского казачества. Азов закрывал выход в море и сдерживал всякое проявление столь любимой казаками самостоятельности.

В Азове, наконец, находили убежище все недруги, подготавливавшие тайные козни против возглавляемой Булавиным донской власти. Отгон войсковых лошадей, задержка имущества казенных старшин, запугивание казаков всякими лживыми слухами и, наконец, похищение Левки — все это совершалось по указанию азовского губернатора. Азов надо было взять. И войсковая старшина соглашалась с этим, однако, опасаясь нового притока голытьбы, настаивала на том, чтоб войско собиралось не добровольное, охотное, а версталось в станицах из одних казаков.

Булавин понимал, что осуществить подобное решение немыслимо. Старожилые казаки хотя и продолжали еще поддерживать его, однако не очень-то хотели браться за оружие, а голутвенный люд, проведая о сборе Булавиным походного войска, все равно хлынет в Черкасск.

Чтоб проверить готовность казаков к походу, Булавин созвал в середине июня войсковой круг. Низовые станичники, как он и ожидал, держались уклончиво. Одни готовили, что «под Азов не ходить, а дожидаться бы сверху казаков, для того что-де в Черкасском их малоллюдно»; другие прямо заявляли, что сейчас наступила пора сенокоса и «лучше б он, Булавин, отпустил их сено косить».

Между тем из перехваченного письма азовского губернатора Булавин узнал, будто сам царь Петр едет на Дон, и со взятием Азова медлить было нельзя.

Невзирая на возражения старшин, Кондратий Афанасьевич решает собирать охотное походное войско. Посылая в станицы войсковые грамоты о верстке казаков, он словесно наказывает с посыльными, что могут приходить и все желающие. В Черкасск с верховых городков, вместе с небольшими отрядами казаков, начали прибывать толпы голутвенных²⁴.

Булавин вновь, как в Пристанском городке, принимает энергичные меры, чтобы накормить, одеть, вооружить и подготовить к походу всех охотников. Посланный им в Донецкий городок казак Борис Яковлев забирает весь находившийся там государев хлебный запас и водным путем, на бударах и стругах, отправляет хлеб в Черкасск. Одновременно Яковлев вывозит из Донецкого городка принадлежавшие Воронежскому адмиралтейству шесть пушек и ядра. В Паньшином по приказу Булавина готовят муку, которую тоже отправляют в низовые донские станицы. С кубанскими казаками Булавин договаривается о прода-

же для донского войска двух тысяч лошадей, и вскоре первый табун из пятисот коней кубанцы пригоняют в Черкасск.

Но... времена изменились. Среди казаков нет уже того общего согласия, которое существовало весной. Тогда все окружавшие Кондратия Афанасьевича люди верили в него и в успех затеваемого им дела и во всем высказывали сочувствие, и никто при встречах с ним не отводил в сторону глаз, как делали это теперь многие казаки. Тогда на всех лицах отражалась радостная взволнованность, а теперь даже на лицах своих старшин Кондратий Афанасьевич замечал порой недовольство и плохо скрытое глухое раздражение. И он все более и более убеждался, что донское понизовое казачество, к которому сам принадлежал и для благополучия которого не щадил ни своих сил, ни жизни,— это самое казачество, за исключением старожилых и главным образом из верховых городков, относится теперь к нему с затаенной враждебностью.

Как-то поздним вечером, возвратившись из Рыковской станицы, Кондратий Афанасьевич застал дочь Галю в слезах.

— Что с тобой, донька, кто тебя обидел?— спросил он, сдвигая густые брови.

Галя долго говорить ничего не хотела, но в конце концов отец заставил ее признаться. Она была с подругами на станичной гулянке, и казачата, подходя к ним, говорили ей всякие гадости, а потом одна из подруг сказала, чтоб она гулять вечерами опасалась, казачата хотят ее обесчестить: высечь крапивой. И не за какую-нибудь ее виновность, а за то, что она дочь бунтовщика, напустившего в низовые станицы гультяев, воров и бродяг.

Булавину было ясно, кто старается опорочить и донять его любыми подлыми средствами. Это все те же недавние его приятели, природные, а не пришлые казаки. И он, сдерживая в груди закипавшую от обиды и гнева ярость, произнес глухим голосом:

— Презренные, трусливые рабы... Привыкли к царской кости, готовы за нее и горло друг другу перегрызть и с вольностью своей расстаться...

Галя смотрела на отца широко открытыми влажными глазами, и на щеках ее вновь заиграл румянец, и губы ее шевелились, словно она повторяла вслед за отцом такие непривычные для уха и такие доходчивые до сердца слова.

Потом она, вскинув руки, ласково обняла отца и промолвила:

— Тятя, родный, ты помнишь... ты сам обещал... подарить мне кинжал... Я хочу, чтоб он был при мне. Пусть тогда посмеют тронуть!

И столько силы и справедливого гнева и гордой уверенности в себе было в голосе дочери, что Кондратий Афанасьевич ей не отказал. Он молча поцеловал ее в лоб, пошел в свою комнату, снял висевший на стене кинжал работы искусных персидских мастеров и, возвратившись, протянул дочери:

— Без нужды никому, однако, не показывай, донька... Береженого бог бережет.

Галя взяла кинжал, благодарно улыбнулась отцу и вдруг озорно тряхнула головой:

— Я ж не маленькая, тятя... За меня не бойся!

...Булавин отдалялся от казачества. Войсковой совет созывать перестал, надобности в старшинах не видел. Только с Ильей Григорьевичем Зерщиковым по-прежнему водился, да еще с рыковскими... Те прямодушной всех держались и говорили, как думали:

— Связал нас бог с тобой одной веревочкой, Кондратий Афанасьевич, куда ты — туда и мы, хоть воевать, хоть на Кубань бежать... Телеги-то у нас, изволь ведать, в готовности.

Зато все чаще проводил время Булавин с подходившими непрерывно голутвенными вольными людьми, сам обучал их военным приемам, запросто беседовал с ними в станичных избах и у костров. И, приглядываясь, отличал многих, которые пришли не гулять и шарпальничать, а защищать и утверждать дорогую им вольность. Больше десяти человек из них взял Кондратий Афанасьевич в свою охрану, хотя и заворчали есаулы Степан Ананьин и Карп Казанкин:

— Аль мы, казаки, плохо тебе служим и от ворогов не остерегаем?

Булавин есаулов успокоил:

— Худо разве, ежели больше верных вокруг меня будет?

И теперь, когда сообщали Булавину о столкновениях пришедшей голытьбы с домовитыми, он по большей части

пропускал эти сообщения мимо ушей. «Не убудет у них,— думал зло о казаках,— коли и поживятся чем вольные».

Поймали гультая на станичном выгоне кабана и зарезали. А кабан принадлежал домовитому черкасскому казаку. По его жалобе Зерщиков взял троих виновных под стражу. Булавин велел отпустить:

— У казаков кабанятина не в диковину, Илья Григорыч, а бедному человеку где взять? Пускай хоть раз свежим мясом разговееются...

И все же Булавин отдавал себе отчет, что без поддержки природного казачества он может оказаться в безвыходном положении. Голытьба готова жертвовать жизнью за вольность, но военного опыта не имела, главную боевую силу походного войска составляли конные казачьи полки.

Видя, что донские казаки уклоняются от службы, Булавин посылает несколько грамот кубанцам и запорожцам, приглашая их на службу и обещая ежемесячно выплачивать денежное жалованье, соблазняет «прелестными» письмами солдат слободских полков и азовского гарнизона, продолжает упорно выискивать военных союзников...²⁵

Однажды Зерщиков, зайдя под вечер к войсковому атаману, положил перед ним какую-то бумагу и сказал:

— Глянь, Кондратий Афанасьич, какую грамоту занятную запорожцы доставили.

Булавин начал читать и с первых строк догадался, что перед ним так называемый «манифест» шведского короля Карла. Обращаясь к украинским и донским казакам, король скорбел над их несчастной участью быть рабами царя и бояр и сообщал, что вскоре намерен освободить любезных ему казаков от тяжкого ига московского.

Высказывая надежду на помощь казачества, король предлагал устанавливать с ним тайные сношения, дабы объединить усилия всех, кому дороги отторгнутые царем старинные привилегии и вольности.

— Ну, что скажешь? Стоит веру тому давать, о чем в бумаге написано?— спросил нетерпеливо Зерщиков, когда Булавин закончил чтение.

— А чему тут верить?— Булавин пожал плечами.— Королю швейскому желается на свою сторону казаков перетянуть, вот и сулит златые горы...

— Однако ж запорожцы иначе мыслят,— возразил Зерщиков.— На ихних радах, сказывают, крик неумный,

чтоб посыльщиков к шведам отправить... И кошевой якобы заколебался...

— Не диво. Гордеенко ростом высок, в плечах широк, а умом некрепок. Мне на масляной неделе чего только ни гутарил, чем ни похвалялся, а все пустой брехней оборотилось.

Зерщиков, привычно поправляя бороду, вставил:

— Да ведь не одни запорожцы... слушок есть, будто и сам гетман Иван Степанович Мазепа не прочь королевскую протекцию признать...

Булавина и это известие ничуть не смутило, отозвался спокойно:

— А коли и так? Гетман первый пан на Украине, и злыдень, каких на свете мало, нам с ним никогда по пути не будет... А королевская протекция чем для нас краше царской? Нет, Илья Григорьевич, ни царю, ни королю, ни панам вольность народная вовек любезной не станет....

— Все же, чаю, король-то подмогу какую ни на есть оказал бы нам,— продолжал Зерщиков.— И пробраться к нему не трудно... Смотри сам, а я послал бы казака разумного проведать, чего доброго от шведа ожидать нам можно.

Булавин покачал головой:

— Нельзя того чинить, дабы потом в народе не разгласили, будто мы заодно с чужеземцами и нехристями...

Зерщиков усмехнулся, заметил:

— Они ж, как и мы, против царского величества воюют... выходит, заодно нам и быть...

Булавин сердито перебил:

— Рехнулся, что ли, Илья Григорьич? Мы свою стародавнюю, донскую, кровью казацкой политую землю и вольности от царского покушения оберегаем и с русскими и украинскими людьми в единомыслии против князей и бояр стоим... А шведы не царя и бояр, а Русь воевать идут. Хотят господами тут учиниться, потуже на мужицкой шее хомут затянуть, от веры истинной отвращать станут и в кирки поганые погонят... Не ведаю, пропустят ли шведов через русские рубежи, но ежели так случится, готов душу заложить, не сладко здесь чужеземцам придется от казаков и селян...²⁶

Зерщиков, скрывая недовольство, промолвил:

— На **все** воля божья, загадывать нечего, Кондратий

Афанасьич... А я, признаться, думал, рад будешь грамотке шведской, дела-то наши таковы, что любая помощь впору.

— Этакой помощи я не хочу! — горячо возразил Булавин. — Свести своей пятнать не буду, Илья Григорьич. Врагов Руси на Русь не позову!

На другой день из Черкаска поскакали гонцы к атаманам Игнату Некрасову и Семену Драному. Предлагал им войсковой атаман, чтоб они, не мешкая, шли к нему на помощь с лучшими конными сотнями.

Может показаться странным, зачем Зерщикову понадобилось толкать Булавина на сговор со шведами? И это необходимо пояснить.

Азовский губернатор, опасаясь нападения булавинцев, неустанно напоминал царю, что «надобно с полками к Азову поспешать, понеже оный вор Кондрашка Булавин наговаривает казаков идти к Азову и Троецкому войною». А в то же самое время князь Долгорукий уверял царя, что при Булавине всего несколько сотен казаков и «с такими малыми людьми идти ему под Азов невозможно».

Петр, получая столь разноречивые донесения, морщился от досады. Кому верить? Вероятней всего, что Толстой опасность преувеличивает, а Долгорукий преуменьшает. И письма оставались без ответа.

Тогда азовский губернатор решил воздействовать на царя иным способом. Зная, что Петр более всего тревожится о том, как бы Булавин не сговорился о совместных действиях с турками и шведами, Толстой усиливает эту тревогу царя своими подозрениями. Довольно веским доказательством в его руках было перехваченное письмо Булавина к кубанским казакам, где говорилось, что в случае, если царь станет утеснять донских казаков, они уйдут на Кубань и будут просить, чтоб «турский царь нас от себя не отринул».

Петр, получив это письмо, поручает русскому послу в Константинополе Петру Андреевичу Толстому — брату азовского губернатора — тайно разведать «не будет ли от Булавина какой к Порте подсылки».

Петр Толстой вскоре ответил:

«О бунтовщике воре Булавине буду здесь смотреть прилежно, и если оная либерия вскоре не пресечется, боюсь, чтоб не задалась такая трудность, потому что турки об этом

знают и радуются; впрочем явно ничего не предпринимают в пользу бунтовщиков, и от воров явных присылок сюда нет».

Но подозрения сохраняются... По распоряжению царя Петра захваченных булавиных с пристрастием, пытая на огне, допрашивают о том, что им известно о «подсылках Булавина к туркам и шведам». Пытаемые показывают, что «о тех подсылках» они ничего не слыхали.

И несомненно, если б царь Петр имел хоть какое-нибудь доказательство о сговоре Булавина с турками и тем более со стоящими на рубежах шведами, он не отказался бы от намерения ехать на Дон, чтоб убыстрить разгром булавиных и «себя от таких оглядок вольными в сей войне сочинить».

А губернатор азовский между тем продолжал оставаться в уверенности, что Булавин сговаривается не только с турками, но и со шведами. Королевские «манифесты» и «подметные письма» распространялись на Украине, и бежавшие из Черкаска казаки подтверждали, что являвшиеся на службу к Булавину запорожцы «о неприятельском прельщении сказывали». Толстой полагал, что Булавин непременно соблазнится королевскими обещаниями, не приминет войти в тайные сношения со шведами. А уж как кстати бы добыть знаки этого злого Кондрашкина умысла! Царь Петр в этом случае минуты не стал бы медлить, чтоб начисто огнем и кровью смирить мятежников и покончить с донской либерией.

Азовский губернатор вытребовал для тайного свидания давно и верно ему служившего булавинского есаула Тимофея Соколова. Тот поведал подробно, как недовольство донского природного казачества Кондратием Булавиным привело к созданию заговора против него.

Заговор возглавляли «знатные старики» во главе с наказным атаманом Зерщиковым. Желая заслужить прощение за участие в воровских замыслах и надеясь на милость великого государя, заговорщики ждали первого удобного случая, чтоб схватить и выдать вора Кондрашку. Но сделать это было не так-то просто. Булавин в последнее время стал осторожен, и охрана, усиленная избранными им голутвенными, оберегает атамана зорко и неподкупно. А в станице Рыковской, где живут его братья и где он часто бывает, казаки «с ним заедино и от воровства отставать не хотят». Тем не менее заговорщики продолжают укреп-

ляться и, уповая на помощь Божию, надеются тот замысел свой вскоре исполнить.

Толстой, выслушав Соколова и одоббив действия заговорщиков, спросил:

— А ведомо ли тебе, есаул, о склонности вора Кондрашки к соединению со шведами? И какие пересылки он с неприятелем чинит?

Соколов такого вопроса не ожидал. Булавин никакого разговора о соединении со шведами никогда не поднимал, но не зря же намекает на это губернатор, может, он что-то узнал от других лазутчиков? Не желая признаваться в плохой осведомленности, он от прямого ответа уклонился:

— Ныне, ваша милость, вор всех остерегается и пересылки тайно вершит...

Толстой чуть поморщился, перебил:

— А кто ж ему в сих делах помогает? Наказного-то атамана, чаю, вор не таится?

— Илья Григорыч пока из веры у него не вышел,— подтвердил Соколов.

— Так ты бы его попытал о шведах-то... Нужда первойшая о том проведать.

— Догадки не хватило, ваша милость,— признался Соколов, сообразив, наконец, что губернатор ничего не знает и лишь подозревает Булавина в сношениях со шведами.

— А того лучше,— продолжал Толстой,— кабы явно вора Кондрашку уличить, посыльщика его схватить, аль письмо к шведам перенять... Зерщикову объяви, что сия услуга государем забвенна не будет.

Соколов, возвратившись в Черкасск, не замедлил уведомить наказного о желании губернатора.

IV

Кончался июнь месяц. В Царицыне на сторожевой башне по-прежнему развевалось и пламенело водруженное булавинцами знамя. Город управлялся по казацким обычаям атаманами Игнатом Некрасовым и Иваном Павловым. Конные и пешие дозоры сторожили Волгу, не пропускали ни вверх, ни вниз ни одного струга с военными и продовольственными припасами. Каждый день бушевали казачьи круги, все громче слышались крики:

— Возьмем пушки, пойдем в Астрахань, пойдем на море Хвалынское!

Астраханский губернатор Апраксин, «не терпя от скверных такого досадительства», заболел медвежьей болезнью, хотя Меншиков, узнав об этом печальном случае, высказал иную подозреваемую им причину болезни:

— Обделался со страху астраханский байбак...

Потеряв под Царицыном лучший солдатский полк Бернера и опасаясь нашествия на Астрахань «злодейственного сонмища Булавина», губернатор слезно умолял царя о присылке войска для защиты города. И только когда подошли наконец-то Казанский и Смоленский пехотные полки, Апраксин начал приходить в чувство. Но его ожидала новая неприятность.

Воевода Петр Иванович Хованский, жестокий усмиритель бунтовавших башкир, получив приказ очистить от воров Камышин и Царицын, стал ссылаться на «ненадежность солдат» и царю Петру написал:

«Прошу, государь, дабы указ был послан к господину Апраксину о присылке ко мне на перемену двух полков, Смоленского да Казанского, а вместо того отправлю я от себя в Астрахань два полка, которые мне ненадежны. Так же бы драгун, которые есть в Астрахани, и дворян, и детей боярских, и мурз, и табунных голов, и татар выслать ко мне в полк, а они мне нужны».

Апраксин, проведая об этом, взбеленился. Он много лет враждовал с Хованским и в его просьбе усмотрел «великое для себя бесчестие».

— Как? Хованский умышляет мои войска забрать, а взамен своих ненадежных отправить? Не бывать сему во веки!

Апраксин жалуется на Хованского брату-адмиралу, тот близок к царю и в обиду единокровного своего не даст.

Хованский стоит под Казанью. Воевода похваляется, очистив от воров Волгу, идти в Черкасск и схватить Кондрашку Булавина и его советчиков, прежде чем вышний командир Долгорукий выступит из Валуек.

А в Царицыне тем временем была получена грамота Булавина. Атаманы Некрасов и Павлов, прочитав ее, призадумались. Кондратию Афанасьевичу для азовского похода, для боя с регулярными царскими полками требовалось стойкое, имевшее военный опыт войско. Пришлую, плохо вооруженную голытьбу вести в Черкасск было бесполезно, там без того скопилось ее достаточно. Булавин сам

писал, чтобы «пришлых всяких чинов людей с собой не имать».

А где же взять боеспособных воинов? Под начальством царицынских атаманов, помимо трех тысяч голытьбы, находились всего четыре казачьи конные сотни да тысяча обученных Павловым пеших, вооруженных ружьями и пищалями бурлаков.

Атаман Иван Павлов сказал:

— О конных казаках, Игнат, спорить нечего, все четыре сотни возьмешь с собой... И бурлаков я бы хоть половину с тобой отпустил, помогать Кондратию Афанасьевичу нужно, да, сам ведаешь, с казаками бурлаки не дюже ладят, пойдут ли они в Черкасск?

— Бурлаки и тут тебе будут надобны,— отозвался разумно Игнат Некрасов,— голутвенной вольницей не удержишь Царицына, коли ратные государевы люди осадят... Придется мне, видно, с одними казаками идти.

— Мало казаков-то, вот беда!— вздохнул Павлов.— Не такой помощи ждет от нас войсковой атаман.

— Дойду до Паньшина, а там обожду дней пять, из соседних донских станиц казачков пособираю,— сказал Некрасов.— А грамоту войсковую Луканьке Хохлачу в Камышин отошлем, пусть тоже помощь учинит, у него под рукой сотен пять конных казаков и камышинцев...

— Обдумал ладно,— одобрил Павлов.— Тут ихний подъячий камышинский, он грамоту и доставит...

«И атаман Некрасов с воровскими казаками с Царицына ушел на Дон,— показывал впоследствии очевидец, а то-де письмо, которое прислано с Дону, отдали камышенскому подъячему, который прислан был к ним на Царицын, и ту ведомость на Камышенку тот подъячий привез. И, собрався, воровские казаки в кругу то письмо прочли, и он-де Луканька атаман с воровскими казаками и с камышенскими жителями ушел на Дон же, а сколько-де пушек и пороху и иных каких припасов взяли, про то-де он подлинно не знает».

...После разгрома Сумского полка атаман Семен Драный, Сергей Беспалый и Никита Голый стали готовиться к нападению на самого высшего командира.

Шпионы согласно доносили Долгорукому, что «воры хотят быть на князя под Валуйки». Замысел казался впол-

не осуществимым. Булавинские атаманы собрали около десяти тысяч верховых казаков и две тысячи запорожцев. И каждый день отовсюду прибывали голутвенные, привлеченные яркими, доходчивыми призывами Никиты Голого:

«Нам дело до бояр и которые неправду делают. А вы, голотьва, вся идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтесь: будут вам кони, и ружье, и платье, и денежное жалование. А вы, стольники, и воеводы, и всякие приказные люди, и заказные головы, не держите черни и по дорогам не хватайте, и пропускайте их к нам в донецкие города. А кто будет держать чернь и не пропускать, и тем людям будет смертная казнь».

И кто знает, как могли сложиться дела донской либерии, если б, используя численное превосходство, булавинцы внезапно обрушились на Валуйки?

Однако время было упущено. Слободские полки бригадира Федора Шидловского начали теснить булавинцев на Донце. Стародавний ненавистник Булавина и донского казачества бригадир Шидловский зарился на богатейшие донецкие угодья и бахмутские соляные промыслы, хотел навсегда изгнать из этих мест казаков и поэтому отличался особой беспощадностью.

Булавинцы, понимая намерение Шидловского, упорно сопротивлялись и хотели во что бы то ни стало схватить бригадира.

Подъезжая к Тору и Маякам, где сидели полчане Шидловского, булавинцы кричали:

— Эй вы, удалые головы! Выдавайте вора Федьку Шидловского, иначе всех вырежем, как в Сумском полку!

А изюмский сотник Осипов доносил бригадиру, что булавинцы, собрав круг в Бахмуте, «паче всего великие похвалки чинят на вашу панскую милость, чего боже им да не поможи, як бы ухватить хотя на дороге, где или разбоем, или каким-нибудь фортелем».

В конце июня ожесточенные местные бои со слободскими полками развернулись в районе Бахмут — Маяки — Ямполь. На помощь Шидловскому подошел пехотный солдатский полк Ефима Гулица. Сдерживать натиск царских войск булавинцам становилось все труднее. Семен Драный писал Булавину, что «против тех полков стоять мочи его нет».

И как раз в это время приходит войсковая грамота.

Кондратий Афанасьевич требует, чтоб лучшие конные казачьи сотни шли в Черкасск.

Семен Драный собрал своих атаманов и есаулов:

— Как нам по грамоте исполнить, братья? Чем пособить войсковому атаману?

Ответить на эти вопросы было не легко. Все понимали, что без крайней нужды не вызывал бы казаков войсковой атаман и пособить ему необходимо, но что же можно сделать в тех тяжелых условиях, которые сложились на Донце?

Булавинцы стояли под Бахмутом. В непосредственной близости находились Ахтырский, Полтавский и Харьковский слободские конные полки, их поддерживала пехота Ефима Гулица. А из Валук, как доносили разведчики, вот-вот должны выступить войска вышнего командира. И булавинцы еще не знали, что с Курска походным маршем идут к Изюму драгунский и пехотный боевые полки под начальством полковника Гаврилы Кропотова, который спешил соединиться с Шидловским.

Отступать булавинцы не могли: слободские полки, а затем и остальные царские войска двинутся следом. Да и как без боя отдать заклятым врагам на разорение донецкие верховые городки? Стоять же на занятых позициях, сдерживая натиск слободских полчан, более нельзя: подойдут царские войска, соединятся, тогда не избежать поражения. Надо было так или иначе что-то предпринимать.

Семену Драному и его товарищам ничего не оставалось, как попытаться ударить всеми силами на слободские полки, разбить их, и сделать это быстро. А вышний командир, узнав об этом, повертит назад в Валуйки, не осмелился же он выйти оттуда, узнав о гибели Сумского полка. Таков был смелый замысел... И само собой разумелось, что только после удачного его выполнения можно будет послать в Черкасск конные донецкие казачьи полки.

30 июня, отправив часть войска под начальством Никиты Голого и Беспалого на валуйскую дорогу сторожить вышнего командира, булавинцы во главе с Семеном Драным подступили к Тору и начали обстреливать из пушек этот укрепленный неприятельский городок.

1 июля Шидловский двинул на выручку осажденных слободские полки. Булавинцы начали поспешно отступать к Донцу в урочище Кривой Луки, устраиваться там с обо-

зом и пушками в заранее облюбованных «самых крепких лесных местах».

2 июля под вечер слободские полки подошли к урочищу. Булавинские дозоры наблюдали из леса за каждым шагом противника. Потом неожиданно выкатили скрытые пушки. Окутывая местность густым пороховым дымом, загрохотали выстрелы. Ядра, направленные умелыми руками беглых пушкарей, разрывались в гуще слободских войск. Среди них произошло замешательство. Передовые сотни попятились назад.

И сейчас же понеслась на слободских полчан с гиканьем и свистом конная казачья лава. А следом показалась пешая вольница. Коренастый угрюмый атаман Тихон Белгородец вел в бой работных людей и бурлаков. Бахмутский солевар Тарас начальствовал над верховыми голутвенными. Беглый чернец Филимошка Подобедов, отличавшийся отчаянной храбростью, шел впереди собранной им вооруженной топорами и вилами толпы крестьян.

Спустилась ночь. Взошла полная луна. На небольшой донецкой равнине у Кривой Луки кипела страшная сеча. Тысячи людей схватились грудь с грудью. Дрались саблями, копьями, ружейными прикладами и чем попало. Слышался невыразимый гул, лязг, скрежет, ржанье и храп лошадей, стоны людей.

Булавинцам на первых порах удалось потеснить слободских, но вступила в дело пехота полковника Гулица, и, не выдержав солдатской атаки, булавинцы подались назад.

Семен Дранный послал есаула Федора Задорного к стоявшим в засаде запорожцам.

— Ломят нас, атаман... Подсоба твоя нужна! — сказал есаул, подскакав к грузному и усатому запорожскому атаману Тихону Кардиаке.

— А чи ни рано, сынку? — спросил тот.

— Пора. Иначе совсем сбить могут.

Кардиака, покрутив усы, повернулся в седле, произнес отрывистую команду и, легко выхватив из ножен саблю, тронул шпорами коня.

Запорожцы врезались в схватку. Булавинцы приободрились. Но в это время с флангов вдруг ударили на них драгуны, и перед запорожцами, прорвавшими поредевшие шеренги пехоты Гулица, оказались новые плотные ряды солдат, которые встретили сечевиков дружными залпами мушкетов.

Произошло то, чего булавинцы не ожидали. Гаврила Кропотов успел соединиться с Шидловским. А последний, проведая о запорожской засаде, нарочно для такого случая приберег свежие, боевые кропотовские полки.

Теперь исход сражения быстро определился. Булавинцев сбили, смешали, стали теснить к лесу, где находился их обоз.

— Браты, братья, вольность свою продаете! — задыхаясь, кричал Семен Дранный, пытаясь остановить отступающих казаков. — Опомнитесь! Не уступим слободским казацкую землю! Постоим за правду, братья!

Но тщетны были усилия, направленные к тому, чтоб остановить, привести в порядок разрозненное войско. Драгуны и солдаты наседали, рубили, кололи. Булавинцы бежали в лес, переправлялись через Донец. Семен Дранный, видя полный разгром своего войска, с безумной отвагою и яростью бросился в бой и пал под ударами озверевших карателей.

К рассвету вся местность у Кривой Луки, и лесные дороги, и балки, и берега Донца были устланы трупами. Булавинцы, которым удалось спастись, присоединились к Никите Голому и Беспалому²⁷.

А запорожцев постигла жестокая участь. Они, отступив, заняли Бахмут, полагая отсидеться за деревянными его стенами. Они не знали, что бригадир Шидловский поклялся не оставить камня на камне от воровского гнезда, как именовал он ненавистный издавна Бахмут. Запорожцы не успели подготовиться к обороне, как подошли посланные Шидловским войска и с ходу овладели городком.

Шидловский в тот же день послал вышнему командиру:

«Бахмут выжгли и разорили, и посланные наши возвратились в целости. В том воровском собрании было запорожцев полторы тысячи человек. Есть нам что и не без греха, сдавались они нам, еднан в тому гаму нам не донесено, восприяли по начинанию своему».

V

Более всего черкасским заговорщикам досаждала булавинская охрана. Зерщикову удалось соблазнить, вовлечь в заговор есаулов Степана Ананьина и Карпа Казанкина и еще нескольких охранников из низовых зажиточных ка-

заков, однако большая часть охранников, подобранных самим Булавиным, была, безусловно, предана и неподкупна. И они не только оберегали Кондратия Афанасьевича от возможных покушений, но по его приказу следили за всем, что делалось в Черкасске и ближних станицах. По их доносам были высланы в верховые городки многие казаки, кто неодобрительно отзывался о войсковом атамане, и, легко могло случиться, охранники добрались бы до заговорщиков.

Булавин, если не знал, то, вероятно, подозревал существование тайного заговора, стал чрезмерно осторожен, готов был дать веру любому намеку на неблагонадежность того или иного станичника. Недавно один из подгулявших охранников болтнул, будто атаману «все недруги тайные ведомы и будет им в скорых числах казнь».

Зерщикова начал одолевает страх. С каждым днем становилось все трудней сочетать обязанности наказного атамана с опасными заговорщицкими делами. Необходимо действовать, иначе можно потерять голову.

Зерщиков созвал наиболее видных заговорщиков, среди которых находились старшины Василий Поздеев, Петр Турченин и Иван Юдушкин, Тимофей Соколов, и Степан Ананьин, и Карп Казанкин.

Иван Юдушкин, высокий тощий и лысый казак, сказал:

— Ныне в Черкасском ради воровского похода на Азов тысячи за три голытьбы отовсюду прибилося, и ежели умысел наш против Кондрашки откроется, та голытьба нас побьет...

Василий Поздеев, возвращенный недавно по просьбе Зерщикова из ссылки, добавил:

— Знатно бы ту бездомную голытьбу борзей под азовские пушки послать...

Петр Турченин, издавна недолюбливавший Поздеева, не удержался от ядовитого напоминания:

— Весной-то сам ты их кликал сюда, дорогу казал...

Зерщиков сурово перебил:

— Нечего старое ворошить. Не один Василий, все кругом виноваты. Да кто гадал о таком великом разорении и напастях казачеству?

— Впредь наука домовитым,— вздохнул Юдушкин,— не вяжись сапог с лаптем.

— Сие верно,— ухмыльнулся Тимофей Соколов,— только не о том гутарить мы собрались... Как наш умысел

исполнить и вора схватить?— Он быстро оглядел всех и, чуть понизив голос, продолжал:— Мыслью я, казаки, нужно первой всего с тем войском походным под Азов послать поболее своих, дабы смуту учинить среди воров, когда ударят пушки... и в тот удобный час, собрався купно, все сотворить...

— Навряд промыслишь,— покачал головой Турчин.— В сумятице убить нетрудно, а взять, как наказывал губернатор, Булавина живым... при многолюдстве воровском...

— На глазах у голытьбы ничего не сделаешь,— согласился Поздеев.— Вот кабы, отправив войско под Азов, задержать вора в Черкасске...

— Да чтобы в нужный час при нем советников поменьше было,— поддержал Юдушкин.— Этак-то верней всего!

Заговорщики еще долго спорят. Но в конце концов сходятся на том, что медлить более никак нельзя, надо воспользоваться предстоящим уходом войска под Азов. И лучше всего, если б удалось, как предложил Поздеев, задержать Булавина, окружить и схватить его ночью...

Зерщиков, проводив заговорщиков, долго не спит. Вся тяжесть подготовки нападения лежит на нем. Иначе и быть не может. Кто же, кроме наказного, сумеет удержать Булавина в Черкасске? Или в нужное время ослабить охрану?

Зерщиков, чтоб подбодрить себя, старательно припоминает, как и чем панский ставленник Ивашка Выговский держался долгие годы при Богдане Хмельницком и каким образом донской атаман Корнила Яковлев ухитрился обмануть и схватить Степана Разина...

А все же страх не проходит. И на следующий день, входя к войсковому атаману, Илья Григорьевич чувствует поганую мелкую дрожь в коленях...

...Кондратий Афанасьевич Булавин собрал для азовского похода почти пятитысячное войско, но большую половину его составляла плохо обученная пешая вольница, голытьба, и поэтому Булавин не решался назначить выступления, ожидая воинской помощи от Семена Драного и Игната Некрасова.

Каждый день ожидания был, однако, чреват многими неприятностями. Вольница держалась на постое в Черкасске и ближних низовых станицах, столкновения голутвен-

ных с домовитыми продолжались всюду. Глухое негодование казачества не утихало.

Рыковская станица представляла исключение. Сюда, ценя верность рыковских казаков, Булавин пришедших обычно не посылал. Но это обстоятельство вызывало в других станицах излишние нарекания, и, дабы избежать их, Булавин по совету Зерщикова поставил на этот раз и к рыковцам небольшую партию голутвенных. Кондратий Афанасьевич не знал при этом, что Зерщиков постарался отобрать для рыковцев наиболее буйных гультяев, которые сразу схватились со своими домовитыми хозяевами. Так возникло недовольство Булавиным и среди наиболее преданных ему казаков.

Брат Аким, у которого гультяи вытащили из амбара два чучала муки, при встрече с Кондратом сердито сказал:

— Ты уйми своих бездомовников, иначе мы их, проклятых, убивать станем.

Кондратий Афанасьевич возмутился:

— Да ты что, Аким, поганых грибов поел, что ли?

— А что ж нам делать остается? — отозвался Аким. — Горбам нашим нажитое тащат и в драку сами лезут... Я с тобой по-свойски гутарю, не доводи до греха станишников...

В то же время все громче начинали роптать, возможно не без подстрекательства тайных заговорщиков, казаки верховых городков, съехавшихся на службу по войсковым грамотам:

— Для чего нас поверстали? Зачем сюда пригнали? Пора страдная, бабы наши на работах животы надрыывают, а мы тут бездельно проживаемся... Ежели в ближних днях похода не будет, все по домам разъедемся.

Булавин понимал, что подобные настроения среди казаков к добру не приведут, но с теми силами, какими располагал, идти под Азов вполне разумно опасался и со все возрастающим нетерпением ждал вестей от верных своих атаманов.

В конце июня с Донца прибыл показавший себя бездельным атаманом и потому отозванный братом Иван Булавин. Он сообщил, что Семен Дранный с трудом сдерживает слободские войска, а из Валук не сегодня-завтра выступят полки высшего командира, поэтому на помощь донецких казаков нечего рассчитывать.

Положение осложнилось. Теперь оставалась лишь сла-

бая надежда на Игната Некрасова. Однако, как это в жизни постоянно и случается, то, на что Булавин надеялся, не сбылось, а неожиданная подмога все-таки явилась. Из Сечи прибыл небольшой, хорошо вооруженный загон запорожцев под начальством атамана Беловода. А из Камышина с пятью конными сотнями подошел Лукьян Хохлач. Последнему Булавин особенно обрадовался. Хоть и своеволец и бахвал, а свой, преданный, храбрый атаман.

Узнав, как обстоят дела, Хохлач заявил:

— Некрасов в Паньшином казаков собирает, в скорых числах его не ожидай, батько Кондратий... И дюже не печалуйся. Без него обойдемся. Я тебе Азов достану.

Самоуверенность Хохлача была такой подкупающе непосредственной, что Булавин не удержался от улыбки:

— Доставай... Не забывай, что там пушек больше, чем в Саратове...

Хохлача намек на недавнюю неудачу не смутил:

— Ты, батько, меня не дразни, а ставь над походным войском атаманом, увидишь, как услужу.

Булавин решил более не медлить.

Лукьян Хохлач принял под начальство всю пешую вольницу. Над казацкой конницей по совету Зерщикова атаманом был назначен Карп Казанкин.

5 июля походное войско двинулось под Азов.

Сам Кондратий Афанасьевич хотел отправиться с войском, но в последнюю минуту охрана обнаружила подметное письмо. Доброжелательные казаки высказывали опасение, что тайные недруги, воспользовавшись отсутствием войскового атамана, завладеют низовыми станицами. Вероятно, Зерщиков, помимо письма, воздействовал и каким-либо иным способом. Булавин так или иначе остался в Черкасске.

Защита Азова подготовлена была слабо. Губернатор Толстой знал о сборах булавиновцев, но не знал точно, куда прежде всего они пойдут: на Азов, или на Троицк, или на Таганрог? Поэтому держал почти равные по численности гарнизоны во всех трех крепостях. Азовский комендант стольник Степан Киреев располагал одним конным полком Николая Васильева, четырьмя солдатскими ротами и двумя-тремя сотнями бежавших от Булавина низовых казаков. Вся надежда возлагалась на артиллерию азовских фортов и на пушки нескольких военных кораблей, стоявших близ крепости.

Булавинцы, подойдя к речке Каланче, начали переправу. Стольник Степан Киреев, узнав об этом, приказал полковнику Васильеву со всей конницей «тех воров одержать и через Каланчу не перепустить, но за умножением тех воров сдержать их было невозможно».

Отбитая с большим уроном азовская конница возвратилась в крепость. Булавинцы спокойно перебрались через речку, ночевали на другом берегу против Азова.

На следующий день пешая вольница, оттеснив слабые гарнизонные заставы, подошла к Дону, заняв азовское предместье близ Делового двора, где находились огромные склады лесных припасов. Булавинцы намеревались пробраться отсюда в Матросскую и Плотничью слободы — там ожидали их и обещали им помощь корабельные работные люди, — а оттуда идти на приступ Петровского флота.

Полковник Васильев, разгадав «воровской умысел», спешил свою конницу и завязал бой с булавинцами, но вынужден был вскоре отойти, не сдержав напора вольницы. Азовский комендант послал на помощь полковнику последние солдатские роты. Против Делового двора вновь закипела трехчасовая битва.

Два военных корабля, приблизившись по Дону к месту сражения, стояли с наведенными жерлами орудий. Стрелять не решались из опасения побить своих.

Наконец булавинцы отступили, засев за Деловым двором и лесными складами, представлявшими превосходные оборонительные укрытия. Тотчас же загрохотала артиллерия Петровского и Алексеевского фортов, одновременно ударили пушки военных кораблей. Однако сбить булавинцев не удалось, особо чувствительного урона ядра не причиняли.

Всю тяжесть происходившего сражения приняла на себя пешая вольница и камышинцы, приведенные Хохлачом. А конные донские казаки под начальством Карпа Казанкина стояли несколько в стороне, в широкой балке, ожидая своего часа. Лукьян Хохлач и Карп Казанкин уговорились, чтобы, как только стихнет артиллерийский обстрел, произвести совместными силами решительную атаку на войско полковника Васильева, заграждавшее путь в слободы, принудить азовцев к бегству, на их плечах ворваться в крепость.

Лукьян Хохлач, разумеется, не знал, что Карп Казанкин и большинство есаулов и сотников казацкой конницы

принадлежат к тайным заговорщикам. Третьего дня Зерщиков, напутствуя Казанкина, сказал ему:

— От помощи вора́м елико возможно уклоняйся, а за Луканькой гляди в оба... и лучше всего, ежели б случай выпал совсем его прибрать...

Когда пришло время, пешая вольница, сделав вылазку, снова схватилась с азовцами. Лукьян Хохлач видел, что силы противника заметно ослабели, и, не сомневаясь в удаче замысла, нетерпеливо поджидал казацкую конницу.

Но ожидание оказалось тщетным. Бой разгорался. Казаки не подходили. Посланные не возвращались. Лукьян Хохлач с тремя верными камышинцами поскакал к донцам, застав их на прежнем месте.

Коренастый, краснорожий Карп Казанкин сидел под лозиной среди своих есаулов. Казаки пили горилку, над чем-то потешались и, видимо, никуда не собирались.

Разъяренный Хохлач, круто осадив коня, крикнул:

— Вы що творите, чертовы сыны? Уговор забыли? Вольные второй час с азовскими бьются, кровью исходят...

— А ты чего орешь, пес бешеный? — перебил Казанкин, медленно поднимаясь и глядя на Хохлача мутными, недобрыми глазами. — Ты кто таков, чтоб природных казаков срамить?

— Того у природных казаков не водилось, чтоб в бою товарищей без подмоги оставлять! — горячо отозвался Хохлач.

Заговорщики вскочили, зашумели:

— А нам бездомовники и голодранцы не товарищи! Шарпальники, воры! Дьявол бы вас побрал вместе с Кондрашкой!

Хохлач, сообразив, что дело неладно, схватился за саблю:

— Зрадники... Гадюки ползучие...

В этот момент грянул выстрел. Конь вздыбился. Лукьян Хохлач, взмахнув руками, вылетел из седла, упал на землю. Пуля из пистоли Казанкина попала в сердце атамана. Верных его камышинцев заговорщики зверски изрубили саблями.

Пешая вольница, оставленная без казацкой подмоги, была азовцами разгромлена. На поле боя осталось свыше четырехсот булавинцев, еще больше утонуло при переправах через Дон и Каланчу.

Казацкую конницу войсковые начальники распустили.

Казаки станицами пробирались по степным сакмам в свои городки. Запорожцы атамана Беловода и большая часть голутвенных ушли на Украину²⁸.

А Карп Казанкин, сопровождаемый полусотней заговорщиков, мчался в Черкасск. Нужно первому привезти туда известие об азовской неудаче, нужно успеть в короткую летнюю ночь учинить среди станичников сполох... И кто предугадает, что может произойти в эту ночь?

VI

Столица донского казачества жила в тревоге. Вызвана она была не азовскими событиями, о которых здесь еще никто не знал, а иными причинами.

6 июля прибежал в Черкасск сын Семена Драного Михайла со страшной вестью о разгроме донецкого войска у Кривой Луки и гибели отца.

А из всех булавинских атаманов Семен Дранный пользовался наибольшим доверием старожилых казаков, у которых «вся надежда была на Драного», как свидетельствовал сам вышний командир князь Долгорукий. И если многие черкасские домовитые казаки уже поняли, что булавинцам так или иначе не устоять против царских войск, то значительная часть старожилых казачества, пока Семен Дранный успешно защищал на Донце казачьи городки, не ощущая для себя непосредственной опасности, поддерживала булавинцев.

Разгром донецкого войска освобождал дорогу на Дон для карательной царской армии. Старожилым, особенно верховых станиц, казакам приходилось теперь волей-неволей думать о том, как уберечь свои головы, не пострадать за участие в донском мятеже. Тайные заговорщики умело воспользовались обстоятельствами, стали толкать старожилых казаков на предательство. Верно служившие Булавину казаки Сухаревской станицы во главе с атаманом Иваном Наумовым первыми «отошли от вора и принесли повинную» вышнему командиру.

«Милости у тебя, государя, мы станицею и многогрешные просим,— писали сухаревцы.— Да ведомо тебе, государю, о сем буди, что шел снизу с Донца Сережка Беспалой со многим собранием и везде прельщал своим озорничеством нашу братию, казаков многих бил на смерть, и в воду сажал, и вешал, и животы наши грабил, и нево-

лею нас к себе приворочил. И от такого его озорничества мы, убогие, боясь, их слушали. И брал нас в свое войско неволею. И ты, пожалуй, князь Василий Володимирович, в вине нашей помиосердствуй над нами».

Черкасские и ближних низовых станиц казаки тоже готовились принести повинную. Преданного Булавину охранника Михайлу Голубятникова в Скородумовской станице чуть не убили, когда он вздумал оправдывать войскового атамана. Кондратий Афанасьевич поехал в Рыковскую, хотел в кругу по-свойски потолковать о войсковых делах с казаками, но они под разными предложениями от сбора уклонились.

Булавин возвратился в Черкасск мрачней тучи. Рушились последние надежды. Он сознавал безвыходность положения. Царская карательная армия двигалась на Дон беспрепятственно, и защищаться было нечем. Поход под Азов представлялся теперь бесполезным. Если даже крепость будет взята, то удержать ее в своих руках не удастся. У Долгорукого под начальством свыше десяти тысяч регулярных войск.

Что же остается делать? Бежать на Кубань, как в свое время договаривался с Игнатом Некрасовым? Об этом Булавин думал, но решиться никак не мог. Прежде, когда среди донских казаков существовало «общее согласие», можно было угрожать царю Петру, что они всем Войском Донским отложатся от него, уйдут на Кубань, если их будут утеснять. Переселение на Кубань, во всяком случае, задумывалось общее, телеги готовились не в одной Рыковской станице.

Теперь же все изменилось и осложнилось, казаки откладываться от царя явно передумали, надеясь на отпущение своих вин... А тайные недруги следят за каждым шагом войскового атамана и, проведав о бегстве его на Кубань, сейчас же пошлют погоню, и схватят в дороге, и выдадут царю. Они того случая давно ждут! Да и как навеки расстаться с родными, с детства любимыми местами, с донским привольем, как покинуть навсегда и жену и маленького сына, которых продолжали держать под стражей в Белгороде? Булавина не покидала надежда со временем выручить их, а если он уйдет на Кубань, то царь не остановится перед тем, чтобы расправиться с ними...

Кондратий Афанасьевич, тщательно поразмыслив, стал

более склоняться к тому, чтоб на Кубань не уходить, а соединиться в Паньшином с Игнатом Некрасовым и, следуя его давнишнему совету, продолжить на Волге борьбу за вольность... Камышин и Царицын еще крепко держатся. На волжскую голытьбу можно вполне положиться.

Булавин вызвал находившегося последнее время при нем брата Ивана, приказал:

— Завтра, не мешкая, поезжай в Паньшин. Галю и Никишку возьми с собой. Скажешь Некрасову, чтоб сюда не собирался, против царских войск нам не выстоять.

— А ты как же тут управляться станешь? — спросил брат.

— А я с утра в Азов поскачу и дня через три с лучшими казаками и легкими пушками тоже буду в Паньшином. На Волгу, под Царицын, пойдем, братуха!

Таков был замысел, однако осуществить его не удалось...

Черкасские заговорщики, возглавляемые Зерщиковым и Соколовым, соблюдая осторожность, собрались в ту ночь в Рыковской станице. Сюда прискакал и Карп Казанкин. Донесение его пришлось как нельзя кстати. Булавинская вольница под Азовом разбита. Более воинской силы у Булавина нет, обреченность его очевидна.

Рыковцы заволновались. Весной они первыми призывали Булавина и дольше других низовых казаков хранили верность ему, разве простит вышний командир их вину? Надо чем-то оправдать себя, заслужить снисхождение...

Тревожно стучались станичники в соседские курени, поднимали хозяев, шептались:

— Под Азовом от кровищи берега побурели... Луканьку Хохлача в клочья разорвали. И до нас скоро доберутся, царских ратных людей окорачивать некому...

— Ох, беда, кум, сам ведаю... Что делать — ума не дашь...

— Губернатор азовский, сказывают, всем милосердно сулил, кои от Кондрашки немедля отойдут и промысел над ним чинить станут...

— А совесть куда спрячешь, кум? Мы же сами войскового выбирали...

— Эка ты о чем! Замолим грехи под старость... Своя голова дороже всего.

И, захватив ружье или пицаль, бежали казаки к куре-

ню Степки Ананьина, где толпились заговорщики, и там кричали:

— Схватить Кондрашку, выдать, печего мешкать!

Карп Казанкин, хвативший с дороги добрый ковш горилки, ворочал мутными глазищами, распоряжался:

— Доставать вора живым надо, казаки... Зря не палить... Окружать со всех сторон...

— Окружим, не выпустим, порадеем! — откликаются станичники. — Не позабудьте службы нашей!

Среди рыковцев все же нашелся доброжелатель Булавина, или, как писал впоследствии Зерщиков, «не какой его единомышленник», который успел пробраться в Черкасск и предупредить войскового атамана о заговоре и готовящемся нападении.

Кондратий Афанасьевич, узнав о том, что среди заговорщиков находится Илья Зерщиков, схватился за голову и застонал. Слепец! Кому доверял, кому открывался в самых сокровенных замыслах! Вспомнил с неожиданной ясностью, как не раз приходилось слышать намеки на хитрость и двоедушие наказного атамана, вспомнил множество всяких странностей в его поведении... А с другой стороны, ведь не кто иной, как Зерщиков, оказывал постоянно помощь вольнице и настаивал на казни старшин и всегда стоял заодно... Кто мог подозревать его в измене!

Предаваться размышлениям, впрочем, было некогда. Булавин приказывает брату и верным охранникам закрыть двери и укрепить окна, оставив в них для стрельбы небольшие прорезы наподобие бойниц. Сложенный из дубового леса дом превращается в крепость. Вместе с охранниками стоят с ружьями в руках Галя и Никиша. Дочь в казацком кафтане и шароварах похожа на казачонка. Губы сжаты, глаза сухо блестят. Булавин бросил взгляд на детей, подумал сожалея: «Эх, не успел отправить их отсюда!»

А короткая летняя ночь кончается. Над Доном курится туман. По небу ползут тяжелые облака, предвещая пасмурный день. Заговорщики осторожно, редкими цепями подбираются к атаманскому дому. Ближе, ближе... Булавин поднимает руку. Грянули выстрелы. Заговорщики отпрянули, укрываются за ближними курениями и в огородах.

И вдруг в тишине послышался резкий голос есаула Тимофея Соколова:

— Эй вы, в атаманском курене, сдавайтесь, надеясь на милость великого государя!

Булавин напряженно всматривался в прорез окна. Рука твердо сжимает пистоль. Вон из-за угла выскакал на сером жеребце Карп Казанкин, размахивает саблей, видимо старается поднять в бой казаков. Булавин стреляет. Казанкин хватается за простреленную папаху и поворачивает коня. Заговорщики поднимаются, бегут к дому. Меткие выстрелы охранников опять их останавливают.

Тимофей Соколов кричит надрываясь:

— Эй, слушайте! Не губите зря свои жизни. Кто от вора Кондрашки отойдет, тому милость окажется. Кто его, вора, схватит, тому полное прощение и награждение...

Булавин невольно повернулся, посмотрел на охранников. Кто они, эти оставшиеся с ним верные товарищи? Плечистый и суровый Михайла Голубятников — беглый тульский кузнец, веселый и озорной Кирюшка Курганов — беглый солдат, а тот, рядом с ним, Ивашка Гайкин, — боярский бывший холоп... и остальные одиннадцать такие же обездоленные... Эти не продадут, не казаки!

Проходит несколько минут. Обстрел дома усиливается. Пули залетают в окно. Но наступать заговорщики боятся или чего-то ожидают?

Булавин по-прежнему стоит у окна. И видит, как из проулка выезжают одна за другой чем-то нагруженные арбы... Ах вот в чем дело! Подвозят сухой камыш, хотя по старому казацкому способу обложить дом и поджечь... Да, конец, надеяться больше не на что! Не выпустят! А живым попадаться к ним в руки нельзя...²⁹

Блуждающий взгляд Кондратия Афанасьевича неожиданно задерживается на чем-то блестящем... Что там такое? Ага, булава! Казачья власть! Не за нее ли цеплялся Корнила Яковлев, когда предавал Степана Разина? Не с ней ли ходил изменник Лукьян Максимов усмирять вольницу? Не она ли нужна проклятому Илюшке Зерщикову? Нет, довольно!..

Он схватил булаву. Треск. Обломки летят в угол.

Затем, повернувшись к своим, медленно произносит:

— Конец... может, без меня вам будет легче уйти... Скажите всем, как продали нас... как погибла воля наша...

Он поднимает пистоль.

— Тятя! — дико вскрикивает Галя, бросаясь к отцу.

Поздно. Выстрел раздался. Булавин упал. Из левого

виска льется кровь. Охранники стоят вокруг молча. Склонившись над трупом отца, рыдают дети.

Потом Галя поднимается. Смахнув рукавом кафтана слезы, подходит к двери:

— Пустите!..

Охранники переглядываются, не удерживают. Возможно, хоть ей удастся скрыться, избежать расправы. Михайла Голубятников открывает засовы.

Галя выбегает на улицу. Никишка выскакивает следом за сестрой. Кругом свистят пули. Несколько заговорщиков, заметив казачат, двинулись наперерез.

Галя, тяжело дыша, останавливается. Заговорщики настигают. Галя с ненавистью смотрит на бородатые, потные, озлобленные лица станичников. В памяти молниеносно воскресает одна из бесед с отцом...

— Презренные, трусливые рабы! — восклицает Галя и выхватывает кинжал. — Смотрите, как умирает вольная казачка!..³⁰

Удар в грудь силен и точен. Никиша кидается к Гале, хватается за рукоять кинжала, может быть желая последовать примеру сестры, но его оттаскивают чьи-то жесткие руки и гонят куда-то пинками и нагайками...

В это время грохнула пушка, снятая с черкасской стены по приказу Зерщикова. Ядро пробило одну из дверей атаманского дома. Толпа заговорщиков во главе с Тимофеем Соколовым и Карпом Казанкиным с ревом устремилась в пролом.

...Спустя два дня губернатор азовский доносил царю Петру:

«Сего июля седьмого числа писали в Троицкой к нам холопом твоим из Черкасского донские казаки, Илья Григорьев и все Войско Донское... А в отписке их написано, что пересоветовав-де они Войском Донским на острове у себя тайно, согласясь с рыковскими и с верховыми казаками, и собрався воинским поведением с ружьем, пришли к куреню вора и изменника проклятого Кондрашки Булавина, чтоб его вора с единомышленниками поймать. И он, вор, видя свою погибель, в курене заперся со своими советниками. И они войском в курень из пушек и из ружья стреляли и всякими мерами многое число его вора доставали. И он, проклятый, из куреня двух их казаков убил до смерти. И видя он, вор, свою погибель из пистолти убил

себя сам досмерти. А советников его проклятых всех переловили и посажали на цепи до твоего, Великого Государя, указу, и поставили крепкие караулы. А тело его проклятого они Войском Донским для уверения посылают в Азов к нам холопом твоим. И июля в восьмой день писал в Азов он же Илья с Войском Донским, и прислали вора Булавина мертвое тело. А по осмотру у того вора голова прострелена знатно из пистолы в левый висок, и от тела его смердит. И мы, холопы твои, велели у того воровского тела отсечь голову, и тут его воровскую голову велели лекарям до твоего Великого Государя указу хранить, а тело его за ногу повешено у рек Каланчи и Дону, где у присланных его воров был бой. Да по сказке донских казаков, которые его воровское тело привезли в Азов, что-де того вора Булавина брат да сын, да пушье его воровские заводчики, Сеньки Драного сын, да атаман Ивашка Гайкин, Мишка Голубятников, Кирюшка Курганов с товарищами пойманы и сидят в Черкасском на цепях».

Петр с войском сторожил шведов в Горках близ Могилева. Донесение азовского губернатора несказанно царя обрадовало. По случаю «окончания злого воровства донских казаков» во всех полках служили благодарственные молебны. Вечером царь устроил пир для ближних сановников и генералов. Меншиков спьяну начал кричать, что-де того вора Кондрашку он бы мог с двумя солдатскими батальонами осилить. Петр, не выносивший бахвальства, дважды изволил огреть любимца палкой и сказал:

— Не пристало после драки кулаками махать и себя пустыми небылицами прославлять! Вор тот был зело силен и опасен!

Артиллерийский салют из восьмидесяти семи пушек прозвучал трижды. В неприятельском лагере строились догадки: что это за праздник у московитов? Никто при этом не предполагал, что столь пышное торжество вызвано известием о самоубийстве мятежного простого донского казака.

VII

Игнату Некрасову удалось собрать в Паньшином и в станице Голубых тысячу казаков, и он намеревался идти в Черкасск, когда получил неожиданную весть о самоубийстве Булавина.

Некрасов немедленно едет в Царицын, предлагает атаману

Ивану Павлову, соединив силы, наказать за измену низовых донских казаков. «И был у них круг,— доносил один из тайных соглядатаев,— и в кругу Некрасов говорил, чтоб взять из Царицына артиллерию и всеми идти на Дон, а Ивашка говорил, чтоб артиллерии не давать, а с Царицына всем идти плавною по Волге на море. И в том великой у них был спор и подрались, голытьба вступилась за Ивашку Павлова и приезжих с Некрасовым многих били и пограбили».

Некрасов возвратился в свою станицу Голубых. А через два дня войска, посланные астраханским губернатором, взяли Царицын, и атаман Павлов с бурлаками и голытьбой явился в Паньшин.

Атаманы помирились. И Зерщикову, которого домовитые избрали войсковым атаманом, отправили гневную отписку:

«Прислана к нам по Дону и по городкам ваша войсковая грамота, а в ней написано: убили-де мы войском Кондратия Булавина, а того не написано за какую вину и с войскового ли суда, и то знатно, что не войском и не с войскового договору. Да вы же будто учинили и посажали многих атаманов молодцов из верховых городков при нем бывших... и, поковав, посажали по погребам, и тесните неведомо за какие дела?

И мы, собранное войско из верховых многих городков, известно чиним, чтобы вам, Илья Григорьевич, учинить отповедь: за какую вину вы убили Булавина и стариков его? Да вы же сами излюбили и выбрали его атаманом и тех стариков, а ныне вы же их посажали в цепях и по погребам! И если вы не изволите отповеди учинить о Булавине, за какую его вину убили, и тех стариков не отпустите... мы всеми реками и собранным войском будем немедленно к вам в Черкасской ради оговорки и подлинного розыску и за что вы без съезду рек так учинили? И у нас по рекам и по городкам на том положили, что идти к Черкасскому»...

На Зерщикова, однако, эта отписка никакого впечатления не произвела. Не обратил он внимания и на сообщение о том, что на Донце снова укрепляется в силах Чикита Голый. Не до того было войсковому атаману. К Черкасску подходила карательная царская армия под начальством князя Долгорукого. Все помыслы Зерщикова сосредоточились на том, чтобы уберечь свою многогрешную голову.

А воровская вольница теперь ничуть не страшила, пусть попробуют сюда сунуться!

26 июля Илья Григорьевич со всей старшиной и низовыми казаками, с войсковыми бунчуками и знаменами выехал встречать высшего командира.

Долгорукий поставил полки во фрунт. Казаки, далеко не доезжая, слезли с коней и, подойдя ближе, положили на землю знамена и легли сами в знак полной покорности.

Долгорукий велел им встать.

Зерщиков, поднявшись, произнес:

— Приносим всем Войском Донским вины свои великому государю и просим милости...

Долгорукий перебил:

— А в чем виновными себя являете?

Зерщиков, греша против истины, пояснил:

— Как вор Кондрашка пришел с голытьбой к Черкасскому и сидели мы в осаде от него, то казаки Рыковских станиц склонились к вору и черкасских соблазнили. А потом, как тот вор многих природных казаков побил и дома их разорил, мы ему со страху не противничали, а молчали...

Степан Ананьин за своих станичников заступился:

— Рыковские казаки хотя за вора Кондрашку вначале стояли, зато и заслуга их в убийстве вора есть... Ежели бы не рыковские, то черкасским жителям одним вора искоренить не по силам было.

Тимофей Соколов добавил:

— Сказать по правде, высокородный князь, не только рыковские, а все сплошь и черкасские казаки в том воровстве ровны. Ежели дело строго разыскивать — все кругом виноваты будут.

Зерщиков вынужден был с этим согласиться. И начал уверять князя в желании всего войска искупить свои вины, служить великому государю впредь всеусердно, не щадя ни крови, ни голов своих...

Долгорукий знал цену казацким клятвам и уверениям. Не дослушав атамана, сказал сурово:

— Верность ваша и радение тогда великому государю ясны будут, как воров и пущих заводчиков по всем станицам переловите и мне отдадите...

Старшины привели в княжеский обоз двадцать шесть булавинцев, среди них Ивана Булавина и Никишку, захваченных в Черкасске, и сорок голутвенных, пойманных

под Азовом. Долгорукий приказал родных и ближних товарищей Булавина отправить в Москву в Преображенский приказ, остальных повесить.

В низовых донских станицах застучали топоры. Спешно строились виселицы. Начались казни. Азовский губернатор Толстой, прибывший в Черкасск, доносил царю:

«Вора Булавина голову и руки и ноги ростыкали по кольям и поставили в Черкасском против того места, где у них бывает круг, в том же месте повешено с ним восемь воров, которые пойманы у Азова из воровского его собрания; также и в Рыковской и во всех станицах у станишных изб повешено из таких же пойманных воров всего сорок человек. И, при помощи божией управляясь с Черкасском, господин майор Долгорукий пойдет с полками на Некрасова и на Павлова к Паньшину... с ним же, Государь, пойдут донские казаки конницею и судовою. А в судовой пойдет атаманом Тимофей Соколов, который Вашему Величеству служил верно во время Булавина воровства. А у Черкасского для лучшего их укрепления оставили полковника Гульца с солдатским его полком, который будет стоять за Доном против Черкасского в крепости».

Вышний командир полагал строгими мерами «утишить донскую смуту» и «отбить у казаков охоту к воровству», а получилось наоборот, строгие меры лишь подлили масла в затихающий огонь.

В первые же дни после казней из Черкасска и ближних станиц ушли к Некрасову больше двухсот казаков. А многие верховые донские и донецкие городки совершенно опустели. Жители, уstraшенные жестокой расправой, бежали к булавинским атаманам или укрывались в лесах с женами и детьми. В Есауловском городке, ниже Паньшина, собрались из шестнадцати станиц три тысячи казаков для отпора карателям. Казаки Сухаревской станицы, недавно принесшие повинную вышнему командиру, теперь вновь забунтовали, посажали на цепи домовитых и просили Некрасова, чтоб он принял их под свою руку.

Царь Петр, получив сообщение о казнях, сразу разгадал ошибку вышнего командира и написал ему:

«Господин майор! Письма ваши я получил, на которые отвечаю, что по городкам вам велено так жестоко поступать в ту пору, пока еще были все в противности, а когда уже усмирились (хотя за неволею), то надлежит иначе, а именно: заводчиков пуших казнить, а иных на ка-

торгу, а прочих высылать в старые места, а городки жечь по прежнему указу. Сие чинить по тем городкам, которые велено вовсе истребить, а которые по Дону старые городки, в тех только в некоторых, где пущее зло было, заводчиков только казнить, а прочих обнадеживать...»

Письмо это, впрочем, не дошло до вышнего командира, когда он с войском приблизился к Есаулову городку. Казаки, собравшиеся здесь, отбили первый приступ, но, увидев, что отсидеться в городке не удастся, сдались. И Долгорукий устроил здесь еще более ужасные казни. Он приказал четвертовать атамана Василия Тельного и двух старцев раскольников, служивших молебны о победе мятежников над государевыми людьми. А больше двухсот казаков было повешено на виселицах, сделанных на полях, пущенных затем вниз по Дону³¹.

Атаманы Игнат Некрасов и Иван Павлов, шедшие с конными казаками на помощь есауловцам, узнав об их страшной участи и не имея сил противиться царскому войску, решили уйти на Кубань. Более ничего не оставалось. Две тысячи казаков с женами и детьми переправились лунной августовской ночью через Дон под Нижне-Чирской. Отсюда шла на Кубань степная нагайская дорога.

Тяжело, ох, как тяжело было прощание с родными местами! Занималась заря, когда перевезли на паромы последние телеги большого обоза. Погода стояла на редкость ласковая. В чистом небе гасли побледневшие звезды. Дон тихо и плавно катил свои воды. Кричали петухи в ближних станицах.

Пожилые казаки, сняв шапки, молча стояли на берегу, глядя в последний раз на привольное заречье и жадно вдыхая знакомые с детства запахи чабреца и горьковатой полыни. Беглые попы служили напутственные молебны. Рыдали казачки, ковыряя сухую донскую землю. Бережно зашивали ее в платки и одежду, чтобы там, на чужбине, в минуты тоски и тревоги благоговейно, как к святыне, прикоснуться к ней губами.

Игнат Некрасов, выслав вперед дозоры и двинув обоз, подскакал на горячем жеребце к казакам, крикнул:

— Эй, старики! Вы чего ж мешкаете?

— Горька росстань, Игнат,— отозвался один из станичников.— Хоть и не баловала нас жизнь на родимой сторонushке, а как помыслишь, что навек ее покидаешь, сердце заходится...

— Ну кто ведает, может и возвратиться доведется, — попробовал ободрить Некрасов.

— Куда там! — махнул рукой станичник. — Нам более на Дону не бывать, родимой сторонушки не видать... Детям иль внукам нашим привел бы господь дожидаться того возврата.

До Кубани добрались беглецы благополучно. Об этом спустя месяц поведал посланный Некрасовым обратно на Дон казак Семен Селиванов. Вскоре он собрал и увел на Кубань еще около тысячи казаков с женами и детьми из Старо-Григорьевской, Есауловской, Кобылинской и Нижне-Чирской станиц³².

...Бригадир Шидловский, участвовавший со слободскими полками в походе высшего командира, писал своему покровителю князю Меншикову:

«Ныне мочно так разуметь, что по Дону может бунт утихнуть, понеже заводчики той либерии побраны к Москве, а другие казнены, а Некрасов утек. И сего августа двадцать девятого числа пошли мы с полками к реке Северскому Донцу для истребления оной же донской либерии и для искоренения таких же воров и заводчиков Никиты Голого и Тишки Белгородца и для опустошения по Донцу построенных городков».

Между тем атаман Никита Голый с тремя тысячами казаков из верховых городков и с пешей вольницей, узнав о продвижении на Донец царских войск, перебрался на Дон и стал лагерем под Богучаром. Высшему командиру гоняться за булавинцами было нелегко. «Зело поход мой труден, — жаловался он царю, — степь вся выжжена, кормов нет, люди и лошади томны». Долгорукый остановился в Острогжске, а под Богучар против Никиты Голого послал полковников фон Делдина и Тевяшова с двухтысячным конным отрядом.

Булавинцы боя не приняли и ушли к расположенному на Дону ниже Богучара, хорошо укрепленному Донецкому городку. Атаман этого городка Микула Колычев находился в старинных приятельских отношениях с Никитой Голым. Казаки Донецкого городка приняли булавинцев как долгожданных гостей. Вышли навстречу, помогли переправиться на бударах через Дон и устроиться «в крепь под горою», куда Колычев доставил несколько пушек.

Конница фон Делдина и Тевяшова, отогнанная пушечным и ружейным огнем, возвратилась в Острогжск.

А в это время к Донецкому городку пристал огромный, на ста бударах, речной караван с провиантом. Караван следовал из Кортояка в Азов, сопровождаемый солдатским тысячным полком под начальством полковника Ильи Бильса.

Атаманы Микула Колычев и Никита Голый с несколькими товарищами явились на будару к полковнику, вежливо с ним повидались и сказали:

— Стоят-де близ Донецкого воровские калмыки, и надо отбить у них русский ясырь, не даст ли господин полковник донецким казакам бочку пороха?

Бильс, полагая, что гости принадлежат к благонамеренному станичному начальству, принял их весьма учтиво, попотчевал вином, отпустил охотно бочку пороха и, в свою очередь, попросил:

— А вы бы, господа станичники, дали мне провожатых, коим сии речные мелководные места знаемы, дабы не посадить на мель будары...

Атаманы полковника уважили, проводников дали. Бильс повел свой караван вниз по Дону. Конные казаки Никиты Голого шли берегом.

Прошел час. Неожиданно поднялся сильный ветер. Несколько будар разбило на донской излучине. Никита Голый начал кричать полковнику, чтоб приставал к берегу. Бильс, опять ничего не подозревая, приказал повернуть караван.

Казаки внезапно бросились на офицеров и солдат, быстро их обезоружили. Полковника и главных его помощников утопили. Взяли несколько пушек, большой запас снарядов и пороха, ружей и пицалей. Государеву денежную казну, запрятанную в двух бочках, и офицерские пожитки тут же по своему обычаю раздували. Большая часть захваченных солдат присоединилась к казакам.

Весть о победе булавинцев быстро разнеслась по донским, донецким и хоперским станицам, разоренные казаки верховых городков и голутвенный люд ободрились.

Долгорукому вскоре донесли, что к атаману Никите Голому двигаются сухим и водным путем толпы конных и пеших из Микулинской, Решетовской, Вешенской, Тишанской и других станиц. А в Казанском донском городке «многие казаки и бурлаки говорят, что им, собрався, идти

на самого князя Долгорукого или как он придет в Донецкой умереть им всем заодно, а Голого не выдать». А в Донецком городке, когда читали в кругу указ о поимке атамана Никиты Голого, казаки кричали, что «Голого и иных никого не выдадут, потому что и Булавин-де потерян напрасно, и идти бы им на князя Долгорукого».

Вышний командир, недавно уверявший царя, будто «по Дону и Донцу все смирно», понял, что поступил опрометчиво и, по сути дела, ввел Петра в заблуждение.

Хладнокровный и мстительный царедворец успел сжечь все казачьи городки по Айдару и верхнему течению Донца, а также десятки донских городков, порешив при этом разными способами около тридцати тысяч жителей этих городков и пришлой голытьбы³³. Но народа он не смирил, народ продолжал бороться. Одержанная булавицами победа над полковником Бильсом и вновь начавшийся сбор голутвенных наталкивали высшего командира на печальные размышления. Донской бунт не окончился, а лишь затих, подобно тому, как затихает бушующее пламя костра, оставляя жар под слоем пепла. Достаточно малейшего ветерка — и огонь опять вспыхнет.

А Петр между тем, уразумев из донесений высшего командира, что донская либерия окончилась, потребовал спешного возвращения войск с Дона. Шведы начали наступление, 16 сентября их передовые части вошли в пределы Украины. Дорог был каждый солдатский батальон!

Долгорукий выполнить царского приказа, вызванного его собственным легкомыслием, никак не мог. Известив Петра о нападении Голого на провиантский речной караван, Долгорукий далее писал:

«Получил я указ Вашего Величества... Ежели бы я дело свое на Дону окончил, тогда б оставил на Воронеже столько, сколько из моих полков надобно, а с остальными полками шел бы я к Москве не мешкая. И по вышеписанному случаю, за воровством Голого, к Москве идти опасен от Вашего Величества гневу».

Долгорукий с несколькими конными полками, общей численностью четыре тысячи двести человек, и с легкими пушками двинулся к Донецкому городку. Никиты Голого и Микулы Колычева там не было, они с войском ушли в станицу Решетовскую. Донецкий городок обороняли брат атамана Никита Колычев и есаул Тимофей Щербак, под

начальством которых находилась тысяча казаков и бурлаков. Они упорно защищались, но силы были неравны. Долгорукий взял и сжег городок. Все защитники погибли. Никиту Колычева и Тимофея Щербака четвертовали, сто пятьдесят человек повесили, остальных порубили в бою.

После этой расправы вышний командир подошел к станице Решетовской. Никите Голому не удалось, как он рассчитывал, избежать боя и перебраться на Хопер. Конница Долгорукого ворвалась в станицу и, выбив отсюда конных казаков и пешую вольницу, погнала их к Дону. Долгорукий отдал приказ пленным не брать. Драгуны порубили свыше трех тысяч вольных и многих перестреляли при переправе через Дон. Сто двадцать раненых, подобранных на поле битвы, были повешены.

Голому и Микуле Колычеву с десятком казаков удалось убежать, но вскоре они были пойманы и отправлены в Преображенский приказ, где после страшных пыток им отрубили головы.

Так закончили жизнь последние, наиболее видные и упорные защитники донской либерии.

Боярско-помещичья власть, огнем и кровью подавляя народные восстания, жестоко мстила всем родным и близким бунтовщиков. В застенках Преображенского приказа погибли все родные Кондратия Булавина: брат Иван, сын Никиша и племянник Левка. Жену Никиты Голого и старуху мать домовитые казаки утопили в хоперской станице Тишанской. Вырезаны были все родичи Семена Драного. Неизвестна лишь дальнейшая судьба жены Булавина и оставшегося в грудном возрасте сына, сидевших в Белгородском остроге.

Надо сказать, что не уберегли своих голов и многие из предателей. После самоубийства Булавина донские казаки послали к царю с повинною от всего войска Василия Поздеева, Степана Ананьина, Карпа Казанкина и других заговорщиков, которым за их «труды и радение» азовский губернатор и вышний командир обещали прощение и награждение. «Они сами просили у меня, — доносил Долгорукий царю Петру, — чтоб им ехать... И я их обнадежил Вашего Величества милостью».

Петр казацких двурушников не жаловал. Они переданы были в Преображенский приказ, где и погибли. Одновременно царь приказал Долгорукому взять под караул ата-

мана Илью Зерщикова, а затем его по распоряжению Петра отправили в Черкасск и там отрубили голову.

Тимофея Соколова царь велел отдать в солдаты без выслуги.

И все же, разгромив грозную донскую либерию, царь, бояре и помещики долго еще чувствовали беспокойство. Стало потише на Дону, но не прекратилась на Руси борьба работных людей, крестьян и холопов против своих поработителей.

В 1709—1710 годах вспышки мятежей отмечаются в шестидесяти уездах. Крестьяне громят и поджигают помещичьи усадьбы, избивают господ, производят самовольные порубки леса и запашку земель. Создаются десятки повстанческих отрядов.

На верхней Волге по-прежнему действуют повстанцы под предводительством атамана Гаврюши Старченка. Они успешно отбиваются от государевых войск и появляются во многих уездах. Под Нижним Новгородом они захватывают струги с провиантом и оружием. В Лухском и Ветлужском уездах разбивают приказные избы, выпускают из тюрем колодников, грабят посадских богатеев. Костромской воевода жалуется, что от повстанцев атамана Старченка «все помещики и вотчинники костромские и кинешемские бежали в город».

В Ярославском уезде держат в страхе дворян и служилых людей повстанцы атамана Боровиченка. В Тверском и Торжковском уездах повстанцы хозяйничают во многих селах. Они разбивают высланный против них воинский отряд и вскоре появляются близ Твери, а в «городе служилых людей мало и пороха нет, а воевода Кокошкин опасен».

В деревнях на средней Волге «чинят смуту» бежавшие с Дона булавицы. В Петровском уезде действует хорошо вооруженный отряд, состоящий из беглых солдат Бильсова полка и бурлаков, принимавших участие в булавинском восстании.

Летом 1709 года один из булавицев, по имени Василий, называет себя Булавиным, собирает ватагу из донских беглецов и укрепляется на реках Бузулуке и Медведице, где овладевает несколькими казачьими городками. Новоявленный Булавин замышляет «собрався, идти на Русь» и привлекает к себе толпы голытьбы.

Заметим, кстати, что самозванное принятие клички «Булавин» происходит не впервые. Еще зимой 1707 года, когда Кондратий Булавин находился в Запорожской Сечи, под его именем успешно собирал вольницу казак Кузьма Акимов. Эти случаи самозванствашний раз свидетельствуют об огромной притягательной силе для широких народных масс имени Кондратия Булавина.

И хотя в дореволюционное время Булавиинское восстание замалчивалось или представлялось в искаженном виде, народ из поколения в поколение в устных рассказах и песнях хранил правду о том, во имя чего и как боролся и погиб вольнолюбивый атаман Кондратий Булавин.

В 1936 году на хуторе Лысогорском Хоперского района были записаны от старух казачек П. И. Володиной и Т. В. Зениной несколько старинных песен о Булавине³⁴.

Эти песни с поразительной исторической точностью воспроизводят отдельные эпизоды булавиинского восстания. Одна из них — «Ходил Булавин по кругу» — рассказывает о приезде на Дон князя Долгорукого и о том, как читались казакам «указы скорописанные да облыжные» и как защитник простого народа Кондратий Булавин убивает князя. В песне «Я пушу стрелу» легко угадывается исторически достоверное отношение Булавина к одному из самых ярых ненавистников народа, азовскому губернатору Толстому:

Ты лети, стрела, быстрее молнии,
Прилети, стрела, да во крепость Азов,
Ты убей, порази воеводу царского,
Воеводу царского — злого недруга...

В песне «Не хочу я суда несправедного» говорится о размышлениях Булавина перед самоубийством:

Я не бражничал, добрый молодец,
Темной ночью не разбойничал,
А со своею я вот голытьбою
По степям все гулял да погуливал,
Да громил бояр, воевод царских.
И за это вот народ честной
Мне одно лишь спасибо скажет...

В песне «На Донце-реке» красочно запечатлен образ вольнолюбивого и гордого атамана.

На Донце-реке, во казачьем городке,
Ой, да вот он, во казачьем городке,
Появился, объявился Булавин — он Кондрат,

Ой да вот, Булавин — он Кондрат;
Кондрат — парень не простак, а удалый он казак,
Ой да вот, удалый он казак.
Зипун шитый серебром, сабля вострая при нем,
Ой да вот он, сабля вострая при нем.
Сабля вострая при нем, а глаза горят огнем,
Ой да вот он, а глаза горят огнем.
Шапку носит набекрень, не дотронуся, не задень.
Ой да вот он, не дотронуся, не задень.
Он по улице: пройдет — воеводе шапочки не гнет,
Ой да вот он, воеводе шапочки не гнет.
Воеводе шапочки не гнет, только глазом поведет,
Ой да вот он, только глазом поведет.

В таком же духе и остальные записанные песни. Сложенные народом, они через века донесли до нас правду о грозной донской либерии и ее вожде Кондратии Булавине, правду, которой смертельно боялись господствующие классы царской самодержавной Руси.

После разгрома Булавинского восстания донскому казачеству пришлось проститься с последними вольностями. Царское правительство, уничтожив все казацкие городки по Хопру, Медведице и Бузулуку, присоединило всю территорию этих рек к Воронежской губернии. Голытьба, населявшая эти городки, была частью истреблена, а уцелевшие от виселиц возвращены помещикам, опять попав под жестокий крепостнический произвол³⁵.

Заново отстроенный Бахмут становится центром вновь созданной провинции. За право владеть соляными бахмутскими промыслами между азовским губернатором Толстым и бригадиром Шидловским разгорелась страшная борьба. В письме к Меншикову, откровенно обещая царскому фавориту вознаградить услугу, Шидловский писал:

«Когда та донская либерия минется, прикажите ко мне прислать указ изнову те соляные заводы завести. А ему, губернатору, за дальним расстоянием, а паче же в чужие труды, интересоваться не надлежит».

Царь Петр рассудил дело по-своему: приказал соляные промыслы отписать на себя, а на деньги, выручаемые от продажи соли, довольствовать драгунский полк, расквартированный здесь для охраны провинции от воровских людей.

Казацкие земли по реке Айдару жалуются Острогжскому слободскому полку за участие в подавлении восстания.

Вся территория Войска Донского включается в состав Азовской губернии, казаки попадают под строжайший надзор губернатора и его тайных и явных соглядатаев.

Подобно другим крестьянско-казацким восстаниям того времени и Булавинское восстание было обречено на неудачу. Оно не могло победить без связи с рабочим восстанием и без руководства рабочего класса. Только пролетариат мог внести в борьбу крепостного крестьянства и казацкой гильотины необходимую организованность, большее сплочение сил и сознание конечных целей.

Однако Булавинское восстание, как и другие народные восстания против феодального гнета, имело огромное прогрессивное значение. Распатывая феодальный, крепостнический строй, оно способствовало быстрейшему созреванию капитализма, в недрах которого рождался и мужал пролетариат, призванный историей освободить всех трудящихся от всякой эксплуатации господствующих классов.

Советский народ благоговейно чтит память тех, кто в далекие годы угнетения и бесправия мужественно боролся за вольность, и среди этих борцов имя Кондратия Булавина занимает не последнее место.

Смутная пора

*..Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.*

А. Пушкин

Часть первая

I

Едва только король Ян Казимир, милостиво просясь с гостями, проследовал в свои покои, как в зале, где оставался еще весь двор и где после ухода короля стало особенно шумно, разразился скандал.

Молодой пан Пасек быстро подошел к черноволосому шляхтичу, забавлявшему остроумными анекдотами пане-

нок, и, придерживая левой рукой саблю, заикаясь от волнения, но четко, так что слышали все, сказал:

— Вы... вы поступили бесчестно! Вы негодяй и подлец!

И дважды ударил шляхтича по лицу.

Тот покачнулся от неожиданности. Карие глаза его зажглись бешенством, рука схватилась за оружие. Лезвие обнаженной сабли сверкнуло над головами испуганных женщин.

— Защищайтесь! — крикнул шляхтич, сделав шаг назад и готовясь к поединку.

Пасек смерил противника презрительным, надменным взглядом и, продолжая придерживать саблю, но не обнажая, процедил сквозь зубы:

— Вы плохо знаете королевские указы... Во дворце его величества я не имею права обнажать оружия... И потом — с такими, как вы, не дерутся, их бьют плетью на задворках...

Шляхтич рванулся к врагу, но в это время тяжелая рука гофмаршала опустилась на его плечо:

— Именем короля. Вы арестованы за недостойное поведение во дворце, пан Мазепа!

...В маленькой темной каморке, куда его посадили, Мазепа не заснул всю ночь. Он знал, что, обнажив оружие в королевском дворце, он совершил преступление, караемое смертью. Но его угнетала не столько мысль о грозящем наказании, сколько сознание собственной оплошности.

— Как глупо все это вышло, — шептал он, лежа на узкой и жесткой койке.

Прожитая жизнь проходила перед его глазами.

Ивану Степановичу Мазепе было всего двадцать три года.

Он родился на Волыни в 1640 году, в ополчившейся украинской шляхетской семье. Учился в Варшаве, где получил образование, какое обычно давали детям польских феодалов.

Маленькое родительское имение Мазепинцы почти не приносило доходов. Честолюбивый юноша рано понял, что на денежную поддержку родных и их родовые фамильные заслуги ему рассчитывать нечего, надеяться надо только на свои личные способности.

Еще школьником он подружился с отцами-иезуитами,

охотно слушал их поучения, склоняясь к унии, и пришел под их влиянием к убеждению, что главное в жизни — хитрость, ловкость, осторожность, умение приспособляться к обстоятельствам¹.

«Чувства человеческие подобны струнам арфы, —ставляли его иезуиты, — держи в порядке свою арфу, сыне, не отпускай и не натягивай струн... Никому не давай своей арфы, но старайся пользоваться для игры чужими...»

Много бессонных ночей провел Мазепа над книгами. Он изучил немецкий и латинский языки. Пробовал писать вирши.

Расчетливый и хитрый, он хорошо знал нравы польского панства и не искал дружбы со знатными поляками, своими сверстниками, предпочитая мужскому обществу женское. Молодость, красота, ловкость вели его к цели, выдвинув в первые ряды варшавской «золотой молодежи».

Первая любовница Мазепы, богатая пани Загоровская, через своих влиятельных родственников добилась того, что юношу, несмотря на захудалость рода, приняли в штат королевского дворца.

Все шло хорошо, пока он не столкнулся с Пасеком. Мазепа возненавидел этого молодого магната за нескрываемое презрение, которое неизменно встречал с его стороны.

Познакомившись с бывшей возлюбленной Пасека, Мазепа узнал от нее, будто тот дурно отзывался о короле, и написал анонимный донос. Но в королевской канцелярии сидели друзья Пасека. Они прекратили дело за отсутствием улики, а Пасеку намекнули, что, судя по руке и слогу, донос на него писал Мазепа.

— Нет, если только останусь в живых, больше таким дураком не буду, — клялся Мазепа, сидя под арестом. — Надо уметь взвешивать силы и никогда не горячиться. Держать себя в руках... Никому не давать своей арфы...

II

Прощенный королем, но удаленный от двора Мазепа два года прожил в своем маленьком имении, которым жесткой рукой управляла его мать.

Его по-прежнему одолевали честолюбивые помыслы. Он твердо решил, что отныне страсти и порывы не будут играть в его жизни никакой роли, все чувства он подчинит холодному и трезвому расчету.

Однако выполнить это намерение было не так-то легко.

Неподалеку от Мазепинцев находился роскошный замок богатого старого пана Фальбовского. Познакомясь с Фальбовским и его молоденькой, очаровательной женой, Мазепа задумал завладеть богатством старика.

План был прост. Здоровье пана Фальбовского давно подтачивалось тяжелыми недугами, по всему было видно, что пан долго не протянет. А скучавшая пани Ванда, единственная его наследница, относилась к Ивану Степановичу далеко не равнодушно. Следовательно, надо было лишь немного подождать...

Но, увлекая пани Фальбовскую, Мазепа сам увлекся ею до такой степени, что потерял терпение и осторожность.

Как-то раз слуги донесли своему господину, что панич Мазепа недаром стал частым гостем в замке. Фальбовский начал следить, но долгое время никаких улик обнаружить не мог. Тогда, сказав жене, что уезжает на несколько дней в Варшаву, пан устроил в ближнем лесу засаду и там перехватил на дороге одного из своих слуг, который спешил к Мазепе с письмом пани Ванды, извещавшей возлюбленного об отъезде мужа.

Фальбовский прочитал письмо, приказал слуге отвезти его паничу Мазепе, получить ответ и возвращаться обратно. Слуга так и сделал. Через некоторое время записка Мазепы, сообщавшего пани Ванде, что он спешит к ней на свидание, была в руках старого пана.

Свидание не состоялось. Панская челядь подстерегла ничего не подозревавшего Ивана Степановича, схватила его, связала ему руки и привела в лес к грозному пану.

— Это кто писал? — спросил Фальбовский, показывая записку.

— Писал я, но еду в первый раз, — пытаюсь смягчить свою вину, ответил Мазепа.

Фальбовский обратился к слуге:

— Эй, хлоп! Много ли раз этот пан бывал в замке без меня?

— В десять раз больше, чем при вас, — сказал слуга.

Тогда по приказанию пана хлопы раздели Мазепу догола, вымазали его дегтем, привязали к спине дикой лошади, лицом к хвосту. Ударив лошадь кнутом, выстрелили у нее над ухом. Она бешено понеслась.

Ветви деревьев и кустарника хлестали Мазепу по обнаженной спине, веревки резали тело. Он потерял сознание...

Только на другой день обессилевшую лошадь случайно заметили и заарканили казаки конвойного отряда польского присяжного гетмана Павло Тетери, возвращавшегося из Варшавы...

III

Мазепа, понимавший, что после позорного приключения ему нельзя показаться домой, решил начать новую жизнь в новых местах. Он поступает писарем в канцелярию казачьего гетмана Правобережной Украины.

Служит при Павло Тетере, а затем при сменившем его гетмане Дорошенко...

Петр Дорофеевич Дорошенко происходил из родовитой, богатой казачьей старшины, известной далеко за пределами Украины своей хитростью, лукавством и двоедушием.

Ложь, лесть, подкупы, тайные убийства — все эти грязные, вероломные приемы, насаждавшиеся отцами-иезуитами, широко применялись не только польским панством, но и казачьей старшиной для достижения своих личных корыстолюбивых целей.

Иван Степанович Мазепа за десять лет своей службы у Дорошенко, внимательно ко всему присматриваясь, в совершенстве овладел казачьей «тонкой дипломатией».

— Правдой не проживешь, честью чести не наживешь, — говаривал Дорошенко, одновременно клянясь в вечной верности и польскому королю и московскому царю.

А узнав, что польские отряды разбиты татарами, присягал турецкому султану и татарскому хану.

Такому положению способствовала обстановка, сложившаяся на Украине после смерти Богдана Хмельницкого.

Переяславская рада, созванная в 1654 году после длительной освободительной войны против господства панской Польши умным и дальновидным «Старым Хмелем», как ласково называли своего гетмана казаки, навеки воссоединила Украину с Россией. Осуществились старые заветные думы украинского народа, всегда тяготевшего к братскому русскому народу, с которым связывали его единение, общность языка и культуры, а также многовековая совместная борьба с иноземными захватчиками.

Воссоединение двух братских народов способствовало дальнейшему их экономическому и культурному росту. Украина была избавлена от иностранного порабощения,

национального и религиозного угнетения, которому долгие годы подвергались украинцы со стороны польского панства и католического духовенства.

Однако уничтожение на Украине крупного землевладения польских магнатов и шляхты не избавило украинский народ от феодально-крепостнического гнета. Панская земля перешла к казацкой старшине. Начальные люди и полковники сделались помещиками, селяне продолжали оставаться в кабале. Чинш* и многочисленные поборы, которые взимались с трудящегося населения городов и сел новоявленным казацким панством, тяжелым бременем ложились на плечи народа.

Поэтому не прекращались на Украине смуты и волнения, перераставшие зачастую в мощные народные восстания против казацкой старшины.

Крепостнический гнет особенно усилился после смерти Богдана Хмельницкого, во время гетманства изменников Выговского и Юрия Хмельницкого, которым удалось с помощью шляхетско-старшинской верхушки отторгнуть Правобережную Украину, передав ее снова под владычество Речи Посполитой.

Украина оказалась насильственно расколотой на две части, разделенные Днепром,— Правобережную и Левобережную.

Дорошенко был гетманом Правобережья, но домогался захватить власть и над Левобережьем, стать гетманом обоих берегов Днепра.

Это намерение Дорошенко пытался осуществить с помощью султанской Турции и Крымского ханства, которым обещал отдать в вассальную зависимость Украину и позволил разграбить часть Правобережья.

Украинский народ с ненавистью отвернулся от турецкого ставленника. Левобережные казаки гетмана Ивана Самойловича и войска воеводы Рамодановского в 1674 году наголову разгромили Дорошенко. Многие города и местечки Правобережья снова воссоединились с Левобережной Украиной в составе Российского государства. Собравшаяся в Переяславле рада избрала гетманом обоих берегов Днепра Ивана Самойловича.

Мазепа, до сих пор верно служивший Дорошенко, по-

* Чинш — налог за пользование землей, которым облагали крестьян помещики.

нял, в каком опасном положении он сам оказался. В то время он занимал уже должность генерального писаря. Дорошенко доверял ему самые тайные дела. Вместе обогащались они всякими нечестными способами, вместе присягали крымскому хану и продавали украинский народ в турецкую неволю.

Нет, не поздоровится пану генеральному писарю, коли станут явными его прегрешения! Надо поскорей порвать связь с Дорошенко, искать покровителей в другом месте...

Все чаще и чаще думал Мазепа о гетмане Иване Самойловиче. Кто такой этот счастливчик? Он не был даже военным человеком, не принадлежал к казацкому сословию, а происходил из духовного звания. Учился в семинарии, потом служил войсковым писарем. Хитростью и лестью он расположил к себе московских бояр, ведавших украинскими делами, добился, что там стали очень высоко ценить его. И вот теперь этот попович — гетман обоих берегов Днепра!

«Значит, Москва сильна, — размышлял Мазепа, — значит, с умом можно многое сделать там, если попович до гетманского уряда добрался...»

Мазепа посоветовал Дорошенко признать себя побежденным и начать переговоры с воеводой Рамодановским.

— Переговоры можно затянуть, а там видно будет, — смиренно добавил он. — Нам лишь бы время выгадать...

— Что ж, — вздохнул Дорошенко, — делать нечего, езжай в Переяславль. Поторгуйся там, туману напусти... Ну, да тебя учить не надо... Сам ведаешь, что там сказать!

...И вот Мазепа впервые узрел грозного царского воеводу и хитрого поповича.

Он облобызал руку князя, сразу расположив его к себе смирением.

— Обещал Дорошенко, целовал образ, что быть ему в подданстве под высокой царской рукой со всем войском Запорожским той стороны, — начал Мазепа свою речь. — Великий государь пожаловал бы, велел его принять, а боярин, воевода милостивый, — тут он отвесил низкий поклон, — взял бы его на свою душу, чтобы ему никакой беды не было...

— Скажи Петру Дорошенко, — отвечал Рамоданов-

ский, — чтоб он, надеясь на милость великого государя, ехал ко мне в полк безо всякого опасения...

Мазепа знал, что Дорошенко ехать сюда не собирается, но сейчас он меньше всего думал о своем благодетеле и покровителе. Он весь был охвачен трепетным волнением первой встречи с людьми, которые были силой, от которых — он чувствовал это всем своим существом — зависит его дальнейшая судьба.

Представившись гетману Самойловичу, Мазепа сумел ему понравиться. Он понимал, что попович охотно возьмет его к себе на службу, но... как посмотрит на это Дорошенко? Ведь Петр Дорофеевич знает за своим писарем столько всяких неприглядных историй, что озлоблять его добровольным переходом на сторону Самойловича никак нельзя. Надо сделать все так, чтобы никакой тени на себя не положить...

И Мазепа придумал.

Вернувшись к своему гетману, он доложил, что воевода и попович держат на него злобу, хотят тайно схватить, что вообще о мире с Москвою нельзя и думать.

Испуганный Дорошенко решил опять искать помощи у старых своих хозяев — крымских татар. С письмами и подарками к хану гетман отправил своего «верного» Мазепу.

Но случилось так, что Иван Степанович, прекрасно знавший дорогу в Крым, почему-то заблудился и попал в Запорожскую Сечь к кошевому атаману Ивану Дмитриевичу Сирко...

IV

Запорожская Сечь, расположенная близ днепровских порогов, у впадения речки Чертомлыка, представляла собой своеобразную крепость, о которую не раз разбивались грозные татарские орды.

Храброе войско запорожских «лыцарей», непрерывно пополняемое беглым и удалым людом, играло выдающуюся роль в борьбе против иноземных захватчиков — шляхетской Польши и особенно султанской Турции и Крымского ханства.

Курени — обширные общие избы, где жили запорожцы, церковь, пушкарня и несколько торговых лавок, снабжавших сечевиков хлебом, мясом, горилкой и табаком, состав-

ляли небольшой городок, окруженный шестисаженым земляным валом и башнями с бойницами.

На реке под особой охраной находился флот Сечи Запорожской, состоявший из сотен легких лодок-«чаек» и галер.

Все начальные люди Запорожской Сечи — кошевой и куренные атаманы, есаул, писарь, судья и прочие — ежегодно переизбирались общим собранием всего «товариства».

Однако богатые сечевые «старики», владевшие земельными угодьями, запасами оружия и косяками коней, старались всеми силами не давать воли «сиромашным» и «новопришлым» — бедноте, искавшей в Сечи убежище от панского гнета и крепостной неволи. При выборах кошевого и куренных атаманов «старики» заранее намечали своих ставленников, используя материальную зависимость от них голытьбы, а то и покупая голоса за чарку горилки или старый zipун.

Правда, иногда сиромашным удавалось провести в атаманы своего кандидата, но обычно, если он не смирялся, «старики» быстро его сменяли.

Атаман Сирко, выдвинувшийся из сиромашных своей изумительной храбростью, представлял некое исключение. Он ходил в кошевых многие годы и строго следил за соблюдением старинных правил товариства².

Обладая незаурядным военным дарованием, всю жизнь воюя с беспокойными крымскими ордами, Иван Дмитриевич Сирко враждебно относился к Дорошенко, присяжнику турецкому. Но с Мазепой у Сирко отношения были иные. Генеральный писарь, не раз бывавший в Сечи по войсковым делам, зная о неприязни кошевого к Дорошенко, не только не пытался защищать своего гетмана, но, напротив, осуждал его действия, намекая при случае, что служит у Дорошенко по нужде и давно собирается сбежать от него.

Теперь, добравшись до Запорожской Сечи, Мазепа тайно признался Сирко, за каким делом послал его Дорошенко в Крым, и попросил кошевого, чтоб тот уведомил об этом гетмана Самойловича. Кошевой охотно выполнил его просьбу.

Для того чтобы не озлоблять Дорошенко своей изменой, Мазепа договорился с кошевым разгласить небылицу, будто он не по доброй воле попал в Сечь, а был перехвачен

запорожцами близ Крыма, связан и привезен как пленник. Пусть не думает ничего худого Петр Дорофеевич про своего верного писаря.

...Мазепа загостился у запорожцев.

Хорошо зная быт и нравы запорожского «товариства», он скоро стал своим человеком в Сечи. Ходил с «лыцарями» на промысел в ближайшие степи, не хуже любого казака мог стрелять и рубиться, объезжал диких коней, не отказываясь, пил горилку, обошел лучших сечевых плясунов, рассказывал запорожцам много занятных и потешных «историй», а в беседе с кошевым не раз намекал, что «хотя все мы царскому величеству служим, а не мешает иной раз и по-своему управляться».

Такие речи были приятны Сирко, который больше всего на свете любил сечевую вольность.

Сирко, по простоте душевной, открыл гостю многие «досады и огорчения», поведал, что не очень верит поповичу и, вопреки его указам, опять намеревается начать поход против басурман.

Мазепа слушал, выражая полное свое согласие с замыслами кошевого:

— Верно, верно говоришь... Дай бог по-твоему свершиться!

«Умный и доброжелательный нам человек пан Мазепа», — подумал Сирко и предложил:

— Оставайся у нас в Сечи, Иване, послужи товариству...

— Рад бы всю свою жизнь служить храброму войску и столь славному атаману, — ответил Мазепа, — да опасаюсь, что попович у себя задержит...

— Не бойся... Мы ему, вражьему сыну, отпишем...

И когда Самойлович прислал за Мазепой своих людей, Сирко строго предупредил их, чтобы ничего худого писарю не чинили, а гетману отписал:

«Мазепа казак добрый, пане гетмане, просим всем войском запорожским, чтоб его никуда не засылали, а отпустили к нам обратно с честью...»

Поблагодарив Сирко за гостеприимство и пообещав ему вечную дружбу, Иван Степанович уехал.

Самойлович встретил его любезно.

Мазепа объяснил, что свое путешествие и запорожский

«плен» он подстроил умышленно, дабы отойти от Дорошенко, и тут же присягнул поповичу в вечной верности, открыв ему все тайные замыслы Дорошенко, а попутно очернив кошевого атамана Сирко.

Самойлович остался доволен. Он решил отправить Мазепу в Москву, чтобы окончательно разделаться с Дорошенко.

Иван Степанович сначала испугался. Как-никак, он ведь еще недавно служил Петру Дорофеевичу, вместе с ним присягал крымскому хану, вел переговоры со Стамбулом. Но гетман Самойлович его обнадежил:

— Повторяю тебе то, о чем мы говорили. Ты останешься в целости при всех своих пожитках, со всем своим домом. Посылаю с тобой Павла Михаленко, полкового писаря нежинского, он тебя и в Москву и назад проводит. Только в приказе без утайки расскажи, что мне открыл о Дорошенковых замыслах и о Сирко. Желаю тебе счастливого пути и скорого к нам возврата...

V

...Начальник Малороссийского приказа царский любимец, пожилой умный боярин Артамон Сергеевич Матвеев первый раз в жизни видел такого «пленника».

Перед ним стоял смуглый, густобровый, худощавый казак, дававший самые обстоятельные ответы на каждый вопрос и притом именно в такой форме, какая нужна была царскому правительству. Он не только ничего не утаивал, но даже многое прибавил, обличая «воров» Дорошенко и Сирко.

— Не пойму я одного, как же ты мог Дорошенко-вору столь долгое время служить?— пристально, острыми глазами всматриваясь в Мазепу, спросил боярин.

— Я, милостивый боярин, всегда только одному великому государю слугою был...

— А почто вместе с Дорошенко султану нечестивому присягал?

— Неволен был, боярин, вины моей нет...

— А грех-то?

— Поганым присягнуть греха нет. Не на святом кресте, животворящем... Когда бы государю своему православному или тебе, боярин, неправду говорил, то грех великий был бы...

— А почто ехать к хану согласие дал?— продолжал чинить допрос Матвеев.

— Я согласия не давал. Неволей все делалось,— ответил Иван Степанович, смело глядя в боярские очи.

— Неволей, говоришь?— переспросил тот.

— Неволей, боярин...

— А нам, значит, по своей воле служить желаешь? Так, что ли? Ну, а ежели изменишь нам... тогда что говорить будешь?

— Богом клянусь!— воскликнул Мазепа.— Никогда тому не быть! Навеки нерушимо государю православному присягаю!

Матвеев задумался, зевнул, широким крестом осенил большой рот, сказал приветливо:

— Кто вас, казаков, поймет. Но сдается мне, что ныне ты, Иван Степанович, говоришь не ложно, потому человек ты разумный и пользу свою понимаешь... Завтра к великому государю представлен будешь.

И встал, слегка кивнув головой дьяку, показывая, что допрос окончен.

VI

...Круглолицый, толстогубый, с маленькими пухлыми руками, покрытыми крупными конопушками, с хитроватыми, прищуренными глазами, гетман Иван Самойлович был поповичем и по внешности и по всему внутреннему складу.

Вначале,— после своего избрания гетманом, пока положение еще было непрочно,— Самойлович старался казаться ссквым и приветливым человеком, заискивал не только у старшины, но и у рядового казачества и селянства.

Когда же власть его как гетмана упрочилась, особенно после того, как Дорошенко сдался и был послан в Вятку воеводой, попович стал горд, заносчив и алчен.

Не только простому народу, но даже казацкой старшине и духовенству строго запрещалось сидеть при гетмане, входить в его двор с палкой. Выезжал гетман только в карете, окруженный большой толпой родственников и слуг. Родовитых казаков и заслуженных военных людей гетман постепенно вытеснял с хороших должностей, отдавая лучшие места бесчисленной ораве своих родных. А эта родня

творила такое беззаконие, что скоро имя гетмана Самойловича стало ненавистным всему украинскому народу.

Сам попович относился к людям жестоко, презрительно и не знал предела жадности.

— Все брали, и я беру, — говорил он. — Совестью людей не удивишь, а себя уморишь...

Только одного человека, как родного, любил и жаловал гетман — Ивана Степановича Мазепу.

Да и как было Самойловичу не любить его, если столько постоянного усердия показывал, служа ему, этот человек.

Пусть себе Дорошенко сидит на вятском воеводстве и думает, будто Мазепа до конца оставался его верным слугою и лишь по воле судьбы покинул его. Гетман знает, что на самом деле Мазепа служил не Дорошенко, а ему, и тонко провел своего благодетеля.

А выборы киевского митрополита? Кто, как не Мазепа, преданный друг поповича, устроил дело так, что митрополичий престол занял не ненавистный Лазарь Баранович, а родственник Самойловича — Гедеон Четвертинский? А кто ежедневно улаживает десятки неприятных столкновений со старшиною и чернью, кто учит детей гетмана, кто постоянно заботится о том, чтоб жизнь его текла легко, покойно и приятно?

Нет, не ошибается гетман в этом человеке, по заслугам пожаловал его важным званием генерального есаула...

Так думал гетман, но Иван Степанович думал иначе.

Ночью, когда затихала гетманская столица Батурин, когда крепко и сладко спал на пуховиках попович, — генеральный есаул доставал из тайника книгу в дорогом сафьяновом переплете и характерным, четким с завитушками почерком записывал:

«В мельницах казацких нет казакам воли, ни знатным, ни заслуженным — все на себя забирает. Что у кого полкубится — возьмет, а что сам пропустит, то дети его возьмут. Государево жалованье, соболиное и обьяриное, на двоих присланное, один себе забрал. Судейской должности уже четыре года никому не дает, хочет, чтоб сия должность за большие деньги была куплена. Города малороссийские не государевыми, а своими называет и людям войсковым приказывает, чтоб ему, а не монархам верно служили...»

Долго еще, озираясь по сторонам и прислушиваясь к

шорохам, записывал есаул. Чуял, могут большую службу сослужить ему эти записки, но до поры до времени тайны своей никому не открывал. По опыту знал, что доносами шутить нельзя.

VII

А в государстве Московском было смутно...

Умер царь Алексей Михайлович. Недолго процарствовал его хилый сын Федор. Посадили ближние бояре царем десятилетнего Петра — младшего сына Алексея Михайловича от второй жены Натальи Кирилловны Нарышкиной.

Но родственники царя Алексея по первой жене — бояре Милославские, партию которых возглавляла энергичная царевна Софья Алексеевна, — с помощью взбунтовавшихся стрельцов, убивших виднейших представителей нарышкинской партии, добились того, что бояре «передумали» и объявили двух царей: Петра и придурковатого Ивана, родного брата Софьи. За малолетством царей правительницей стала царевна, находившаяся в любовной связи с красавцем князем Василием Васильевичем Голицыным, в руках которого сосредоточились все нити государственной власти.

Образованнейший человек своего времени и блестящий дипломат, князь Голицын не обладал полководческим талантом.

Софья же страстно желала, чтоб ее «свет-Васенька» прославил себя воинскими подвигами и тем самым замазал рты боярам, недовольным быстрым возвышением фаворита.

Мазепа, часто бывавший в Москве и сумевший уже расположить к себе любимца царевны, хорошо понимал желание правительницы, но Самойлович, потерявший с годами нюх, на этот раз «тонкой дипломатии» не понял.

Когда к гетману приехал думный дьяк Емельян Украинцев «говорить» о походе против татар во исполнение обязательств по договору о «Вечном мире», заключенному с Польшей в 1686 году, попович заупряился.

— Как угодно великим государям, а, по-моему, воевать нам причин нет, — разглаживая усы и недовольно посапывая, говорил гетман. — Прибыли нам от этого все равно не будет, до Дуная владеть нечем — все пусто, а за Дунай — далеко. Крыма же одним походом не завоевать. Возьмем ближние городки — турки придут их добывать, а нам за-

щищать трудно. Зимой рати надобно оттуда выводить, иначе от поветрия тамошнего многие помрут...

— Теперь все государи против турок вооружаются,— настаивал Украинцев,— если мы в этот союз не вступим, то будет нам стыд и ненависть от всех христиан...

— Зазору и стыда нет,— спорил гетман,— всякому свою целость и прибыль вольно оберегать...

Возвратившись в Москву, Украинцев не замедлил доложить об этом разговоре кому следует.

— Выжил из ума старый дурак,— вспыхнула Софья, узнав о «противенстве» Самойловича.

— Неприятный человек,— поморщился князь Голицын, вспомнив, что во время его ссоры с Рамодановским гетман стал на сторону последнего.

«Теперь ждать недолго»,— подумал Мазепа, записывая в потайную книгу очередные кляузы на гетмана.

...Осенью 1686 года бояре «сказали» ратным людям поход на Крым.

Во главе стотысячного войска выступил в поход князь Голицын.

Весною на реке Самаре присоединился к нему гетман Самойлович с пятидесятью тысячами казаков.

В июле, не встречая татар, соединенные войска достигли урочища Большой лог.

Стояла страшная жара. Зной высушил мелководные степные речушки. То там, то сям вспыхивали сухие травы — начинались степные пожары, в которых все подозревали близких, но невидимых татар. Люди задыхались в пыли и копоти, лошади падали от усталости и бескормицы.

В большом, богато убранном шатре, на мягкой турецкой тахте с книгой в руках лежал полутолый князь Василий Васильевич. Хотелось хоть немного отвлечь себя от тревожных мыслей, но они назойливо лезли в голову. Строчки изящной латыни прыгали в глазах, не доходя до сознания.

Пальцами холеной руки князь загнул непрочитанную страницу, отложил книгу, тяжело вздохнул:

— Ох, небось в Москве теперь все вороги мои поднимаются!.. Ох, хоть бы татары встретились, хоть бы на войну похоже было...

Вошел слуга, с поклоном доложил:

— Есаул Ивашка Мазепа...

В памяти всплыло знакомое, умное и любезное лицо, краткий дельный московский разговор. Князь вспомнил, как он вставил в разговор латинскую фразу и есаул неожиданно и остроумно ответил тоже латынью.

«Свой человек и приятен», — мелькнуло в голове у Голицына.

— Проводи сюда, — сказал он слуге.

И встал, набросив шелковый халат на потное, жиреющее тело.

Мазепа, отвесив низкий поклон, остановился у дверей.

Князь подошел к нему, протянул руку. Есаул нагнулся поцеловать. Василий Васильевич, морщась, отдернул:

— Не надо... Садись. Очень рад.

Мазепа огляделся, сел.

Начал осторожно:

— Беда, милостивый князь! Людишки ослабли, воды нет... Ропот меж казаков идет...

— Знаю, — зло перебил Голицын. — Казаки ваши сплошь воры и бунтовщики. Гетману вашему дивлюсь...

— То напрасно, князь. Нам, старшине генеральной*, давно дива в том нет. Яки дерево — такой клин, який батько — такой сын, — чуть усмехаясь краешком губ, ответил Мазепа.

— Во-о-он оно что, — протянул князь, понимающе глядя на есаула. — Видно, вам гетман Самойлович не по вкусу пришелся? Так, что ли?

— Не я, вся старшина челом на него бьет и защиты просит, — сказал Мазепа, протягивая князю бумагу.

— Ох, не люблю доносов, — опять поморщился Голицын, но бумагу все же принял. — Кто просит-то?

— Обозный Бурковский, милостивец, да судья Михайло Воехеевич, да Савва Прокопов, да генеральный писарь Василий Кочубей...

— Ладно, разберу, — перебил князь, откладывая бумагу в сторону. — И мне ведомо, что гетман старый супротивник царским повелениям.

— Об этом и речь, ясновельможный, об этом и писано.

* Старшина генеральная — шесть высших должностных лиц, состоявших при гетмане: генеральный обозный, под начальством которого была артиллерия, генеральный писарь, ведавший канцелярией, генеральный судья, есаул, хорунжий и бунчужный. Соответственно существовала старшина полковая и сотенная.

И как бесчестья он войскам царским желает, и как тебя непристойно лает, и как ныне измену замыслил...

— А чем сия измена показана?

— Ныне, князь, слухи у нас идут, будто не татары степи поджигают, а близкие гетману люди. Гетман-то сколь времени недовольство походом кажет — ему одному пожары на руку...

— Ах, вор! Ну, вор... То-то я вижу... Спасибо тебе, есаул, спасибо. Сегодня же в Москву бумагу отошлю, чаю, ответом не задержат. А пѣрка в тайне сие дело держи, услуга твоя мною никогда не забудется...

— До гроба верой и правдой служить тебе буду, — низко поклонился Мазепа. И вышел.

Князь откинул полог шатра. Душная ночь покрывала землю. Звезды просвечивали редко и смутно сквозь тяжелые облака пыли, нависшей над беспокойным лагерем. Пахло гарью.

...Так и не встретив татар, государево войско повернуло назад и раскинуло стан на берегу реки Коломака, недалеко от Полтавы.

Здесь и был прочитан казацкой старшине указ, только что полученный князем в ответ на его письмо.

«Великие государи, по тому их челобитью, Ивану Самойлову, буде он им, старшине и всему войску малороссийскому негоден, быть гетманом не указали, а указали у него великих государей знамя и булаву и всякие войсковые клейноды* отобрать, послав его в великорусские города за крепкою стражею, а на его место гетманом учинить кого они, старшина со всем войском малороссийским, излюбят».

Генеральный писарь Василий Леонтьевич Кочубей, друг и единомышленник Мазепы, хорошо знавший «порядок» избрания новых гетманов, подошел к князю и от имени старшины осведомился, кого бы им, великим государям, и ему, князю, хотелось видеть гетманом.

— Выбирайте достойного, — ответил Голицын.

— Мы, князь, люди простые, — не унимался Кочубей, — нам ваш совет дорог...

Князь сказал, подумав:

* Клейноды — знаки гетманской власти.

— Наш совет — Мазепу... Единого достойного зрим.

И отдал приказ: сдвинуть обоз, схватить и привезти к нему гетмана Самойловича.

А гетман с сыном усердно молились в походной церкви. Попович уже давно почуял вражеские козни. Он знал, что старшина и казаки его не любят, он знал, что не жалует его и князь, но кто ведет под него подкоп, — того не ведал.

Когда служба кончилась, к Самойловичу подошел его старый недруг переяславский полковник Дмитро Райча, грубо схватил за руку и сказал:

— Хватит, всех грехов своих не замолишь. Пойдем со мной.

Тут же поповича посадили в дрянную, покрытую рогожей телегу, а сына его Якова — на клячу и повезли к Голицыну, вокруг которого собрались все русские начальные люди и старшина, обсуждавшие «тяжкие и многие вины» гетмана.

Старшина требовала, чтоб с ненавистным поповичем поступили по старому казацкому войсковому праву — предали казни. Но князь согласия на это не дал.

Когда привезли Самойловича, Голицын кратко перечислил ему обвинения, взятые из мазепинского доноса, и объявил царский указ.

Гетман стал отвергать обвинения. Между ним и старшиной завязался спор. Дмитро Райча, не стерпев, хотел наложить на поповича руку, но князь сдержал ретивого полковника, отдал гетмана с сыном под охрану стрельцов.

— Без вины страдаю, видит бог, без вины, — бормотал гетман, и крупные слезы катились из его воспаленных глаз.

Он окинул взором старшину, но жалости и участия ни на одном лице не заметил.

Вдруг он увидел: в стороне скромно и незаметно, опустив голову, стоял его любимец Мазепа. Он-то, конечно, к заговору против старика не причастен!..

— Зришь, Иване, какое поношение напрасно терплю, — обратился к нему попович. — Скажи им, скажи, что бог за безвинного взыщет...

Кто-то из старшины не выдержал и хихикнул,
Гетмана увезли...

.

Утром 25 июля собрался казачий круг.

Князь встал на скамью, сказал, что великие государи дозволяют казакам по их старому обычаю свободно избирать гетмана. Просил назвать, кого они хотят в гетманы.

— Мазепу! — первый крикнул Кочубей.

— Мазепу! — подхватила старшина.

— Мазепу! Мазепа нехай будет гетман! — закричали выборные казаки, заранее одаренные мазепинской партией.

Иван Степанович, как того требовал порядок, поклонился казакам, потом подошел к князю, присягнул великим государям, получил знамя, булаву и бунчук.

А вечером двое слуг его внесли в шатер князя бочонок, доверху наполненный золотыми дукатами.

Мазепа знал, что такая благодарность самая приятная...

С этого дня он стал большим другом фаворита.

VIII

Утром 10 августа 1689* года по немощным и пыльным улицам Москвы в богато убранной карете, окруженной полсотней сердюков, ехал, направляясь в Кремль, гетман обоих берегов Днепра Иван Степанович Мазепа.

Он прибыл с богатыми подарками для царевны и своего благодетеля князя Голицына, от которого рассчитывал добиться разрешения ряда важных вопросов.

Однако, остановившись еще накануне вечером на почевку в подмосковном селе, Иван Степанович услышал неприятные новости.

Семнадцатилетний царь Петр (о нем и думать все забыли), живший до сих пор с матерью в Преображенском, где занимался «потешными» делами, неожиданно показал коготки.

В ночь на 8 августа прибежавшие в Преображенское стрельцы Мельнов и Ладыгин уведомили царя, что приближенные царевны Софьи готовят на него покушение.

Испуганный Петр, не медля ни минуты, сел на лошадь и рано утром находился уже под защитой крепких стен знаменитой Троицко-Сергиевской лавры, отразившей некогда полчища поляков и не раз в тяжелые минуты укрывавшей царей.

Через несколько часов сюда прибыла царица-мать На-

* Все даты в хронике указаны по старому стилю.

талья Кирилловна с дочерью и невесткой — круглолицей, белокурой красавицей Евдокией, на которой незадолго до этого женили Петра.

Вслед за царицей приехала в лавру вся преданная Петру знать. В боевом порядке подошли «потешные» полки и стрелецкий Сухарев полк.

Двоюродный брат фаворита царевны, князь Борис Голицын — дядька Петра — послал в Москву десятки писем боярам, духовенству и стрельцам, требуя, чтобы все верные царю люди ехали к Троице, грозя смертью ослушникам.

Софья растерялась. Москва двинулась к Троице. Силы молодого царя росли ежечасно.

Иван Степанович Мазепа быстро смекнул, что идет решительная борьба за власть и настал момент, когда ему надо снова сделать выбор.

До сих пор он верно служил партии царевны, ибо эта партия казалась ему силой, но теперь... теперь даже из окна своей кареты гетман видел, что сила уходит к Петру, что поразившая его вчера весть была правдой.

Мимо него все чаще и чаще проносились закрытые кареты, рыдваны и возки, проезжали отряды конных рейтар*, двигались ватаги присмиривших стрельцов и толпы народа — все стремились поскорее выбраться на старую троицкую дорогу.

«Сонька — баба, Васька — тоже, — непочтительно подумал гетман о своих благодетелях. — А я еще с подарками к ним... Вот дурень! Чуть-чуть себя не погубил...»

Он остановил карету. Вышел. С чувством перекрестился на видневшиеся вдаль златоглавые кремлевские соборы, подозвал молодого сердюцкого сотника Чечеля.

— Вот что, Дмитро... Езжай обратно, захвати наш обоз с подарками и немедля к Троице гони...

— А пан гетман разве не в Кремль едет? — удивился сотник.

— Не твоего ума дело, ты слушай, что тебе говорят! — сердито отозвался гетман.

— Слушаю, пан гетман.

Чечель ускакал. Карета повернула на троицкую дорогу.

...Троицкая лавра и ее окрестности были заполнены народом.

* Рейтары — немецкие наемные конные войска.

Ивану Степановичу сказали, что ему прежде всего надо явиться к князю Борису Голицыну, ведавшему всеми делами, но гетман сообразил, что по нынешним временам родственник Васьки, пожалуй, «не прочен будет» и стал добиваться приема у дяди царя Льва Кирилловича Нарышкина.

Тот вышел к нему злой, усталый.

— Пошто ко мне, гетман? Князь Борис ныне всем правит...

— Ох, боярин, правит-то он правит, да больно до сей поры эти Голицыны солили нам крепко...

— Тебя-то, кажись, не обижали?— удивился Нарышкин, вспомнив слухи о дружбе гетмана с фаворитом царицы.

— На людях, боярин, обиды не было,— с легким вздохом произнес гетман,— а тайно такое мне Васька чинил... Я уряд* гетманский оставлять было хотел...

— Вот оно как!— уже приветливее сказал Нарышкин.— А я-то другое мнил... Ну, садись, коли так. Здесь ушей нет. Говори про все воровские Васькины дела без утайки...

Гетман сесть не успел. Дверь шумно распахнулась, в комнату быстро вошел черноволосый, длинный, худой юноша, с большими круглыми, чуть навывкате, мутными от усталости глазами. Нарышкин почтительно встал.

«Царь»,— догадался Мазепа, опускаясь на колени.

Петр что-то буркнул, недоумевающе посмотрел на дядю.

— Гетман Мазепа,— пояснил тот.

Недобрый огонек вспыхнул в глазах Петра, но Лев Кириллович поспешил на выручку.

— Гетман худые дела Васьки Голицына показать хочет, на него челом бьет...

— И тебе, всемиловейший государь, до последней капли крови служить хочу!— с чувством добавил Мазепа, целуя царскую, не особенно чистую руку.

— Зело рад,— глухим баском отрезал Петр, теперь уже с любопытством глядя на гетмана.— Ныне в слугах верных нужда крайняя. Встань. Сказывай про Ваську, что ведаешь...

Мазепа поднялся, тихо кашлянул и почувствовал, что в горле у него пересохло.

* Уряд — власть, должность.

— Как был я, великий государь, на гетманский уряд выбран, он, Васька Голицын, многими грозами неоднократно богатых подарков требовал и силою принудил меня десять тысяч золотых ему дать...

— Дальше, — нетерпеливо перебил его царь.

— Он же, Васька Голицын, будучи в походах крымских, прежде всего пил здоровье царевны, а ваше имя государю назади ставил...

— Запиши! — обратился Петр к дяде. — Все воровство Васькино узнай доподлинно. Вечером мне подашь. О чем просишь? — круто повернулся он к гетману.

— Прошу, государь, от меня и всего войска презент наш малый принять... Коней пять троек завода нашего, да сбрую черкесскую, да оружие разное... Да матушке царице аксамиту на платье...

— Ладно, гетман. За верную службу и усердие спасибо... Об ином, что имеешь, дяде скажи. От нас, ведай, забыт не будешь...

Царь милостиво протянул руку. Мазепа поцеловал.

IX

Смута в государстве Московском кончилась.

Софья была в монастыре, Голицын — в ссылке, их партия жестоко усмирена.

Царь Петр мужал, укреплял войско и флот, добыл у турок Азов, ездил за границу учиться корабельному делу, а приехав, стал резко повертывать страну на новый лад, одновременно готовясь к длительной борьбе со шведами, завладевшими на севере исконными русскими землями.

А на Украине, где по-прежнему гетманом сидел Мазепа, было неспокойно. Борьба между народом и казацким панством обострялась с каждым днем. Гетман держал руку богатой казацкой старшины, всячески угрожал ей. Гетманские универсалы*, усиливавшие крепостнический гнет, следовали один за другим.

В прибавку к тяжелому чиншу, который платил народ, Мазепа узаконил панщину, или обязательную работу крестьянина на помещичьих землях в течение нескольких дней в неделю. Специальным универсалом была запрещена запись селян в казачество³.

* Универсал — манифест, имеющий силу приказа.

Получив львиную долю из конфискованных богатств гетмана Самойловича, захватив и закрепив за собой десятки сел и имений, Мазепа стал одним из богатейших панов на Украине, введя в своих владениях особенно жестокие, крепостнические порядки.

Делаясь все более ненавистным народу, гетман, человек корыстный, стремившийся к личному обогащению, скоро нажил врагов и среди старшины.

Жажда стяжательства развивалась в Мазепе с каждым годом все сильнее. Умер киевский полковник Солонина, оставивший наследниками внуков и племянников, — гетман отобрал у них движимое и недвижимое и отдал своей матери. Умер генеральный обозный Бурковский — гетман отнял у его жены и детей имение.

Прежде полковников избирали вольными голосами, гетман начал ставить полковников за взятки.

Приближая к себе родню и наиболее верных людей, Мазепа в то же время постарался избавиться от старых приятелей, свидетелей его предательства и дружбы с Голицыным. По доносу Мазепы были высланы из Украины полковники Дмитро Райча и Леонтий Полуботок, а также все родственники Самойловича.

Нет ничего удивительного, что такие поступки Мазепы озлобили многих видных лиц из числа старшины. Они стали тайными врагами гетмана и постоянно искали случая погубить его. Однако сделать это оказалось не так просто.

Иван Степанович всегда стремился расположить к себе людей, на стороне которых была наибольшая сила и могущество.

Такой силой сейчас был царь Петр. Мазепа хорошо понимал, что этот человек не позволит, как Дорошенко и Самойлович, провести себя, поэтому служил царю верно, стараясь при каждом удобном случае показать преданность и усердие.

В 1690 году враги гетмана, подделав его руку, написали от его имени письмо польскому королю с просьбой принять Украину в польское подданство. С письмом они отправили в Варшаву монаха Соломона.

Король поверил и поручил львовскому епископу Шумлянскому войти в тайное сношение с гетманом.

Однажды к ничего не подозревавшему Мазепе явился шляхтич Доморацкий и передал ему письмо львовского епископа.

Мазепа удивился странному гостю, но письмо взял.

«Молю вашу милость,— писал епископ,— поскорее объявить, в какие отношения желаете вступить к королю... Когда уверимся в приязни твоей, сейчас же начнем работать насчет обеспечения, какое должен будет дать король...»

Мазепа велел немедленно схватить Доморацкого и вместе с письмом отправил его в Москву, где с удовлетворением отметили верную службу гетмана.

Но через несколько дней киевскому воеводе подбросили письмо на имя царей, в котором говорилось:

«Мы все, в благочестии живущие в сторонах польских, благочестивым монархам доносим и остерегаем, дабы наше прибежище и оборона не была разорена от злого и прелестного Мазепы, который прежде людей наших подольских, русских и волынских бусурманам продавал, а после, отдавши господина своего в вечное бесславие, имение его забрал, а сестре своей в наших краях имения покупал и покупает. Наконец, подговоривши Голицына, приехал в Москву, чтоб вас, благочестивого царя Петра Алексеевича, не только с престола, но со света изгнать, а брата твоего Иоана Алексеевича покинуть в забвении. Другие осуждены, а Мазепу, источник и начаток вашей царской пагубы, до сих пор вы держите на таком месте, на котором, если первого своего намерения не исполнит, то отдаст Малороссию в польскую сторону. Одни погублены, другие порассыланы, а ему дали понаровку и он ждет, как бы свой злой умысел тайно совершить...»

Так, еще задолго до того, как Мазепа стал предателем, украинский народ разгадал его замыслы.

Воевода переслал письмо в Москву, откуда немедленно направили в Батурин подъячего Михайлова, поручив ему обнадежить гетмана в неизменной царской милости и узнать, не подозревает ли он кого в этой «кляузе».

...Подъячий Борис Михайлов,— тщедушный, низкорослый, плешивый человечиска,— был хитрец великий. Приехав в столицу гетмана, он о себе разглашать не стал, а прежде окольными путями проведал о черных делишках гетмана.

Видавший виды подъячий быстро догадался, что хотя в подметном письме нет прямых улик, но, если взяться по-настоящему за расследование, можно докопаться до мно-

гих подозрительных и темных сторон прошлой и настоящей деятельности гетмана.

Однако подьячий привык больше радеть о себе, чем о делах государевых, для него не было никакой выгоды ссориться с таким человеком, как Мазепа.

Явившись к гетману, он показал ему письмо и спросил: «Как он, гетман Иван Степанович, рассуждает? В польской ли стороне письмо писано или кем-нибудь из врагов его?»

Гетман, пожав плечами, ответил:

— Не могу я малым умом моим понять, от кого бы именно произошел сей лукавый, плевельный и злоумышленный поклеп...

Подьячий незаметно улыбнулся, кашлянул в кулак и смиренно, сделав вид, что не все расслышал, переспросил:

— Как ты, Иван Степанович, сказал? А? Поклеп, что ли?

Мазепа подьячему не ответил, взглянул на образ богородицы, возвел к нему руки, прослезился:

— Ты, пресвятая богородица, надежда моя, зришь убогую и грешную душу, как денно и ночью имею я попечение, чтобы государям до кончины живота своего служить. А враги мои не спят — ищут, чем бы меня погубить...

Подьячий опять тихо кашлянул, сочувственно закивал плешивой головой:

— Истину глаголешь, Иван Степанович. Не спят враги твои, ох, не спят. Вот и ныне от многих слышал, будто впрямь ты с турками и с Васькой Голицыным большую дружбу имел...

— Все напраслина и ложь мерзкая, — гневно сверкнув глазами, возразил гетман. — Я никакой утайки от государя не делал... Бог мою душу видит!

— Видит, милостивец, бог-то все видит, да людишки пакостные инако мнят. Придумали, вишь, будто ты в Польше имения для сестры покупаешь и, дивное дело, даже некую монашку Липлицкую указали мне, кою твоя милость якобы в Польшу не раз посылал... Ох, враги наши, враги наши, — вздохнул подьячий, пощипывая реденькую бородку и глядя прищуренными глазками на Мазепу.

Тот понял, что дьяк знает много и разговор затеял неспроста. Достал из ларца золотой, с большим алмазом, перстень и приветливо улыбнулся:

— Ох, и не ведаю, как мне тебя, гостя дорогого, ода-

рить. Милость монаршую привез ты мне, радость великую. Прими хоть эту малость...

Подьячий принял, быстро определил стоимость подарка, поклонился:

— Много благодарствую, Иван Степанович. Не по заслугам меня чествуешь.

И подумал: «Дешево меня ценишь,— я тебе в копеечку влезу».

А вслух продолжал:

— Как же, милостивец, ответ твой писать? Кого в подозрении имеешь?

Гетман задумался. Письмо явно с польской стороны, да уж больно случай удобный для расправы с ближними своими неприятелями.

— Пиши,— ответил он,— что подозреваю я в этом письме полковника Гадяцкого Михайлу, который недавно еще ко мне неприязнь обнаружил, сам гетманом помогался быть и пасквиль на меня уже писал. Еще подозреваю я сына митрополичьего Юрия Четвертинского — он постоянно в народе злые слова рассеивает, что быть Самойловичу опять гетманом...

Подьячий записал, стал прощаться.

— Ты не спеши, откушать со мной оставайся,— ласково пригласил гетман.

— С великою охотой, да в иной, видно, раз... Государевы дела не терпят. Ответ приказано выслать без замедления. Ты бы, Иван Степанович, теперь мне письмо-то вернул...

— Какое письмо? — нахмурился Мазепа.

— А что я тебе передал, милостивец. Мне строго-на-строго заказано обратно его доставить для хранения в польском приказе...

Гетман даже в лице переменился.

— Сперва я милостью царской был обрадован, а теперь во сто раз опечален, коли вижу — никакой веры мне не дают...

— Что ты, Иван Степанович, господь с тобой. Письмо для розыска злодея-доносчика нужно...

— Нет, уж ты, как хочешь, а письмо я не отдам...

— Да никак нельзя... С меня взыщут. Как отвечу-то?

— Ответишь, что затерялось...

— Ох, да что ты, Иван Степанович! Разве можно?

— Можно, дьяк, можно,— уверенно произнес гет-

ман.— И ответ государям, когда напишешь, мне наперед объявишь. А услуги твои мною забвенны не будут...

Прижимист был Иван Степанович, но тут не поскупился — пятьсот дукатов подъяему отсчитал.

«За эту безделицу дорого, да авось в другой раз пригодится. В Москве нужных людей давно заводить пора», — подумал гетман.

Х

В то время сильное беспокойство Мазепе начал причинять фастовский полковник Семен Палий — прославленный казачий батько с правобережной стороны.

В силу неблагоприятно сложившихся исторических условий правобережная часть Украины оставалась под властью поляков. Однако народ не хотел подчиняться панам и продолжал борьбу против них.

Воевода Чернецкий, чинивший жестокую расправу над непокорными холопами, писал королю:

«Народ украинский так упорно держится московской протекции, что каждое поселение приходится брать штурмом. Сердца их до такой степени нечувствительны ко всепрощающему милосердию вашего величества, что они предпочитают погибнуть с домами своими от огня, терпеть голод и всякие лишения, чем возвратиться в подданство ваше. Все казаки и хлопы этой стороны решили лучше умереть, чем покориться».

И народ не покорился. Сотни тысяч казаков и хлопов погибли в жестоких схватках с королевскими жолнерами*. Другие бежали в восточную Украину и Запорожскую Сечь. Третьи скрывались в лесных трущобах.

Польская часть Украины превратилась в пустыню.

«Видел я здесь города и замки, — сообщает очевидец, — безлюдные, опустелые... Видел валы высокие, воздвигнутые трудами рук человеческих, развалины стен, покрытые плесенью и обросшие бурьяном... Видел покинутые впусе привольные украинские поля, долины, прекрасные рощи и дубравы, обширные сады, реки, пруды, озера, заросшие мхом и сорными травами... Видел в разных местах множество костей человеческих, которым покровом было одно небо».

* Жолнер — польский солдат-пехотинец.

По условиям «Вечного мира», заключенного между Россией и Польшей в 1686 году, правобережное Приднепровье было объявлено нейтральной полосой. Хотя оно и считалось владением польской короны, но власть польско-шляхетской администрации не должна была распространяться сюда.

Польское правительство вынуждено было разрешить казакам свободно селиться в этих местах и пользоваться всеми казацкими вольностями. Казаки обязались за это нести военную службу и отгонять татарские орды от польских владений.

Пришел сюда со своим отрядом и храбрый казак Семен Филиппович Гурко — по прозвищу Палий, прославившийся в Запорожье своей удалью.

Получив от короля город Фастов и чин полковника, Семен Палий долго и счастливо воевал с татарами. Слава о подвигах этого казацкого батеньки разносилась далеко.

Правил Семен Палий своим полком справедливо, по старым казацким обычаям, людей принимал к себе без отказа и ласково, поэтому народ шел в Фастов со всех сторон, и силы Палия быстро увеличивались, крепли⁴.

Поп Иван Лукьянов, проезжавший тогда через Фастов, оставил любопытные записки о палиевцах.

«Городина та хорошая,— сообщает поп,— на горе стоит красовито. Вокруг жилья острог деревянный да вал земляной. По виду не крепок, а сидельцы в нем что звери. По земляному валу ворота частые, а во всех воротах копаны ямы — там палиевщина лежит человек по двадцать. Голы, что бубны, без рубах, страшны зело. Нас обступили как есть около медведя, а все голытьба беспорточная, на ином и клока нет, черны, что арапы, и лихи, что собаки...»

Семен Палий, хотя и служил королю, однако ненавидел польских панов, имел с ними постоянные враждебные столкновения и скоро начал просить гетмана Мазепу принять правобережные украинские земли «под высокую царскую руку».

Шляхта, встревоженная замыслами Палия и тем, что казаки успешно переманивают к себе посполитых*, обещающая освободить народ от панской неволи, начала грозить Палию суровой расправой.

* Посполитые — польские крепостные крестьяне.

Пан Дружкевич от имени шляхты писал Палию:

«Из ада родом сын немилостивый! Ты отрекаешься от подданства королю, ты смеешь называться полковником от руки царского величества, ты твердишь, будто граница тебе указана по Случ, ты грозишь разорить наши владения по Вислу и за Вислою. Смеху достойны твои угрозы! Помнишь ли, как пришел ты ко мне в первый раз в короткой сермяжке, заплатанной полотном, а ныне ты выше рта нос дерешь. Король так тебя накормил хлебом, что он у тебя изо рта вон лезет. Учинившись господином в Фастове, в королевской земле, ты зазнался. Полесье разграбил, да еще обещаешь идти на наши города. Смотри, будем бить жестоко».

Вслед за этим польские жолнеры под командой полковника Нильги внезапно напали на Фастов, но были разбиты палиевцами, которые в свою очередь стали нападать на имения польских «осадчих», как именовались шляхтичи, получавшие на Правобережье от короля лучшие земли.

Паны этого не простили. Заманив к себе Семена Палия, они схватили его, посадили в Немировский острог, а Фастов передали во владение католического епископа.

Но палиевцы вскоре выручили батьку. Палий появился в Фастове, перебил иезуитов и панов, стал открытым их врагом.

Сейм Речи Посполитой, видя угрозу нарастающего народного освободительного движения, решил покончить с казачеством и разослал универсалы о роспуске казачьих войск.

Палий вместе с богуславским полковником Самусем и другими казачьими начальными людьми решил не подчиняться. Объявив всем селянам и хлопам вечную свободу, он начинает восстание против польских панов.

Зарево пожарищ охватило Подольщину, Волынщину, Брацлавщину. Поднялся народ всей Западной Украины и Червонной Руси.

На призыв Палия и Самуся откликнулись не только украинские казаки и селяне, жившие в польской стороне. Заволновались ненавидевшие своих панов посполитые многих польских старост* и коронных земель.

* Старосты — пограничные земли, пожалованные королем какому-нибудь пану в собственность. Владелец или староста обязался за свои средства содержать охрану границы,

— Бийте панов, бо они всем нам вороги! — радостно встречая палиевцев, кричали посполитые.

Каждый день множились силы восставших. Богатейшие поместья Потоцких, Лещинских, Жолкевских, Любомирских и других магнатов были разграблены и сожжены. Паны и «осадчие» в страхе бежали в глубь Польши.

Гетман Мазепа испытывал большую тревогу...

Как шляхтич и крупнейший помещик, он ненавидел хлопков и опасался, что огонь перекинется на левобережную сторону. Как гетман украинского народа, он должен был, хотя бы наружно, показывать своей старшине и особенно казакам единомыслие с восставшими. Как царский слуга, он обязан был соблюдать условия мирного договора с поляками, но в то же время, зная, что русские всей душой на стороне своих украинских братьев, боялся, как бы в Москве не разгадали его истинных шляхетских чувств.

«Бунт распространяется быстро,— сообщал он в Москву,— от низовья Днепра и Буга по берегам этих рек не осталось ни единого старосты, побили много панов, а другие бегут в Польшу и кричат, что наступает новая хмельница. Впрочем,— добавляет гетман, желая на всякий случай отвести от себя возможные подозрения,— случившаяся смута принадлежностям нашим зело непротивна. Пусть паны снова отведают, что народ малороссийский не может уживаться у них в подданстве, и пусть перестанут домогаться Киева и всей Украины...»

В то же время тайно гетман пытался всячески уговорить Семена Паляя прекратить смуту, а полковнику Самусю, просившему помощь, с досадой ответил:

— Помощи тебе не дам и без царского указа к себе не приму. Без моего ведома ты начал и кончай, как знаешь...

Восставшие продолжали бороться. Они взяли Бердичев, Бар, Немиров, Белую Церковь, ряд других городов.

Воевода Иосиф Потоцкий и князя Вишневецкие объявили «посполитое рушение»* и с огромным войском двинулись на усмирение хлопского бунта.

Потерпев ряд поражений, они пытались склонить на свою сторону Самуся и Паляя, обещая им прощение и большие награды, но те ответили:

* Посполитное рушение — общее ополчение, созывавшееся в случае особой опасности для польского государства.

«Мы тогда будем благожелательны Речи Посполитой, когда у нас во всей Украине, от Днепра и до Днестра, и вверх до реки Случи, не останется ни единой ноги панской...»

На помощь Потоцкому вышел польный гетман с войском*. Восставшие бились с беспримерным мужеством, но вынуждены были уступить пушкам.

Королевские войска взяли Богуслав и Немиров. Тысячи казаков и хлопов гибли на кольях и колесах, но и в предсмертных муках продолжали грозить шляхте новым восстанием.

Панские суды не знали, что делать. Оказалось, что почти все население принимало участие в бунте. Казни грозили опустошить страну.

Воевода Потоцкий приказал всем подозреваемым хлопам отрезать уши. Такому наказанию подверглось семьдесят тысяч человек.

Однако до конца восстание не было подавлено.

Семен Палий, отбив натиски жолнеров и шляхты, укрепил Белую Церковь и отказался ее сдать.

Паны обратились к царю Петру, находившемуся в то время с ними в союзе против наступающих шведов. Но и грамоты царя, приказавшего «жить с поляками мирно», на упрямого Семена Палия действия не оказали.

«Никогда я с панами в приязни жить не буду и Белой Церкви им не отдам, разве меня отсюда за ноги выволокут», — отвечал отважный батько.

Но силы были неравны. Со всех сторон напирали на палиевцев королевские жолнеры.

Тогда решил Семен Палий прибегнуть к старому, испытанному средству. Позвал несколько добрых, верных своих казаков и сказал:

— Сами ведаете, други, как тяжело нам приходится... Тают силы наши, а откуда помощь ждать? Одна надежда на единокровных наших братьев — запорожских и донских казаков да украинских селян... Добирайтесь до них, други, расскажите, каково живется нам в стороне польской, как мучают нас и ругаются над верой православной... Бейте челом казакам и всем добрым людям, пусть идут к нам, дабы вместе веру нашу и волю от панов оборонять...

* В Польше были два гетмана: *к о р о н н ы й*, под начальством которого состояли королевские войска, и *п о л ь н ы й*, который командовал оккупационными частями, расположенными на Украине.

— Одного опасаемся, батько,— ответили казаки,— не будет ли помехи нам от гетмана Мазепы?

— А вы ему на глаза не попадайтесь, блюдите тайность,— хитро прищулив глаза и подкручивая пышный ус, произнес Палий.— Дорога же к нам каждому казаку ведома. Рубежи стерегутся без строгости.

Среди людей, посланных на Левобережную Украину, находился и молодой казак Петро Колодуб, отличавшийся удалью и беспощадностью в боях с панской шляхтой.

XI

Лютая ненависть к панам полыхала в душе Петра Колодуба с детских лет. Он родился в польской стороне, в селе, принадлежавшем надменному и спесивому пану Кричевскому. Великолепный, затейливой архитектуры панский палац, окруженный каменной оградой с бойницами, красовался на взгорье. Там жили беспечно и весело. Каждый вечер светился палац разноцветными огнями, слышалась оттуда дивная музыка.

А селяне ютились в убогих мазанках, от зари до зари изматывая силы на тяжелой панщине. Петру Колодубу шел пятый год, когда за какую-то малую провинность панский управитель избил в поле его мать. С того дня она занедужила и вскоре умерла. Отец, потрясенный горем, вздумал жаловаться на управителя пану. Обрядившись в чистую рубаху, он взял за руку осиротевшего Петра и отправился в палац.

Пан Кричевский дозволил хлопа к себе допустить. Он сидел за столом на веранде, выходявшей в сад, и завтракал.

Отец, подойдя к веранде, опустился на колени, отвесил земной поклон:

— Челом бью, ясновельможный пане... Життя нет от управителя... Жинку в могилу свел, бисов сын...

Пан вытер салфеткой жирные губы, взглянул на хлопа недобрыми глазками, нахмурился:

— Наказана была твоя жинка по заслугам... Другим в пример! Обленились хлопы, изнежились...

— Грешно вам так говорить, пане,— попробовал робко возразить отец.— Пять дней в неделю на вашу милость стараемся, покоя не ведаем...

Пан не дослушал, перебил:

— Что? Покая захотел, пся крив! Своевольные мысли в голове держишь! Ах ты, быдло...

Отец медленно поднялся, его трясло, словно в лихорадке.

— Прошу прощенья, что прогневал вас, пане,— глухим голосом произнес он.— А за неправду вашу и за слезы наши, пане, и вам гнева божьего не миновать...

— Как? Что? Ты еще грозишь мне, хлоп! — вскочив со стула, багровея и брызгая слюной, закричал пан.— Гей, люди! — хлопнул он в ладоши.— Взять хлопа, выдрать плетями, чтоб навеки забыл, как панам грозить...

Ражие панские гайдуки мгновенно окружили отца, потащили во двор.

— Тату! Тату! — в страхе закричал Петро, пытаюсь пробиться к отцу.

Чья-то тяжелая, жесткая рука схватила мальчика за шиворот, отбросила в сторону. Петро больно ударился затылком о дерево, потерял сознание, но вскоре очнулся и увидел страшное... Отца привязали к столбу, сорвали рубаху. Плети со свистом взвивались, падали на обнаженную спину, рвали окровавленное тело. Нет, никогда потом не мог забыть этого Петро Колодуб!..

Но помнилось ему и другое...

Он был уже ладным парубком, когда однажды ночью залетел в деревню отряд палиевцев. Обрадованные неожиданной поддержкой, как сдин, поднялись селяне и хлоппы. С топорами и кольями бежал народ вслед за палиевцами к проклятому панскому палацу. И тут еще раз довелось Петру увидеть пана Кричевского...

Вытащили ясновельможного из теплой постели в одном бельешке, вытолкнули на крыльцо дрожащего, с обвислыми синими щеками и выпученными от страха глазами.

— Что с ним робить будем, братики? — обратился к народу, спросил рябой, уса́тый палиевец.— Ваш пан — ваш и суд!

— На сук проклятого! Смерть злодеям! — закричали в толпе.

— Смерть злодеям! — вместе со всеми кричал и Петро, впервые познавший в тот миг сладость отмщенья.

Напрасно пан Кричевский шлепал губами, умоляя о пощаде... Спустя несколько минут он и его управитель, не менее пана ненавистный народу, качались уже на деревьях, озаренные ярким пламенем горящего палаца.

А повеселевший народ разводил по домам панских коней и быков, тащил из амбаров тяжелые чувалы пшеницы.

— Слава господу, дожили до праздничка, поживем без панов,— говорили селяне.

Но короток был срок безпанщины. Прошло несколько недель, и пополз по окрестным деревням тревожный слух, будто теснят палиевцев королевские жолнеры. Огнем и мечом утишала шляхта взбаламученное море.

Спасаясь от расправы, хоронился народ по лесам, а кто и дальше подался: в Запорожскую Сечь, на Дон, иль того лучше, к самому батьке Палию.

Старый Колодуб, однако, насиженного места покидать не пожелал.

— Мои годы ушли, куда бежать-то? Тут родился, тут и помирать буду,— сказал он сыну.— А тебе, Петро, свою жизнь губить рано. Уходи отсюда, сынку, авось сыщешь свою долю в иных местах...

— Я казаком хочу быть, тату, к Палию охочусь,— тряхнув золотистым вихром, ответил Петро.

— Добро! Добро! — кивнул головой отец.— Иди, сынку, да спуску не давай проклятым панам.., Благославляю тебя на святое дело!

Больше не довелось свидеться с отцом Петру Колодубу. Служил он уже в палиевских войсках, когда стороной дошла до него весть о расправе, учиненной над односельчанами озверевшей шляхтой. Мучительной смертью на колу, вместе со многими другими селянами, погиб старый Колодуб. Но заветные его слова, сказанные сыну, не сгинули. Не давал Петро панам спуску. Сколько завитых и напoмаженных кичливых панских голов сняла с плеч острая казацкая сабля! Сам батько Палий не раз дивился силе и отваге молодого казака...

И вот, перебравшись через рубежи, идет Петро Колодуб по левобережной украинской земле... Стоят теплые, ласковые августовские дни. Белые хаты селян тонут в густых садах, тронутых первой позолотой. Блестят кресты на деревянных церквушках, тихо перезванивают колокола. На полях заканчиваются последние работы. Сытые быки тащат арбы, доверху груженные свежим зерном.

Все здесь как будто дышит миром и покоем... Спасибо старому, мудрому Хмелю! Это он, соединив народ украинский с народом русским, навсегда избавил эту землю от панской злой неволи. Нет здесь вельможного польского

панства, не видно бритых и хитрых иезуитов, не издевается никто над верой православной, не звенят кайданы на посполитых.

Но чем дальше шел Петро, тем все более убеждался, что простому народу и тут живется не так-то сладко... Мир и тишина были призрачны. Богатые панские имения и палацы достались казацкой старшине. Петро почти в каждом селении слышал бесконечные жалобы селян на притеснения со стороны новоявленного казацкого панства. Число недовольных быстро росло всюду. Не удивительно, что было много охотников покинуть отцовщину и попытаться счастья под рукой батьки Паляя, имя которого было на устах и у старых и у малых...

Приметил Петро и явную неприязнь народа к гетману Мазепе.

— Гетман сам панской породы, панам и радеет,— озлобленно отзывались о нем селяне.— Того и гляди, прикажет нас, как прежде, на колья сажать и в кайданы ковать...

Близ Запорожской Сечи, куда, обойдя десятки сел, направился Петро, повстречал он одетого в лохмотья молодого селянина Луньку Хохлача, бежавшего из маетности* самого гетмана.

Рыжий, коренастый Лулька был не по годам угрюм, осторожен, но, узнав, кто такой Петро, таиться от него не стал. Шли они в Сечь вместе. Дорогой Лулька рассказывал:

— Совсем житья нет от гетмана и его дозорцев... Чинш вдвое против других с нас берут, помимо того, поборами всякими мучают... А послушаться не могли — плетями задерут!

Лулька остановился, повернулся спиной к Петру, приподнял дырявую рубаху. Спина сплошь была покрыта кровавыми рубцами и волдырями.

— Вот как исполосовали! — сказал он и, зло сплюнув, добавил: — Пес он, Мазепа-то!

— За что же это тебя? — осведомился Петро.

— За карася...

— Как... за карася?

— Карася в пруду поймал... А в маетностях гетмана ни рыбы в прудах, ни зверя в лесах ловить не дозволяется. Гетман особым универсалом запрет наложил. Ну, до-

* Маетность — имение, усадьба.

зорцы его меня приметили на пруду, скрутили, привели к главному управителю пану Быстрицкому... Тот и распорядился, для острастки другим сотню плетей всыпать...

Луныка чуть помедлил, задумался, потом перешел на другое:

— Побачим, как в Сечи-то примут... А то я не против и к Палию податься, ежели возьмешь с собой. Что скажешь?

— Возьму, чего и спрашиваешь,— не замедлил ответить Петро.

Луныка ему понравился. Хлопец, как и он, Петро, был озлоблен на панство, шел искать лучшей доли. Неласковая судьба сдружили их быстро и крепко.

XII

Сентябрьское не яркое, но гревшее еще по-летнему солнце стояло высоко...

Наверное, у многих сечевиков подвело животы от голода, и куренные «кухари» ругали «товариство», но все равно от куреня кошевого никто не уходил.

Сам кошевой атаман Гусак — длинноусый и чубатый, со следами многочисленных сабельных ударов на лице, в полотняной, расшитой шелками рубахе, с люлькой в зубах — сидел с куренными и «стариками» на ковре, под единственной чахлой лозиной. Остальные запорожцы и «молодята» — новопришлые, вольные люди, которых становилось в Сечи все больше и больше, — расположились прямо на земле, подставляя солнцу полуголые, бронзовые от загара потные тела.

Былолюдно, но не шумно.

Бандурист Остап, высокий, худой старик, с вздутыми толстыми жилами на длинной желтой шее, вытер рукавом свитки вспотевший лоб, облизнул сухие губы и, полузакрыв глаза, вновь тронул струны своей бандуры:

Хоть у нашего Семена Палия и не велике вийско,

Тилько одна сотня, да и та голая,

Без сорочек и штанив, тилько з очкурами.

А буде та сотня голая,

Буде та сотня бесштанная,

Буде панскую тысячу убраную,

Аksamитом крытую,

Шовками пошитую,—

Буде мов череду гнаты, у пень рубаты,

Буде великим панам великий страх задаваты...

Старик кончил свою песню, молча и жадно потянулся к подвинутому кем-то жбану с квасом.

Необычная тишина стояла среди запорожцев — недаром любили они старого Остапа, мог он тронуть их души правдивыми и душевными словами.

Кошевой крутил ус, задумчиво глядел в сторону.

Потом перевел взгляд на Остапа и почти шепотом, словно боясь нарушить тишину, сказал:

— Добре спиваешь, Остап. Чую правду в писнях твоих. Добрый казак Семен Палий... Дуже добрый...

— У него и жинка добрая, — неожиданно громко вставил Петро Колодуб, стоявший вместе с Лунькой Хохлачом в толпе молодят.

Раздался дружный хохот.

— Он ее доброту знает!..

— Ай да Петро! Ловок, бисов сын!

— Смотри, батько Палий узнает — чуб выдерет...

Петро опешил, от досады закусил губы. Потом сжал кулак и так толкнул в бок скалившего зубы молодого казака Гульку, что тот на сажень отлетел в сторону.

— Да ты что, дурень? Драться? — поднявшись и вздернув спадавшие шаровары, закричал казак, наступая на Петра.

— Эй, хлопцы! Негоже! Наперед поведайте, за що бой чинить будете! — вмешался кошевой.

— За издевку, батько, за то, чтоб не повадно было над добрыми людьми изгиляться, — звонко ответил Петро.

— А кого добрыми разумиешь, братику?

— Всех, кто с батькой Палием панов бьет, кто за волю казацкую...

— Це добре! Я думал, за жинку какую, избави бог, казацкая кровь прольется, — сказал, поднимаясь с ковра, кошевой.

— И за жинку, батько, ежели жинка та троих таких стоит, — ткнул Петро пальцем в Гульку.

Тот обиды не выдержал, бросился на Петра, но кошевой опять остановил драчунов, нахмурился:

— А где ты таку жинку видел, чтобы супротив троих казаков стояла? Мабудь, брешешь?

— Нет, батько, правду кажу, — смело глядя в глаза кошевому, ответил Петро. — Сам в Фастове был, когда паны Семена Палия схватили и под стражей в тюрьму свезли... А наутро пришли в Фастов люди чиновные и

ксендзы, начали церковь православную поганить, наших мучить. Только даром издевка эта им не прошла. Стали ксендзы по единому пропадать неведомо куда. Собрали паны казаков, и ну пытаться: кто их ксендзов и куда деваает? Казаки не ведают. Согнали их в острог, а ночью самый главный ксендз сгинул... Дивуются паны, и казаки дивуются... А тут скоро батько Палий из тюрьмы убежал, в Фастове объявился и всех мучителей наших сразу перевел...

— То мы слышали. Про жинку кажи,— перебил кошевой.

— А кто ксендзов допреж Палия хватал?

— Зараз узнаете... Я среди тех казаков был, что в остроге сидели. Как освободил нас батько Палий,— продолжал Петро,— сами мы во двор его собрались, про ксендзов начали пытаться... А он этак усмехнулся, пошел в хоромы и за руку жинку свою вывел. «Вот,— говорит,— кто меня самого из плена высвободил, кто без меня двенадцать ксендзов тайно перебил, кто мне во всем правая рука»... Ну, жинка из себя не дюже тельная, а на лицо пригожая... Был я после в стычке с ляхами, видел, как Палииха рубает, дай бог всякому доброму казаку...

— Ай да Палииха! — восторженно крикнул кто-то.

— За такую жинку биться можно!

— А мабуть, трошки сбрехав? А? — все еще не доверяя, переспросил кошевой.

— Нет, панове, правда суцая,— вмешался в разговор старик бандурист.— Меня тоже господь привел не однажды у Семена Филипповича гостевать,— и он, и жинка его за простой народ крови не щадят⁵...

— Наш гетман супротив батьки Палия, як дерьмо супротив капи,— вставил известный всем, старый хромой сечевик Панько.

— От пана Мазепы добра не ждать,— не стерпев, крикнул Лунька.— Уж и ныне шляхтой себя окружил, а казаков перевести хочет...

Зашумели казаки. Разом вспомнили десятки обид, причиненных гетманом, вспомнили, кстати, как тяжело давят народ аренды, введенные ненавистным Мазепой, как жестоко налегает его рука на вольнолюбивое товариство.

А тут, где-то совсем недалеко, живет настоящий казачий батько, противник всех панов, смелый, счастливый в битвах, ласковый до народа Семен Палий.

Забурлила казацкая кровь. Заколыхалась громада.

— А кто его, Мазепу, в гетманы выбирал?!— кричали казаки.

— Он всех казаков панам продаст, вражий сын!

— Мазепа одних панов любит, нас не жалует!

— Палия на гетманство посадить...

— Палий ведает, як украинских панов к рукам при-
брать...

— Хай живе батько Палий!

— Палия в гетманы!

— Па-а-ли-ий! Па-а-ли-ий!..— слышалось отовсюду.

Кошевой закурил люльку, отошел в сторону. Знал, что теперь шума и гама до вечера хватит.

И никто не приметил, как из дверей куреня вышел на крик молодой, низкорослый, чуть-чуть сутулившийся казак в штофной, узорчатой черкеске, как внимательно вглядывались его большие серые глаза в лица крикунов и зажигались любопытством каждый раз, когда поминалось имя славного казацкого батьки.

Это был приехавший сюда сегодня утром по войсковым делам один из писарей гетмана Мазепы — Филипп Орлик.

ХIII

Больше всего не любил Иван Степанович Мазепа людей среднего ума и средних способностей.

— Умный для дружбы, дурак для службы, а иных куда — ума не приложишь,— говаривал гетман.

Так и поступал. Видит, что глуп казак и «тонкой политики» понять не сможет,— брал такого в сердюки или писаря охотно. Такой подвоха учинить не сможет, тянуться будет, а строго спросишь — не обидится. Если отличался казак умом, Иван Степанович быстро прикидывал, что полезного можно извлечь для себя из чужого ума. Обнадеживал человека, коли нужен был, ласкал, располагал к дружбе. Если же высказывал иной чванство вместо ума, мелкую зависть, был говорлив и суетлив не в меру,— гетман такого никак не жаловал.

Семен Палий был гетману и приятен, и досаден.

Мазепа ценил ум и храбрость фастовского полковника, который имел к тому же и большую воинскую силу, а ко всякой силе гетман всегда относился с большим почтением.

И хотя поднятая Палием гиль грозила многими непри-

ятностями, Мазепа все же решил привлечь его на свою сторону.

«Лучше бы было принять Палия со всеми людьми под царскую руку,— сидя за дубовым резным столом, писал гетман в Москву.— Если Палий, приобретши такую знаменитость, перейдет к неприятелю, то в Малороссии поднимется волнение, многие люди потянутся отсюда к нему, потому что Палий человек военный и в воинских делах имеет счастье...»

Дверь гетманских покоев тихо скрипнула.

Вошел писарь Орлик, поклонился, остановился почтительно у порога.

— Пошел вон. Видишь, я занят,— сурово сказал гетман, продолжая писать.

— Ничего, я подожду, ясновельможный пане гетман.

— Что?— удивился неожиданной писарской дерзости Иван Степанович.

— Важные известия имею, прошу прощенья.

— В канцелярию...

— Никак не можно, пане гетман,— перебил Орлик.— Дело важное, до вашей особы касается...

— Подожди,— поднял палец Мазепа и встал.

Привычным движением он закрыл дверь, подошел к Орлику, положил на его плечо свою тяжелую руку.

— Сказывай без лжи и утайки, что ведаешь. Лукавства в оных делах не прошу...

Но писарь лукавить и не собирался. Он, не торопясь, обстоятельно доложил о том, что видел и слышал в Запорожье.

— Имею верные сведения, ясновельможный пане гетман,— докладывал Орлик,— что Палий тайно посылает на нашу сторону своих лазутчиков. Сии лазутчики мутят народ более всех... В Сечи видел я также Луньку Хохлача, бежавшего из маетности вашей милости... Недовольство особой вашей ясновельможности столь велико, что казаки и гультаи открыто выражают желание передать гетманство Палию, коего почитают своим защитником... Ежели Палий будет принят под руку его царского величества, но при его воинском счастье, хитрости и общем расположении народа может получить уряд вашей милости...

Мазепа слушал молча. «Да, это правда,— думал он.— Правда... Надо принимать иные меры, пока не поздно. Пи-

сарь прав. Оплотку я чуть не сделал явную... Дело не о ремешке идет, а о целой коже...»

— Дело сие держи, Филипп, в тайне,— тихо произнес он, когда писарь кончил.— Впредь так служить будешь — быть тебе генеральным...

— Богом клянусь, пане гетман, крови за вас не пожалею,— с чувством ответил Орлик.

— Кровь ныне дешева, бога многие не боятся,— усмехнулся Мазепа, пристально вглядываясь в писаря.— Я из Москвы, из Посольского приказа извещение получил, будто в Польше прошлый год некий вор, злодей и безбожник, костел ограбил и двух женок заколол. А нынче-де тот вор, кличку переменяв, к нам в казаки ушел... Так мне строго приказано сыск учинить и, буде того вора обнаружим, немедленно в кандалы взять...

— А приметы того вора вашей милости ведомы? — изменяясь в лице, дрогнувшим голосом спросил Орлик.

— Ведомы явственно,— раздельно и значительно произнес гетман.

Его огненные глаза жгли писаря. Тот молчал, все ниже и ниже склоняя голову.

— Иди, Филипп,— сказал, наконец, Мазепа,— иди и ведай, что сыска чинить не буду, но службу требую верную...

Орлик опустился на колени, схватил полу гетманского кунтуша, поцеловал.

— Весь твой до гроба,— прошептал он,— с тобой хоть в ад...

И вышел, слегка покачиваясь, словно его вдруг хмельком зашибло.

А гетман опять сел к столу, внимательно перечитал написанное ранее, медленно порвал на мелкие клочки. Вдохнул и принялся за новое письмо, злобой грязня украинский народ, которым управлял:

«Наш народ глуп и непостоянен. Пусть великий государь не слишком дает веры малороссийскому народу, который сегодня дружит с нами, а завтра может сговориться с поляками,— писал Мазепа.— Палия тоже не следует в подданство принимать. Он ныне начал вельми высоко забирать и от часу все больше к себе гультьев прибирает... Ничего доброго царскому величеству Палий не мыслит и тайно сносится с врагами нашими...»

В тот же вечер с доносом на казацкого батьку выехал в Москву писарь Орлик.

XIV

Когда прохожий поп Грица Карасевич ввел в блуд двух местечковых жинок, казаки и селяне по своему старому обычаю решили с попом расправиться сами. Приговорили повесить.

Но поп был не глуп и, как объявили ему приговор, стал казаков совестить:

— Эх, братья, братья! Вижу я, что ослабла ныне сила казакская, коли за жинок злоехидных такого человека губите. Я ж за вас, собачьих сынов, кровь свою вместе с батьком Палием проливал. Меня сам батько Палий по правую руку сажал, как я трех ляхов срубил. Я ж, дурни вы чубатые, только видом поп, а душой казак и батьку Палию кум...

— Черту ты кум, а не батьку,— пробовали спорить казаки.— Батько — сокол, а ты — ворона...

— Кто ворона? Я? Ах вы, гусиные гузки! Ах вы, свиные хрящики! Ах вы, бабьи подолы!— тут поп такой отборной руганью пустил, что многие заколебались:

— Кто знает, может, и кум... Говорит по-казакски...

Посовещались старики, решили горилкой правду искать. Известно, что настоящий, добрый казак горилку пьет без отказа, пока до дна не доберется.

Принесли здоровенный глиняный жбан.

У попа глаза заблестели.

— Чую,— говорит,— казакский квасок, дайте хлебну разок...

— Пей,— отвечают,— с богом...

Схватил поп жбан — только в глотке забулькало. Единым духом весь жбан высадил.

— Ей-богу, кум батьки!— восторженно крикнул какой-то молодой казак.

— Кум не кум, а казакской породы,— рассудили старики и приказали веревку убрать.

А у попа глаза осовели, посмотрел он на стариков, рукой махнул.

— Ну,— говорит,— свиные рыла... берите грех на свои поганые души... Вешайте!..

— Нет,— отвечают,— добрых людей мы вешать не можем. Иди с богом...

— Нет,— спорит поп,— вешайте. Охота мне с того света глянуть, як мой кум Палий за меня с вас взыщет...

А сам за веревку — и петлю вяжет,

Старики отнимают:

— Что ты, что ты! Бога побойся!

Поп в драку. Кулаки здоровые — насилу успокоили. Признали кумом батька.

Стал с тех пор поп Грица жить в почете,— велика была слава казацкого батька Семена Палия.

Но скоро слух о Грице дошел до гетмана.

Как посмотрел на его проделки пан Мазепа, никто не ведал, но только однажды поп Грица исчез и больше в тех местах не показывался.

— Мабуть, вин к куму поихав,— гадали казаки, вспоминая веселого попа.

XV

Заклучив с саксонским курфюрстом* и польским королем Августом союз против Карла XII, царь Петр начал военные действия в Прибалтике, освобождая захваченные шведами исконные русские земли. Но под Нарвой войска Петра потерпели поражение и откатились назад.

Шведский король Карл XII вторгся в Польшу. Коронный гетман польский Иероним Любомирский, изменив своему народу, перешел на сторону врага.

Любомирский искал союза с Палием, подбивая его выступить против русских войск. Несмотря на выгоды условий, предложенных коронным гетманом, казацкий батько воевать против русских наотрез отказался. Он обратился опять к гетману Мазепе со старой просьбой — принять его под державную царскую руку.

Палий правильно рассчитывал, что теперь русский царь не должен ответить ему отказом. Но он не ведал того, что отношение к нему Мазепы круто изменилось к худшему, что просьба его прочно застряла в гетманском столе, что гетман искал только случая погубить его.

Получив приглашение гетмана прибыть к нему для переговоров по важным делам, Семен Филиппович простился с женой и в тот же день отбыл в Бердичев, где стоял обоз Мазепы.

* Курфюрст — немецкий владетельный князь.

На глазах у всех гетман трижды облобызал батька Палия, под руку провел его к себе в шатер, где был приготовлен богатый обед.

За гетманом вошла вся генеральная старшина и судья Василий Кочубей.

Семен Филиппович Палий был небольшого роста, коренастый, с пышными усами, голубоглазый. Он совсем не походил на «грозного» батька, был добродушен, любил жить с душой нараспашку и от чарки горилки никогда не отказывался.

А тут его самолично потчует друг, пан Мазепа,— как отказаться?

Выпил батько одну чарку, другую, третью. Захмелел. Сейчас бы соснуть казаку хорошенько, а нельзя. Иван Степанович под локоток держит и тихим голосом дивные речи говорит:

— Очень мне удивительно, брат Семен, что ты ныне с панами задружил и гетману Любомирскому служишь...

— Брехня... Який я панам друг?.. Я казак...

— А почто с Любомирским тайну пересылку имеешь?

— Яку пересылку? Паны на свою сторону склоняют... пишут грамоты... а я що? Я под царскую руку всегда желаю...

— А почему по царской грамоте Белой Церкви нашим доброжелательным панам не сдаешь?

— Яки паны доброжелатели? Все паны одинаковы, и пользы от них царскому величеству не будет,— сказал Палий, не понимавший «тонкой политики».

— Вот ты ослушался и огорчил великого государя,— вздохнул гетман.— За это он тебя в свое подданство не примет...

— А не примет, бис с ним... Я сам не пропаду... Я сам себе гетман...

Батько, качаясь, встал, взмахнул руками, сделал два шага, упал на походную кровать гетмана, сразу захрапел.

— Пиши,— сказал Мазепа сидящему рядом писарю,— пиши, что Палий грамоты от изменника Любомирского получал, пересылку с ним имеет, его царскому величеству поношение чинил и гетманом сам себя называет... Все слышали, господа старшина? — обратился он к генеральным.

— Слышать — слышали, пан гетман,— сказал Кочубей,— а не худо бы для верности свидетельские улики представить.

— Можно и свидетельские, — согласился Мазепа, посмотрел на спящего батьку и хлопнул в ладоши.

Вошел есаул Чечель с двумя сердюками.

— Привести попа Грицу Карасевича, — приказал гетман.

...Крепок казацкий хмельной сон.

Целое ведро ледяной воды вылили на голову батька — насилиу глаза продрал.

А над ухом чей-то голос сладкий:

— Не признаешь, Семен Филиппович, старого приятеля?

— Что за чертовщина? Який приятель?

Сел батько на кровать, видит, словно в тумане, — люди какие-то окружили... Ба! Да ведь это сам пан гетман. То старшина казацкая... То сердюки... Ну, а дальше... дальше черт его разберет... поп какой-то, кажется, вертится...

«До чертей напивался, до попов впервые», — мелькнула у батька догадка.

— Доброго здоровья, пан Палий, — сказал Грица, робко выглядывая из-за спин старшины.

Батько протер глаза:

— Эге ж, да ведь это как будто поп Грица, собачий сын...

— Я, точно, пан Палий, — подтвердил поп.

— А за яким чертом? Иль мало я тебя в Фастове порол за грабительство? Иль опять батогов захотел, сатана косматая?

— Покайтесь, пан Палий, — скромно перебил батька поп Грица. — Вспомните, як меня к панам посылали...

— Що? — заревел батько. — Я тебя... пса вонючего... к панам посылал? Ах ты, свиной хвост! А ну, держите его...

И быть бы попу битому, да удержал батька пан гетман.

— Негоже, Семен Филиппович, рукам волю давать, когда тебя в больших делах обличают... Языком ответствуй...

— Вины за собой никакой не ведаю, — с удивлением посмотрев на гетмана, отвечал Палий. — А поп Грица — известный плут и вор, жалею, что я его в Фастове не повесил...

— А вспомните, пан Палий, какие похвальные речи про изменника гетмана Любомирского сказывали? — опять

перебил Грица.— Вспомните, как говорили народу, что в Польше нет знатнее и сильнее тех панов, что государь наш православный ненадежен, и вас только Любомирский уберечь может... Покайтесь, пан Палий. Вспомните и покайтесь!

— Убью! — бешено рванулся батько к попу, но дюжие сердюки крепко схватили его за руки.

Поп сразу куда-то скрылся. Перед батькой стоял есаул Чечель.

— По указу государя я беру вас под караул, пан Палий...

— По указу? Меня?— задыхаясь и недоумевая, прохрипел Палий и широко раскрытыми глазами обвел смущенно молчавших гетмана и старшину.— А-а-а!..— догадался, наконец, батько.— Продали, продали, вражьи дети! Заманили, як зверюшку в ловушку. Будьте вы прокляты, иуды! А ты... ты... пан Мазепа... помни... Вернется Палий — страшен будет. Помни!

Батька увели, старшина разошлась.

«Пьяницу того, дурака и вора Палия,— доносил Мазепа в Москву,— уже отослал я за крепким караулом в Батурын...»⁶

Петр, веря гетману и присланным уликам, выслал Палия в Сибирь.

Через два дня неведомые люди удавили в овраге попа Грицу...

А через месяц верный Орлик доносил гетману, что в народе идет глухой ропот против расправы с Палием.

Гетман только рукой махнул:

— Москва сильна. Сибирь далека. Народ глуп. Пошумят — забудут...

Но народ не забыл.

— Мазепа за то сгубил Палия, що народ звал его казацким батьком,— говорили казаки.

— Батько Палий за нас страждет, батько Палий еще вернется,— шептались селяне...

Застб Вторая

I

Стояла глухая полночь, но Батуринский замок гетмана еще светился яркими огнями.

Пир был в разгаре.

Трубачи на хорах, обливаясь потом, только что закончили длинный менуэт, когда к ним подбежал распорядившийся танцами длинновязый шляхтич и что-то шепнул на ухо капельмейстеру.

Тот поднял руку. Веселые, волнующие звуки мазурки ворвались в притихший на минуту зал.

Из главных дверей, под руку с молоденькой, черноволосой, красивой девушкой вышел гетман Иван Степанович, в бархатном зеленом кунтуше, с орденской лентой через плечо. Он приветливо улыбнулся гостям, легко пристукнул каблуками и, позванивая серебряными шпорами, плавно повел свою даму.

— Бог мой, как он еще молод и хорош,— по-польски шепнула соседке пожилая нарядная пани.— Я понимаю его успех у дам...

— Он совсем не похож на этих диких москалей и казачков,— не сводя глаз с гетмана, ответила соседка.

— Что же вы хотите! Пан Мазепа прожил немало лет у нас в Польше... Но кто с ним в паре?

— О, говорят, это новое безумие гетмана,— сказала вторая пани и оглянулась.— Однако здесь ее родные, нас могут услышать... Поищем другой уголок...

Позади них, в креслах, сидели две женщины. Одной перешло далеко за сорок, но время еще не успело стереть с ее лица следов былой красоты, а несколько высоко поднятые брови, смелые серые глаза и тонкие, презрительно поджатые губы выдавали характер гордый и властный. Она была в аксамитовом, расшитом золотом наряде. Жемчужное, низко спускавшееся монисто и крупные брильянты в браслетах показывали ее принадлежность к сановному казацкому панству.

Рядом с ней сидела, играя веером, одетая в черное шелковое платье, хорошенькая блондинка, около которой стоял краснощекий, с русыми вьющимися волосами, статный молодой человек, в простом на вид, но дорогом и модном немецком платье. Это был племянник гетмана Андрий Войнаровский, только что приехавший из-за границы, где он получил высшее образование.

— Я три года не был здесь и не узнаю многого,— говорил Андрий дамам.— Все здесь так пахнет польским духом, что порой кажется, будто ты не в замке украинского гетмана, а на балу варшавского магната...

— Нет,— перебила его старшая дама,— нет, пусть гетман обижается, а я сюда больше не покажусь. Я свое на чужое менять не буду. Я казачкой родилась, ею и помереть хочу...

— Ой, мамо! Не все же польское плохо и не все наше

хорошо,— возразила блондинка, бросив кокетливый взгляд на Андрия.

— Ну, ну, защищай,— насмешливо произнесла дама.— У тебя муж поляк был, тебе надо... А у меня и дед и отец панами зарублены. Я ихних песен не пою.

— Да,— задумчиво сказал молодой человек,— я понимаю вас... Я поляк по рождению, но вырос на Украине и, как вы, люблю нашу отчизну...

— О тебе речи нет. Тебя я с малых лет знаю...

В это время Мазепа с девушкой, приблизившись к разговаривающим, делал красивое угловое па и, заметив недовольное выражение лица старшей дамы, улыбаясь, слегка кивнул ей головой:

— Иль тебе, кума, не весело?

— Шестьдесят, батюшка, шестьдесят, хоть не прыгай,— резко и насмешливо оборвала гетмана кума.

Мазепа сделал вид, будто не слышал ответа, но щеки девушки вспыхнули ярким румянцем, она бросила сердитый взгляд на даму.

— За него обиделась,— усмехнувшись, сказала та Андрию, не сводившему восхищенных глаз с партнерши гетмана.

— Как она выросла! Как хороша!— тихо промолвил он.

— Хороша-то хороша,— вздохнула дама,— да очень уж не нравится мне дружба ее с крестным непутевым...

— Дядя разве непутевый?— улыбаясь, спросил молодой человек.

— Сам видишь. Ему бы со стариками сидеть, а он, словно козел, прости господи, с девчонкой скачет... Ох, глаза бы мои не видели, глаза бы не видели...

Дама, говорившая это, была Любовь Федоровна Кочубей, или Кочубейха, как звали ее в народе,— жена генерального судьи, старого приятеля гетмана. Блондинка — ее недавно овдовевшая дочь Анна, бывшая замужем за племянником гетмана Обидовским. Красивая девушка, что танцевала с Мазепой,— младшая дочь Кочубейхи, Мотря.

...Между тем танцы кончились, и все общество потянулось в столовую — большую комнату, обставленную изящной мебелью работы венецианских мастеров.

Здесь на трех длинных столах был приготовлен ужин,

Мазепа любил и сам хорошо покушать и гостей угостить на славу.

Чего только не было на столах у гетмана! Зернистая икра и огромные осетры, привезенные с Волги, виноград и фрукты из Италии, печенье от варшавских кондитеров, вина из лучших заграничных погребов...

Под стать этому разнообразию кушаний было и общество, разместившееся за столами. Тут сидела родовитая казацкая старшина — полковники и сотники, богатые украинские помещики, русские офицеры и чиновники, сербский епископ и немецкий негоциант. Но большинство гостей составляли поляки и выходцы из Польши.

Сам гетман сидел в особом, позолоченном, покрытом красным бархатом резном кресле. По правую его руку помещался лысый, с птичьим лицом генеральный обозный Иван Ломиковский, поляк по происхождению, не скрывавший своих польских симпатий; по левую — генеральный судья Василий Леонтьевич Кочубей, радевший за московскую партию. В эту партию, стоявшую за крепкий союз с Москвою, входили, кроме Кочубея, бывший полковник полтавский Искра, полковник стародубский Скоропадский и другие.

Кочубей был немного моложе Мазепы, но в его облике не было той молодящей живости, что у гетмана. Круглое, добродушное, чуть припухлое лицо, узкие, зеленоватые пустые глаза, подстриженные под скобку волосы и спущенная на лоб челка делали его похожим на простого селянина, и, если б не богатый кармазиновый казацкий кунтуш, никто не сказал бы, что этот человек — богатейший помещик, первое после гетмана лицо на Украине.

— Здоровье его пресветлого величества великого государя Петра Алексеевича! — высоко поднял первую чару Мазепа.

— Ура! Слава! Виват! Хай живе! — нестройно и разногласно ответили гости.

— Я бы охотней выпил за короля, — тихо по-польски шепнул Ломиковский соседу — молодому князю Вишневецкому, — но что же делать, приходится ждать...

— А как долго такое положение может продолжаться? — спросил князь.

— Зависит от шведской фортуны...

На другом конце стола Андрей Войнаровский тихо раз-

говаривал с Мотрей Кочубей, по счастливой случайности сидевшей с ним рядом.

— За границей много интересного, хорошего, — говорил Андрий, — но, поверьте, я бы никогда не согласился жить там. Когда, возвращаясь домой, я увидел хижины украинских селян и дым казацких костров, мое сердце забилося так сильно, как никогда не билось там, и я понял — до чего сильно привязан к своей отчизне... Мне показалось, что нигде нет такого яркого неба, как у нас, нигде не дышится так легко, нигде не пахнут так сладко травы...

— А помните, — перебила, смеясь, Мотря, — как в Диканьке вы рвали у нас в саду яблоки, а таточко пригрозил вам батогом...

— Помню, помню, — живо отозвался Андрий. — Но эти яблоки предназначались вам и меня ничто не страшило...

— Вы были всегда моим верным рыцарем, — опустив голову, сказала Мотря.

— Желал бы оставаться им и впредь, — бросив пылкий взгляд на девушку, почти шепотом произнес Андрий.

Мотря вздохнула, ничего не ответила.

Любовь Федоровна, сидевшая как раз против них и наблюдавшая за младшей дочкой, думала в это время: «Девке семнадцать, лучшего мужа, чем Андрий, вовек не сыщешь... Вот бы господь послал...»

— Ты приходи завтра к нам обедать, — вслух сказала она Андрию, — забыл небось за границами мои вареники?

— Нет, помню. Непременно приду, — улыбнулся Войнаровский.

Он нечаянно коснулся под столом стройной ножки Мотри и, чтобы скрыть внезапное смущение, нагнулся к тарелке, принявшись за еду с таким аппетитом, что Мотря не выдержала и рассмеялась:

— Ой, мамо, сколько же тебе вареников завтра готовить...

...Гости разъезжались и расходились...

У калитки Мотря задержалась, огляделась, быстро побежала к стоявшему в стороне, скрытому тьмой, человеку, обвила его шею руками, крепко поцеловала в губы.

— Когда же, мое серденько? — шепотом спросил тот.

— Завтра утром, — ответила Мотря и скрылась.

Человек медленно пошел к крыльцу. Ему навстречу

вышел с фонарем в руках Филипп Орлик, только что пожалованный званием генерального писаря.

— Пане гетман,— тихо и тревожно сказал он,— сегодня я доподлинно проведал, что Москва поручила Ваське Кочубею присмотр за вашей милостью...

Гетман находился словно во сне. Его губы что-то шептали, глаза светились нежностью.

— Вы слышали, пане гетман?— переспросил беспокойно Орлик.

— Да, слышал,— отозвался, наконец, гетман. — Ты напрасно тревожишься, друг мой... Этот присмотр Москвы учинен по тайному моему согласию...

— Как?! — изумленно воскликнул писарь.

— Поживешь — поймешь,— усмехнулся гетман и открыл дверь.

II

Помимо Анны и Мотри, у Кочубеев имелась третья дочь — Катерина, рыхлая, рябоватая двадцатилетняя девушка, по лености редко выходившая из дому. Родители уже отчаялись выдать ее замуж, но несколько дней назад Катря неожиданно объявила, что за нее сватается казачий сотник Семен Чуйкевич и, если ее за него не отдадут, она бросится в колодец. Как и где познакомилась Катря с Чуйкевичем, она никому не сказала. Мать для порядка пошумела на «бесстыжую девку», заперла ее в чулан, однако Семена Чуйкевича, происходившего из захудалого, но честного казачьего рода, приняли довольно ласково и объявили женихом.

По старым обычаям девки в казачьих семьях выдавались замуж по старшинству, и Кочубеиха могла теперь вздохнуть свободно: дорога для младшей, начинавшей невеститься дочери была открыта.

Вот почему, пригласив на обед Андрия Войнаровского, она сегодня с раннего утра подняла на ноги весь дом. Дворовые бабы и девки с ног сбились, готовя кушанья, протирая посуду, убирая многочисленные комнаты кочубевских хором, таская вещи из обширных кладовых и скрын^{*}, но все же к обеду кое-что не было готово. Кочубеиха злилась, срывая досаду пощечинами, которые щедро сыпались на девок.

^{*} С к р ы н я — сундук.

Собственно говоря, совсем другое злило Кочубейху. Она чувствовала, что Андрий, бывший на четыре года старше Мотри, друживший с ней еще в детстве, теперь влюблен в нее, но что делалось в сердце девушки — того она не знала. А делалось там что-то неладное. Ночью, возвращаясь из замка гетмана, Кочубейха зашла в светлицу Мотри. Та, в одной рубашке, сидела на кровати, обхватив руками согнутые полудетские колени, и о чем-то думала.

— Ты почему не спишь? — спросила Кочубейха.

— Просто так... Сейчас лягу, мамо, — ответила Мотря.

— А ты о чем говорила с Андрием?

— Не помню... Он что-то про границу, потом про отчизну рассказывал... — протянула, зевая Мотря. — Укрой меня одеялом, мамо. Я спать буду...

«Хитрит девка, скрывает что-то», — тревожно подумала Кочубейха, укрывая и крестя дочь.

Утром же Мотри в постели не оказалось. Она куда-то исчезла. Правда, знакомых и родных у Кочубеев множество. Мотря и раньше любила чуть свет убежать куда-нибудь, но сегодня, кажется, могла бы и дома побыть. Не для себя же мать хлопочет...

«Ох, кабы беды не случилось, кабы, как с Катрей, не вышло», — думала Кочубейха, собственноручно разделявая последние вареники.

А Василий Леонтьевич Кочубей тем временем сидел у окна, играл в шашки с Семеном Чуйкевичем. Василий Леонтьевич только что хотел сделать какой-то сложный ход, как мимо окон пронеслась запряженная четверкой лошадей позолоченная карета, лихо завернув к парадному подъезду.

— Жинка! Андрий приехал! — крикнул Кочубей, вставая и поправляя яркий турецкий халат.

Кочубейха выскочила из кухни раскрасневшаяся и, на ходу снимая грязный фартук, заворчала:

— Вот у нас всегда так... у нас всегда так... Звать — зовем, а ничего не готово и встретить некому... Ох, глаза бы мои не видели... Ты что, словно пень, стоишь? — набросилась она на мужа. — Иди, иди, привет Андрия...

— Иду, matka, иду, — покорно отозвался Василий Леонтьевич, направляясь к дверям.

Чуйкевич, бледнолицый и застенчивый молодой человек, двинулся за ним, но в это время двери распахнулись

и неожиданно для всех быстрой, легкой походкой в комнату вошел гетман Иван Степанович.

Следом за ним впрорхнула веселая, нарядная Мотря, но, увидев сердитую мать, опустила глаза, скромно уселась в уголке.

Любовь Федоровна бросила на дочь грозный взгляд: — Ты где с утра пропадала?..

Но гетман договорить не дал. Он по-восточному приложил руку к сердцу и, ласково глядя на Кочубеиху, сказал:

— Не сердись, кума, крестница не виновата. Я ее дорогой встретил и прокатил за околицей. Грех на мне...

— Ты уж всегда, Иван Степанович, ее заступник, — глядя на жену, промямлил Василий Леонтьевич. — А девке того... негоже...

— Не пойму, Василий Леонтьевич, про что ты речь ведешь? — перебил его гетман. — Иль карета моя ныне срамной стала? Иль зазорно вам крестницу с гетманом видеть?

— Зазору нет, а того... другие осудить могут, — смутился судья.

— Никто не осудит, никто не посмеет, сам ведаешь, — уверенно произнес Иван Степанович.

— Слово, что ли, петушиное знаешь? — запальчиво вмешалась Кочубеиха.

— Знаю, кума, знаю. Об этом слове и беседовать хочу. Но наперед должен вам поклон отдать от племянника моего Андрия... По государевым спешным делам сегодня мною в Киев он послан и потому быть у вас не может... Прошу, кума, извинить его. Государевы дела, сама рассуди, на вареники менять негоже...

Иван Степанович говорил серьезно, но Мотре, исподтишка наблюдавшей за ним, в его словах что-то показалось очень смешным, она не выдержала и озорно рассмеялась.

— Это еще что? — набросилась на нее мать. — Ну-ка, иди отсюда, иди, нечего зубы скалить... Да и ты без нужды здесь торчишь, — обратилась она к молчаливому Чуйкевичу. — Идите в сад, там Катря яблоки собирает.

Мотря и Чуйкевич вышли. Кочубеиха приготовилась высказать гетману свое недовольство его поведением, отчитать, но вдруг в голове ее мелькнула догадка: «А что, уж не хочет ли он Мотрю за Андрия сватать? Может,

недаром и оделся так нарядно и говорит намеками?»

Мысль пришла ей по душе, недовольство сразу растаяло.

— Ну, теперь рассказывай, Иван Степанович, какое у тебя слово петушиное,— приветливо обратилась она к гостю.— Да не желаешь ли сначала покушать? Может, мальвазии своей любимой, или венгерского рюмочку, или наливки моей отведаешь?— захлопотала Кочубеиха.

Василий Леонтьевич, сидевший на краешке скамьи и ожидавший от жены бурной сцены, даже хмыкнул от изумления: «Ой, хитрит что-то баба. Недаром гетмана обхаживает».

— Или отобедай с нами, Иван Степанович, уж чего лучше. Вареники-то мои сам не раз хвалил,— упрашивала хозяйка.

— Подожди, кума. Давайте прежде о деле поговорим, пока никто не мешает,— степенно отозвался гетман.

— Дело, оно того... и за обедом можно,— вставил давно уже проголодавшийся хозяин.

— Нет, у меня нынче с вами разговор особый. Я ведь к вам сватом...

— Ох, да что ты, Иван Степанович! Кого у нас сватать? Катря просватана, а Мотря молода еще,— притворно недоумевала Кочубеиха, а у самой от радости сердце так и ёкало: «Дай бог, дай бог, лучшего желать нам нечего. Такого жениха, как Андрий, не скоро сыщешь...»

— Мы с тобой, Василий Леонтьевич, приятели старые,— продолжал гетман, обращаясь к судье.— Не первый год хлеб-соль водим... И служба моя, и род мой, и дела мои тебе ведомы... Худого ни тебе, ни семейству я не чинил, а ежели иной раз несогласие какое у нас выходило, то, сам рассуди, у кого сего не бывает...

— Это уж, чего уж,— вздохнул хозяин, опасливо поглядывая на жену. Но, увидев на лице ее добродушие, добавил:

— Милости твои мы помним, Иван Степанович. Плохого не видели. Говорить нечего...

— А ежели так, то прошу, без лишних слов, в просьбишке моей не отказать и благословить Мотроненьку...

— Ох, да как же так, сразу-то,— перебила Кочубеиха.— Они ведь и не поговорили как следует... Да и будет ли она согласна, мы неволить не хотим...

— У нас согласие полное,— усмехнулся гетман,— за вами дело стало...

— Уж не знаю, как и ответить,— заволновалась Любовь Федоровна.— Конечно, мы с малых лет Андрия знаем, а все-таки...

Гетман опять усмехнулся, привычно тронул рукой правый ус, негромко кашлянул:

— Я не за племянника прошу, а за себя сватаю... гетманшей будет...

У Кочубеихи от такой неожиданности ноги подкосились. Она охнула, грузно осела на лавку. По лицу быстро расплылись багровые пятна. Василий Леонтьевич недоумевающе захлопал глазами.

Тут дверь скрипнула, подслушивавшая разговор Мотря не выдержала, вбежала, схватила за руку гетмана, подвела к матери, упала на колени:

— Мамо... Благословите... Люблю его...

«Господи Исусе, что же это такое? Колдовство... чары... или мерещится мне?» — подумала Кочубеиха. Она даже незаметно ущипнула себя, почувствовала боль, хотела встать и не смогла. Страшно было ей понять происходившее сейчас.

Дочь храброго полтавского полковника Жученко, смелая на язык и строгая в семье, Любовь Федоровна была вместе с тем очень набожной. С годами все сильнее становилась ее вера, более суровым представлялся бог, карающий грешников. Старик гетман, сватающий крестницу,— это было ужасно. Но одно это еще могла бы понять Кочубеиха... Другое, более жуткое и греховное дело связывалось в мыслях ее с этим сватовством... Двадцать лет назад, бог знает как и чем, смутил дьявол молодую жаркую кровь Кочубеихи... Тут же, в Батуринском замке гетмана, узнала она сладость тайной, запретной любви... Правда, связь ее с Мазепой длилась недолго, Кочубеиха первой порвала ее... Сама же, через два года, чтоб не смущали больше греховные помыслы, настояла на том, чтоб крестил гетман дочь, зачатую от мужа... Но все же греха своего ни забыть, ни простить не могла Кочубеиха.

И вот теперь этот человек... этот старик без стыда и совести... сватает ее дочь, свою крестницу...

— Господи, грех-то какой, грех какой,— прошептала она.

— Грех не велик, я уже с попами толковал, церковь разрешит,— спокойно отозвался гетман.

— И ты... еще смеешь?— задыхаясь от гнева, поднялась наконец Кочубейха.— Ты... крестный, старик... Нет, ты колдун, дьявол!— сразу перешла она на визгливый крик.— Уйди, уйди!.. Не смей ее трогать... бесстыжий...

Она резко схватила Мотрю за руку, отдернула от гетмана.

— А ты... с тобой я разделаюсь. Думать об этом не смей... Слышишь?

— Мамо! Мамо! Пожалейте...

Кочубейха рассвирепела. Она ударила дочь по щеке, хотела схватить за волосы. Мотря ловко увернулась, отскочила к двери. В ее больших глазах вспыхнуло злобное упрямство.

— А вот не будет по-вашему! Все равно не будет! Так и знайте!— крикнула она с порога и, хлопнув дверью, исчезла.

Кочубейха бросилась за ней. Василий Леонтьевич, не любивший скандалов, тоже хотел скрыться, но гетман удержал его за рукав.

— Подожди, Василий. Я твоего слова еще не слышал...

— А я чего уж,— растерянно улыбнулся судья и пожал плечами.— Как жинка... Конечно, я бы, может... Да ведь крестный ты ей, люди осудят. Негоже...

— Эх, Василий Леонтьевич,— вздохнул гетман,— смотрю я на тебя и диву даюсь. Был ты казак, бывало, лошадей диких объезжал, а ныне на жинку злоречивую мундштука наложить не можешь... Что ж, смотри сам... Токмо запомни: где хвост всем заправляет, там добра не бывает. Прощай...

Гетман уехал. Мотрю мать разыскала в саду, заперла в чулан под строгий караул на хлеб и на воду...

III

Мазепа любил крестницу...

До сих пор многочисленные романы не оставляли в его сердце сколько-нибудь прочного следа. А умершая три года назад жена прошла в его жизни совсем незаметно⁷.

Теперь, на склоне лет, добившись почета и славы, разделившись со всеми своими врагами, гетман все чаще и чаще чувствовал тяжесть одиночества.

Каждое дело требовало известного доверия к людям, тайные дела требовали особого доверия, — гетман, наученный горьким опытом собственной жизни и своих поступков, доверять никому не мог.

Это с годами болезненно усилившееся недоверие к людям, привычка постоянно лгать и двоедушествовать родили в его душе страстную, тайную тоску по близкому и любимому существу, которое безраздельно принадлежало бы ему, от которого не надо было бы ничего таить.

Детей Иван Степанович не имел. Он приблизил к себе племянника, сына умершей сестры — Андрия Войнаровского. Мальчик подавал надежды, обожал дядю. Но он был слишком самостоятелен и слишком чувствителен к таким понятиям, как добро, честь и прочие добродетели. Он мог когда-нибудь сделаться опасным. Мазепа послал его учиться за границу.

А тоска не рассеивалась, одиночество продолжало давить...

И вот появилась Мотря. Крестница. Худенькая девочка, с большими, ласковыми глазами и длинными черными косами. Гетман выучил ее грамоте. Баловал подарками. Она стала частым гостем в замке.

Она была шаловлива, любила петь и плясать. Дома — скучно, мать часто ругалась, заставляла молиться и работать. Здесь — всегда приветливый, остроумный крестный. Он усаживал ее на покрытый пушистыми коврами диван, угощал невиданными лакомствами. Рассказывал про свои приключения, про походы. Внушал, что главное в жизни — богатство и слава и что цель оправдывает средства.

Мотря соглашалась. Она была равнодушна к средствам, она хотела жить, как он.

Время шло. Мотря выровнялась в стройную, красивую девушку. Мазепа старел. Он понимал, что такое разница лет, и не хотел переступать границы, стараясь обращаться с крестницей, как прежде...

А она привязывалась к нему все крепче. Ей нравился его замок, его гетманский наряд, его осанка, его лицо, его глаза...

Однажды он шутливо намекнул Мотре, что полковник Анненков, начальник стрелецкого отряда, находившегося в Батурине, хочет за нее свататься. Мотря вспыхнула и раскатиризначалась: она никогда не пойдет замуж, ей все противны, она уйдет в монастырь...

Гетман обнял девушку, стал утешать, сознался, что пошутил.

Неожиданно Мотря прижалась к нему, крепко обвила его шею руками, полузакрыв глаза, зашептала:

— Я тебя одного... тебя одного люблю...

И горячо поцеловала его в губы. И убежала.

Мазепа остолбенел. Рассудок отказывался повиноваться. Он понял, что больше уже не в силах бороться с собой...

С тех пор между ним и крестницей установились новые, покрытые тайной для всех, отношения. Правда, некоторые батуринские сплетницы, часто видя гетмана с красавицей крестницей, делали уже выводы о его «безумии», но родные Мотри ничего не замечали. Девушка быстро переняла от гетмана искусство скрывать свои чувства, жить двойной жизнью.

Она любила крестного и уже видела себя гордой и властной гетманшей.

...Приезд Андрия ускорил решение Мазепы жениться на крестнице. Иван Степанович, заметив, что Андрий смотрит на девушку слишком восторженно, сразу почувствовал в племяннике серьезного соперника. Он в ту же ночь вызвал Войнаровского к себе и отправил с письмом к Меншикову в Киев.

Когда утром взволнованная Мотря прибежала в замок сообщить, что мать прочит ей в женихи Андрия и готовит сегодня парадный обед для него, гетман улыбнулся:

— Эх, жаль, вареники пропадут... Скажи, беда какая, Андрий-то мною в царскую ставку послан...

Он обнял Мотрю, поцеловал и добавил:

— Я, моя любонько, хочу попытать счастья родных твоих уговорить. Свататься за тебя поеду...

— Ох, как бы хуже не вышло, боюсь я,— потупилась Мотря.

— Надо же когда-нибудь решать, серденько мое... Э, да у тебя и слезки никак в глазках. Ну, зачем же прежде времени, Мотроненько?

— Сама не знаю... Сердце что-то нехорошее чует...

— Бог даст, все хорошо будет. Не дадут согласия — тайком повенчаемся... Лишь бы ты меня любила, Мотроненько...

— А я, хоть буду за тобой, хоть не буду, до смерти одного тебя любить обещаю, так и знай! — пылко ответила Мотря, обнимая гетмана.

IV

После неудачного сватовства, тщательно скрываемого от посторонних, отношения Кочубеев с Мазепой внешне оставались прежними. Василий Леонтьевич как генеральный судья находился по-прежнему при гетмане, пользовался его благоволением. Однако старая, дружеская приязнь, которая существовала между ними до сей поры, исчезла.

Мазепа не мог простить Кочубею отказа в сватовстве, не мог ни на минуту забыть, что Мотря находится под постоянным, строгим надзором.

Через дворовую девку Кочубеев Мелашку гетман установил с крестницей тайную переписку.

«Моя сердечне коханая Мотроненько, — писал гетман, — поклон мой отдаю вашей милости, мое серденько, а при поклоне посылаю гостинцы, — книжечку и перстень диаментовый. Прошу их принять, а меня любить по-прежнему...»

Мотря отвечала: она не может без него жить, она скучает, мать ее мучает.

«Пусть того бог с душою разлучит, кто нас разлучает, — отзывался Мазепа. — Знал бы я, как врагам отмстить, только ты мне руки связываешь... Прошу, мое серденько, найти какой-нибудь способ встретиться со мной и поговорить».

Мотря такой способ нашла.

Как-то зимней ночью, когда гетман испытывал особенный прилив тоски, в дверь тихо постучались. Мазепа открыл. Похудевшая, но вся сияющая радостью, Мотря бросилась к нему на шею.

— Я убежала... Никто не знает... Посылай за попом... Скорей... Тогда уж нас не разлучат, — торопливо заговорила девушка.

— Ты успокойся, моя любонько. Ишь ведь, дрожишь вся. Садись сюда к печке, обогрейся...

Мазепа быстро и трезво оценил положение. Конечно, он любит Мотрю и хочет, чтобы она вечно жила с ним... Но она убежала тайком, родные поднимут тревогу, произойдет крупный скандал, имя гетмана будет замарано...

Он не ошибся. Не успела Мотря согреться, как послышался далекий набат. Это Кочубеи, жившие в двух вер-

стах от гетманского замка, догадавшись, что Мотря убежала к гетману, приказали ударить в колокол.

Многочисленная кочубеевская челядь, вооруженная ружьями и дубинами, собралась у крыльца. Кочубеиха рвала на себе волосы, поносила гетмана последними словами. Василий Леонтьевич, испуганный, полуодетый, хватаясь за голову, кричал:

— Горе мне, горе! Омрачился свет очей моих! Обошел меня кругом мерзостный стыд. Не могу смотреть людям в лицо. Срам и поношение! Бейте, бейте в колокола, да всяк видит бедство мое!

Толпа направилась к замку. Мазепа испугался, отослал Мотрю к родителям с полковником Анненковым.

Попав опять под строжайший надзор родных, девушка не смирилась. Она продолжала упрямо твердить, что любит гетмана и все равно ни за кого другого замуж не пойдет. Однако ее уверенность в любви крестного на какое-то время поколебалась. Убегая к нему, она думала, что он немедленно пошлет за попом и уже не отпустит ее от себя. А он испугался...

В записке, отосланной с Меланьей крестному, она горько жаловалась на свою судьбу и укоряла его.

«Мое серденько,— отвечал ей гетман,— опечалился я, что ты обижаешься на меня за то, что я не задержал тебя при себе, а отослал домой. Но подумай, что из того вышло бы? Твои родичи на весь свет разголосили бы, будто я украл у них дочь и держу у себя наложницей. Вторая причина: если бы ты осталась у меня, мы стали бы жить, как муж и жена, а потом пришло бы неблагословение от церкви и запрещение нашего брака... Что бы я тогда делал?»

В другом письме он опять писал ей:

«Сама знаешь, как я сердечно и страстно люблю тебя. Еще никого на свете не любил так. Мне бы счастье и радость, чтоб ты жила у меня, только я знаю, какой конец может из этого быть при такой злобе твоих родных. Прощу, моя любонько, не сомневайся ни в чем, я пока жив буду — тебя не забуду...»

Письма гетмана, наконец, успокоили Мотрю, но отношения с родными продолжали оставаться прежними. Мать не спускала с дочери глаз, постоянно попрекая ее тем, что она опозорила семью. Мотря выходила из себя, словно безумная, рвала на себе платье, иной раз даже плевала на

отца и мать. Родители приписывали ее поступки колдовству гетмана.

Наконец Мазепа нашел выход из положения. В ответ на сообщение крестницы, как ей невыносимо тяжело жить дома, он тайно советует:

«Если они, проклятые, так тебя чураются, иди в монастырь, а я буду знать, что мне тогда делать с тобой...»⁸

Мотря на несколько дней присмирела, потом стала проситься на время в Пушкарровский монастырь, близ Полтавы, где игуменьей была ее тетка. Кочубеи, подумав, дали согласие.

...В один из майских вечеров кочубеевская карета, запряженная четверкой одномастных серых лошадей и сопровождаемая вооруженными конными челядниками, остановилась на ночевку у богатой хаты знакомого Кочубеям мельника.

Девка Мелашка, ехавшая с Мотрей, быстро перетащила в горницу вещи панночки, накрыла скатертью стол, расстелила ковры. Мотря смотрела на эти хлопоты равнодушно. Ее бледное лицо было печально. Глаза безжизненны. Густые черные косы расплелись в дороге, она даже не подумала привести их в порядок. Она села у окна, погрузившись в свои невеселые думы.

— Вы бы, панночка, приделались... Платье на вас все измято, — сказала Мелашка, доставая шелковый летник, который когда-то так нравился гетману.

— Не надо... Не к чему мне, Мелашка, — грустно отозвалась Мотря.

— А как же? А вдруг что-нибудь случится? Вдруг увидят вас в таком наряде?

— Кто же увидит? Разве вот они? — сказала Мотря, указывая в окно.

За окном раскинулся сад, пышно цвела черемуха. Под кустом сидели двое челядников с ружьями, исполняя наказ Кочубея: оберегать Мотрю пуще глаза. Двое других стояли на карауле у самых дверей хаты.

Мелашка широко распахнула окно, крикнула:

— Эй, хлопцы! Нечего сюда очи пялить, панночка одевается... Отойдите подальше да караульте лучше, а то я пану судье пожалуюсь...

Челядники отошли в сторону. Мелашка закрыла окно,

занавесила, зажгла свечи. Мотря умылась, заплела косы, надела летник,— настояла-таки на своем Мелашка.

— Вот теперь вы совсем, как прежде... Краше нет никого...

— Нет, Мелаша, видно, мне теперь не красоваться, а богу молиться,— махнула рукой Мотря.

Она достала книгу, подарок гетмана, раскрыла, сделала вид, что читает. Мелашка вышла.

«А что, если он меня разлюбил и нарочно посылает в монастырь, чтоб развязать себе руки? Что, если монастырь навеки закроет меня?» — думала Мотря.

Она вспомнила, как девчонкой ездила с матерью в этот монастырь. Вспомнила тягучий, тоскливый колокольный звон. Суровые и скорбные лики святых. Мерцание свечей. Строгое лицо тетки. Черные одежды монахинь. Ей стало жалко себя, она, опустив голову на руки, заплакала...

Сзади раздался какой-то шорох, дверь в соседнюю горницу, завешенная ковром, тихо скрипнула.

Мотря подняла голову. Перед ней стоял гетман.

— Господи! Что это! Ты... ты... коханный мой! — воскликнула она.

— Я, я, любонько моя... Не пугайся...

— Как же ты здесь? Меня караулят...

— Плохо караулят,— усмехнулся Мазепа.— А хозяин не одним Кочубеям служит. Да и Мелашка мною куплена... Я тебя с утра здесь поджидал,— кивнул он головой на дверь.— Но что с тобой, Мотроненько? Ты вся огненная... Уж не больна ли, избави бог?

— Нет... Нет... Я от радости... Я не хочу в монастырь... Я хочу с тобой... Я люблю тебя, слышишь... люблю, как бога... — почти бредила Мотря.

.

Брезжил рассвет. Пели вторые петухи.

Мазепа сидел в кресле у стола. Мотря с распущенными косами, усталая и счастливая, сидела на ковре у ног его. Широко открытые глаза ее восторженно смотрели на гетмана. Уши жадно ловили каждое его слово:

— Скоро шведы разобьют войска царя Петра... Украина станет независимым государством... Король Карл — великий полководец... Его ставленник Лещинский уже пишет мне... Они хотят, чтобы я стал королем... Владыкой

этой земли. О, тогда уже никто не посмеет сказать мне противного слова. Я сумею привязать языки знатым и держать в узде хлопков... А ты будешь королевой. Слышишь? На твоей милой головке будет корона... Золото и брильянты... Мы построим новый дворец... Только надо ждать. Год, два, не больше... Я дам тебе знать... Но пока это великая тайна. Помни. Я никогда никому ее не открывал. Ты единственная. Тебе одной верю, как себе. Чуешь любовь мою, серденько?

И он нежно гладил волосы крестницы. И она вся была полна чувством огромной любви и благодарности к нему.

В дверь тихо постучали. Час расставания приближался.

На дворе ржали лошади, люди закладывали кочубеевскую карету. Караулившие всю ночь хлопцы сидели уже на телеге.

Ждали, когда проснется и оденется панночка...

V

Между тем большие и грозные события волновали всю страну.

Война русских со шведами продолжалась.

Польские паны и войска короля Августа оказались для Петра ненадежными союзниками. Сразу дала себя знать старая неприязнь шляхты к русским. Казацкие полки Мировича и Апостола, посланные царем Петром в помощь королю, терпели от союзников-панов больше, чем от шведов.

«Паны всячески бесчестят наших людей,— писал Мирович,— хлопами и свинопасами называют, плашмя саблями бьют. Никто из наших доброго слова от них не услышит... Кричат на нас: вы теперь в наших руках, нога ваша не уйдет отсюда, всех вас тут вырубим».

В то время как русские мужественно дрались со вторгнувшимися в Польшу шведами, крикливое и чванливое панство мало заботилось о защите своей страны.

Большинство крупных панов думало только о спасении своих собственных маестностей и готово было служить кому угодно, переметываясь с одной стороны на другую, играя присягой. Как только ставленник шведов Станислав Лещинский короновался в Варшаве, а Карл одержал несколько побед над войсками Августа, многие магнаты быстро отреклись от своего законного короля, перешли на сторону Лещинского. Правительства Англии, Австрии и Пруссии,

неизменно уверявшие Петра в своих дружеских чувствах к России, поспешили признать польским королем шведского ставленника.

Однако, несмотря на это, среди польской шляхты нашлись люди, которые понимали, что шведское вторжение угрожает национальной независимости страны, что только одни русские являются надежными союзниками поляков.

Совет сандомирской конфедерации, собравшись во Львове, решительно отказался признать королем Станислава Лещинского, возобновил договор с Россией. Коронный гетман Адам Сенявский, извещая об этом Петра, просил оказать ему военную помощь. Петр ответил обещанием «взаимно по союзу все исполнить и отчизну, вольности и права ваши против насильствующего неприятеля оборонять». Русским войскам под начальством генерала Гольца, стоявшим в Бресте, было приказано оказывать всемерную помощь польским сторонникам России. Одновременно полякам была отпущена и щедрая денежная субсидия. А гетману Мазепе указано: двинуть украинских казаков для содействия Адаму Сенявскому.

Мазепа с сорокатысячным войском вступил в польские владения, разорил десятки имений, принадлежавших «отшатнувшимся к шведам» изменникам Потоцким, Лещинским и прочим знатым панам, не забыв при этом присвоить часть их богатств. Он занял несколько городов, заложил свою квартиру в городе Дубно.

Сюда прибыл к нему из Гродно прилуцкий полковник Горленко, бывший наказным атаманом казацкого отряда, посланного в Литву.

Вздорный и заносчивый полковник, приходившийся по жене дальним родственником гетману, не выполнил какого-то приказа русского командования, получив за это справедливый выговор. Горленко обозлился, затеял ссору с русским генералом и был отстранен от должности.

Теперь, стоя перед гетманом, топорща рыжие усики и размахивая руками, Горленко без разбора обливал всех грязью:

— Русские нашу братию, казаков, решили уничтожить... Уж чего только над нами не делают. И голодом мортят, и бьют, и поносят... А офицеры прямо говорят, что нас, казаков, скоро всех переведут, солдатами сделают.

Мазепа знал, чем вызвано раздражение полковника, знал, что веры его словам давать нельзя, но возражать не

стал, а напротив, тонко постарался усилить его озлобление.

— Что ж, — притворно вздохнул гетман, — такова, видно, воля государя, терпеть надо...

— Сил нет терпеть! — сверкнув злыми глазками, пылко воскликнул Горленко. — Думай, гетман... А ежели что надумаешь, — казацкая старшина благодарить будет. Хватит, повоевали...

Полковник, шумно хлопнув дверью, вышел. Уехал домой. Мазепа не препятствовал.

На другой день он получил приглашение от старой своей знакомой княгини Дольской приехать к ней в имение Белую Криницу крестить внучку.

VI

Княгиня Анна Дольская, урожденная Ходоровская, была замужем дважды. Первый раз — за князем Вишневецким, второй — за князем Дольским, великим маршалом литовским, умершим десять лет назад.

Княгине было уже за пятьдесят, но она и теперь не потеряла своей привлекательности.

Ее неполное, холеное тело, стройная фигура, восхитительная улыбка и синие глаза, опущенные длинными ресницами, вызывали и сейчас зависть многих молодых титулованных пани, начинавших полнеть с тридцати лет и потому полагавших, что княгиня знает какой-то особый секрет сохранения молодости.

Княгиня была опытная интриганка.

Она ненавидела русских и всей душой была на стороне шведского ставленника Станислава Лещинского, приходившегося ей дальним родственником, хотя сыновья ее от первого брака, князья Януш и Михаил Вишневецкие, держались партии короля Августа. Такое положение давало ей огромные преимущества в крупной игре, которую она вела. Она знала все ходы партнеров.

С Мазепой княгиня встречалась еще в Варшаве. Несколько раз встречалась и после. Гетман ей нравился. В конце концов он был шляхтич. Его наружность, образование, ум, ловкость оставляли приятное впечатление. Его честолюбие?.. Об этом княгиня думала много, этот вопрос ее очень интересовал.

Ивана Степановича приняли в великолепном княжеском замке приветливо.

Он крестил с Дольской внучку — дочь князя Януша. Вечером, тряхнув стариной, танцевал с кумой мазурку. Общество говорило по-польски, русской речи не слышалось.

Здесь все пахло Польшей, настоящей старой Польшей.

Изящная мебель, костюмы, картины, посуда. Лакейские ливреи. Звон шпор. Очаровательные пани.

— А помните в Варшаве, гетман?

— А какая чудесная охота была у Радзивиллов?

— А как добр был покойный король?

Мазепа вспомнил. Варшава, молодость! Нет, по совести говоря, он не жалел, что променял на гетманскую булаву саблю шляхтича. В шляхетский гонор он не верил. Но молодость... молодость всегда приятна. Ей прощается многое.

Будуар княгини был пропитан тончайшими духами. Неуловимо знакомый запах! В нем что-то близкое, давно забытое... У гетмана чуть-чуть закружилась голова.

— Ах, я всегда рада видеть вас, мой друг... Вы такой редкий наш гость...

Маленькая ручка княгини легла на его руку. Тонкие длинные пальцы сверкнули брильянтами.

— Вы совсем не стареете, вы все такой же...

— Это комплимент, княгиня...

— Нет, нет. Чистая правда. И, между нами, гетман: говорят, что ваша юная казачка — я забыла ее имя — восхитительна... Я понимаю ее и немножечко ревную...

Княгиня не стеснялась. Мазепа непривычно покраснел.

— Вы тоже почти не изменились, княгиня... По-прежнему любопытны...

— О, что вы хотите? Мы женщины. У вас политика, война, — нам остаются любопытство и сплетни... Но, надеюсь, вы не обиделись, мой друг? Да, между прочим... Вы слышали новость? Говорят, наш добрый король Август уже потерял половину своих саксонских владений... Надо сознаться, шведы не тратят времени напрасно... Мне кажется, они скоро разобьют и войска царя Петра...

— Вы забываете, княгиня, что я служу его величеству...

— Простите, гетман... Эта наша женская логика! Она ни к чему не обязывает. Мои сыновья... вы знаете, они тоже против шведов... Король Станислав не раз приглашал их к себе, но они остались верны бедному Августу, хотя его игра, кажется, проиграна... Впрочем, не будем касаться

политики. Это не мое дело. Расскажите, как вы правите своими казаками?

— Это тоже политика, княгиня, — улыбнулся Мазепа.

— Нет, нет. Политики я не хочу. Довольно, довольно! — смеясь, замахала руками княгиня. — Но что поделаешь, мой друг, — вздохнула она, — если сейчас такое время, когда вся наша жизнь строится на одной скучной политике... Да вы знаете, недавно я была в гостях у фельдмаршала Шереметева... Старик очень мил, неправда ли? И мы вспоминали вас...

— Ну, моим старым косточкам, наверно, не поздоровилось. Фельдмаршал не очень-то меня жалуется...

— Напротив. Он отзывался о вас с большим уважением... Хвалил ваши военные знания, рассказывал, что государь хотел поручить вам какое-то важное дело, и если б не князь Александр Данилович...

Мазепа насторожился. Он давно не любил царского фаворита Меншикова. Знал, что тот чинит ему разные помехи. Разговор становился интересным.

— А вы не припомните, княгиня, о каких делах шла речь?

— Нет, нет, я плохо в этом разбираюсь... Что-то такое о переменах в казацком управлении. О каких-то реформах на Украине. Но князь Меншиков высказывался против вас... Запомните. Я хочу по-дружески предупредить: берегитесь князя. Генерал Рене тоже мне говорил, будто князь роет под вами яму и желает сам сделаться гетманом...

Стрела, пущенная искусной рукой, попала в цель.

Все прошлые годы между царем и гетманом были самые лучшие отношения. Петр высоко ценил Мазепу. Они часто обменивались письмами. Когда гетман приезжал в Москву, его принимали, как владетельного князя, одаривали богатыми подарками. В угоду ему делались десятки поблажек. Но за последнее время эти отношения почему-то изменились. Подарки становились все реже, строгие указы поступали все чаще. Может быть, Петру, по горло занятому военными делами, просто было не до гетмана, но подозрительность Мазепы настойчиво искала скрытых причин охлаждения царя. Теперь эти причины казались ясными...

И как ни старался гетман скрыть охватившее его неприятное волнение, он не мог этого сделать. Княгиня

поняла, что честолюбие Мазепы оставалось истинно шляхетским...

Гетман погостил в замке три дня. Уезжая, он не отказался взять цифирную азбучку, любезно предложенную ему кумой. Дольская обещала сообщать ему все, касающееся польских дел и лично его, гетмана.

VII

4 июля 1706 года царь Петр прибыл в Киев.

Он был сильно встревожен слухом, будто Карл намерен двинуть свои войска на Украину. Вместе с Меншиковым и встретившим его здесь гетманом царь немедленно занялся укреплением города. У Печерского монастыря заложили фортецию. Крепостные работы приказано производить казакам под личным наблюдением гетмана.

Здесь же царь сделал второе распоряжение: идти Меншикову с кавалерией на Волынь, а Мазепе содействовать князю, исполнять все, что тот прикажет.

В другое время гетман, может быть, спокойно отнесся бы к такому указу, но теперь он увидел в этом умышленное желание царя унижить его.

— Вот, — жаловался он своему писарю Орлику, — вот какое награждение мне при старости за многолетнюю верную службу. Велят стать под команду Меншикова. Не обидно бы было, если б меня отдали под команду Шереметева или иного какого-нибудь великоименитого и от предков заслуженного человека. А то нет, приказали стать под команду пирожника...

Тут как раз пришло письмо от кумы Дольской.

Княгиня цифирью писала, чтоб Мазепа начинал задуманное дело, уверяла в скорой помощи шведских войск и обещала, что ему будет прислана ассекурация короля Станислава и гарантия короля шведского.

Гетман, выслушав письмо, которое читал ему Орлик, вскочил с постели и начал бранить княгиню:

— Проклятая баба обезумела! Прежде меня просила, чтоб царское величество принял Станислава в свою протекцию, а теперь пишет совсем другое. Беснуется баба! Возможное ли дело, оставив живое, искать мертвого, и, отплыв от одного берега, другого не достичь. Станислав и сам не крепок на своем королевстве. Речь Посполитая раздвоена... Какой же может быть фундамент безумных

прельщений этой бабы? Состарился я, верно служа царскому величеству. Не прельстили меня ни король польский Ян, ни хан крымский, ни донские казаки, а теперь, при кончине века моего, единая баба хочет меня обмануть...

Тут же гетман продиктовал следующий ответ княгине:

«Прошу вашу милость оставить эту корреспонденцию, которая может меня погубить в житии, гоноре и субстанции. Не надейся и не помышляй о том, чтобы я при старости моей изменил его царскому величеству...»

Подписав ответное письмо, Мазепа запечатал его, положил на стол. Но когда Орлик вышел, гетман взял письмо в руки, повертел, словно раздумывая, что делать, и бросил его в огонь...

Прошло несколько дней. Мазепа устроил парадный обед в честь государя. На обед были также званы Меншиков, некоторые вельможи, генеральная старшина, среди которой был и Кочубей.

Царь весело и благодушно разговаривал с гетманом, много шутил и пил.

В конце обеда Меншиков, будучи «маленько шумен и силен», как выражается очевидец, отвел гетмана в сторону, начал что-то шептать ему на ухо.

Однако некоторые полковники, находившиеся поблизости, кое-что успели услышать.

— Пора приниматься за врагов, Иван Степанович, — сказал князь.

— Не пора, — громко ответил Мазепа и моргнул полковникам, давая знак, что разговор касается их.

— Не может быть лучшей поры, как ныне, когда здесь его величество с армией, — продолжал Меншиков.

— Опасно будет, Александр Данилович, не окончив одной войны, другую начинать, внутреннюю, — возразил гетман, делая особое ударение на последнем слове.

— Их ли, врагов, опасаться и щадить?! — воскликнул князь. — Какая от них польза его царскому величеству?.. А ты прямо верен, но надо тебе знамение верности явить и память по себе вечную оставить. Чтоб и впредь будущие государи видели, что один был верный гетман — Иван Степанович Мазепа, который такую пользу государству Российскому учинил...

Дело касалось своевольных запорожских ватаг, — они недавно потопили на Днепре государевы корабли и чинили всякие другие неприятности. Запорожская вольница на-

падала и на маетности богатою казацкой старши́ны. Гетман сам не раз настаивал на необходимости уничтожить «тех псов-запорожцев».

Но так как полковники всего разговора не слышали, а дошедшие до них слова были мало понятны, Мазепа решил придать им совсем иной смысл.

Проводив высоких гостей, он вернулся к оставшимся близким людям из числа казацкой старши́ны и спросил:

— Ну, слышали?

— Слышали,— ответили те.

— Вот всегда мне ту песенку поют и в Москве и на всяком месте,— сказал гетман.— Не допусти токмо, боже, задуманного им исполнить...

И он объяснил, что разговор шел о переменах в казацком управлении: будто Москва желает старши́ну искоренить, города отобрать, поставить в них своих воевод или губернаторов, казаков перегнать за Волгу, а Украину своими людьми осадить...

— Да возможно ли это, пане гетман? — усомнился Василий Леонтьевич Кочубей.— Раньше его величество никогда такого намерения не имел...

— Эх, пан судья! — перебил его, вытирая платком лысую голову, обозный Ломиковский.— Будешь локти кушать, да поздно!

— Нам давно пора о себе помышлять,— добавил полковник Лубенский.— Конечную погибель нам царское величество готовит — вот что!

Долго еще кричала старши́на. Мазепа сидел в кресле, крутил ус, слушал молча, внимательно.

Толстый, кривой миргородский полковник Даниил Апостол — сват Кочубея — подошел к гетману, низко поклонился:

— Очи всех на тя уповают... Не дай боже тебе смерти, а то останемся мы в такой неволе, что и куры нас загребут...

Выступил и Горленко. Не скрывая своей злобы против русских, он высказался откровеннее других, требуя немедленных действий.

Выслушав всех, Мазепа встал, перекрестился на образ.

— Бог свидетель, как я за вас всегда радею... Буду и теперь с царским величеством говорить, чтобы права и вольности наши не рушил. А ежели его величество надежды не даст, я вас извещу, придется начинать дело по-иному. Пока языкам воли не давайте, надейтесь на

меня и на милость государя, — добавил Мазепа, провожая гостей.

Сегодняшним вечером он остался доволен. Его слова даром не пропадут, брошенное ядовитое семя будет расти.

Опасен один... Василий Леонтьевич Кочубей. Мазепа знал это.

Но кто поверит судье, если гетман прежде него донесет обо всем, по-своему, куда следует?

Мазепа закрыл дверь, сел к столу, подчистил перо.

«Ваша ясновельможность, Павел Петрович, — писал гетман. — По совету вашей милости ныне тайно беседовал я с генеральной старшиной и полковниками. Дабы все их помыслы были мне ведомы, нарочно соединился с их малодушным недовольством, которое они, особенно полковник миргородский, оказывают против людей великороссийских, о чем буду вам в скором времени чинить особую ведомость... Ежели судья генеральный по давней своей злобе ко мне, о чем твоей милости ведомо, сочинит пашквиль, — прошу оному веры не давать, ибо бог мне свидетель, как я денно и ночью о делах его величества радею...»

Писал Мазепа это письмо в Посольский приказ тайному секретарю Павлу Петровичу Шафирову, бывшему с ним в большой дружбе.

VIII

Шведский король Карл был горяч, упрям, честолюбив.

Одержав в 1700 году победу над войсками царя Петра под Нарвой и выиграв несколько сражений в Польше, он уже мечтал о лаврах великого завоевателя. Он не хотел слышать ни о каком мире. Он жил войной. Его раздражала слава Александра Македонского и Юлия Цезаря. Описания их походов он знал наизусть.

Осторожный и умный советник короля, первый министр граф Пипер надоедал своими ежедневными скучными докладами:

— Армия убывает, ваше величество, денег не хватает, продовольствие доставать все труднее...

— Слышал, сто раз слышал, граф, — морщась, отвечал король. — Я возьму Саксонию, там всего вдоволь...

— Поход туда может вызвать неудовольствие всех европейских государей, ваше величество, — возражал Пипер.

— Я заставлю их считаться не только со своим удо-

вольствием. Вот увидите, граф, они не посмеют сказать слова...

На этот раз король оказался прав.

Шведские войска заняли Саксонию. Король Август, испугавшись потери своих наследственных богатых саксонских владений, поспешил заключить с Карлом тайный мир. Он отказался от союза с русскими, отрекся от польской короны, признав законным королем шведского ставленника Станислава Лещинского. Но этим он не спасся от огромной военной контрибуции, которой шведы обложили его владения.

После свидания с Августом Карл заметил:

— Этот король труслив, лжив и двуличен. Я не завижду царю Петру, что он связался с таким фальшивым человеком...

В Альтранштадт, где остановился Карл, спешили представители всех европейских дворов. Все поздравляли молодого полководца с блестящими успехами, признавали польским королем Станислава.

Министры и резиденты Англии, Франции, Голландии, Пруссии были почтительны и льстивы.

Английский герцог Мальборо при свидании с Карлом сказал:

— Если бы пол не препятствовал моей королеве, она сама приехала бы сюда, чтобы видеть государя, возбудившего удивление всей Европы. Я счастливее моей государыни, но был бы еще счастливее, если б мог совершить несколько походов под знаменами вашего величества, чтобы дополнить мое военное воспитание...

Карл грелся в лучах своей славы. Он по-мальчишески издевался над осторожным Пипером и не хотел слушать ничьих советов. Его не тревожило, что русская армия, прошедшая школу войны, уже одержала свои первые победы над шведами на берегах Балтики.

Голландский министр от имени царя Петра предложил ему обсудить вопрос о возможном мире. Петр не хотел длительной войны, он щадил русскую кровь.

Карл рассмеялся:

— А вот как я подойду поближе к рубежу государства Петрова, тогда услышу, как он заговорит...

Вопрос о мире Карла не интересовал. Он готовился к походу на Москву. Древняя русская столица казалась ему совсем близкой...

IX

Царь Петр превосходно понимал Карла.

Получив известие, что король не хочет слышать о мире, он ответил:

— Хорошо... Карл мнит себя Александром Македонским, но во мне он не встретит Дария...

Петр не походил на честолюбивого шведского короля. Не безрассудное упрямство владело им, а упорство человека, умудренного опытом жизни, знающего свои силы и возможности. Его огромный ум был направлен сейчас к единой цели: защите своей страны. Он много и упорно трудился. Он думал о любой случайности, вникал в каждую мелочь.

Пока шведские войска отъедались на вольных саксонских хлебах, русская армия непрерывно пополнялась новыми силами⁹.

В Альтранштадтском замке веселились с утра до ночи. Балы, приемы, охота...

В глухом местечке Жолква, в царской резиденции, жизнь шла буднично.

Петр вставал рано, до солнца. Выпивал рюмку анисовой, наскоро закусывал огурцом. Шел осматривать только что присланные из Тулы пушки и мортиры. Залезал рукой в жерла орудий, пробовал крепость лафетов. Опытный глаз сразу отмечал недостатки: винты поставлены старые, колеса гнуты слабо...

Лицо царя хмурится. Неотлучный Меншиков привычно ждет распоряжений.

— Немедля учини сыск о присылке негодных мортир... Сколько раз говорено, сколько раз писано... Все без пользы. Жесточью нерадение и воровство искоренять надо... Также прикажи...

Царь не договорил. Мимо, по дороге, шла пехотная часть. Ни барабана, ни песен. Солдаты смотрят под ноги, тщательно обходят лужи, боясь запачкать только что выданные новые сапоги. У многих кафтаны расстегнуты, шапки сдвинуты в разные стороны. Командиров, офицеров не видно. Рябой, старый унтер равнодушно шагает сбоку.

Размахивая руками, брызгая грязью, царь подбежал к передним рядам.

— Стой! — грозно закричал он, останавливая часть. — Какого полка? Кто ведет? Где начальник?

Рябой унтер испуганно шагнул вперед:

— Второй батальон пехотного Псковского... Только вчера прибыли...

— Кто командир?

— Его сиятельство князь Мещерский.

— Офицеры?

— Поручик Тишин, прапорщики...

— Почему не в строю?

— Их благородия изволят почивать...

— Спят? Спят, сукины сыны? — задохнулся от гнева Петр.

— Так точно, — подтвердил унтер. — Приказано батальон вести без них... Приедут на ученье позже... когда встанут...

Петр судорожно сжал кулаки. Почувствовал — теряет волю. Оглянулся. Меншиков был здесь.

Увидев покрытое багровыми пятнами лицо царя, князь испугался.

— Не изволь кровь свою тревожить, мин херц... Доктур наказывал...

Петр не слышал. Поймал руку Данилыча, стиснул до боли.

— Офицеры, мать их... Повесить мало...

— Ленивы, дьяволы, обайбачились маменькины сынки. Ожирели... Вылечим ужо... Ты себя-то пожалей, ваше величество, — тихо и душевно успокаивал князь.

Петр благодарно посмотрел ему в глаза. Вытер рукавом лоб.

— Всех этих офицеров немедленно под арест и в солдаты. Всем лежебокам ведомость сочини без поблажек... Солдат военному делу по артикулу учить. Изрядно еще в науке воинской скудны... Их, — кивнул он на солдат, — сам ответи... Мне сегодня неуправно...

— Смирно! Барабаны вперед! Животы подтянуть! Ворон не ловить! Солдат — не баба. Вперед... ступай! — скомандовал князь и, придерживая рукой саблю, молодежато зашагал впереди подтянувшегося батальона.

Петр достал трубку, набил табаком, жадно глотнул дым. Солнце только что показалось. Впереди предстоял большой, трудный день.

Х

В конце апреля 1707 года царь Петр созвал военный совет.

В царской комнате, низкой и темной, собрались генералы и ближние люди. Узкоплечий, худой и бледный царевич Алексей сидел на походной кровати рядом с фельдмаршалом Шереметевым, толстое, бабье лицо которого хранило невозмутимое равнодушие. Против, на длинных скамьях, покрытых коврами, расположились канцлер Головкин, Меншиков, генералы.

Мазепа, приглашенный на совет личным письмом царя, стоял у окна с круглолицым розовым здоровяком Шафировым, недавно получившим титул вице-канцлера. Гетман вполголоса рассказывал что-то веселое. Шафиров, полукрыв рот рукой, часто, приглушенно смеялся.

— А ты бы, Иван Степанович, погромче... Чаю, опять про амурный антирес речи? — хитро подмигнув царевичу, вмешался Меншиков.

Он многое слышал про любовные похождения гетмана и как раз сегодня утром потешал ими царевича.

Угрюмое лицо Алексея на минуту оживилось:

— Гетман зело изрядный амурант...

— Ну, какой уж я амурант, ваше высочество, при моих-то годах, — махнул рукой Мазепа. — Стрелы купидоновы ныне моей особе не страшны. Вот раньше...

Не досказал. Шумно вошел царь. Все встали. Петр был не в духе. Сбросил на кровать запачканный грязью кафтан, строго посмотрел на собравшихся.

— Сидите... Чего там...

Заметил на окне жбан с квасом, подошел, хлебнул. Поморщился: квас теплый.

— Вина бы холодного, — вскочил с места Меншиков.

— Сиди, — остановил его царь, — не надо... Важные дела решать будем, господа совет, — обратился ко всем. — Вам уже известно, что сия война со шведом над одними нами осталась... Паны наобещали много, а ныне у короля банкетуют да бражничают... Воевать одни будем...

— Оно и лучше, — вздохнул Шереметев. — Я давно говорил, что от панов доброго вовек не дожждаться...

— А шведы нынче, слышать, в силах-то убавились, — вставил Меншиков.

— Не убавились, а прибавились, — строго перебил

царь.— А посему в польских владениях генеральную баталию неприятелю давать не разумно... Иные способы нужны, господа генералы... А прежде всего надлежит немедля зело голые рубежи наши укрепить и города к обороне устроить. Господа шведы хотя и не думают пока из Саксонии выходить, однако лучше все заранее упредить... Тебе, гетман,— повернулся он в сторону Мазепы,— следует вящее приготовление и осторожность иметь, понеже неприятель первой всего к вам будет... Того ради советую в удобных местах шанцами и окопами укрепиться, а киевскую фортецию немедля в готовность привести...

Мазепа поднялся. Низко поклонился:

— Я, ваше величество, денно и нощно о том помышление имею... Фортеция киевская в скором времени будет готова... Ближние города, особливо Батурич, Ромны и Гадяч, укрепил добро и универсалы всюду разослал, дабы народ малороссийский в эти города весь хлеб заранее свез, ибо сокрытие оного неприятеля оголодать может...

— Добро, гетман, добро,— ласково улыбнулся Петр,— труды твои отечеству ведомы...

— Еще прошу, ваше величество,— опять поклонился Мазепа,— в просьбишке моей малой не отказать... Для кавалерии лошадей тысячу голов...

— Не проси, не проси, гетман, не дам,— не дослушав фразы, замахал руками Петр,— сами нужду терпим... Ныне уже из обоза брать лошадей указали...

— Я потому и прошу, ваше величество, потому и прошу тысячу лошадей в дар от меня, старика, принять... На нужды воинские...

Лицо Петра просияло. Вскочил, обнял гетмана.

— Вот за это спасибо. Выручил, Иван Степанович, порадовал... Никогда не забуду!..

— Я верный подданный вашего величества,— ответил гетман.— Как отцу и брату вашему служил, так и вам стараюсь... И как до сего времени во всех искушениях, аки столб непоколебимый и аки адамант несокрушимый, пребывал, так и нынче, богом клянусь, до кончины дней моих пребывать буду...

.

В тот же день, под вечер, в комнате гетмана сидел человек в запыленной дорожной одежде. Гость был высок

ростом, худощав, брит, носат, имел мягкий, спокойный голос и пухлые, непривычные к работе руки.

Мазепа говорил с ним тихо, по-польски:

— Всем известно, что москали воевать не умеют и разбегутся при первом появлении войск его величества... Мосты и провиант будут приготовлены заранее. Я уже послал универсалы свозить весь хлеб в намеченные места... Но я прошу его величество короля точно сообщить мне время... Мое положение крайне опасно...

— Я понимаю, ваша ясновельможность, — слегка кивнув, отозвался гость. — Вам приходится сидеть на двух стульях... Но это скоро кончится.... Когда? Этот вопрос на днях будет решен. Ваша ясновельможность узнает обо всем подробно после моего возвращения из Саксонии...

Часть Третья

I

Прошло несколько месяцев. Сидеть на двух стульях Мазепе с каждым днем становилось труднее. А тут еще новые неприятности: царь Петр, слышно, предлагает польскую корону королевичу Якубу Собесскому. А города Правобережной Украины, занятые русскими войсками, будто возвращает польским панам, оставшимся верными ему и не признавшим Станислава.

Гетмана такие известия волнуют. Они идут вразрез с его честолюбивыми планами. Он сам мечтает стать королем Левобережной и Правобережной Украины.

«Конечно,— пишет он в Посольский приказ Головкину,— всякая вещь приватная должна уступать общей пользе. Нам трудно знать намерения великого государя, по которым он, ради союза с Польшей, готов делать такую уступку, но мы не ожидаем никакого добра от поляков в близком с ними соседстве... Народ они малодушный и ненадежный, постерегся бы государь мнимой дружбы ихней...»

Головкину письмо пришлось по душе. Во-первых, он сам противился намерению царя вернуть Правобережную Украину полякам, во-вторых, тронула верность гетмана.

Сколько уж раз доносили Головкину, будто Мазепа с поляками в большой дружбе, а какая же это дружба, коли он явно только об интересах государства помышляет.

«Вот оно и верь другой раз доносам,— подумал Головкин.— Нет, уж видно, такого верного гетмана у нас не было и не будет...»

Да и Петр, прочитав письмо, призадумался.

Правда, передать Правобережную Украину панам он обещал, вынудили его Вишневецкие, но, пожалуй, прав гетман, подождать следует...

— Ты, Гаврил Иванович,— сказал он Головкину,— отпиши гетману тайно, чтоб правобережных городков панам пока не отдавал... Пусть говорит, что указа не имеет...

Мазепа, получив ответ Головкина, успокоился. Польских комиссаров выпроводил ни с чем.

Но вслед за этим — новая неприятность: царь требует в Польшу пять тысяч казаков.

Гетман думает: как поступить, чтоб угодить царю и сохранить для себя казацкое войско?

И решает: нужен свой, надежный начальник. Верный и разумный человек, который в случае надобности немедленно приведет казаков обратно. Но где такого человека сыщешь? Обозный Ломиковский скоро потребует для иных дел. Полковник Горленко — горяч и неразумен. Полковник Апостол — ненадежен. Кричит против царя больше всех, а сам дружит с Кочубеем... Гм... кто же еще? Вот разве Войнаровский, племянник? Свой человек, да только молод, глуп... Поверил кочубеевским сплетням, обиделся,

уехал в свое поместье и три месяца глаз не кажет. Ревнует, что ли? Пожалуй, надо вызвать его сюда, поговорить, образумить...

...Войнаровский приехал. Он очень изменился за эти месяцы. Похудел, осунулся. Небритое лицо. Потупленный взгляд. Чужой, с глушинкой голос. «Болен он, что ли?» — подумал гетман, взглянув на племянника.

— Вы приказали, дядя...

— Да. Я хотел с тобой поговорить...

— О чем?

— О многом... Садись сюда, в кресло...

Андрий сел. Угрюмо смотрит вниз, мнет в руках шапку. Гетман догадывается: поверил Кочубеям, растрезвонила обо всем проклятая баба.

— Я чувствую, Андрий, что злые люди наплели на меня разные небылицы...

— Какие небылицы, дядя?

— Вот... будто крестницу я соблазнил... Будто околдовал Мотроненьку... Мало что брешут. Врагов у меня много.

Гетман остановился, посмотрел на Андрия. На лице племянника ни тени смущения. Словно это история его не касалась. Странно.

— Я расскажу тебе, как у нас получилось...

— Не надо, — тихо перебил Андрий. — Это, наверное, неприятно вам, а мне не нужно... Оно ничего не меняет...

Мазепа даже растерялся. Черт возьми, почему же тогда Андрий так переменялся? Что сделало его таким чужим?

— Я полагаю, — начал гетман снова, — тебе следует больше доверять мне. Ты что-то таишь, смотришь волком... Скажи...

Андрий поднял голову. Красивые светло-карие глаза его строги и холодны:

— Хорошо... Я скажу... Я давно должен сказать... Вы двадцать лет правите Украиной, дядя. Вы говорили мне, что любите нашу матку-отчизну и хотите сделать ее счастливой... Помните? Я был молод, я верил вам... Теперь мне открылось другое. Я объехал много селений... Всюду слезы и нищета... И народ знает, кто ввел панщину, закабалит селян, обложил людей тяжелыми поборами... Ваше имя везде вызывает ненависть...

Мазепа слушал молча. «Вот в чем дело... Мальчишка

продолжает блажить... Но как он смеет говорить так со мной?»

На мгновение почувствовал прилив гнева. Захотелось остановить щенка, ударить. Нет, так можно все испортить. Нужен иной способ. Сдержался, решил оставаться спокойным и терпеливым.

А Войнаровский уже горячился:

— Вы отдали народ в руки старшины и арендарей... Вы окружили себя стрельцами и сердюками. Лучших людей вы казните и ссылаете в Сибирь. Да, да. Семен Палий, — я слышал о нем еще в Германии, — этот великий и благородный рыцарь сослан вами... Вы боитесь его имени, а народ поет про него песни... Вот почему я не могу служить вам. Я не думал, что вы такой... Простите...

Андрий поднялся, поклонился, хотел уйти. Гетман остановил.

— Подожди. Ты должен выслушать теперь меня.

— А что можете вы сказать? Разве я говорил неправду?

— Ты молод и горяч... Я стар и искушен в политике.

— Ваша политика — тиранство...

— Нет... Я больше, чем ты, ненавижу тиранов...

— Вы опять лжете, дядя!

— Не кричи... Ты не был еще рожден, когда я дал великую клятву сделать нашу отчизну счастливой и богатой...

— Ваши дела свидетельствуют против ваших слов, — перебил Андрей.

— Подожди, неразумное дитя, — торжественно произнес гетман. — Ты узнаешь сейчас великую тайну и поймешь, как несправедливы твои слова... Я призываю всемогущего бога в свидетели и присягаю тебе в том, что не для приватной моей пользы, не ради высших почестей, не ради обогащения, не для каких-нибудь прихотей, но ради всех вас, состоящих под властью моей и под моим региментом, ради общего добра матери нашей бедной Украины и пользы всего народа нашего я всю свою жизнь разумно и осторожно готовлю час освобождения отчизны... Тебе ведомо, что Москва и Варшава давно хотят погибели нашей... Если бы я, не имея еще сил и средств, стал открыто за вольность народа, все монархи, соединив войска, напали бы на меня, и что бы тогда было с Украиной? Я знаю, враги мои шепчут, будто я предал Семена Палия... И ты поверил тому? А ведомо ли тебе, что я был лучшим

другом его, что я не раз советовал ему ждать иного, более подходящего времени. Он не послушался, он был горяч, как ты. И вот Потоцкий залил кровью все Правобережье, а Палия хотели предать жестокой казни... Только моим заступничеством сохранена его жизнь...

Гетман передохнул, вытер платком навернувшуюся слезу. Андрий смотрел на него изумленными глазами. Его сердце учащенно стучало. Он не знал еще, чему верить, но все существо его постепенно охватывало необычайное волнение.

— Ведомо ли тебе, как я неустанно тружусь, чтобы сохранить казачество от царской службы и гибели? — продолжал гетман. — Ведомо ли тебе, что только моим старанием возвращены из Польши полки Апостола и Горленко?

Мазепа опять остановился, вытащил из стола груду бумаг, протянул Андрию:

— Вот читай... Каждый месяц одно и то же... Давай лошадей, давай хлеб, давай деньги, давай людей... Царь Петр уже давно замышляет посадить на Украине своих воевод, истребить все вольности наши, а казаков сделать солдатами. Спроси полковников, они тебе скажут, каково всех нас жалует его величество. Вот кто истинный тиран бедной отчины нашей! — воскликнул Мазепа. — Ты говоришь, что я жалую панство и закабалил селян? Боже милосердный, если бы ты знал правду! Да ведомо ли тебе что я денно и ночью вижу час, когда могу снять кабалу, введенную не мной, а царскими указами?.. Ведомо ли тебе, что только моими тяжкими трудами разрушен замысел царя отдать Киев и Правобережную Украину панам?.. Вот читай, читай, глухой... И я... я жалую панство! Боже мой милосердный!

Гетман качнул головой, опять прослезился, Андрий не выдержал. Вскочил, подбежал к дяде, припал к его руке горячими губами:

— Прости... Прости, дядя... Я верю... Я буду служить тебе.

Мазепа прижал племянника к груди, ласково погладил мягкие русые волосы.

— Я не открыл тебе всего, Андрий, — тихо, почти шепотом, произнес он. — Я знаю, ты будешь служить нашему делу верно, и поэтому не хочу требовать от тебя присяги...

— О, клянусь! Клянусь, дядя! До последней капли

крови я хочу защищать нашу вольность,— пылко воскликнул Войнаровский.

— Я получил верные известия,— продолжал гетман.— Король Карл скоро войдет сюда и признает нашу независимость... Мы не будем служить ни шведам, ни москалям, ни полякам... Но сейчас не время объявлять эту тайну... Надо убедить царя в нашей верности. Он требует опять пять тысяч казаков... Если б ты принял начальство, ты мог бы разумно уберечь казаков от гибели, а когда будет нужно, привести войско обратно...

— Ваши указы для меня закон, дядя... Отныне сабля Войнаровского принадлежит тебе...

Андрий ушел. Мазепа презрительно посмотрел ему вслед и плюнул:

— Вольность... Сабля Войнаровского... Вот дурень!

II

Мотря по-прежнему находилась за крепкими стенами монастыря. Гетман несколько раз посылал ей подарки и письма. Девушка, уверенная в нем, терпеливо ждала.

Кочубеиха, по-своему любившая Мотрю, скучала без нее. Она стала приветлива к попам и странникам, часто ходила в церковь, заказывала акафисты, молила бога, чтобы он образумил девку.

Но, приехав в монастырь проведать дочку, она убедилась, что молитвы ее до бога не дошли.

Мотря, жившая у тетки-игуменьи, встретила мать равнодушно.

— Ты что ж, век, что ли, в монастыре сидеть будешь? — спросила Кочубеиха.

— Нет, век сидеть не буду,— загадочно ответила Мотря.

— Вот и поедем-ка со мной,— предложила мать.— А то мне одной дома неуправно...

Мотря только головой покачала:

— Мне, мамо, здесь хорошо... Подожду...

— Да чего ждать-то? — вспылила Кочубеиха.— Жди не жди — гетманшей не будешь...

У Мотри зарделись щеки. Она бросила на мать недобрый взгляд и тихо, сдерживая себя, ответила:

— Я, мамо, буду не гетманшей...

— А кем? Невестой христовой, что ли?

— Может и невестой... Что бог пошлет...

Кочубеиха поняла, что дочь продолжает любить старого гетмана и на что-то еще надеется. Но настаивать на своем не решилась. Уехала одна.

«Околдовал, проклятый, не иначе... Недаром люди говорят, что и мать его чаровницей была», — думала Любовь Федоровна.

Вспомнила она свой грех незамоленный, те далекие и сладкие ночи, когда сама, словно безумная, бегала в замок. Вспоминала, как долго и упорно боролась потом с собой... Стояло перед глазами ужасное сватовство и бегство Мотри... И лютая злоба против гетмана с новой силой наполнила ее душу...

— Господи, покарай его, — шептала она и чувствовала, что не будет ей покоя до тех пор, пока не обрушится карающая десница божия на голову ненавистного человека.

Все чаще видели теперь Любовь Федоровну в церкви, все реже слышали ее голос. Скупа она на слова стала. И с лица изменилась. Пожелтела, высохла.

— Уж ты не больна ли, жинка? — встревоженно спросил ее как-то Василий Леонтьевич. — Может, за лекарем послать?

— Единый у нас лекарь — бог всемогущий, — сурово ответила Кочубеиха. — Ты не обо мне, а о деле помышляй.

— О каком деле? — удивился судья.

— О государевом... Отписал бы в приказ, какие речи гетман старшинам держал...

— Писал, жинка, писал, — вздохнул Кочубей, — только веры там нет писаниям моим... Видно, есть там некто, гетману радеющий...

— Самому государю пошли... Всем нам ведомо, что гетман из шляхетской породы и не иначе как измену замышляет... Помнишь, как он однажды у нас Брюховецкого и Выговского за измену хвалил?

— Ох, помню... Да опасаясь, веры не дадут...

— С надежным человеком пошли...

— Боюсь беду на себя накликать, — продолжал возражать судья. — Многие уже доносы на гетмана посылали, да под кнут попадали... Кабы еще знаки явные измены имелись, а то догадки одни...

— Пиши, Леонтьич, пиши... Государь разберется... Вспомни горе наше... Бесчестие... Муку мою вспомни, — словно в горячке, шептала Кочубеиха.

- Опасаюсь, жинка, ох, опасаюсь...
— Бог заступник наш, Леонтьич... Пиши!

Вскоре после этого, в один из воскресных дней, зашли к Кочубеям монахи Севского монастыря Никанор и Трефилий, возвращавшиеся с богомолья из Киева. Монахи наслышались, что Кочубеиха ласкова до богомольцев и странного людя, пришли за милостыней.

И действительно, встретила их Любовь Федоровна радушно, накормила, одарила деньгами и полотном, оставила ночевать.

Вышел к монахам и Василий Леонтьевич. Узнал, что за люди, от себя тоже денег дал.

А наутро кочубеевский челядник пригласил старшего монаха Никанора к пану судье в сад.

Примыкавший к раскидистым хоромам сад был огромен и тенист. Василий Леонтьевич с ранней весны устанавливал здесь шатер, жил в нем до поздней осени.

Кочубей и его жена, приветливо встретив и угостив Никанора, подвели его к образу, висевшему при входе в шатер. Все стали на колени, помолились. Василий Леонтьевич сказал:

— Хотим мы говорить с тобой тайное... Можно ли тебе верить, не пронесешь ли кому?

Монах перекрестился:

— О чем будете говорить — никому не поведаю...

Тут Кочубеиха не сдержалась, принялась бранить гетмана:

— Беззаконник он, вор и блудодей...

Рассказала она, как гетман крестницу свою околдовал, как народ грабит и старшину смущает...

А Василий Леонтьевич добавил:

— Гетман Иван Степанович Мазепа замыслил великому государю изменить, отложиться к ляхам и московскому государству учинить великую пакость: пленить Украиную и государёвы города...

— А какие города? — полюбопытствовал монах.

— Об этом я скажу после, кому надо, — ответил Кочубей, — а ты ступай в Москву, донеси, чтобы гетмана поскорей захватили в Киеве, а меня уберегли от его притеснений и мести...

Никанор, получив на дорогу семь золотых, ушел. Через

несколько дней он давал показания в Преображенском приказе.

Начальник этого приказа князь Федор Юрьевич Рамодановский славился своей жестокостью и неподкупностью. Он давно имел в подозрении гетмана, о чем не раз намекал государю.

Однако, сняв показания с монаха, Рамодановский вынужден был отказаться от дальнейшего следствия. Чувствуя неприязнь князя, Мазепа давно уже добился царского указа, чтобы все дела, касавшиеся Украины и гетмана, велись Посольским приказом. Сидевшие там Головкин и Шафиров и этому доносу Кочубея, как и всем предыдущим, не дали веры.

Монаха задержали, а показания его крепко застряли в столе Шафирова, который даже не считал нужным доложить о них государю.

Гетмана же тайно о доносе известили...

И тут только в полной мере понял писарь Орлик значение некогда сказанных Мазепой таинственных слов: «Поживешь — поймешь».

Орлик, следивший за Кочубеем, неоднократно предупреждал гетмана о враждебности судьи. Он считал, что связь с Мотрей приносит большой ущерб пану гетману, так как любовь эта заставляет смотреть сквозь пальцы на деятельность Кочубея и по-прежнему держать его в приближении.

Хитрый писарь не догадывался о тонкой, иезуитской политике Мазепы.

Иван Степанович понимал, что смещение с должности Кочубея, имевшего большие связи с казацкой старшиной, могло повлечь за собой крупные неприятности. Кроме того, было и другое, более сложное препятствие. Кочубея знали в Москве как преданного, хотя и недалекого человека. Больше всего опасаясь неизвестных доносчиков, гетман сам постоянно расхваливал генерального судью и добился того, что именно Кочубею был поручен «тайный присмотр» за ним.

Смещение человека, верность которого он сам не раз подтверждал, могло показаться подозрительным и при наличии постоянных мелких доносов, поступавших со всех сторон на гетмана, вызвать со стороны Москвы настоящий «тайный присмотр».

Пока между Мазепой и Кочубеем существовала друж-

ба, гетман мог быть спокоен. Святая Мотрю, он в глубине души надеялся на укрепление дружбы, на то, что со временем убедит Кочубея примкнуть к нему.

Однако неудачное сватовство обострило отношения, и это заставило гетмана применить другой, заранее продуманный способ. Он нарочно говорил при Кочубее слова двойного значения и, зная, что судья сообщит о них в Посольский приказ, немедленно отправлял туда свои объяснительные письма. Он «делал врага смешным», как советовали отцы иезуиты.

В этом, сама не ведая того, помогала ему Мотря.

Гетман любил крестницу, но его разум не находился в подчинении у чувства. Он уже давно никому не давал своей арфы.

И так «премудро» было устроено сердце его, что совмещало оно одновременно и любовь и подлость.

Мазепа представил Шафирову историю своей любви к Мотре в смешном виде. Не пощадив чести девушки, он выставил Кочубея «обиженным дураком», помышляющим лишь о мести за потерянную невинность дочери.

И теперь, в ответ на известие о новом доносе Кочубея, гетман продиктовал Орлику пространное письмо к Шафирову, объясняя злобу судьи той же «смеху достойной амурной историей». В доказательство он приложил маленькую любовную записку, только что полученную от Мотри из монастыря.

Авантюрист и бродяга Орлик, человек без совести и чести, даже рот раскрыл от изумления.

III

И все же Мазепа не мог оставаться спокойным. Его тревожила неопределенность положения. Пугал каждый стук, каждый шорох. Он стал крайне раздражителен. Мало ел и спал, перестал следить за собой. На посеревшем лице резче обозначились рытвины морщин, глаза утратили живость, седые усы обвисли совсем по-стариковски, щеки и подбородок покрылись седой, колючей щетиной.

Гетман понимал, что вести долго двойственную политику он не сможет. Между тем он все еще не знал, когда шведы выступят из Саксонии.

Беспокоил и король Станислав... Он очень болтлив, может случайно выдать... И потом: почему Станислав до сих

пор ничего не говорит о независимом украинском королевстве, а отделяется лишь намеками о предоставлении гетману титула владетельного князя в каких-то герцогствах Витебском и Полоцком?..

Не было у Мазепы уверенности и в том, как отнесется к его замыслу казацкая старшина. Многие полковники недовольны царем, но согласятся ли они на измену — неизвестно.

О народе Мазепа не думал. Иезуитское воспитание, полученное им, приучило его презирать простых людей. Иезуиты считали простой народ неспособным к самостоятельному проявлению своей воли, они учили, что народ сам по себе представляет стадо, которое всегда послушно идет за пастырем. Поэтому не удивительно, что Мазепа, придерживавшийся таких воззрений, полагал, что казаки и холопы должны поступить так, как прикажет старшина и полковники...

Войнаровский пока Мазепу не тревожил. Племянник знает только, что ему надо знать. Пусть себе на здоровье мечтает о народной вольности и служит ему, Мазепе. Дальше будет видно...

Орлик? Этот кое-что уже знает, но все-таки следует поразмыслить... Писарь умен, служит верно и усердно... Гетман скрыл его прошлое, сделал генеральным, щедро оплачивает каждую услугу. Продавать благодетеля писарю нет смысла. А вдруг? Кто знает темную, как омут, душу этого бродяги?..

Мазепа представил себе десятки соблазнов и возможностей.

Нет, лучшего положения Орлик никогда не добьется, — значит, и изменять выгоды ему нет. Следует, однако, испытать и окончательно связать его с собой.

Ночь. Гетман лежит в кровати. Свеча на столе освещает его лицо, которое кажется болезненным и дряхлым. Дверь в соседнюю комнату открыта. Слышен сухой скрип пера. Орлик еще работает.

Гетман, кряхтя, приподнимается:

— Ты скоро кончишь, Филипп? Дело есть...

— Сейчас, ваша ясновельможность, — подобострастно отзывается писарь.

Он входит, мягко, по-кошачьи. В трех шагах от кровати почтительно останавливается.

— Что изволите приказать, пане гетман?

— Вот, — морщась, достает гетман письмо, запрятанное глубоко под подушки, — вот возьми... Я не вспомню цифирь... Старею, что ли?

Орлик протягивает руку. Серые, хитрые глаза щурятся над бумагой:

— Рука ее светлости княгини Дольской...

— Да... Черт ее просит с письмами, — сердито ворчит Мазепа. — Ты прочти вслух... Да заслони свечу... Глаза болят.

Орлик прикрывает свет шелковым зонтиком, склоняется над письмом. Гетману хорошо видно его лицо, писарь не может скрыть удивления. «Молод еще», — думает гетман и усмехается.

— Ты почему медлишь и не читаешь? Ты же без **ключа** привык к цифирным письмам...

— Я княгинино письмо прочитаю без ключа, но здесь еще записка короля Станислава... — встревоженно говорит Орлик.

— Стой! Этого не может быть! — приподняв голову с подушки, изумляется Мазепа.

— Здесь подпись его имени и печать, прошу прощенья...

— Дай сюда! Посвети!

Мазепа читает сам, приходит в ужас. Рука безжизненно опускается, записка падает на пол.

— Ох, проклятая баба! — стонет гетман. — Ты погубишь меня...

Орлик поднимает записку. Бережно кладет на стол вместе с письмом. Мазепа лежит молча, задумавшись.

— Ума не приложу, как поступить с письмом, — наконец тихо говорит он, пытливо глядя на Орлика. — Посылать ли письмо царскому величеству ~~или~~ удержать?

«Ох, хитра же крашенная лисица», — думает писарь, а вслух, едва сдерживая неподобающую улыбку, отвечает:

— Ваша ясновельможность, сам изволишь рассуждать своим разумом, что надобно посылать. Этим самым и верность свою непоколебимую явишь, и большую милость у царского величества получишь.

— Ладно... Читай письмо княгини...

Орлик прочитал. Княгиня извещала, что какой-то ксендз выехал из Польши и везет от короля Станислава проект трактата с гетманом. Княгиня просила прислать за ксендзом своего доверенного.

— Сожги письмо! — приказал Мазепа, когда писарь кончил чтение.

Орлик письмо сжег. Гетман приподнялся с кровати, дотронулся до его плеча:

— Посоветуемся с тобой утром, Филипп. А теперь иди домой и молись богу: да яко же хочет, устроит вещь... Он ведает, что я не для себя чиню, а для вас всех, для жен и детей ваших...

На другой день рано утром Орлик застал гетмана сидящим за столом. Видно было, что Мазепа спал плохо, помутневшие глаза его слезились. На столе перед ним лежал крест.

— До сих пор, — сказал он писарю, — я не смел прежде времени объявить моего намерения и тайны, которая вчера случайно тебе открылась. Я не сомневаюсь в твоей верности и не думаю, чтобы ты отплатил мне неблагодарностью за толикую к тебе милость, любовь и благодеяния, однако ты еще молод и недостаточно опытен в таких оборотах... Можешь по доверчивости или неосторожности проговориться и тем самым всех нас погубишь... Но, — тяжело вздохнул гетман, — раз ты уже знаешь тайну, держи язык за зубами крепко. И ведай, что я замыслил отделить Украину от Московского государства не ради своих частных прихотей, а дабы не погибла отчизна наша... В том тебе клянусь на святом кресте.

Мазепа поцеловал крест, вытер платком глаза.

— А теперь для большей верности ты тоже присягни, что будешь мне верен и никому не откроешь тайны...

Орлик, присягнув, сразу осмелел:

— Ежели виктория будет за шведами, — заметил он, — то, ваша вельможность, и мы все будем счастливы, а ежели — за царским величеством, тогда все мы пропадем...

— Яйца курицу не учат! — сказал гетман. — Дурак разве я, чтобы прежде времени свои намерения высказать! Я буду хранить верность царскому величеству до тех пор, пока не увижу, с какой силой идет король Станислав и какой успех покажут шведы... А теперь напиши письмо канцлеру Головкину про подсылку, что сделал нам король Станислав... Записку его тоже надо послать в доказательство верности...

Орлик написал письмо. Гетман подписал его, но оставил при себе:

— Я пошлю письмо и записку Войнаровскому. Он

скорей и верней представит их канцлеру... Ты же поезжай к Дольской и тайно доставь ко мне того посла, ксендза...

— А хорошо ли получится, ваша ясновельможность? — спросил Орлик. — Надо для осторожности лицо ксендза знать или хотя бы примету его.

— Ты и знаешь. Сам его ко мне провожал в Жолкве...

— Так то же пан Зеленский, прошу прощенья. Ректор школы Винницкой, — изумился Орлик.

— Он самый, — ответил Мазепа.

И, провожая писаря, гетман счел нужным еще раз назидательно предупредить его:

— Смотри, Филипп, теперь я ничего от тебя не таю, держи и ты верность крепко. Ведаешь сам, в какой я милости у государя, не променяют там меня на тебя. Я богат, ты беден, а Москва гроши любит... Мне ничего не будет, а ты погибнешь...

IV

Наступил новый, 1708 год.

Шведы перешли Вислу и двинулись в Литву.

Защищавший мост на реке Неман у города Гродно русский двухтысячный отряд под командой бригадира Мюленфельда не выдержал натиска шведских драгун. Гродно был занят неприятелем.

Приказав русским войскам отступать и опустошать окрестный край, чтобы ничего не доставалось врагу, царь Петр заложил квартиру в Вильно.

«Ради бога, — пишет он отсюда Меншикову, — дай скорей знать, куда пойдет неприятель?»

Однако даже всеведущий Данилыч не мог ответить на этот вопрос. Куда? В Лифляндию или на Новгород? На Смоленск или на юг — в Украину?

Карл ничем не выдавал своих намерений.

Но обмануть Петра ему все-таки не удалось. Заботясь об обороне своей страны, Петр тщательно учитывал все возможности и готовился решительно преградить неприятельским войскам путь на любой из избранных ими дорог.

Опасаясь за Петербург, он быстро устраивает оборону Полоцка, Новгорода, Пскова, одновременно принимает меры к защите Смоленска и укреплению украинских городов.

Весной, когда шведы расположились в Радошковичах, все основные оборонительные работы были почти законче-

ны. Русские войска под командованием фельдмаршала Шереметева стояли в непосредственной близости от неприятеля, надежно преграждая дорогу на Москву и Петербург. Пути на юг охраняли кавалерия Меншикова и казачьи полки. Петр мог, наконец, вздохнуть свободно.

— Господам шведам небось такие наши труды в диковину будут, — с гордостью заметил он Меншикову. — А скоро и другое увидят! Нарвской оплошки мы не сделаем! Научились!

— Я, ваше величество, одного опасаясь... Кабы король не обошел нас в каком месте и внутрь страны не проник, — заметил князь.

Петр внимательно посмотрел в глаза любимца, словно разгадывая смысл этих слов. Потом спокойно, уверенно ответил:

— А ежели сие случится... тогда, чаю, король сам не рад будет начинанию своему... Народ наш против других тем славен, что отчизну свою, как мать, почитает и в обиду чужеземцам не даст.. Да и мы не даром хлеб едим.

Прошло несколько дней. Вскрылись реки. Начались проливные дожди. Неожиданно Петр заболел лихорадкой. Напрягая все силы, он продолжал работать, однако в конце концов болезнь пересилила. Царь слег в постель.

— Как я был здоров, ничего не пропускал, а ныне, бог видит, каков от лихорадки... Служить мочи нет, Сашка, — слабым голосом говорил он Меншикову.

Лицо царя пожелтело. Глаза ввалились. Совсем как мертвый. Александр Данилыч хлюпает носом, жалеет:

— Поезжай в Паридиз, мин херц, отдохни... Авось без тебя управимся...

— Сам так думаю... Дохтур говорил, что ежели в сих неделях не будет времени лечиться, то гораздо плохо выйдет. Только ты неотступно гляди, чтобы господа шведы афронта какого не учинили... Да прикажи кругом дороги засечь, чтобы повсюду препона неприятелю была...

Отдав последние приказания, царь уехал.

Шведы надолго завязли у Радошковичей.

V

А внутри государства опять было беспокойно...

Бояре и помещики всю тяжесть войны перенесли на плечи крепостного крестьянства. Помимо различных воен-

ных сборов и повинностей, крестьян заставляли выполнять тяжкую барщину, оплачивать все возрастающие расходы своих господ.

Помещики говорили:

— Крестьянину не давай обрасти, стриги его, как овцу, догола...

Их неистовство и грабительство дошло до таких размеров, что Петр вынужден был издать ряд указов, требовавших прекращения бесчеловечного отношения к народу. Однако указы помогали плохо.

Крестьяне десятками и сотнями бежали от помещиков на Дон, где в скором времени образовалось огромное скопление голытьбы. Донское «домовитое» казачество, заставляя беглый люд батрачить в своих хозяйствах, охотно давало ему приют и не спешило выполнять царские указы о высылке гулятьев.

В сентябре 1707 года на Дон для сыска беглых прибыл большой отряд войск под командой князя Юрия Долгорукого.

Князь начал жестокую расправу. По свидетельству очевидцев, его солдаты «многие станицы огнем выжгли, многих казаков кнутом били, губы и носы им резали, младенцев по деревьям вешали, а жен и девок брали в постель».

В защиту голытьбы выступил бахмутский атаман Кондратий Афанасьевич Булавин, тайно поддержанный «домовитым» казачеством, недовольным княжеским сыском.

8 октября, в дождливую темную ночь, Булавин со своими охотниками внезапно напал на князя, истребил весь его отряд. Весть об этом событии быстро распространилась по всем донскому краю. Толпы голытьбы двинулись к храброму атаману.

«Домовитые» казаки, испугавшись размера восстания и ответственности за убийство князя, предательски напали на Булавина, перебили его охотников. Однако сам Кондратий Афанасьевич с несколькими верными товарищами успел скрыться.

...После ссылки Семена Палия в Сибирь восстание, поднятое им против панов, было жестоко подавлено королевскими войсками.

Петро Колодуб, набравший в Сечи больше трехсот

казаков, пожелавших вместе с ним отправиться на помощь Палию, намерения своего осуществить не успел.

Петро остался в Сечи. Вскоре он сделался одним из признанных вожakov запорожской сиромашни. Сечевые «старики» обычно старались тайными подкупками и горилкой прибрать таких вожakov к рукам, превратить их в своих послушных слуг, с помощью которых можно было сдерживать буйных гультяев. Но Петро Колодуб был не корыстен, к горилке большого пристрастия не питал и, не допуская никаких сделок с совестью, решительно и твердо отстаивал интересы сиромашных и новопришлых. Эти качества характера бывшего палиевца особенно наглядно проявились в истории с Лунькой Хохлачом.

Гетман Мазепа, узнав о том, что Лунька и еще несколько беглых селян из его маетностей нашли приют в Сечи, потребовал, чтобы кошевой атаман схватил их и отправил под охраной в Батурин.

Кошевой сперва отказался выполнить это распоряжение, нарушавшее сечевые законы. Тогда Филипп Орлик пригрозил, что гетман задержит посылку в Сечь пороха и свинца. Кошевой и старшина, посоветовавшись, решили с гетманом не ссориться. Ночью Луньку и других беглых из мазепинских маетностей схватили, связали, отправили в гетманскую резиденцию.

Узнав об этом, Петро Колодуб собрал наиболее преданных ему сиромашных казаков, самоуправно посадил их на принадлежавших «старикам» коней и отбил Луньку с товарищами. Потом явился к кошевому и, сообщив о своем поступке, добавил, что ежели кошевой еще когда-нибудь вздумает отдавать людей в неволю, то он, Петро, придет разговаривать с ним не один, а со всей сечевой сиромашней.

Кошевой стал оправдываться: ведь ссора с гетманом может навлечь большие неприятности на все войско. Петро, подумав, предложил:

— Отпишите гетману, пане кошевой, что селяне, отбитые голодой, бежали из Сечи...

— Пан Мазепа не такой дурень, чтоб поверил словам, — возразил кошевой. — Тайные его дозорцы враз наше лукавство откроют.

— Без лукавства можно, — ответил Петро. — Селяне, коих домогается гетман, и помимо Сечи найдут места, где укрыться, коли дадите им зипуны и оружие...

Доводы были разумны. Кошевой согласился. Спустя несколько дней Лунька Хохлач с товарищами ушел к донским казакам...

С тех пор прошло три года. Вести о начавшемся на Дону бунте взволновали запорожцев.

Правда, богатые «старики», побаиваясь, чтобы смута не перекинулась и сюда, неодобрительно покачивали головами. Зато сиромашные и новопришлые проявляли к булавицам явное сочувствие. Еще бы! У «стариков» и хлеба и пожитков вдоволь, а у сиромашни ни зипунов, ни шапок. Эх, привел бы господь и нам погулять с молодцом-атаманом Кондратием Булавиным! И хотя подробностей о донских делах еще никто не знал, но имя бахмутского атамана, защищавшего голытьбу, произносилось всюду...

Однажды поздним зимним вечером к куреню, где жил Петро Колодуб, подъехали два всадника. Они были в овчинных нагольных полушубках и низко надвинутых, запорошенным снегом лохматых папахах. Привязав коней у ближней коновязи, приезжие, тихо переговариваясь, пошли к куреню, постучали в дверь.

— Кого черт носит? — слышался оттуда сердитый заспанный голос.

— Открывай, не чертись! — ответил один из приезжих. — Да побуди Колодуба...

В курене зашевелились. Сквозь слюдяное оконце пробился тусклый свет. Щелкнул запор. Приезжие переступили порог и очутились в большой теплой горнице, где на устроенных в два ряда нарах спали казаки. Оставшееся свободным место занимали большая печь и длинный дубовый стол, вокруг которого стояли скамьи и табуреты.

Светильник трещал и чадил. Строгие лики святых на деревянных иконах колебались в неверном, мигающем свете.

Приезжие, войдя в горницу, сняли папахи, расстегнули полушубки, перекрестились.

Петро Колодуб, протирая глаза рукавом рубахи, спустился с печки и, взглянув на одного из приезжих, воскликнул:

— Лунька! Ты откуда?

— С Дону, братику, — ответил Лунька и, пригладив непокорный рыжий чуб, подошел поближе к Петру, шепнул на ухо: — А чи нет здесь чужих ушей?

— Нету, не боронись...

— С гостем я дорогим... Чужь?

Петро посмотрел на приехавшего с Лунькой незнакомца, успевшего уже снять полушубок. Был незнакомец в средних годах, сухощав, чернобров. Небольшая темно-руссая бородка, нос с горбинкой, смелый взгляд черных глаз. Кафтан подпоясан шелковым кушаком, за который заткнуты чеканные турецкие пистолы. В левом ухе качается большая золоченая серьга.

— Сам батько атаман Кондратий Афанасьевич Булавин, — негромко произнес Лунька.

Казаки на нарах один за другим стали поднимать головы. Толкали спящих товарищей, шептали имя атамана.

Спустившись с нар, шумной ватагой окружили Булавина и Луньку.

— Слава донским казакам!

— Сказывайте, что на Дону? Почто сюда бежали?

Булавин присел к столу, нахмурил брови:

— Измена, браты... Атаман Лукьян Максимов с донской старшиной предали нас. Ночью, как тати, ударили в спину. Помощь у вас просить хочу...

— Дадим помощь, батько! Все как один поднимемся! Зараз войсковую раду скличем! — перебивая друг друга, загорланили казаки.

Петру насилу далось установить порядок. Он не сомневался, что сиромашные и новопришлые готовы хоть сейчас подняться на помощь Булавину... Но что скажет старый черт кошевой? Ведь не с пустыми руками надо идти на Дон, а оружие и порох в войсковой скарбнице...

— Не даст, так скинуть его с кошевя к бисовой матери, — подсказал Лунька.

— Костю Гордеенко кричать будем, — вставил один из казаков. — Костя преград чинить не станет!

VI

...Мазепа, узнав о том, что запорожцы избрали кошевым Костю Гордеенко и обнадружили в помощи Булавина, крепко задумался.

Донская смута была Мазепе на руку. Она отвлекала внимание царя, облегчала замышленную измену. Надо бы тайно помочь Булавину...

Но бунт голытьбы внушал страх. Восстание против по-

мещиков и панов могло захватить Украину... Надо бы задержать Булавина...

Черт знает что такое! Против обыкновения гетман растерялся и долго не мог принять никакого решения.

Наконец Орлик посоветовал:

— Булавина оставить в покое, пусть зимует в Кодаке и собирает гультаев. Нам без них легче...

— А ежели они, псы проклятые, обрушатся на нас?

— Мне известно, что атаман собирается на Дон, ваша яснoveльможность... Но и другая причина есть не опасаться смуты. Новый кошевой Костя Гордеенко нам зла не учинит.

Мазепа вопросительно посмотрел на писаря:

— Подожди... Ты же сам мне сказывал, что Гордеенко давний бунтовщик и держит руку сиромашных?

— То верно, пане гетмане... До сей поры держал их руку, а ныне служит вам...

— Как? Гордеенко?

— Подкуплен недавно мною, прошу прощенья... Дал тайную присягу быть с вами заодно...

— Хорошо,— похвалил писаря за усердие гетман,— но царское величество как нам уважить и в сомнение не ввести?

— Отправьте против Булавина полтавского полковника Левенца. Он стар и ленив... Атамана же ваша милость тайно уведомит, будто против него идет сюда большое войско.

Гетман совета послушался. Вскоре Булавин оставил Кодак.

Весной он объявился в Пристанском городке, на Хопре. Украину смута миновала...

В это тревожное время гетман получил указ:

«Послать десять тысяч казаков в Польшу в распоряжение коронного гетмана Адама Сенявского, верного союзника царя».

Мазепа решил указа не выполнять. Он пишет Головкину донесение:

«На Сенявского и поляков положиться нельзя. Может, они нарочно замыслили отвлечь от меня десять тысяч казаков, чтобы разделить мои силы и открыть неприятелю нашему путь на Украину...»

Подозрение против Сенявского одновременно подтвердили и другие лица. Головкин, поблагодарив гетмана за

верную и радетельную службу, оставил вопрос на его усмотрение¹⁰.

Мазепа расположил свой обоз недалеко от Белой Церкви и стал нетерпеливо ожидать прихода шведских войск.

...А доносы на гетмана продолжались.

Явился в Преображенский приказ какой-то рейтар Мирон, освободившийся из турецкого плена. Он донес, будто виделся в Яссах с проживавшим там русским человеком Василием Дрозденко. Тот сказал ему: «Служа в Польше при короле Станиславе, я видел как какой-то чернец приносил королю письмо от Мазепы. Гетман писал, что казаки будут воевать против царя и ждут прихода шведов».

Этот донос был основательнее кочубеевского. Но ему тоже веры не дали, а царь послал гетману утешительную грамоту:

«Верность твоя,— писал он,— свидетельствуется тем, что ты, ничего у себя не задерживая, сам о всем нам доносишь. Мы рассуждаем, что тот Василий Дрозденко наслушался о чернце, будучи при дворе королевском в то время, когда к тебе были злохитрые подсылки по некоему злоумышленному подущению ненавистных людей, завидующих, что ты верно нам служишь, и мы, великий государь, имеем тебя, гетмана, без всякого подозрения...»

VII

Сославшись на болезнь, Василий Леонтьевич Кочубей не поехал к войску, а перебрался с семьей в любимую свою маетность Диканьку, вблизи Полтавы. Сюда часто наезжал к нему старый душевный друг и свояк, бывший полковник полтавский Иван Искра.

В молодости Искра служил при самом Богдане Хмельницком, преклонялся перед его мудростью, всю жизнь свято хранил в сердце заветы славного гетмана.

Возвышение Мазепы происходило на глазах Искры. Он никогда не одобрял дружбы Кочубея с подозрительным, хитрым шляхтичем.

— Ох, смотри, Василий,— не раз предупреждал Искра свояка,— не водись с чертом, попадешь в чертово пекло...

С тех пор как Мазепа стал гетманом, Искра, оставив

службу, жил в своем полтавском поместье, занимаясь хозяйством. О деятельности Мазепы он мог судить лишь понаслышке. Но когда Кочубей рассказал о своих подозрениях, Искра сразу почувствовал, что они не лишены оснований.

— Изменит, непременно изменит, вражий сын,— завопил старый Искра.— Пустили мы козла в огород... Надо обо всем государя известить...

Кочубей поведал о своих прежних неудачах с донесениями. Искру это не смутило.

— Дело идет о судьбе отчизны,— сказал он.— Нельзя падать духом, будем помышлять о пользе общей, как старый Хмель нам заповедал...

— Опасаюсь, сват. Явных-то улик у меня нет,— возражал Кочубей.

— Станет для начала и того, что ты знаешь, а когда начнут клубок разматывать, так и до гнилого корешка доберутся...

После долгих совещаний свояки договорились.

Искра явился к ахтырскому полковнику Осипову и под именем божьим и клятвою душевной объявил:

— Послал меня Василий Леонтьевич Кочубей сообщить вам, что гетман Мазепа, согласившись с королем Станиславом и Вишневецкими, умышляет измену...

Полковник ахтырский, услышав такие слова, даже в лице изменился.

— Да ты что, рехнулся, что ли? — обрушился он на Искру.— Какие у вас явные улики против гетмана, чтоб в измене винить?

— А первая улика та,— ответил Искра,— что Мазепа все свои скарбы и пожитки одни за Днепр выпроводил, а другие с собой возит...

— Эка, грех какой! — поморщился Осипов.— Да тут изменой еще и не пахнет...

— А вторая улика,— невозмутимо продолжал Искра,— что гетман в народе разглашает, будто царское величество велел всех казаков писать в солдаты, а войско запорожское страшает, будто царь велит их разорить и места их опустошить... А во всех полках своего регимента гетман приказал, будто по именному государеву указу, брать великие поборы с казаков, дабы тем самым народ отягчить и возмутить...

— А вам ведомо, кто с гетманом заодно стоит? — спросил полковник Осипов.

— Лучше всех про то знает ближайший его человек генеральный писарь Орлик, через которого, как нам ведомо, всякие тайные пересылки отправляются...

— А старшина генеральская и ближние полковники про злое намерение гетмана ведают?

— Ведают, однако известить государя не смеют: одни по верности к гетману, другие из страха, что им не поверят.

— Хорошо, — сказал Осипов, — я ваше доношение отправлю государю. Отвечать не мне, а вам придется... Еще о чем просите?

— Еще мы просим, — добавил Искра, — чтоб наше верное доношение было крепко укрыто, ибо нам ведомо, что некто из близких людей государя обо всем царственном поведении немедля доносит гетману....

Полковник Осипов обещание исполнил. Двадцать седьмого февраля донос пришел в Бешенковичи, где была тогда ставка царя. Но Мазепа опять опередил своих противников. Его письмо, в котором он сообщил о сочиненной на него клевете и умолял произвести строгий розыск, царь получил еще три дня назад.

Мог ли Петр поверить доносу? На первый взгляд может показаться, что он должен был по крайней мере усомниться в верности гетмана и заняться тщательным розыском. Однако слишком сложна была историческая обстановка и многие причины побуждали царя оставить донос на гетмана без последствий. Мазепа верно служил уже двадцать с лишним лет. Доносы и наветы на него шли все время и всегда оказывались лживыми. Теперь, когда Карл и Станислав готовились к походу на Украину, понятно было их желание поколебать доверие царя к верному гетману. Сам Мазепа не раз указывал на подобные злые умыслы врага.

Именно с этой стороны донос и обеспокоил Петра. Ежедневно он получал известия о происках врагов. Карл посылал на Украину своих лазутчиков, мучил народ.

«А нет ли у Кочубея связи с неприятелем?» — подумал царь и приказал Головкину вызвать доносчиков в ставку.

Гетману же царь ответил лично, что «клеветникам, на него ложно наветующим, никакая вера не дается, но и

паче оные, купно с наустителями, воспримут по делам своим достойную казнь».

Подозревая, что в доносе Кочубей и Искры участвует также сват судьи, полковник миргородский Апостол, известный своим «противенством» царским указам, Петр приказал Мазепе тайно схватить всех троих и, «сковав оных», прислать к нему.

Гетману указ не понравился. Он знал, что никаких знаков его измены Кочубей и тем более Искра не имеют, но вдруг они все же сумеют пробудить у царя подозрение?

И потом... полковник Апостол? Правда, Апостол, выдав дочь за старшего сына Кочубея, находится с судьей в дружбе, однако за последнее время гетман сумел расположить его к себе и кое-что даже открыл ему. Полковник Апостол стал нужным ему человеком, выдать его царю гетман никак не мог.

Он тайно вызвал к себе полковника и сказал:

— Царское величество прогневался на Кочубея за вечные на меня лживые доносы и хочет его казнить... Но я, видит бог, крови не желаю. Пошли кого-нибудь от себя в Диканьку, предупреди, чтоб Кочубей немедленно отъехал на время из Украины...

Давая возможность Кочубею скрыться, Мазепа поступал так вовсе не из жалости к старому приятелю. Это была все та же тонкая игра. Если Кочубей испугается и убежит за рубеж, его «воровство и злой умысел» будут царю явны. Если он не скроется, будет схвачен и казнен, сват его полковник Апостол перед всеми засвидетельствует невинность гетмана в пролитой крови.

Апостол таких тонкостей не понимал. Он поблагодарил гетмана за доверие и спешно послал гонца к Кочубею.

Однако Василий Леонтьевич советов своего свата не принял, а решил по-своему. Вместе с Иваном Искрой он тотчас же выехал из Диканьки и отдался под покровительство полковника Осипова.

Тот радушно принял беглецов и, оставшись с ними наедине, показал только что полученное письмо Головкина:

«Всемиловитейший государь, выслушав дело, повелел мне написать, чтобы вы немедленно объявили господину полковнику Искре, что царское величество верность его и объявление принял милостиво. И понеже желает о таком важном деле слышать сам, того ради указал вам с господином Искрою ехать через Смоленск к войску, а до вре-

мени дело сие содержать в высшем секрете, ибо его царское величество желает то зло через вас упредить, дабы в малороссийском крае не произошло какого возмущения».

Беглецы обрадовались. Василий Леонтьевич даже прослезился.

— Слава богу,— сказал он,— видно, услышаны наши молитвы...

— Скорей, скорей ехать,— торопил Искра.

Всю ночь приятели не заснули. Простые и доверчивые люди, любившие отчизну, но строившие свои подозрения на слухах и догадках, они верили, что достаточно начать следствие, как измена гетмана обнаружится. Несмотря на долгое знакомство с Мазепой, они имели слабое представление о его изумительной иезуитской хитрости. Они не заботились о доказательствах, не думали о трудностях. Письмо канцлера их обнадежило, они были полны самых радужных ожиданий и уже видели ненавистного гетмана в цепях на позорной плахе...

А через день — новая милость. Пришло личное письмо Кочубею. Головкин просил не медлить с приездом к нему.

«Дабы я мог с вами видеться,— заканчивал он письмо,— и посоветоваться, как то злое начинание упредить и какую бы верную особу избрать на место того подозрительного...»

Василия Леонтьевича особенно умилили слова о «верной особе». В глубине души он давно помышлял о гетманской булаве, и ему казался ясным намек Головкина. В сопровождении полковника Осипова и нескольких слуг, счастливые и довольные, приятели поехали в царскую ставку.

...А тем временем в Диканьке происходило следующее. За Кочубеем прибыл отряд полковника Трощинского, посланный гетманом. Не застав дома хозяина, полковник окружил хутор солдатами, принялся за опись имущества.

Кочубеиха вместе с невесткой — дочерью полковника Апостола — молилась в церкви.

Трощинский послал солдат взять ее, Кочубеиха не далась.

— Не пойду из церкви, нехай постражду перед алтарем, як Захария! — закричала она.

Тогда солдаты схватили ее, привели к полковнику. Тот без хозяйки распорядился в доме и уже изрядно отведал

ее наливок. Он вышел на крыльцо, качаясь, в рубахе с расстегнутым воротом и в мягких домашних туфлях судьи.

Кочубейха держалась с достоинством. Она бросила презрительный взгляд на полковника и сказала:

— Потому, видно, прислал вас Мазепа с таким большим войском за моим мужем, что он столько лет верно служил войску и писарством и судейством...

— Я тебе поговорю! — крикнул полковник.

— А ты, как вор, забрался в мой дом да еще кричать смеешь, — перебила Кочубейха.

— Стрелять, стрелять в нее, ведьму! — завопил и затопал ногами пришедший в ярость пьяный полковник.

Его насилу успокоили, уложили спать.

Наутро, собрав богатое кочубеевское имущество, полковник Трошинский отослал его гетману. Невестку, согласно распоряжению гетмана, отпустил домой, в имение Апостола. Кочубейху с одной служанкой привезли на телеге в Батурич, поселили в посадской избе под строгим караулом.

Слухи о событиях в Диканьке дошли и до монастыря, где жила Мотря. Но слухи были неясны, болтали люди по-разному. Тетка игуменья решила прежде времени племянницу не тревожить, и, запретив монахиням лишние разговоры, сама поехала на хутор, а оттуда в Батурич, узнать правду.

Мотря все же кое-что узнала без нее. Из Диканьки прибежала девка Мелашка и поведала, что царь разгневался на пана судью, что гетман его предупредил, и он укрылся, а мать уехала в Батурич. Мелашка также передала панночке маленькую записку гетмана. Он извещал свою «коханую Мотроненьку» о близком свидании и просил готовиться к отъезду.

Мотрю записка взволновала больше, чем судьба родителей. Она почувствовала, что происходят какие-то очень важные события, которые решают ее собственную судьбу.

Вечером она пошла ко всеошной. Монахини, до сих пор не замечавшие у девушки особого рвения к молитвам, диву дались, увидев, как Мотря усердно, со слезами на глазах отбивает поклоны.

— Впрямь, должно быть, беда у них случилась, недаром она убивается, — шептались монашки.

Они плохо знали Мотрю. Самолюбивая и своенравная девушка не испытывала особенной привязанности к род-

ным. Частые беседы с крестным, его рассказы о блеске и великолепии придворной жизни вселили в ее душу отвращение к привычному, скучному быту, пробудили острое желание во что бы то ни стало подняться на высшую ступень жизни. Обещания гетмана украсить ее голову королевской короной превратили желание в страсть, подчинив ей и сердце и разум, сделав веселую, жизнерадостную двадцатилетнюю девушку малообщительной, холодной и равнодушной ко всему на свете, кроме своего собственного ослепительного будущего.

Перед ликами угрюмых святых Мотря молилась о ниспослании ей благодати и скорого благополучного исполнения надежд, терзавших все ее существо...

Всенощная кончилась. Стоял апрельский темный и теплый вечер. На паперти, как всегда, толпились странники и нищие. Мотря не заметила, как один из странников — высокий и бородатый, — отделившись от толпы, последовал за ней.

Мотря шла с келейницей игуменьи. У дверей игуменской кельи, когда келейница уже открыла дверь, странник быстро подошел и, сняв шляпу, дотронулся до руки Мотри:

— Подайте Христа ради...

Мотря вздрогнула, растерялась. Голос странника показался знакомым.

— Бог подаст, нечего тут шлаться! — сурово отказала келейница.

— Ох, сердита ты, мать, ох, сердита... Ну, господь с вами, простите, коли так, — сказал странник.

И Мотря почувствовала, что он опять дотронулся до ее руки. Она отшатнулась, но рука уже ощутила прикосновение бумаги. Странник исчез в темноте.

Мотря наконец-то поняла, в чем дело и почему голос странника показался ей знакомым. Это был один из доверенных людей гетмана, управитель его имения пан Быстрицкий.

.

Приехав на другой день с печальными известиями из Батурина, игуменья застала в монастыре переполох. Ночью ее племянница исчезла. Монашки суетились, плели вздор...

Игуменья приказала им молчать и, никого не допрашивая, удалилась в свои покои. Здесь упала она на колени перед образами, и слезы обильно полились из ее глаз.

— Господи... Спаси и не погуби... Изведи душу ее из пленения сатанинского...

VIII

Гавриил Иванович Головкин — начальник Посольского приказа, — несмотря на постоянные болезни, был подвижен и деловит. Находясь при Петре в годы его малолетства в должности верховного постельничего, Гавриил Иванович изучил характер царя, участвовал во всех его затеях, одобрял все его мероприятия. Петр любил и уважал Гавриила Ивановича, доверяя ему самые секретные дела.

Мазепа знал, что Головкин служит честно и неподкупно, поэтому никогда не пытался расположить его к себе подарками и деньгами, до которых так жадны были многие другие царедворцы.

Но привыкнув строить свои отношения с людьми на умелом использовании их страстей и пороков, он нашел у Головкина другое уязвимое место.

Головкин в молодости слыл большим бабником, а с возрастом сделался великим охотником до острых, мало-приличных шуток и историй, а также любителем хорошо покушать и крепко выпить.

Недостатков своих Гавриил Иванович не скрывал. В одном из писем к Петру он признается:

«Ваша милость напомянул о моей подагре, будто она начало восприняла от излишества венусовой утехы, — я же подлинно вам доношу, что та болезнь случилась мне от многопьянства...»

Мазепа, постоянно распинаясь перед Головкиным в своей верности царскому величеству, в то же время делал все, чтобы лично поправиться ему.

Он забавлял Гавриила Ивановича разными потешными баснями, угощал редкими заграничными винами, часто посылал ему «зверины своей охоты», сопровождая посылки остроумными, смешными записками. Постепенно он сделался для канцлера своим, близким человеком.

Донос Кочубея произвел на Головкина такое же впечатление, как и на царя, он ему не поверил.

Казалось совершенно невероятным, чтоб милый старый гетман, столько лет служивший Петру верой и правдой, мог замыслить худое. Более убедительным казалось предположение, что доносчики затеяли дело по наущению врагов, хотевших учинить на Украине смуту.

С таким предвзятым мнением, поддержанным и Шафировым, приступил Гавриил Иванович к разбору дела.

Петр лечился от лихорадки в Петербурге. Головкин, арестовав приехавших в Витебск Кочубея и Искру, заранее писал царю:

«Сыскав основание дела, пошлем их для публичного окончания розыска в Киев, чтоб тем показать довольство гетману...»

19 апреля оробевший Василий Леонтьевич предстал перед Головкиным. Тот сначала ободрил судью:

— Надейся на царскую милость и подробно изложи все дело, ничего не опасаясь и не тая...

Кочубей начал длинный и путаный рассказ. Он вспомнил прежние измены гетманов, дружбу Мазепы с Голицыным, вспомнил десятки различных слухов и догадок о злокозненных намерениях гетмана, однако в его рассказе не было ничего доказательного.

«Гетман хулил князя Огинского, гетмана литовского за союз с государем... Гетман ездил к княгине Дольской и не раз пил ее здоровье, а держит около себя слуг ляхской породы... Гетман сносится с ксендзом Зеленским, а жене моей хвалил изменников Выговского и Брюховецкого, говорил, что он сам помышлял бы о своей цельности и вольности, да никто не хочет помогать ему...»

Головкин слушал зевая, ему давно были известны все эти вздорные, на его взгляд, слухи.

— Ты про дело рассказывай, — перебил он судью, — а до сплетен я не охотник...

Кочубей замолчал, вытер пот со лба, испуганно заморгал глазами. Потом засуетился, достал из кармана заранее написанные статьи гетманской измены, подал бумагу Головкину:

— Прошу вашу ясновельможность прочесть... Я не ради выгод своих сие дело начал, а единственно, величая превысокое достоинство великого государя...

— Знаю, знаю, — поморщился Головкин, — все вы так-то говорите...

— Прошу довести до сведения государя, что я...

— Ладно, — перебил Гавриил Иванович. — Доведем, ежели надобность будет... Ступай...

Кочубея увели. Головкин вызвал Шафирова. Тот только что закончил допрос Искры. Бывший полтавский полковник, заявив, что не имеет никакой корысти в этом доносе и что присоединился к нему по любви своей к отчизне, ничего нового и дельного не показал, сославшись во всем на Кочубея.

Лживость доноса казалась очевидной.

Бумага, поданная Кочубеем, в тридцати трех статьях повторяла его показание и не давала оснований смотреть на донос серьезно.

Шафирова заинтересовал только один пункт обвинения. Судья сообщал, будто Мазепа, ожидая приезда государя в Батурин, умышлял на его жизнь.

— Одно сие достойно внимания, остальное голословно и явно вымышлено, — сказал Шафиров, подчеркивая нужный пункт.

— Ты как по этой статье мыслишь? — спросил Головкин.

— Навет... Однако злой сей вымысел надобно строжайше рассмотреть, дабы гетмана от напраслины воровской оправить. Пытать придется, Гавриил Иванович...

— Ну что ж, — согласился Головкин, — сам так рассуждаю... По делам вора и мука... Приступай с богом...

...По распоряжению гетмана пан Быстрицкий привез Мотрю в один из черниговских дворцов Мазепы. Ласково встретивший крестницу гетман пробыл с ней всего три дня, — неотложные дела звали его к войску.

Однако за эти три дня Мазепа сумел так ободрить девушку, так уверенно подкрепить свои обещания, что она осталась в самом радостном настроении.

Нет сомнения, что Мотрю, не знавшую истинного положения вещей, в какой-то степени волновали разноречивые и темные слухи о судьбе родных, но гетман и в этом успокоил ее.

— Отец твой прогневал государя разными лживыми доносами. А злоба царя, сама ведаешь, предела не имеет... Я предупредил полковника Апостола, чтобы он укрыл Василия Леонтьевича в надежном месте, а куму устроил бы пока в Батурине. Ежели же, паче чаяния, отец твой будет

схватчен, стану просить за него государя, — ныне ко мне сей тиран еще милостив...

— Господи, когда только всех нас избавишь от него! — простодушно воскликнула Мотря.

— Тише, любонька моя, тише... Теперь скоро...

— Один ты за всех думаешь, один трудишься... Смотри, сам в подозрение не попади... Мне без тебя не жить...

— Ой, поживем, серденько, как еще знатно поживем, — отшучивался Мазепа. — Летом все муки наши кончатся... Шведские войска вот-вот тронутся...

— Дай бог.... скорее бы...

Окружив Мотрю надзором верных слуг, приказав не допускать к панночке никаких посторонних лиц, гетман уехал.

IX

Затянувшийся разбор кочубеевского доноса внушал серьезные опасения Мазепе. Гетман проведал, что одновременно на него послал донос верный союзному договору с Россией коронный гетман Адам Сенявский. А знакомый стольник Кантакузин сообщил, будто король Станислав открыто всем хвалится, что украинский гетман с ним заодно.

При таком положении кто знает, как может повернуться дело? Правда, царь болен, живет в Петербурге, а Головкин пишет успокоительные и милостивые письма, но не такие ли письма писал он недавно Кочубею? И ему ли, гетману, искушенному в тонкостях политики, верить словам царедворца?

Мазепа шлет Головкину письмо за письмом, настойчиво требуя присылки доносчиков, для полного обличения, в Киев.

«В простом народе, — сообщает он, — от сего кочубеевых единомышленников, рассеиваются многие плевелы и разглашаются повести, будто Кочубей в великой милости вашей...»

Головкин вместо ответа опять присылает требование схватить и выслать к нему полковника Апостола, якобы причастного к доносу. Это гетмана совершенно расстроило.

Сделав отписку, что за полковником он установил надзор, а схватить его сейчас никак нельзя, ибо все войско его любит и почитает, Мазепа решил снова применить иезуитский способ отвода от себя возможных подозрений.

Отцы пезуиты учили:

«Когда враги твои чернят тебя, умножь вымыслы их и знай, что один довод из уст врагов твоих против тебя может показаться истиной, а множество доводов будут свидетельствовать о злонамеренности противников твоих, и никто не даст веры им...»

Гетман перечисляет Головкину сразу десяток обвинений и подозрений, набрасываемых на него со всех сторон, а также посылает полученное им письмо некого пана Тарло, который убеждает его пристать на сторону шведского короля и Станислава.

«Благодарю бога моего,— скорбит гетман,— что грех ради моих наказует меня скорбями, напастями и клеветами, бедами и неудобноносимыми печальями, которые при крайней моей немощи и ослабелой старости превосходят мои силы и не дают спокойно окончить жизнь... Бог дал бы никогда не знать уряду гетманского, на котором от начала его не живу, а мучаюсь, стражду и непрестанные напасти от своих лжебратий и чужестранцев терплю. Прошу вашу вельможность сотворить милость ко мне: подай в тяжких печалях желаемую отраду, да не скончаются безвременно...»

Головкин поспешил успокоить «чувствительного» старика:

«Много таких рассеянных безделиц бывает ни на одного вас, но и на иных верных слуг царского величества. Нечего такому верить, ибо неприятели всегда для своей пользы ложь на верных сплетают, дабы тем своих единомысленников увеселить...»

Благодаря гетмана за присылку письма пана Тарло, Головкин доверил ему ответить пану по своему усмотрению.

Мазепа просьбу выполнил охотно. Он сочинил целое послание, в котором заявлял пану Тарло, что скорее на земле звезды будут, а небо сохой распадется, нежели Украина возвратится к Польше. Он припоминал все насилия, творившиеся панами над украинским народом, и объявлял, что под царским скипетром живет все вольготнее, поэтому никакие обещания не отведут народ от царя, а его, гетмана, «ни стрелы, ни огонь не разлучат от любви пресветлейшего, все милостивейшего государя». Он, наконец, сурово и зло обличал короля Станислава, «который только носит звание короля, а на самом деле является слугой шведов.

Копия письма, отправленного канцлеру, стала новым доказательством непоколебимой верности гетмана.

Следует заметить, что, конечно, никакого ответа пану Тарло гетман не посылал, да и сам «пан Тарло» едва ли не был изобретен хитроумием Мазепы.

Х

Пока тянулся разбор кочубеевского доноса, а гетман отводил от себя подозрения, донская смута разрасталась в мощное народное восстание.

Грамоты вольного атамана Кондратия Булавина, призывавшего «бить бояр, прибыльщиков и подьячих», всколыхнули всю южную Русь и Слободскую Украину. В Пристанский городок двинулись толпы работных людей и холопов, спасавшихся от тяжелых податей, подневольной работы и батогов.

Крестьяне прекращают пахоту на помещиков, громят боярские усадьбы. Зарева пожарищ видны и под Тамбовом и под Воронежем. Повсюду в деревнях и станицах шумят вольные народные круги, выбираются, по казацкому обычаю, атаманы.

Булавинский есаул Петро Колодуб верно служил народу. Не раз приходилось ему со своим отрядом бывать в российских деревнях и селах, оказывать помощь крестьянам, поднимавшимся на своих господ. Петро видел, что российские помещики, польские и казацкие паны, несмотря на разную веру и обычаи, всюду одинаково притесняют народ.

Как-то раз к Булаvinу с просьбой о помощи явились мужики из Тамбовской вотчины боярина Салтыкова. Булавин, взяв с собой сотню доброконных казаков под начальством Петра, помчался навестить боярина.

Огромное село, открывшееся их глазам, имело самый неприглядный вид. Крестьянские избенки, покрытые гнилой соломой, отощавшая скотина в катухах, слепленных из глины и хвороста, босоногая ребятня, едва прикрытая лохмотьями,— все свидетельствовало о крайней нищете населения.

А в центре села за белокаменной оградой возвыялся великолепный боярский терем, чем-то напominвший Петру Колодубу палац пана Кричевского.

Хозяина застали врасплох. Тучный, бородатый боярин,

в шелковом узорчатом халате, сидел за ужином с плутоватым дьяком, прибывшим от козловского воеводы князя Волконского для расследования жалоб, поступивших на Салтыкова.

Булавин, войдя в горницу вместе с Петром и казаками, снял шапку, чинно поклонился хозяину:

— Бьем челом, боярин... Не обессудь, что во множестве...

Боярин побагровел, хотел подняться и не смог. Еле-еле пробормотал:

— Не ведаю вас... люди добрые...

— Атаман Кондратий Булавин... Может, слышал?

Выпученными от страха глазами глядел боярин на неожиданных гостей, шевелил губами. «Совсем, как мой пан, когда из постели его вытащили», — подумалось Петру.

Дьяк стоял рядом с боярином и дрожал всем телом. Кто-то из казаков не выдержал, смеясь, вставил:

— Не пытай, атаман... Видишь, от радости языка лишились...

— Воистину так, — пролепетал дьяк.

Булавин бросил на него насмешливый взгляд:

— А ты что за ворона?

— Служилый, подневольный человек, — начал было оправдываться дьяк, но крестьяне, набившиеся в дом вслед за казаками, не дали ему продолжать:

— Не верь, атаман! Боярин, как лютый пес, народ грызет, а дьяк сей бесчинства его покрывает...

Булавин нахмурил брови:

— Вот оно что! Ну, не взыщи, господин дьяк, заодно и спрашивать будем...

Дьяк упал к ногам атамана:

— Неправда... Оговорили меня...

— Молчи, род гадючий! — грозно прикрикнул на него Булавин и обратился к крестьянам: — Эй, народ! В чем боярин повинен? Кажу, не таись...

Петро видел, как дрогнула толпа крестьян, одетых в худые зипуны и лапти, как пламенем полыхнула ненависть в глазах людей. И тут же выложили мужики, не таясь, все, что на сердце лежало. И как мучил боярин людишек своих тяжкими работами, и как Ивашку-холопа батогами до смерти забил, и как терзает народ за каждую малую провинность.

Атаман слушал жалобы молча, сдерживая гнев. Потом

шагнул к Салтыкову, багровое лицо которого покрылось испариной.

— Слышал вины свои, боярин?

Салтыков, собрав силы, приподнялся, затряс бородой, злобно выдохнул:

— Воры, бунтовщики!.. Не вам судить...

— Нам! Кончилось ваше царство! — стукнул кулаком по столу Булавин. — Возьмите и боярина, и дьяка! В воду обоих! — повернулся он к крестьянам.

Мужики живо скрутили своих обидчиков, потащили к реке...

До рассвета гулял народ, выкатив из боярских погребов бочки с вином.

— На бояр больше не пахать, на господ не работать, — разъясняли булавинцы. — Созывайте круг, изберите атамана, живите вольно. А кто похочет с нами идти — всем рады. В Пристанский городок собирайтесь. Пока не переведем изменников старшйн, бояр и панов, оружия не сложим...

Петро Колодуб видел, как светлели угрюмые лица крестьян, как радостные слезы катились по впалым щекам... Когда-то то же самое наблюдал он и в своем селе. Всем одинаково дорога была вольная волюшка.

И чувствовал Петро, как все сильнее охватывает его чувство братской любви к обездоленному люду, жившему на российских землях...

...Между тем события развивались своим чередом.

В апреле 1708 года Булавин «сухим и плавным путем» идет к Черкасску, разбивает войско вышедшего навстречу атамана Лукьяна Максимова и, уже не встречая более никакого сопротивления, занимает столицу донского казачества.

Он казнит изменников старшйн, сажает на цепь и высылает многих знатных казаков, раздает голытьбе их посевы, пожитки и церковную казну, вводит дешевые цены на хлеб.

Многочисленный круг, собравший представителей ста десяти станиц, единодушно избирает Кондратия Булавина атаманом всевеликого Войска Донского...

Царь Петр встревожился. Для усмирения бунта он посылает на Дон несколько полков, назначив вышним ко-

мандиром майора гвардии князя Василия Долгорукого, родного брата убитого когда-то Булавиным полковника.

«Мин гер,— пишет майору Петр,— понеже нужда есть ныне на Украине доброму командиру быть, того ради приказываем вам оное... изволь отправлять свое дело не мешкая, дабы сей огонь зараз утишить...»

Жестокий и мстительный князь, разбив песколько булавинских отрядов, начинает свирепую расправу. Тысячи людей посажены на кол. Дотла сожжены десятки станиц. Вниз по Дону, один за другим, плывут плоты с повешенными за ребра бунтовщиками. Вышний командир порешил разными способами тридцать тысяч виновных и невинных...

Булавин сидел в Черкасске. Домовитые, зажиточные казаки относились к нему враждебно. Их беспокоила голытьба, пришедшая сюда с Кондратием.

На бурных казачьих кругах гульгати кричали:

— Побить природных! Раздуванити пожитки богатых!

Кондратий Афанасьевич сам был из домовитых казаков. Он не решался полностью стать на сторону голытьбы, терял время, а главное, допустил раздробление своих сил.

Часть голутвенных казаков под начальством Игната Некрасова ушла на Волгу. Лучшие булавинские атаманы Семен Дранный и Никита Голый действовали порознь в Слободской Украине против царских войск. Лунька Хохлач, принявший начальство над запорожцами, повел их под кумачовыми знаменами под Воронеж.

Прощаясь с Петром Колодубом, оставшимся с атаманом в Черкасске, Лунька, с выбившимся из-под шапки рыжим чубом, сияя всем своим широким, конопатым лицом и потрясая саблей, крикнул:

— Побачишь скоро, що наша слава не вмерла!

Но больше видеться им не пришлось. Царские войска разбили запорожцев. Лунька погиб в схватке. А вскоре в Черкасск пришла весть, что убит в бою и Семен Дранный...

Тогда зажиточные казаки решают схватить Булавина и выдать князю. Во главе заговорщиков стоит приятель Кондратия атаман Илья Зерщиков. Булавину удастся открыть заговор и схватить нескольких предателей. Теперь он понял, что может надеяться только на голутвенный люд. Он пытается соединить силы, решает взять Азов. Но позд-

но. Пушки Азовских крепостей отгоняют подступивших булавинцев. Страх близкой расправы охватывает всех.

7 июля, ранним пасмурным утром, когда над Доном курился еще туман, Илья Зерщиков с богатыми казаками окружает атаманский курень...

Кондратий Афанасьевич с несколькими ближними людьми, среди которых и Петро, защищается. Сраженные меткими выстрелами, падают предатели... один... другой... Вот они отхлынули от куреня.

— Что, собаки? Взяли! — кричит атаман.

Ворот его вышитой рубахи расстегнут. В темных глазах упорство и злоба. Он стоит у окна, рука сжимает турецкий пистоль. Сзади толются одиннадцать верных...

Атаман повернулся, посмотрел... Этот суровый старик, спокойно заряжающий ружье, служил еще у Степана Разина... Тот, маленький и щуплый, — беглый хлоп... Тот, кажется, тульский кузнец...

«Эти не продадут, не казаки», — мелькнуло в голове атамана.

Его взгляд задержался на столе. Что там такое блестит? Ага, булава! Казачья власть! Не с ней ли атаман Корнелий Яковлев приходил схватить Степана Разина? Не ее ли поднимал изменник Лукьян? Не она ли нужна проклятому Илюшке Зерщикову? Нет, довольно!

Он хватает булаву. Треск. Обломки летят в угол.

— Сдавайся, вор! — доносится далекий голос Ильи. — Все одно достанем...

— Достань, попробуй...

В окно видно: наступать казаки боятся. Стоят, ждут... Но вот показалась арба, другая, третья... Везут хворост или сухой камыш. Остановились, выпрягли лошадей. Ах, вот что! Старый казацкий способ. Обложить камышом и зажечь... Да, конец. Надежды нет. Не выпустят... А попадешься к ним — железо, колеса, пощады не ждать...

— Конец... Может, вы как уйдете... — повернувшись к своим, говорит атаман и поднимает пистоль. — Ежели кто жив останется, расскажи народу, как продали нас...

Все молчат. Понимают. Живым ему сдаваться нельзя.

— Прощайте. Погибла воля наша!..

Выстрел. Атаман упал. Из левого виска льется змейкой густая кровь.

— Погибла воля наша... — медленно повторяет старик разинец. — Однако, чаю, для других она еще придет...

По суровому, обожженному донскими ветрами лицу Петра Колодуба текут слезы.

Кто-то схватил его за руку, шепчет:

— Идем, казак... Да смени кафтан на этот зипун, чтоб не опознали...

За окном вспыхивают красные огоньки. Потянул густой серо-желтый едкий дым¹¹...

XI

Разбор кочубеевского доноса тем временем закончился.

Искра под пыткой показал:

«Никакой измены за гетманом не знаю, слышал о том только от Кочубея, который говорил, что делает донос по верности своей к царскому величеству...»

Кочубей же сознался, что донос сделал по семейной своей злобе на гетмана. Ему дали пять ударов кнутом и спросили:

— Не по подсылке ли неприятеля и по факциям его затеян донос на гетмана? И нет ли людей, присланных к нему от неприятеля?

Кочубей отвечал твердо:

— Донес я на гетмана по злобе, никаких посылок от неприятеля не было, никакой неверности за гетманом не ведаю, все затеял ложно, чая, что мне не поверят без дальнего розыску...

После такого признания никто уже не сомневался в лживости доноса.

Шафиров поехал к царю, доложил:

— Учиненный по доносу Кочубея и Искры розыск не подтвердил ни малейшей виновности гетмана...

— А причины доноса вам ведомы? — спросил Петр.

— Ведомы, государь... Семейная злоба. Гетман Мазепа младшую дочь Кочубея в амурный соблазн ввел...

— Ах, старый черт! — улыбнулся Петр. — Верно, стало быть, говорится: седина в бороду, а бес в ребро... А подсылка неприятельских доносчикам не было?

— Не было, ваше величество...

— Гм... Какое же наказание за лживый донос определить изволили?

— Полагаем, государь, справедливей всего отправить обоих доносителей на Украину, огласить их вины народу

и предать казни, дабы неповадно было другим чернить безвинного...

Петр задумался. Можно, конечно, отменить казнь, сослать доносчиков в Сибирь. Но гетман, пожалуй, останется недоволен. Допускать же этого сейчас никак нельзя. Гетман столько лет служит верой и правдой, а в скором времени от него, очевидно, потребуются и большие услуги... Ведь шведские войска стоят почти на украинских рубежах...

— Быть по сему, — сказал наконец Петр. — Отправить лжедоносчиков на Украину и, ежели гетман милости ищет для них не будет, свершить, как определили...

Мазепа о милости для своих врагов и не думал.

Он отписал царю, что нельзя оказать милосердия клеветникам, «дерзнувшим языком лстивым и лживым блудословить о превысочайшем вашего царского величества гоноре и здравии, за которое всем нам, под высокой вашей державой и сладчайшим государствованием пребывающим, должно и достойно до последней капли крови стоять и умирать, и не токмо противное что оному чинить и сочинять, но и помыслить страшно, ужасно и душепагубно».

15 июля недалеко от Белой Церкви, в местечке Борщаговке, где стоял гетманский обоз, «при всей Посполитой Речи генеральной и при многом собрании всего малороссийского народа» несчастным «лжеклеветникам и всенародным возмутителям» отрубили головы. Тела их погребены в Киево-Печерской лавре.

Там над их могилой до сих пор уцелели каменные плиты с трогательной надписью, сочиненной неизвестно кем вскоре после этих событий:

«Кто, еси мимо грядый о нас неведующий!
Елицы zde естесмо положены сущи.
Понеже нам страсть и смерть повеле молчать,
Сей камень возопиет о нас ти вещати:
За правду и верность к монарсе нашу
Страдания и смерти испийно чашу.
Злуданем Мазепы всевечно правы,
Посечены заставше топором во главы,
Почиваем всем месте Матери Владычне,
Подающие всем своим рабом живот вечный.

Року 1708 месяца июля 15 дня посечены средь обозу войскового за Белою Церковью на Борщаговке благород-

ный Василий Кочубей, судья генеральный, и Иоанн Искра, полковник полтавский, привезены же тела их июля 17 в Киев и того же дня в обители святой Печерской на сем месте погребены»¹².

XII

Петру Колодубу удалось бежать на Украину. Сюда же мелкими группами и поодиночке стекались другие, уцелевшие от расправы, булавинцы.

А Украина, после казни Кочубея, была полна толками и слухами о том, будто гетман замышляет перевести казацкую старшину и отложиться от царя. Возможно, такие слухи исходили от единомышленников Кочубея, а впрочем, кто тогда не болтал об этом, прибавляя к слышанному малую толику домысла.

Петро Колодуб гетмана ненавидел. Вспоминались разговоры селян, страшные рубцы на Лунькиной спине, ссылка батьки Палия... Не может пан Мазепа желать добра народу!

Однако булави́нцев и голытьбу, мечтавшую повернуть жизнь по-своему, слухи сильно волновали... Петро решил добраться до Батурина, все разузнать.

...Конечно, Петро Колодуб не знал, что гетман, подготавливая измену, решил увеличить численность своего сердюцкого полка, поручив Филиппу Орлику тайно вербовать в сердюки людей, на которых можно положиться. Булавинцы, бежавшие с Дона, казались самыми надежными. Они ведь находятся вне закона, царь требует их выдачи. Булавинцы ненавидят царя за кровавую расправу и будут драться насмерть.

— А для большого соблазна, — с лукавой усмешкой сказал гетман писарю, — пусть тешат себя, будто я тайный недруг панства и будто донской бунт моим попусшением воздвигнут... Ясно тебе?

— Ясно, пане гетман, — ответил Орлик. — С такой приманкой всех к рукам приберем...

Первым был соблазнен и принят в сердюки хорошо известный Петру Колодубу храбрый и веселый булавинец Грицко Омельянюк. Встретив его в батуринской корчме, одетого в синий сердюцкий кафтан, Петро сначала глазам не поверил:

— Грицко! Ты ли это?

Омельянюк, бывший под хмельком, поднялся со скамьи, сжал товарища в мощных объятиях:

— Петро! Братіку! Дивитесь, люди добрые! Я ж тебя за упокой помянул...

— Поведай наперед, как ты душу дьяволу продал и в сердюки затесался? — промолвил невесело Петро, освобождаясь от объятий.

— Тю, дурень! — рассмеялся Грицко. — Мы ж войско гетмана, а гетман...

Он не договорил, оглянулся, потянул Петра за рукав в сторону, закончил шепотом:

— За вольность общую, как батько Кондратий, поднятись гетман хочет...

— Не верю, — мрачно отозвался Петро. — Быть не может, чтобы пан Мазепа...

— Ты выслушай сперва, — перебил Омельянюк. — Я же сам, как ты, дивился, да генеральный писарь явные знаки объявил...

— Какие знаки?

— Замысла его против панов и царского величества... Поручою тому, что гетман тайно от царя обороняет всех бежавших с Дону...

Последний довод был очень убедителен. Что мог возразить простой, неискушенный в хитростях казак? Он твердо знал, что царь и панство бунтовщиков покрывать не станут, а тут — смотри, как все оборачивается.

Петро направился к генеральному писарю Орлику. Тот принял булавинского есаула с отменной учтивостью, подтвердив намеками все, о чем говорил Грицко. Зная, как тревожит казаков история со ссылкой Палия, писарь отверг причастность гетмана к этому делу, уверяя, что Палия схватили без ведома Мазепы стрельцы, что тот, напротив, всячески оберегал батька и теперь, по старой дружбе, деньги ему посылает.

Петро, не доверяя еще полностью услышанному, захотел повидаться с гетманом. Мазепа, узнав, что бывший палиевец и булавинский есаул пользуется большим уважением казаков и голытьбы, охотно согласился его принять.

Ночью Петра Колодуба провели в гетманские покои. Петро, ни разу не видевший Мазепу, представлял его надменным и спесивым, как все паны. Но увидел он совсем другое. Перед ним сидел в кресле уставший от тяжелых трудов и забот благообразный седоусый старик, в простом,

без всяких украшений, казацком кафтане и желтых сафьяновых сапожках.

— Ну, рассказывай, казак, откуда прибыл? — услышал Петро мягкий, душевный голос.

— С Дону, пане гетман...

— Все без утайки говори... Как заняли Черкасск, как предали старшины Кондратия, — тихо сказал Мазепа, бросив на казака ободряющий взгляд.

Петро, преодолевая охватившее его волнение, стал рассказывать. Мазепа молча теребил усы, покачивал головой, вздыхал.

— Ах, Кондратий, Кондратий, какой казак был! — дослушав печальную повесть, прошептал гетман и, достав платочек, вытер набежавшие на глаза слезы. — Говорил ведь — подождать надо было...

— Народу, пане гетман, тяжело жить...

— Ведаю, голубь, ведаю... Многие ныне и меня в том винят. Гетман-де панам и арендарям угождает, поспольство поборами замучил, казаков царю продает... А того не разумеют, какие указы из Москвы идут! Давно бы отчизну нашу панам польским продали, кабы не гетман.

Мазепа передохнул, потом поднял слезящиеся глаза к образам, перед которыми мерцала неугасимая лампада:

— Ты один, боже милосердный, ведаешь, как денно и ночью голова моя о спасении отчизны помышляет...

Они беседовали еще долго. Тонкие, искусно сплетенные сети все крепче и крепче опутывали булавицкого есаула. В глубине сознания Петра, может быть, и шевелилась еще смутная мысль о возможности какого-то обмана, но он уже не мог сопротивляться.

Спустя два дня Петро Колодуб, пожалованный званием сотника, ходил в сердюцком кафтане.

ХІІІ

Мазепа одновременно устроил и другое важное дело. Через Орлика Мазепе давно было известно, что в доме обозного Ломиковского происходят тайные собрания генеральной старшины и полковников — противников царя.

Гетман знал, что на этих собраниях обсуждались вопросы о польской протекции, читался трактат, заключенный в свое время с поляками изменником Выговским, а полковники Апостол, Горленко и Зеленский даже предла-

гали войти в сношение с королем шведским, замышляя то же самое, над чем упорно «трудился» Мазепа. Однако тайных своих решений заговсрщики до сих пор Ивану Степановичу не открывали, видимо, побаивались его. А он из осторожности тоже не хотел открывать первым свой замысел, желая, чтобы первый шаг сделали они сами...

Старшина медлила, гетман решил подтолкнуть ее...

Пригласив обозного и полковников к себе, он начал скорбеть о нарушении царем войсковых прав и о том, что никто не желает думать о пользе отчизны.

Обозный Ломовский не выдержал и, глядя на гетмана хитренькими глазками, сказал:

— Мы, пане гетман, верим тебе и все рады сделать так, как укажешь.

— Я уж стар и ничего не могу придумать,— развел руками гетман.— Сами помышляйте, пока не поздно...

— Надо освободить Украину от москалей! — выкрикнул, горячась, полковник Горленко.— От них целости казачества не ждать. Все солдатами будем...

— Со шведами надо сойтись,— тихо заметил лубенский полковник Зеленский.

— Как так со шведами сойтись? — сделав вид, что не понял слов полковника, спросил гетман.

— Заключить тайный трактат... Перейти на их сторону, ежели признают нашу независимость...

— Ты что? Из ума выжил, что ли? — притворно ужаснулся Мазепа.— Разве сие возможно?

— Я слышал,— вмешался Апостол,— будто король Станислав предлагал...

— Не знаю, ничего не знаю,— перебил Мазепа.— И слушать не хочу. Я двадцать лет его царскому величеству верой и правдой служу...

Полковники зашумели:

— Все мы ему служим, да служить уже мочи нет. Отпало сердце наше служить ему...

— Надо о себе помышлять...

— Время удобное упустим, наплачемся после...

Мазепа, сидя в кресле, продолжал ужасаться:

— Ох, страшусь слов ваших! Никогда такого мыслить не смел... Напрасно смущаете!

— Разумное предлагаем, пане гетман,— сказал Ломиковский.— Мы все в готовности давно, за тобой дело стало.

— Ох, не знаю... Подумать надо. Воле вашей я, сами

ведаете, никогда не противился, а ответа на себя взять не могу. Страхусь...

— Ответ на нас! Присягу дадим! — крикнул полковник Горленко.

Мазепа встал. Задумчиво оглядел полковников, снял со стены крест, достал евангелие.

— Я вижу, — сказал он, — что вы все согласно решили для блага отчизны просить о протекции короля шведского, поэтому я буду помышлять, как велите. А вы присягните на святом кресте и евангелии, что будете служить мне верно и не отступите, ежели я по вашей воле учиню...

Полковники присягнули...

...Через несколько дней Мазепа заключил тайный договор с королем Станиславом, по которому вся Украина присоединялась к Польше, а гетману за такую «услугу» король жаловал титул герцога и отдавал во владение несколько воеводств.

Мазепу, мечтавшего сделаться украинским владыкой, такой трактат не устраивал. Но он понимал, что теперь не время затевать споры, и, скрепя сердце, подписал договор в надежде, что обстоятельства помогут ему и в дальнейшем королевская корона его не минует.

Застѣ четвертая

I

В июле 1708 года Карл XII переправился со своими войсками через реку Березину и занял Могилев.

Сюда из Литвы к нему на помощь спешил корпус генерала Левенгаупта.

Умный граф Пипер советовал королю:

— Надо ждать, ваше величество... У Левенгаупта шестнадцать тысяч отборных войск, провиант, артиллерия...

Не соединившись с ним, нельзя продолжать похода...

Карл совета не принял. Совсем недавно известный чародей Урбан Гиарна предсказал ему другое:

— Золотой Лев севера с малыми силами одолеет Орла, притупит его когти, установит свою власть в Азии и Африке, водворит повсюду истинную веру лютеранскую...

Самонадеянный и упрямый король не чуждался суеверия.

К тому же вот уже несколько раз он получает тайные вести от Мазены. На Украине готовы зимние квартиры, народ ждет не дожидается шведских войск, чтобы освободиться от царской тирании. Русская армия небоеспособна, она будет по-прежнему отступать. Московиты еще не забыли Нарвы.

Говорят, что Петр оправился от болезни и прибыл в армию. Что ж, он ничем не лучше своих варваров и плохо разбирается в воинском искусстве... Так кажется Карлу.

Не дождавшись Левенгаупта, он приказывает начинать наступление.

Шведы входят в Мстиславльское воеводство. Видимо, король прав: русские продолжают отступать.

Но шведам приходится нелегко. Болотистые речки и топи Полесья затрудняют движение. В августе пошли непрерывные, холодные дожди. Дороги совсем исчезли. Население бежит, сжигая дома, увозя все припасы. Бесприютный и угрюмый край!

В шведском обозе кончаются последние запасы продовольствия. Солдаты собирают на полях колосья неубранных хлебов, трут зерна между камнями, едят один саломат, приправленный чесноком. Укрыться от дождя и высушиться негде. Появляются болезни.

Карл мужественно делит с солдатами все невзгоды, ест из котла противный саломат, смеясь, слушает неприятные солдатские шутки.

— У нас три доктора, — говорят солдаты, — доктор Водка, доктор Чеснок и доктор Смерть...

Оставшись один, Карл злобно кусает губы, долго отмывает руки и полощет рот.

Граф Пипер явился предложить королю ужин: горячий бульон, цыплят, фрукты.

— Вы забыли, граф, что я солдат и не привык отделять себя от своих шведов, — вспыхивает Карл.

Граф почтительно кланяется, уходит. Король, не раз-

деваясь, ложится на походную кровать. Долго не может заснуть, вскакивает, достает из походного ящика жареную курицу. Жадно съедает. Кости тщательно завертывает в бумагу, выбрасывает в печку.

...Утром 30 августа шведы вышли к местечку Доброе. Русские стояли совсем близко, их отделяли от шведов две речки и густой туман.

Петр, находившийся здесь, через разведчиков установил, что правое крыло неприятельской армии отделилось от главных сил, и приказал князю Голицыну и генералу Флюку с тридцатью эскадронами драгун и восемью батальонами пехоты ударить на оторвавшуюся часть.

Драгуны, пользуясь туманом, вброд переправились через речки и напали на неприятеля с двух сторон.

Шведы не ждали русских. Растерялись, побежали.

Король поспешил на помощь, но было уже поздно. Три тысячи трупов шведских солдат покрывали поле. Русские в строевом порядке отходили на север.

«Я, как начал служить,— писал Петр в Воронеж адмиралу Апраксину,— такого огня и порядочного действия от наших солдат не слышал и не видел, да и сам король шведский такого во всей войне еще не встречал...»

Обозленный неудачей, Карл сперва приказал преследовать русских, уходивших к северу, но затем остановился и повернул опять на юг.

16 сентября передовые отряды шведских войск вошли в пределы Украины.

Тут произошло нечто такое, чего не ожидали ни король, ни гетман. Мазепа предупредил шведов, что в Стародубе для них заготовлено продовольствие, и просил, чтобы они поспешили занять этот город, так как туда же идет русский генерал Инфлянт с войском.

Карл немедленно отправил в Стародуб большой отряд генерала Лангеркрона.

Местные дороги были незнакомы. Жители украинских деревушек при появлении непрошенных гостей прятались неизвестно куда. Они поджигали свои хаты, хлеб, имущество. Солдатам негде было укрыться от дождей, достать продовольствие.

Бродившие по шляхам древние старухи в лохмотьях поднимали кулаки и выкрикивали проклятия.

Генерал Лангеркрон негодовал. Он слышал от короля, будто местное население, недовольное царем, ждет войска его величества, как друзей и освободителей. Однако никаких признаков дружбы генерал не замечал.

Вечером солдаты привели к нему крестьянина. Он назвался Игнашкой, беглым холопом, ходившим в пастухах у стародубских селян.

Игнашка генералу понравился. Мужичонка был низкорослый, оборванный, но говорил охотно. Лицо приветливое, желтоватые глаза смотрят добродушно.

Через переводчика-поляка генерал спросил:

— Правду ли говорят, что казаки и селяне не любят царя и бояр?

— Вестимо правду,— подтвердил Игнашка, смело глядя на генерала.— Народу от них одни обиды да слезы.

— А почему же народ убегает от шведских войск, которые хотят освободить вас от царя и бояр? — задал вопрос Лангеркрон.

— Пукаются,— улыбнулся пастух.— Кабы-де хуже не было...

Генерал велел выдать Игнашке кафтан и накормить.

Мужичонка остался доволен. Покорно благодарил.

— А на Стародуб дорога тебе известна? — спросил генерал.

— Хаживал не раз...

— Так вот,— сказал Лангеркрон,— если ты по самой короткой дороге приведешь нас туда, получишь пятьдесят червонцев.

У Игнашки глаза заблестели.

— Господи батюшка,— бормотал он,— пятьдесят червонцев! Да за такие деньги... Уж будьте покойны...

Утром шведы пошли. Игнашка вел их лесными дорогами, казался веселым, пел песни.

Пройдя верст сорок, отряд остановился на ночевку у лесной речки. Генерал расставил вокруг лагеря часовых, приказал драгунам не спускать глаз с проводника.

Погода стояла скверная. Дул холодный ветер, накрапывал мелкий дождь. В полночь где-то совсем близко дважды прокуковала неурочная кукушка и сразу смолкла. Игнашка поднялся. Драгуны не спали, сидели у потухшего костра. Их лошади в нескольких шагах мирно щипали траву. Игнашка отправил нужду, дважды громко чихнул.

Послышался какой-то шорох. Драгуны насторожились, схватились за ружья.

В ту же минуту раздался крик, и человек двадцать селян, вооруженных топорами и вилами, выскочили из леса, бросились на часовых. Игнашка необычайно ловко отпрыгнул в сторону, вскочил на лошадь. Раздались выстрелы, но было поздно.

Зарубив несколько драгун, угнав полсотни лошадей, селяне, словно привидения, исчезли в лесной трущобе. Лишь один лежал на земле, убитый шальной пулей.

На другой день генерал Лангеркрон узнал, что Игнашка увел шведский отряд в другую сторону от Стародуба. Город тем временем был занят русскими войсками.

Первая встреча с украинским народом не обещала шведам ничего хорошего¹³.

II

Войска генерала Инфлянта, занявшие Стародубщину, портили планы Мазепы. Особенно тревожил гетмана указ царя Петра: немедленно соединиться с Инфлянтом и действовать сообща с ним.

Указ этот показался Мазеле подозрительным.

Пригласив к себе Ломиковского и присягнувшую старшину и полковников, он объяснил положение, прочитал царский указ и сказал:

— Я опасаюсь, не приманивают ли меня к этому генералу, чтобы взять в руки? Не знаю, идти ли нам на соединение с ним или нет?

— Нет, не идти,-- решила старшина.— Не медли больше и посылай к шведскому королю просить протекции.

— А также объяви нам,— выступил Ломиковский,— на что может надеяться Украина и войско запорожское от шведов? На яком фундаменте ты тую махину заложил?

Гетман нахмурил брови. Он не считал нужным открывать свои тайные замыслы даже сообщникам.

— Для чего вам прежде времени ведать? Положитесь на мою совесть и на мой разумишко, который, по милости божьей, не хуже вашего...

Однако старшина настаивала, и он приказал Орлику прочесть один из первых универсалов короля, в котором подтверждалось, что все желания гетмана будут исполнены. Украина будет признана независимым государством.

Заговорщики остались довольны.

Когда они ушли, гетман разделся, лег в постель, приложил к голове пластырь, приказал позвать отъезжавшего в царскую ставку стрелецкого полковника Анненкова.

Полковник находился при Мазепе несколько лет, был с ним в самых дружеских отношениях.

— Что с вами, Иван Степанович? — удивился Анненков, войдя в комнату и увидел лежавшего без движения гетмана.

Мазепа застонал, с трудом повернул голову.

— Умираю... — чуть слышно, шепотом, отозвался он. — Сокрушили меня болезни, печали и напасти... Боюсь, не увижу тебя больше...

— Бог даст поправитесь. Я деньги войсковые получу и дня через два вернусь, — ответил полковник.

Мазепа обрадовался. Последнее время, живя в вечной тревоге, что вот-вот может открыться его замысел, он ко всем относился подозрительно. Отъезд полковника в ставку внушал ему опасения. Теперь стало ясно, что Анненков ничего не подозревает, едет по своим обычным делам.

«Слава создателю, — подумал гетман, — пронеслась тучка». Но радости своей ничем не обнаружил, продолжал говорить по-прежнему, охая и стоная:

— Ныне всемилостивейший государь указал мне идти с войском к генералу Инфлянту. А я, видит бог, каков от болезни... Сердечно рад бы службу нести, да мочи нет... Ох, вижу, конец мой приходит...

Мазепа замолчал. Страдальческие морщины бороздили его лицо. Из потускневших глаз, обращенных к теплившейся перед образами лампаде, катились слезы. Губы шептали молитву:

— Боже милосердный! Дай силы послужить пресветлому монарху нашему... Не отврати от меня милости государя...

Полковнику стало жалко «бедного, доброго» старика. Он взял его руку, пожал ободряюще и ласково.

— Государь не взыщет, Иван Степанович. Я доложу... В болезнях не мы, а один господь волен....

Мазепа, казалось, не слышал ничего, лежал без движения¹⁴.

Полковник тихо и скорбно удалился. В ставку он отбыл с печальными известиями о тяжелой болезни, постигшей верного гетмана... В то же самое время по другой дороге

в закрытой карете ехал Мазепа, направляясь в одно из своих имений — любимую Поросючку, где ждала его Мотря.

III

После казни Кочубея отношения между гетманом и Мотрей изменились.

Когда Мазепа, со слезами на глазах, рассказал ей ужасную новость и, призывая бога в свидетели, уверял, что он в этой крови, пролитой тираном-царем, не повинен, девушка поверила. Но как бы плохо не относилась она к родным, казнь отца потрясла ее, отвлекла на время от честолюбивых мыслей. Она много плакала, молилась. Ей захотелось увидеть свою мать, свою сестру, свой дом, где прошло детство...

Гетман отговаривал:

— Нельзя, мое серденько. Сама рассуди, как тебя дома примут? Насмеются над тобой родичи, обесчестят... Вот подбуди. Как благословит нас церковь и будешь госпожой Украины, тогда никто не посмеет слова плохого тебе сказать...

Мотря понимала — гетман прав. Однако бесконечно ждать ей уже надоело. Когда и чем все это кончится?

Мысли ее начинали путаться, в душу закрадывалось сомнение... Да, она любила умного, сильного, гордого гетмана! Но теперь девическое обожание прошло. Она все чаще и чаще замечала его недостатки, сравнивала невольно гетмана с другими людьми... Почему-то во сне вот уже три раза видела она Войнаровского. «Что он говорил тогда, на вечере, в замке? — старается припомнить она. — А что, если он сейчас войдет сюда?..»

Мотря краснеет. Она старается отогнать такие мысли, но они идут, идут против воли... Крестный? Господи, как уныло висят его усы, как смешно он морщит лоб... Вот у Андрия... Нет, нет, не хочу об этом думать. Крестный такой хороший, он меня так любит...

Но зачем он меня прячет? Говорит, что родичи насмеются, обесчестят. Это правда... А почему нельзя сейчас в церковь? Почему надо ждать и ждать?

Мотря вспомнила всю историю своей любви и отметила в поведении гетмана много такого, что раньше не замечалось ею, а теперь наводило на сомнение в искренности его любви...

Уже не радостно и доверчиво, а настороженно встретила Мотря на этот раз гетмана.

— Что с тобой, Мотроненько? — спросил он. — Опять, видно, скучала и плакала. Вот подожди...

— Я устала ждать, — перебила девушка. — Почему ты не можешь сейчас послать за попом?

Мазепа, уловив в ее голосе нотки беспокойства и раздражения, притворился, что ничего не заметил, и попробовал, как обычно, отшутиться:

— Ой, да мы не попа, а архиерея позовем. Дай только, боже, удачу скорую...

— У тебя всегда свои заботы, — вспыхнула Мотря. — Ты не думаешь обо мне...

— Думаю, любонько, думаю. О чем же мне помышлять, как не о твоём счастье...

Гетман достал из кармана драгоценное монисто, улыбаясь, привлек к себе девушку:

— Вот... носи, да не печалься, ясынька моя...

— Мне не подарки твои нужны...

— Знаю, знаю, Мотроненько. Сам денно и пощю душою о тебе болею... Вместе к его величеству королю шведскому поедем. Я уже карету для твоей милости приготовил... А потом...

Мотря любила слушать гетмана. Умел он находить такие слова, которые глубоко западали в душу и оживляли угасавшие надежды и желания.

Но сегодня долгая беседа с крестным не успокоила ее. Она чувствовала, что не может уже относиться к нему по-прежнему, не может всему верить.

И будущее уже не казалось ей таким прекрасным, каким старался представить его гетман. Это свидание не принесло ей радости.

IV

Царь Петр, послав часть своих войск на Украину, повернул другую часть навстречу спешившему на соединение к королю корпусу генерала Левенгаупта.

27 сентября при деревне Лесной войска встретились. Шведы стояли на хороших позициях. Слева окружал их лес, справа — болота, защищавшие с фланга от русских.

Петр, поставив прямо против шведов Ингерманландский и Невский пехотные полки, отвел в сторону кавале-

рию, сделав вид, что намеревается обойти левое крыло неприятеля.

Тогда генерал Левенгаупт атаковал стоявшую перед ним пехоту. Русские стойко выдержали яростный натиск шведов. В то же время Петр передвинул кавалерию, она с двух сторон обрушилась на врага. Завязался пятичасовой упорный, жестокий бой.

Генерал Левенгаупт несколько раз лично водил в атаку шведскую пехоту, но в конце концов должен был отступить к обозу.

Наступил вечер. Пошел снег с дождем, поднялась сильная выюга.

Шведы получили подкрепление, к ним подошли два полка, соорудившие мосты для переправы через реку Сож. К русским присоединился генерал Боуэр с тремя тысячами драгун.

Петр, перестроив войска, приказал возобновить атаку. Опять закипел бой. На этот раз шведов сбили. Они смешались и побежали. Русским достался весь огромный неприятельский обоз, пушки, множество пленных.

Только ночь и непогода спасли от плена генерала Левенгаупта. Он явился к Карлу с жалкими остатками армии, без артиллерии и провианта.

Ночью взволнованный и радостный Петр писал господам министрам:

«Объявляю вам, что мы неприятеля дошли, стоящего в зело крепких местах, числом шестнадцать тысяч, который тотчас из лесу атаковал нас всей пехотой. Но мы три своих полка конных против них учинили и прямо, дав залп, на оных пошли. Правда, хотя неприятель жестоко из пушек и ружья стрелял, однако одного сквозь лес прогнали к их коннице, и потом паки в бой вступили... Неприятель не все отступал, но и наступал, и весь день нельзя было видеть, куда виктория будет. Напоследи, милостью победодавца бога, одного неприятеля сломив, побили наголову, так что трупов их осталось на месте восемь тысяч, обоз весь, шестнадцать пушек, сорок два знамя да в плен взяли сорок пять офицеров, семьсот рядовых, а потом еще многих непрестанно в наш обоз приводят и сами из лесов приходят... Сия победа может у нас первой назваться, понеже над регулярным войском никогда таковой не бывало...»

Победой русские действительно могли гордиться, ибо одержали ее меньшими силами. У них было всего четырнадцать

дцать тысяч пехоты и конницы, против шестнадцати тысяч отборных шведских войск.

Петр торжественно, с пушечной пальбой праздновал победу в Смоленске. По всем церквам служили благодарственные молебны. Министры и генералы поздравляли царя со славной викторией.

Но, казалось, самую большую радость от победы русских войск испытывал старый и больной гетман Мазепа.

«С неописанною и неизглаголанною радостью известясь о богодарованной виктории,— цветисто поздравлял гетман царя,— я благоприветствую ваше царское величество и усердно желаю, дабы бог-победоносец помог до конца истребить и сокрушить неприятеля, прославив во все концы вселенной преславное вашего царского величества имя бессмертными победительными триумфами...»

Войсковой есаул Максимович вместе с письмом передал государю и подарок гетмана — две тысячи червонцев, немалые по тем временам деньги, в которых у Петра ощущалась «нужда крайняя».

Государь обласкал есаула, велел передать гетману его царскую благодарность за любовь и дружбу, осведомился, нет ли у Мазепы какой нужды.

— Его ясновельможность,— отвечал есаул,— желая остаток дней своих прожить вблизи всемилостивейшего и обожаемого монарха, купил под Рыльском, в землях великороссийских, маютность и просит государя утвердить за ним его покупку...

Петр просьбу милостиво принял и дал согласие. Покупка русских земель еще больше укрепила его доверие к гетману.

Шляхтичу Якубу Улашину, заявившему, будто Мазепа поколебался в верности, отрезали язык.

V

И все же страх, вечный спутник предателей, ни на минуту не оставлял гетмана.

Узнав, что возвращавшийся из Москвы киевский митрополит Иосаф остановился в Борзне, Мазепа вообразил, что «святой отец» подослан разоблачить его притворную болезнь.

Гетман решился на новый обман. Ночью к Иосафу прибежал испуганный Орлик с просьбой немедленно прийти

к умирающему гетману. Митрополит застал Ивана Степановича явно в безнадёжном состоянии. Большой едва дышал, говорить не мог — отнялся язык.

Митрополит, не сомневаясь в близкой кончине гетмана, дал отпущение грехов, совершил обряд соборования и отъехал в Киев в великой печали.

Но бог сжалился и подозрительно быстро исцелил больного.

Через два часа после отъезда митрополита Мазепа уже писал по-латыни письмо графу Пиперу. Выражая радость по поводу вступления шведских войск на Украину, гетман просил немедленно прислать к нему сильный отряд, для переправы которого через реку Десну обещал устроить паромы.

Письмо повез в шведскую ставку доверенный гетмана пан Быстрицкий. Шведы стояли совсем близко.

Однако и князь Меншиков, следовавший с кавалерийскими полками по пятам неприятеля, расположился уже в Горске, в каких-нибудь ста верстах от Борзны.

Мазепа понял, что наступили решающие дни. Лицо его вновь оживилось, глаза лихорадочно блестели. Он тщательно побрился, надел походный костюм.

Андрей Войнаровский, возвратившийся из армии, прямо не узнал дяди.

— А я слышал, ты болен? — сказал он, удивляясь.

— Некогда теперь болеть, — махнул рукой Мазепа.

Он объяснил племяннику, что король принял все его условия и, возможно, на днях наступит время решительных действий.

— Ведь это измена, дядя, — тихо и задумчиво произнес Андрей.

— Ты что? Разум потерял, что ли? — рассердился гетман. — Протекция короля шведского спасет нас от разорения и конечной гибели... Ты еще молод, не ведаешь, какую пагубу всей нашей отчизне царское величество замышляет...

Андрей слушал молча. Его мысли странно двоились.

Мечтательный, пылкий юноша, всей душой любивший свою отчизну, он искренне полагал, что возможно такое государственное устройство Украины, при котором не будет места издевательству панов над народом. В Семене Палие и Кондрате Булавине, ставших за правое дело, он видел героев, подобных великим людям древней Греции.

«Вольные казацкие круги» представлялись Войнаровскому наиболее справедливой формой правления.

Несколько месяцев назад, поняв из разговора с дядей, что тот хочет облегчить участь народа, Андрий, не колеблясь, принял его сторону, не думая о последствиях, не имея представления о подлинных замыслах гетмана.

Однако пребывание в армии и встреча с царем Петром, которого он считал «тираном», внесли много нового в его мысли.

Царь, лично руководивший обороной государства и водивший войска в атаку, царь, неустанно трудившийся, строивший корабли, устанавливавший новые, лучшие порядки, понравился Войнаровскому.

Андрий видел, что шведы и их союзники — польские паны, с которыми боролся Петр, являлись врагами и русского и украинского народов.

И вот теперь, по словам дяди, чтобы Украина стала свободной, надо перейти во вражеский лагерь.

Андрий чувствовал, как противно, гадко даже думать ему об этом. Но какое-то безволие сковывало ему душу, он искал и не мог найти веских доводов, чтобы опровергнуть то, что говорил гетман.

— Я заключаю трактат с королем шведским, — продолжал Мазепа. — Он признает все права и вольности наши. А может, мне удастся и помпирить короля с царским величеством. Я надеюсь мирным способом отстоять свободу отчизны...

— Что ж, может, ты прав, — вздохнул Андрий. — Только знай: кровь русских я никогда проливать не буду...

— Ой, дурень! Да разве я до этого допущу, — успокоил гетман. — Я сам с царским величеством ссоры не желаю, но только, сам рассуди, нам вольность наша всего дороже. Разумешь?

VI

20 октября князь Меншиков прислал гетману просьбу немедленно приехать к нему для совещания. Вместо себя Мазепа отправил Войнаровского с известием, что сам он тяжело болен.

— Ох, дядя, дядя! Неладно все это выходит, — поморщился Андрий. — Не люблю я обманывать...

— Политика — не гусли, — возразил гетман. — Не об-

манешь, так и не сыграешь... Ты передай мою записку князю и скорее возвращайся...

Андрей уехал.

А на другой день из шведской ставки вернулся пан Быстрицкий и сообщил, что король с войском завтра утром подойдет к Десне.

Мазепа собрал преданную ему старшину и, объявив свое окончательное решение, приказал тайно передвинуть сердюцкий полк и казацкое войско к Десне.

Ночью вместе с гетманским обозом уехала и Мотря, последние дни жившая в Борзне. В то же время гетман отправил в Батурин монашку уведомить Кочубеиху, чтобы та на всякий случай, ввиду военных неожиданностей, покинула город. Кочубеиха вместе с младшим сыном Федором и вдовой Искры уехала в Сорочинцы — поместье Апостола, где собрались все родственники покойного Кочубея.

Утром 23 октября прискакал Войнаровский. Он объявил дяде, что князь Меншиков едет к нему для свидания сам.

Мазепа вместе с племянником верхами помчались в Батурин.

Там гетман уединился с преданным ему полковником Чечелем, открыл свой замысел и сказал:

— Я надеюсь на тебя, Дмитро. Как ты с малых лет мне верно служил, так и теперь послужи, а мною забыт не будешь... Я оставляю тебе две тысячи войска Батурина, если подойдут русские, не сдавай. Отбивайся до последней возможности. А я обещаю скоро оказать сикурс, приду с войсками шведскими...

Чечель поклялся города не сдавать, но просил удалить из Батурина полковника Анненкова, который может помешать подготовить город к обороне.

Гетман отправил Анненкова к Меншикову с запиской, что ждет князя в Батурине.

25 октября, догнав свой обоз, Мазепа переправился через Десну. С ним были верные ему люди из числа генеральной старшины и полковников, сердюки, около двух тысяч казаков.

Построив свое войско, Мазепа обратился к нему с большой речью:

— Вам ведомо, — сказал он, — какие обиды приходится всем нам терпеть от великороссийских людей, какое великое утеснение наших прав и вольностей имеем от царского

величества, который ныне, как подлинно мне известно, замыслил всех казаков в солдаты перевести, а Украину воеводам и боярам отдать... Я много раз старался отворотить царя от пагубных намерений, но из этого ничего доброго не вышло. Поэтому не нашел я иного спасения, как обратиться к великодушию короля шведского. Он обязывается уважать и защищать наши права и вольности против всех, кто посягнет на них. Братья! Пришло время свергнуть ненавистное ярмо и сделать нашу Украину страной свободной и независимой! Вот к какой будущности я вас всех призываю. Мы достигнем этого при помощи короля шведского.

Ударили тулумбасы. Взвились знамена.

— Слава гетману! Слава королю! Слава! — закричала старшина.

Но ее поддержало лишь несколько разрозненных голосов. Казаки стояли с опущенными головами. Неожиданность всех потрясла. До сих пор старшина говорила, что ведет казаков против шведских войск, вступивших на украинскую землю... И вдруг оказалось, что они становятся врагами русских! Было над чем подумать!

Петро Колодуб чувствовал себя так, словно его кипятком ошпарили.

«Как? — гневно думал он, — продать нашу матку Украину шведам и панам! Привести на нашу землю шведов! Надеть на себя новый хомут! Так вот какую вольность готовил нам пан гетман... Ну, нет! Мы дрались против бояр и прибыльщиков, стояли за свою веру и волю, по отчизны не продавали. Со шведами и панами в дружбе нам не быть!»

Весь день ходил Петро мрачнее тучи, а когда пала ночь и зажглись казацкие костры, собрал к себе в палатку наиболее близких булавицев.

Грицко Омелянюк, потрясая здоровенным кулачищем, крикнул:

— Обманул нас, как последних дурней, гетман! Продал, Иуда! Зрадниками* всех сделал!

— Не быть тому!! — перебил Петро. — Будем думать, братья, как из такой неволи себя вызволить.

— И думать нечего, Петро! Уходить надо! — дружно отозвались булавицы.

* З р а д н и к — изменник.

Петро посмотрел на товарищей, потер лоб:

— Сам так мыслю, браты, да куда уходить?

Булавинцы призадумались. Положение для них создавалось тяжелое. Против шведов стояли войска царя Петра, от которого, конечно, нечего и ожидать милости донским бунтовщикам. Куда же пристать им, желавшим постоять за цельность и вольность матери-отчизны? После долгих размышлений и споров они решили укрыться пока в лесах и действовать против шведов самостоятельно. Хорошо, что были у них добрые кони и оружие, а достать пропитание не трудно!

О том, кому начальствовать над охотным конным отрядом, согласились единодушно:

— Быть нашим батьком тебе, Петро Колодуб!

Петро снял шапку, поклонился:

— Что ж, пусть будет по вашей воле... Собирайте всех, кто похочет с нами, да седлайте коней!

Той же ночью отряд Петра Колодуба, состоявший более чем из трех сотен булавинцев и казаков, переправился через Десну и ушел от изменника гетмана. Многие другие казачьи сотни тоже последовали его примеру. Силы Мазепы таяли, как вешний снег...

VII

В глубине души король презирал Мазепу. Он мнил себя великим полководцем и рыцарем. Он хотел покорять страны шпагой, умом и благородством. Интриганы и предатели не пользовались его благосклонностью, вызывали чувство гадливости. Король понимал, что измена гетмана царю может оказать большую помощь шведской армии, но доверия и дружеского расположения к изменнику не ощущал.

Графу Пиперу с большим трудом удалось убедить короля принять гетмана с подобающими его сану почестями.

29 октября в Горках состоялся первый прием.

Почетный караул из батальона гренадер и батальона королевских драбантов выстроился у главной квартиры, занимавшей большой деревянный дом. Карл сидел в кресле у крыльца, хмурый и молчаливый. Несмотря на холодную, ветреную погоду, на короле был обычный костюм: помятая шляпа, наглухо застегнутый зеленоватый сюртук, высокие сапоги. Около короля находились: граф Пипер,

генерал-квартирмейстер Гилленкрот, генералы Реншильд, Крейц и Левенгаунт, большая свита.

Мазепа, в богатом гетманском кунтуше и отороченной собольим мехом шапке, ехал верхом. Его окружали старшина и полковники. Впереди шла сотня сердюков. Несли войсковые клейноды, гетманский бунчук и булаву. Ударили барабаны, загремела музыка...

Подъехав к королю, Мазепа легко соскочил с коня. Придерживая саблю, опустился на одно колено. Старшина последовала его примеру.

Карл уже не хмурился, смотрел с любопытством. Первое впечатление от гетмана, сверх ожидания, было приятно.

Король сразу отметил и оценил военную выправку гетмана, богатство его снаряжения, умелые манеры. До сих пор Мазепа почему-то представлялся угрюмым, бородатым скифом. Склонившийся перед ним человек имел за шестьдесят лет, был среднего роста, худощавый, без бороды, но с украинскими длинными, свисавшими вниз седыми усами. Этот старик, владыка казаков, никак не казался дикарем.

Король встал, взял Мазепу за руку, помог подняться, предложил свое кресло.

Гетман поклонился:

— Мне не подобает сидя говорить с вашим величеством, — произнес он по-латыни.

— Ваши годы, гетман, дают вам это право, — нетерпеливо сказал Карл. — Я не привык соблюдать церемоний. Садитесь...

Мазепа сел.

— Ваше величество! Я двадцать лет верой и правдой служил царю Петру, но никогда не видел от него таких почестей, какими вы, государь, чья мудрость и храбрость известны всему свету, удостоили меня, — витневато начал он свою речь. — Я благодарю бога, что он в лице вашем послал бедному народу малороссийскому избавителя...

— А вы уверены, гетман, что ваши казаки будут верно служить мне? — перебил король.

— Я приехал просить о протекции с общего согласия, ваше величество, — уклончиво ответил гетман. — Верность свидетельствуется делами, государь... Я могу сообщить, что вам приготовлены лучшие города для квартир, фураж, провиант и потребная амуниция...

— Спасибо, гетман... Яна вас надеюсь...

— Бог свидетель, что ваше величество отныне имеет во мне верного подданного...

Мазепа погостил у короля весь день. Приглашенный к королевскому столу, он развлекал короля и придворных веселыми рассказами из казачьего быта, был любезен и остроумен. Все составили о нем самое хорошее мнение.

Прощаясь с Карлом и увидев, что тот одет слишком легко, гетман заметил:

— Вы, государь, надеетесь на свою молодость. Я понимаю, в молодости есть огонь, который греет. Но он с годами проходит. И меня когда-то холод не страшил, а теперь вот, как пришла старость, не лишней оказывается и шуба...

— Я не привык к мехам, солдату не подобает их носить, — сказал, рисуясь, король.

— Вашему величеству необходимо сохранить свое здоровье для счастья ваших подданных, — с чувством произнес Мазепа.

На другой день он прислал в подарок королю несколько драгоценных чернобурых лисиц.

Карл, чтобы не обижать старика, велел подбить мехами свой сюртук.

VIII

Князь Александр Данилович Меншиков не подозревал ничего худого. Узнав, что гетман «при кончине своей жизни обретается», он писал царю:

«Сия ведомость зело меня печалит. Первое — тем, что не получил его видеть, другое — тем, что жаль такого доброго человека, ежели от болезни бог его не облегчит. А о болезни своей пишет, что от подагричной и хирогричной приключилась ему апелепсия...»

24 октября князь поехал в Борзы к умирающему, но по дороге встретил полковника Анненкова. Тот передал записку Мазепы и сообщил Меншикову, что гетман ожидает его в Батурине.

— Как в Батурине? — переспросил, недоумевая, Меншиков. — Он третьего дня писал, что ждет себе последнего целования...

— Видно, господь облегчил, — ответил полковник. — Вчера я видел его в Батурине в добром здоровье..

Тут впервые в душу Меншикова закралось смутное подозрение. Но он сдержал себя и, не подав вида, приказал полковнику:

— Пошли нарочного в Батуриц, извести гетмана, что я к нему вскоре буду...

Отдохнув в местечке Мена, Меншиков собрался ехать в Батуриц. В это время подъехала карета киевского губернатора князя Голицына.

— А я к тебе, Александр Данилович,— произнес встревоженный губернатор.— Неладные слухи ходят про гетмана...

— Знаю, знаю,— раздраженно перебил Меншиков.— Нечего прежде времени гадать... Садись в мою коляску, вместе поедem.

По дороге встретили солдат полка Анненкова.

Те сообщили, что гетман уже уехал из Батурина, а замок заняли сердюки. Меншиков и Голицын переглянулись. Злой умысел Мазепы становился понятным.

Оставшись в батуринском подворье, Меншиков с Анненковым верхами поехали к замку.

Ворота крепости были закрыты, мосты, перекинутые через ров, разорены. На стенах виднелись вооруженные люди. Из бойниц грозно глядели пушки.

— Что это значит?! — крикнул полковник, остановив лошадь у самых стен замка.— Зачем вы укрепились, словно против неприятеля? Отворите ворота, впустите князя Меншикова и царских ратных людей...

— Гетман никого не велел пускать,— отвечали со стен.— Никакого князя мы не знаем, да и знать не хотим. Отъезжайте с богом, пока целы... Стрелять будем...

— Но где же гетман?

— К царскому войску поехал! — насмешливо крикнул полковник Чечель, поднявшись на стену.

Теперь для Меншикова все стало ясным.

А вечером он получил новое известие: Мазепа с обозом переправился через Десну.

«Через сие злохитрое его поведение,— немедленно отписал князь царю,— признаем за истину, что, конечно, он изменил и поехал до короля шведского. Явная есть причина и то, что племянник его Войнаровский, будучи при мне, двадцать второго октября в полночь, не простясь с нами, к нему уехал и с того времени гетман ко мне ни о чем не отзывается. Инако об нем рассуждать неизвольте, толь-

ко что совершенно изменил. При сем еще доношу вашей милости, что здешней старшине, кроме самых вышних, та-кож и в простом народе, с нынешнего гетманского злого учину никакого худа не видать. Ко мне из всех ближних мест съезжаются сотники и казаки, приносят нарекания на изменника, просят со слезами, чтоб за них предстательствовать и не допустить до гибели, ежели от гетмана будет над ними промысел... Советую вашей милости обнадежить здешний простой народ универсалами, дабы на прелести гетмана никто не склонился...»

...Царь Петр с войсками сторожил на Десне неприятеля. Его квартира находилась в местечке Погребках. Здесь 27 октября, ранним утром, он получил письмо Меншикова.

Неожиданное известие привело царя в ярость. Петр был честен. Он привык со всех строго взыскивать за каждую провинность, он не мог простить и собственной оплошности. Весь день Петр провел в одиночестве, никуда не показываясь. Тяжелые думы о своей, хотя и невольной, вине не давали покоя.

«Я, я один виновен,— с горечью думал он.— Поверил льстивым словам... Ослеп... Но как я мог усомниться? Двадцать один год этот Иуда был верен. Двадцать один год служил честно, показывал усердие. Кто же ведал его подлинные замыслы? Нет, были, были такие люди... Сколь раз нас предупреждали о его злых факциях... Кто не верил? Кто пролил невинную кровь Кочубея, Искры и других честных? Мой, мой грех...»

Петр припомнил десятки случаев, дававших возможность проверить гетмана и оставленных без внимания. Вспомнил, как не раз сам смеялся над слухами о хитрости Мазепы.

Стиснув ладонями виски, он мучительно застонал.

Все встречи и разговоры с Мазепой представлялись теперь в ином свете... Вот этот любимец Васьки Голицына стоит перед ним со смиренным видом на коленях там... в Троице... клянется служить до последней капли крови... Разве можно было тогда ему верить?.. Вот тихий, потонувший в садах, казачий городок Острогожск... Гетман опять клянется, подносит царю богатую турецкую саблю, сверкающую золотом и дорогими камнями...¹⁵ Вот Москва, Кремль... Гетман принимает только что пожалованный ему

орден Андрея Первозванного... и опять клянется... Сколько клять! Сколько лживых слов слетело с окаянного языка клятвопреступника!

Нет, отныне нельзя никому слепо верить... Никому. Даже ближним. Даже Сашке...

Петр поднимает скомканное и брошенное на пол письмо князя, вновь перечитывает. Нет, всех равнять, конечно, нельзя. Этот не продаст. Вороватый, но свой, близкий... Ишь, ведь, пишет как...

— Пирогами торговал, а ныне царям советы дает... Мин херц... собачий сын... — усмехнувшись, вслух произнес Петр.

И почувствовал, что неожиданно злоба отхлынула. Ясный разум рождал уже иные мысли. Надо думать о том, чтобы не допустить пущего зла. Петр сел к столу, стал писать ответ князю:

«Мы получили письмо ваше о нечаянном никогда злом случае измены гетманской. Ныне надлежит трудиться, как бы тому злу забежать и не допустить войско казацкое переправиться через Десну по прелести гетманской. Немедленно пошли к тем местам несколько полков драгунских. А казацким полковникам и старшинам вели ласково, чтоб они тотчас ехали сюда для избрания нового гетмана...»

Царь остановился, потер лоб, минуту подумал и добавил еще одну строчку:

«И вы тоже немедленно сюда приезжайте...»

IX

Слух об измене гетмана Мазепы быстро облетел всю Украину. Народ, давно уже подозревавший ненавистного Мазепу в злом умысле и тайных связях с польским панством, гневно отвернулся от предателя. Времена жестокого владычества шляхты воскресли в памяти народной.

В царскую ставку со всех концов Украины спешили полковники, сотники, казацкие выборные люди.

Жители Прилук в челобитной царю Петру писали:

«Не отринь нас убогих от своей благодати и не предай нас в вечное пленение иноверцам».

Жители Лубен, Лохвицы, Новгород-Северска и многих других городов, проклиная изменника, присягали на вер-

ность Петру, клялись до конца жизни стоять против общего неприятеля.

Царь приказал «для лучшего упреждения всякого зла и возмущения» съезжаться всем в Глухов, где должно было 5 ноября состояться всенародное отрешение Мазепы от гетманства, а затем выборы нового гетмана.

...Маленький, тихий украинский городок Глухов необычайно оживился. Толпа горожан и селян, несмотря на холодную, ветреную погоду, еще с ночи заполнила обширную площадь перед собором. Люди стояли, тесно прижавшись друг к другу, взгляды всех были прикованы к освещенному смоляными факелами высокому помосту, воздвигнутому в центре площади и охраняемому казаками. Над помостом, окрашенным в черный цвет, была сооружена виселица. Столбы с перекладиной были видны отовсюду.

Народ шептался, строил догадки:

— Словили, говорят, Мазепу-то...

— Дай боже! Давно удавить пора!

— Мазепа с нечистой силой знается, его не словишь!

— Родичей его везут, вешать будут...

— Не родичей, а старшину генеральную, коя с ним заодно стояла...

Ранним утром подошел в боевом порядке солдатский полк Анненкова. Солдаты и казаки, потеснив немного толпу, выстроились полукругом возле помоста, куда вскоре подкатила сопровождаемая драгунами карета, запряженная четверкой взмыленных лошадей. Из кареты выскочил проворный и молодцеватый Меншиков в генеральской шинели нараспашку, следом, крихтя и охая, опираясь на палку, вышел Головкин. Они что-то сказали драгунскому офицеру. Тот, прищипорив коня, помчался к городскому острогу, стоявшему близ площади.

В ожидании прошло несколько минут. Но вот тяжелые острожные ворота распахнулись, показалась окруженная сильным конным конвоем телега, на которой стоял крижистый мужик в красной рубахе.

В одной руке он держал топор, другой придерживал за шиворот сидевшего перед ним на скамье человека.

Народ, стоявший на площади, зашевелился. В мужике все узнали палача, но кто сидел на скамье? Судя по одеж-

де — богатому кунтушу и орденской голубой ленте, — это же не кто иной, как сам подлый пан Мазепа! Однако, почему он так странно подскакивает на каждом ухабе? Да и лицо, с обвисшими усами, кажется безжизненным. Хорошо бы поглядеть поближе, да разве пробьешься сквозь конвойных...

Кляча, впряженная в телегу, мотала головой и фыркала. Солдаты и казаки с трудом сдерживали напор любопытствующих.

Наконец кого-то осенила верная догадка:

— Это ж не гетман, а рукодельная его персона... Лицо из воска слеплено...

Народ шумел и волновался. Кто-то пронзительно свистнул. В «персону» гетмана полетели камни и комья глины.

Меншиков и Головкин стояли у помоста. Приметив, как жалует народ изменника, Александр Данилович довольно усмехнулся, потом, наклонясь к уху Головкина, шепнул с лукавинкой:

— Вот как, Гавриил Иванович, дружка-то твоего старого...

Головкин сморщился, простонал:

— Ох, не бреди ты мою душу... Без того муторно, как вспомнишь этого дьявола!

— Ладно, давай начинать, что ли...

Телега остановилась. Палач с «персоной» гетмана в руках прошел под виселицу.

Меншиков и Головкин поднялись на помост. Народ обнажил головы. Головкин достал царский манифест, откашлялся, начал читать:

«Объявляем всем нашим подданным, что гетман Мазепа, забыв страх божий и крестное целование, изменил нам и переехал к неприятелю нашему, королю шведскому. По договору с этим королем, а также с королем польским, Лещинским, выбранным от шведов, гетман Мазепа хотел поработить малороссийскую землю под владение польское, а церкви и святые монастыри отдать в унию...»

Глухой, негодующий рокот покрыл последние слова. Головкин передохнул и, возвысив голос, продолжил:

«Понеже **нам**, яко государю и оборонителю малороссийского края, надлежит отеческое попечение о вас имети, того ради повелеваем всей генеральной старшине, полковникам и прочим, дабы на прелесть и измену сего бывшего

гетмана не смотрели, но при обороне наших войск против тех неприятелей стояли... При сем же объявляем, что известно нам учинилось, как бывший гетман хитростью своей, без нашего указа аренды и многие другие поборы наложил на малороссийский народ, будто на уплату войску, а на самом деле ради обогащения своего,— сии гягости повелеваем мы ныне с малороссийского народа оставить...»

Слова манифеста были ясны и понятны. Едва только Головкин закончил чтение, как площадь отозвалась разноголосым мощным гулом:

- Слава великому государю!
- Слава русским, братьям нашим!
- Будем заедино против общих неприятелей!
- Клянемся! Клянемся!
- Смерть зраднику Мазеце!

Меншиков, выждав время, пока шум несколько затих, поднял руку и крикнул:

— Его величество, отрешив изменника Мазепу от гетманства, повелевает лишить его орденой награды и повесить... Понеже изменник еще не пойман, государь указал свершить казнь над сей рукодельной «персоной» того клятвопреступника и злодея...

Александр Данилович повернулся к палачу, махнул рукой. Тот сорвал с рукодельной персоны орденой ленту, накинул петлю на шею. Звонкая барабанная дробь рассыпалась по площади. «Персона» изменника, при общем одобрении народа, отделилась от помоста и закачалась между двух столбов.

На другой день состоялась рада. С согласия царя казацкая старшина выбрала гетманом полковника стародубского Ивана Ильича Скоропадского.

Через неделю по всем церквам гремела грозная анафема. Имя изменника предавалось вечному проклятию.

...Мазепа не сдержал своего слова, данного полковнику Чечелю. Обещанной скорой помощи батурицы не получили. Мазепа мог бы настоять перед королем о посылке в Батурин шведских войск, но ему было некогда. Он занимался спасением и охраной своего богатого имущества и упустил время.

Войска князя Меншикова взяли приступом и дотла

сожгли Батурин. Сотни верных гетману людей погибли в кровавой схватке. Чечель и другие начальные люди были схвачены и казнены.

Х

Пришла зима. Выпал ранний снег.

Заняв Ромны и Гадяч, шведы располагались на зимних квартирах, полагая отдохнуть здесь так же привольно, как в Саксонии. Однако вскоре они убедились, что украинский народ не считает их желанными гостями.

Прибыв с королем в Ромны, Мазепа созвал сотников и приказал немедленно собрать для шведов двадцать четыре тысячи волов, сорок тысяч свиней, сто тысяч «осмачек» муки. Сотники пообещали, уехали и больше на глаза гетмана не показались. В Опошне, Котельве и других местечках селяне рады наотрез отказались исполнять приказания «проклятого» Мазепы. Лохвитского сотника Якова Еременко, приехавшего за сбором провианта в Сорочинцы, селяне связали и отправили в царскую ставку.

Убедившись, что на помощь Мазепы, обещавшего продовольствие, надеяться нечего, шведы стали создавать свои продовольственные команды. Их неистовые грабежи и бесчинства усиливали ненависть населения к иноземцам и предателю гетману. Селяне угоняли скот, сжигали имущество и хлеб, чтобы ничто не попало неприятелю.

Жители города Смелы отказались впустить на зимние квартиры шведов, тайно провели к себе отряд русских войск под командой генерала Рене, который наголову разбил два шведских полка.

Народ Правобережной Украины тоже единомысленно осудил изменника гетмана. Белоцерковский полковник Михайло Омельченко отписал царю, что народ здешней стороны гнушается именем изменника Мазепы, которого «ненавидит тем паче, что он в этой стороне обращал казаков в мужиков и вводил панщину». Полковник в доказательство своей верности царю отправил в Киев всю богатую казну и пожитки Мазепы, находившиеся в Белой Церкви.

В Чигирине, Богуславе и других городах жители схватили мазецинских агентов, мутивших народ, и, заковав в цепи, отвезли их к губернатору Голицыну.

Мазепа тщетно рассылал десятки универсалов, оправ-

дивая себя перед украинским народом, приглашая выступить против «поработивших матку-отчизну москалей»,— его никто не хотел слушать.

Не имели никакого успеха и манифесты Карла, пытавшегося возбудить украинский народ против реформ и нововведений царя. Украинские казаки и селяне, испытывавшие долголетний гнет польских панов, понимали, что только одни русские являются их защитниками от иноземцев.

«Малороссийский народ,— писал Петр Апраксину,— так твердо стоит, как больше нельзя от них требовать. Король посылает прелестные письма, но сей народ неизменно пребывает в верности, а письма королевские нам приносят...»

«Проклятый Мазепа,— сообщает Петр в другом письме,— никому, кроме себя, худа не принес. Народ имени его слышать не хочет...»

Зато грамоты нового гетмана Ивана Ильича Скоропадского, обличавшего «иноверного и иноязычного короля шведского», и манифесты Петра, призывавшие народ «чинить неприятелю препятствия и промыслять над ним всякими средствами», быстро нашли отклик.

Тысячи казаков и селян при приближении неприятеля бежали в леса, составляли отряды, разбивавшие шведские обозы, угонявшие лошадей и с каждым днем все смелее нападавшие на шведские воинские части.

Среди таких партизан скоро особенно прославился батюшко Петро Колодуб.

...В тот год зима стояла суровая. Частые бури и вьюги намели непролазные сугробы снега, занесли дороги. Потом ударили лютые морозы, каких давно не помнили старики. По свидетельству очевидцев, «падали на лету птицы, в лесах находили множество замерзших животных. Четыре тысячи шведов погибли тогда от невыносимой стужи. Конные замерзали, сидя верхом на лошадях, пехотинцы примерзали к деревьям и повозкам, на которые облокачивались в последние минуты борьбы со смертью. Иные шведские солдаты думали согреться водкой, но она не помогала, при ее содействии они только скорей делались добычей смерти».

Город Гадяч, где была главная квартира шведов, обра-

тился в лазарет. Из домов слышались раздирающие душу крики больных, которым доктора отпиливали отмороженные части тела. Перед домами ползали обезумевшие от боли и отчаяния калеки. Так встречала украинская земля непрошенных гостей...

В один из таких зимних, морозных дней по окраине дремучего леса медленно продвигался вперед большой отряд шведов под командой генерала Лимрота.

Генерал был бравый вояка. В главной квартире его не раз предупреждали опасаться «лесных казаков», генерал только ус крутил:

— Клянусь честью солдата, сотня этих разбойников не стоит десятка моих добрых шведов... Кто такие эти «лесные казаки», чтоб воевать с нами? Они годны только для грабежей и разбегутся от первого нашего выстрела...

Отряд состоял из шестисот драгун. Все хорошо вооружены и тепло одеты. Лошади выносливы и сыты.

Проехав верст двадцать, генерал приказал сделать непродолжительный отдых, разрешил солдатам выпить по чарке водки и, проверив свои силы, с удовольствием отметил, что мороз и тяжелая, сугробистая дорога оказываются не так страшны.

«Пусть только попадутся мне эти «лесные казаки», — самодовольно подумал он, — я им задам жару...»

И вдруг, словно отвечая на его мысли, сзади отряда гулко захлопали выстрелы, сотня пеших селян, вооруженных ружьями и пиками, выскочила из леса. Генерал не растерялся, быстро повернул и спешил отряд.

Нападавшие, отстреливаясь, стали отступать обратно в лес. Генерал приказал преследовать их.

Но в это время с другой стороны, молниеносно развертывая фланги, на шведов обрушились три сотни конных казаков.

Впереди на гривастой казацкой лошади, подняв кривую турецкую саблю, скакал молодой русобородый казак в овчинном полушубке и бараньей шапке с красным верхом.

— Бей поганых! — кричал он. — Круши чужеземных!..

Напрасно пытался генерал Лимрота привести в порядок свой отряд. Разрозненные и спешившиеся драгуны, не добежав до лошадей, гибли под сабельными ударами.

Лимрота с двумя десятками конных драгун пытался спастись бегством, но казацкая пика пронзила его сзади.

Только один раненый добрался до своих и передал королю известие о гибели отряда¹⁶.

Когда бой окончился, русобородый казак собрал круг и сказал:

— Давайте думать, братья, как дальше жить? Мы уже не одну сотню поганных ворогов порубили... Слух о нас, мыслю, давно до нового гетмана дошел. Может, не станет он теперь за старую вину с нас взыскивать. Не объявиться ли ему открыто?

— А какая в том нужда, батько Колодуб? — спросили казаки. — Без гетмана и без высокой старшины воевать всесей...

— Опасаюсь, братья, что враги позора своего не простят, пошлют против нас большое войско. Не устоять нам одним...

Почесали казаки затылки. Так-то оно так, да вдруг новый гетман пакость учинит? Как бывшим донским смутьянам и мазепинским сердюкам на гетманскую милость надеяться? Заманит ласковым словом, а потом...

— Нет, Петро, подожди объявляться, — сказали подумав казаки. — Лучше на воле погибнуть, чем в царской неволе жить!

Петро Колодуб возражать не стал, но мысль о необходимости присоединиться к войску гетмана с каждым днем беспокоила его все больше... Солдаты Карла XII разорили дотла окрестные деревни, добывать продовольствие становилось все трудней. Кончался запас свинца и пороха. Лошади падали от бескормицы.

И кто знает, что было бы с «лесными казаками», если б не подоспела неожиданная радостная весть: царь возвратил из сибирской ссылки Семена Палия. Рука об руку с новым гетманом Скоропадским готовит старый батько казацкие полки для обороны отчизны.

Петра Колодуба словно свежим ветерком обдуло. Приободрился, повеселел и в тот же день, взяв лучшего коня, помчался к Палию.

Да, это был он, прославленный батько Семен Палий! Помутнели его голубые глаза, прибавилось морщин на лице, поседели, обвисли пышные усы, совсем белоснежной стала большая борода, отросшая в сибирской ссылке. Но зато по-прежнему гордым соколом казался батько казакам, когда, лихо подбоченясь, сидел на коне. И прежним, молодым задором веяло от призывных речей старика —

неукротим и лют был батько к предателям и врагам своей матки-отчизны.

Ничего не утаил от старика Петро Колодуб. Рассказал, как бунтовал он с Булавиным, как бежал потом на Украину, как обвел проклятый Мазепа его и других казаков хитрыми, лживыми словами, как ушли они от него, не желая служить изменнику.

— Добре, добре, сынку, — одобрил батько. — Замолвлю за вас слово гетману, ныне не время старые счета сводить. А о том не сомневайтесь, что под царской рукой служить будете... Вам, казакам, всем ведомо, что царское величество не всегда меня пирогами жаловал, а ныне я под его знаменами и умереть рад...

Посмотрел Петро в глаза батька и не понял: то ли от сердца говорит старик, то ли хитрит? А батько булавиного есаула сразу разгадал и брови нахмурил:

— Матка-отчизна наша много нестроений разных видела, много крови пролито на полях ее... Но не было еще большего зла и горя для нас, чем ныне, когда чужестранцы, приведенные сюда Иудой-Мазепой, народу нашему ярмо навеки надеть хотят, когда в святых храмах наших уже кормят коней своих поганые нехристи...

Поднялся тут с места старый Семен Палий. Силой великой и страстью слово старика зажглось:

— Ныне час настал, Петро, всем казакам, и селянам, и голоте вместе с государевыми войсками стоять против недругов общих... Нет ныне у нас, сынку, пути иного! За целость народа нашего стоять поднимаю я вас, казаков! За матку-отчизну, за лучшую долю ее! Чуешь, голузь?

Радостно и легко стало на душе Петра Колодуба. В полной мере дошли до него слова старика. Опустился Петро, по казацкому обычаю, на колено, руку батьке поцеловал и твердо ответил:

— Чую, батько!

Через несколько дней охотный отряд Петра Колодуба, с разрешения царя, влился в войска гетмана Скоропадского.

XI

Мазепа видел, что планы его рушатся. Несомненно, он пытался разобраться в причинах постигшей его неудачи. Ведь все как будто складывалось хорошо, все было учтено,

обдуманно. Успешно вовлечены в заговор нужные люди из числа старшин, приготовлен провиант для шведов, отведены все возникавшие подозрения, обманут такой человек, как царь Петр. Какая же непредвиденная, грозная сила стала на пути?

События, происшедшие после измены, свидетельствовали, что такой силой был украинский народ, с которым менее всего считался воспитанник иезуитов, вынашивая свой дьявольский замысел. Украинский народ не только не последовал за изменниками, но единодушно их осудил. Все хитроумие Мазепы оказалось бессильным, чтобы обмануть украинских казаков и селян, поколебать их нерушимую дружбу и братскую солидарность с русским народом.

Все чаще Мазепа сознавал, что для него теперь ничего не остается, как поскорей унести отсюда ноги, но развращенный мозг его еще продолжал выискивать новые лукавые способы, чтобы выбраться из тяжелого положения...

Уже несколько ночей подряд Мазепа проводил наедине с оставшимся при нем кривоглазым полковником миргородским Данилом Апостолом.

О чем они говорили,— неизвестно. Только в одну из зимних ночей Апостол куда-то исчез из шведского лагеря и больше сюда не показывался.

А через некоторое время Иван Степанович, отпустив в шинок всех слуг, завесил окна в комнате, запер дверь, достал какое-то письмо, полученное через гадяцкого попа, и нетерпеливо, трясущимися руками разорвав конверт, стал читать:

«Ясновельможный господин,— было написано знакомым ему почерком.— Доношение ваше через полковника миргородского его царскому величеству сообщено. Видя ваше доброе намерение и обращение, государь принял то милостиво и повелел мне писать вам с крепчайшим обнадеживанием, что ежели вы начатое свое намерение потрудитесь исполнить, то государь примет вас не только в прежний уряд и свою милость, но оную изволит умножить... На те кондиции, предложенные через господина полковника, государь соизволил согласиться и гарантеров, желанных от вас, для содержания той амнистии принимает... Только надлежит вашей милости постараться, дабы об известной главнейшей особе, по предложению своему, безопаснейшим образом сочинить... Буде же о самой той особе невозможно, то хотя бы о прочих, знатнейших, то

учинить по предложению. А удобно то учиниться может, понеже наши войска вблизиости обретаются...»¹⁷

Дочитав до конца длинное письмо, Мазепа облегченно вздохнул, перекрестился.

Письмо было от Головкина. Предложение Мазепы «схватить и выдать короля и знатнейших генералов», переданное полковником Апостолом, получило одобрение.

Обещание принять Мазепу «в прежний уряд и милость» будило надежду, что не все еще потеряно.

Продолжая ежедневно бывать у короля, гетман теперь еще более, чем прежде, старался показывать ему свою преданность и усердие, помогал советами, льстил и ободрял, а втайне готовил заговор против него...

Вскоре план был до тонкости продуман. «Главнейшая особа» молода, смела, горяча и ничего не подозревает. Легкомыслие и самонадеянность короля облегчали дело.

XII

Всю зиму стычки между шведскими и русскими войсками продолжались с переменным успехом. Русский генерал Аларт выбил шведов из Ромен. Король захватил Зеньков, куда с января перенес главную квартиру. Был взят шведами и укрепленный городок Веприк, но какой ценой! Небольшой русский гарнизон и вооруженные жители-украинцы две недели стойко отбивали все атаки неприятельской армии. Рвы вокруг городка были завалены шведскими трупами.

В конце января шведы овладели Опошней, сожгли Красный Кут и Городню, продолжая продвигаться на юг. Однако достаточной ясности в их планах не имелось. Пленные и «языки» довольно единодушно показывали, будто король собирается идти на Воронеж, чтобы сжечь русский флот.

Такие вести сильно беспокоили царя Петра.

Он находился в Сумах и оттуда писал Меншикову:

«Зело нужно через добрых шпигов (к нему нет лучше попов) проведать, куда намеряют неприятели маршировать».

Шпионы-попы донесли, что шведы двигаются к югу, а пленные продолжали твердить о Воронеже.

Петр не выдержал. Надо немедленно учинить охрану флота, принять меры, чтобы русские корабли с весны

стояли у Азова и отвлекали турок от союза со шведами. Вместе с Меншиковым царь едет в Воронеж.

«Я перед сим уже писал о неприятельском намерении к Воронежу, — сообщает он с дороги адмиралу Апраксину. — Хотя и теперь то невероятно, но паки от взятых пленных подтверждается. Для того изволь о спуске кораблей тщание приложить, а наипаче, чтобы хлеб с Коротояка перевезен был. Паки извещаю, что хотя, чаю, сие обман, однако ж опасливей лучше... Я скоро сам к вам буду, пишу потому, дабы дела ни минуты остановки не имели...»

В Воронеж Петр и Меншиков приехали 14 февраля. Дули теплые южные ветры. Снежные сугробы, в которых потонул разросшийся за последнее время город, побурели, начали оседать. Слышались нежные звуки первой капли. Весна-то вот она, считанные дни остались! Скоро вскроются реки, а сколько еще всяких неуправок...

Тройка рыжих рослых коней, впряженная в открытые ковровые сани, бешено пронеслась по городу и остановилась на спуске к реке, у деревянного дома, крытого цветной черепицей. Дом был недавно отстроен для царя, и в комнатах держался еще острый запах сосны и свежей краски. Воронежский комендант Колычев постарался угодить вкусу его величества. Комнаты были невысоки, светлы, теплы, мебель дубовая, прочная. Во дворе стояла жарко натопленная для дорогих гостей банька.

Петр быстро все оглядел, остался, кажется, доволен, однако ничего не сказал, а, подойдя к столу, уставленному винами и закусками, молча выпил рюмку водки и, похрустывая огурцом, сразу закидал коменданта неожиданными вопросами:

— Сколь много в губернии кузнецов? Сколько кузниц? Сколько угля? Можно ли делать на месте подковы и гвозди? Во сколько обойдется каждая штука?

Колычев был старый служака, сражался под Нарвой, где получил тяжелое ранение правой ноги. Он знал, что Петр не терпит изворотливых ответов. «Служить, так не картавить!» — говаривал царь. Переминаясь с ноги на ногу и густо краснея, Колычев честно признался, что кузниц, конечно, в губернии много, уголь выжигают всюду, но точных сведений он дать не может, так как надобности делать в большом числе подковы до сих пор не было и об этом он не думал.

— Ладно,— с досадой сказал Петр.— Хорошо, что не соврал... Кто богу не грешен, кто бабке не внук! А впредь изволь думать, господин комендант.

И стал надевать короткий меховой кафтан, в котором обычно ходил зимой.

Александр Данилович Меншиков, успевший тем временем убрать добрую половину поросенка, вытирая платком жирные губы, напомнил:

— А в баньку с дороги-то, ваше величество? Баньку, чаю, господин комендант натопил исправно...

— Гут, гут, после сходим,— буркнул Петр и, повернувшись к коменданту, приказал: — Вечером здесь ожидать нас будешь, понеже дел много!

Надвинул шапку, взял палку и вышел.

Меншиков, залпом осушив стакан венгерского и закусывая на ходу пряником, кинулся за ним.

Колычев, хромя, подошел к окну, посмотрел вслед быстро удалявшимся гостям. Маршрут царя был известен по прошлым приездам в Воронеж. «В адмиралтейство пошел, оттуда на верфи,— подумал комендант,— задаст там жару господин бомбардир... Да и мне теперь покоя не будет!»

Но Петр на этот раз маршрут изменил. Выйдя на берег, он резко свернул в сторону, где находились многочисленные лесопильные, смоловаренные, канатные, столярные и кузнечные мастерские, производившие корабельные работы.

Петр и Меншиков зашли в первую стоящую на пути кузницу. Там было полутемно, душно, тесно. Бородатый кузнец, в заплатанной рубахе и лаптях, ковал корабельные скрепы. Раскаленный брус железа, лежавший на наковальне, брызгал огненными искрами. Щуплый мальчуган с черным от копоти лицом, обливаясь потом, раздувал мехи.

— Здорово, трудники... Бог в помощь! — сказал Петр, расстегивая кафтан.

— Здорово,— угрюмо отозвался бородач, не бросая работы.— Отойдите маленько, ожгетесь...

— Сердит ты, дядя... как величать тебя — не знаем? — вставил Меншиков.

— Савелием крестили...

Бородач в последний раз взмахнул молотом, снял ковку, тяжело дыша посмотрел на гостей.

— Вы чьи будете? Впервой вижу будто...

— С Москвы приехали, Савелий, хотим для царских войск подковы ставить,— промолвил Петр, подмигнув Меншикову.— Воронежские кузнецы, слышали, мастера подковы делать...

— Сделать можно... почему не сделать? — поглаживая бороду, степенно сказал Савелий.— Цену-то какую положите?

— Три копейки за пару платим.

— Прибавить надо бы копеечку,— возразил кузнец.— Не для мужицких коней подковы-то... Спрашивать небось строго станете!

— Хорошо, можно и прибавить,— согласился Петр, знавший, что поставщики дерут с казны куда дороже.— А какие подковы нам потребны, мы покажем...

Он сбросил кафтан, засучил рукава, достал из кучи лома добрый брусок, положил в горн. Меншиков, отстранив легонько чумазого мальчугана и поплевав на руки, взялся за мехи.

Савелий с удивлением смотрел на необычных посетителей. Петр ковал споро и умело. Прошло немного времени, и первая подкова была готова. Савелий взял ее бережно в руки, придирчиво со всех сторон осмотрел.

— Прочна ли будет, кузнец? — спросил Петр продолжая работать.

— Лучше не видывал,— отозвался Савелий.— Обучались где али как?

— В тульских кузнях работали...

— То-то я гляжу... по обличию будто господа, а по рукам и сноровке умельцы.

Петр приостановил работу, вытер вспотевший лоб, посмотрел на Савелия довольными глазами:

— Умельцы не великие, а даром хлеба не едим,— сие правда!

Побывав и в адмиралтействе, и на верфях, и в мастерских, Петр и Меншиков возвратились домой поздним вечером. Колычев, опасливо поджидавший царя, взглянув на его лицо, успокоился. «Притомился, а не сердит, слава богу», — промелькнуло в голове.

Петр, кивнув головой коменданту, достал из кармана пару подков, приказал:

— Сделать, не мешкая, по сим моделям воронежским и елецким кузнецам пятьдесят тысяч пар подков и на каж-

дую подкову по десять гвоздей запасных. Присылать оные в армию по частям.

— А какую цену изволите указать, ваше величество?

— Четыре копейки пара, а буде дороже... голову оторву! — грозно пообещал царь. — Да изволь завтра с утра, — немного помедлив, продолжал он, — узнать на бойнях, сколь много бычьих пузырей собрать можно. Реки разольются, как войску переправляться, особливо тем, кто на воде не держится? А бычьи пузыри такой беде зело помочь могут... Да изволь також, господин комендант, отправить завтра в армию на подставных подводах четыре бочки смолы... оная в адмиралтейском дворе без дела обретається.

Проводив коменданта и сходя в баню, Петр с Меншиковым набили трубки, закурили, принялись за другую работу. На столе лежала грудa бумаг, доставленных в Воронеж гонцами и курьерами со всех концов страны.

Александр Данилович вскрывал пакеты, подавал царю наиболее важные донесения, на остальных сам делал пометы, откладывал в сторону.

Петр, дымя трубкой и нахмутив густые брови, сосредоточенно писал ответы, давал не терпящие отлагательства распоряжения.

«Немедля поставить тысячу мешков холщовых, сто пятьдесят кульков лычных, шесть тысяч лопат железных, две тысячи кирок и мотыг», — пишет он в Москву боярину Стрешневу.

«Немедля осмотреть корпуса генералов Боуера и фон Вердена, исправны ли оные в воинской и провиантской амунициях», — приказывает он фельдмаршалу Репнину.

«Немедля лес свезти в Тавров и положить в удобных местах, понеже вновь корабельного строения будет много», — кладет он резолюцию на донесении о разбросанном в беспорядке лесе. И сверху крупно надписывает: «Адмиралу Апраксину».

А сколько еще самых разнообразных дел требует вмешательства царя! В Посольском приказе идет спор о поведении русского посла в Риме. Сказывают, римскому папе надо два раза целовать туфлю. Посол князь Куракин, человек набожный, пришел в ужас, отказывается ехать. «Сказать, чтоб сей дурак поцеловал оную туфлю один раз», — коротко разрешает вопрос Петр.

Из Москвы уведомляют, будто 25 февраля будет ви-

димо солнечное затмение, а «сколь много затмится — неведомо». Петр передает бумагу Меншикову, приказывает:

— Отпиши московским математическим учителям, дабы они сделали исчисление, сколь много солнцу затмения будет в Воронеже и, нарисовав то, прислали нам...

А это что такое? «Расходы на содержание придворного штата...» Петр внимательно просматривает цифры, многие зачеркивает, качает головой: не научились беречь деньги, столь нужные государству. Заметив, что фрейлинам сердечного друга Катеринушки отпускается слишком много средств на сладости, вдвое сокращает эту статью, надписывает: «Бабам сколько сладкого не дай, все приедят; после занемогут, надобно будет лечить и за лекарством платить». Покупка для фрейлин таких дорогих в то время товаров, как чай и сахар, кажется совсем ненужной. Петр этих расходов не утверждает и поясняет: «Они чаю не знают, про сахар, слава богу, не слыхали, и приучать не надобно».

Так ежедневно, не зная отдыха, трудится Петр.

Дождавшись в Воронеже вскрытия рек и спустив на воду новые военные корабли и галеры, он отпускает Меншикова в армию, а сам едет в Азов...

XIII

Андрий Войнаровский, находившийся вместе с дядей при главной шведской квартире, переживал трудные дни.

Не зная подлинных замыслов Мазепы, он уже давно подозревал, что дядя ведет какую-то нечестную игру. Уход к царю многих начальных людей и казаков, враждебное отношение народа к гетману — все это наводило его на мысль, что у дяди, помимо «освобождения матки-отчизны», имеется какая-то другая, личная, тайная и корыстная цель.

Узнав, что обожаемый им батько Семен Палий появился в царском войске и призывает к себе добрых казаков, Андрий уже подумывал о том, чтобы при первой возможности уехать к батьке, не объясняя причин дяде. Но неожиданные обстоятельства отвлекли его от этого намерения. Андрий встретил Мотрю...

До сих пор его отношения к ней носили странный характер. Он знал ее с детских лет, знал еще девочкой. Закончив заграничное образование и возвратясь домой, он встретил красавицу девушку и почувствовал, как она глу-

боко задела его сердце... Однако его чуткость подсказала, что Мотря относится к нему равнодушно. Скандальная огласка романа Мазепы, конечно, была Андрию неприятна, но, будучи человеком честным и разумным, он понял, что Мотря сама любит дядю... Вот почему он не поверил никаким сплетням о «соблазне» и не мог осуждать дядю.

Потом, несколько раз мельком встречая Мотрю, он полагал, что она довольна и счастлива, поэтому старался не вспоминать ее, казаться равнодушным.

Теперь ему неожиданно открылось другое...

Мотря жила отдельно от Мазепы, на квартире у попадьи, доброй и жалостливой женщины.

Мазепа, занятый делами и интригами, виделся с крестницей редко, но это ее волновало с каждым днем все меньше. Она привыкла к одиночеству, она уже ясно сознавала, что чувство ее к гетману охладело. При свиданиях с ним она оставалась равнодушной, но старалась быть покорной и ласковой. Она видела теперь Мазепу усталым и быстро стареющим, она знала, что не любит его. Это укрепляло в ней сознание какой-то собственной виновности перед ним, побуждало чувство жалости к нему. И в то же время, оставаясь одна, она невольно думала о многом таком, что вызывало на щеках румянец стыда... Она стала часто капризничать. Порой в ней вспыхивала даже злоба против гетмана, но чаще она испытывала прилив такой тоски, что попадья пугалась, не случилось бы у них в доме какого греха.

Однажды мартовским вечером, когда начали сгущаться сумерки, выйдя за ворота поповского дома, Мотря увидела Андрия. Он медленно шел по другой стороне улицы, опустив голову, думая о чем-то своем. «Что с ним такое? Может, несчастье?» — тревожно подумала Мотря и тихо окликнула:

— Андрий...

Войнаровский оглянулся. Подошел.

— Почему вы такой невеселый, Андрий? — просто и душевно спросила Мотря.

Андрий, уловив эту душевность в ее вопросе, приятно изумился. И так же просто, легко ответил:

— Мне нечего здесь делать... И нечему радоваться...

— Мне тоже, — вздохнула Мотря, зябко кутаясь в пальто. — Почему вы никогда не зайдете ко мне? Вы знаете, я ведь одна здесь живу...

Андрий смутился. В ее словах ему почудилось что-то нехорошее, стыдное. Мотря поняла его, покраснела.

— Вы не думайте худого, Андрий,— сказала она.— Я давно хотела поговорить с вами... Я все время совсем, совсем одна... Хуже монастыря... хуже...

Ее голос дрожал. Глаза были влажны. Андрий начал догадываться, что она не так уж счастлива, как ему казалось.

— А дядя? — невольно сорвалось у него с языка.

— Я редко его вижу. Он вечно занят... Да и скучно с ним...

Андрий почувствовал, какое смятение происходит в душе девушки. Он посмотрел ей в глаза — они больше, чем язык, выдавали ее тайну.

— Ты не любишь его, Мотря? — взволнованным голосом спросил он.

Она молча, сжав губы, чтоб не расплакаться, кивнула головой. Он взял ее холодную руку, ласково пожал:

— А я думал, что у вас совсем по-другому, Мотря... Я ничего не знал... Мне очень жалко...

— Кого?

— Тебя...

— А его?

Андрий не мог ничего ответить. Его мысли были полны сейчас одной ею. А Мотря тихо шептала:

— Я сама виновата, Андрий... У него никого нет, кроме меня. Никого... Он такой старый и жалкий... Я не могу смотреть ему в глаза... Мне стыдно... Я не знаю, что мне делать...

Они говорили долго.

С того дня они встречались часто. Андрий скоро почувствовал, как близка и дорога ему Мотря. Она тоже полюбила его. Но борьба между новым ее чувством и жалостью к крестному долго еще не давала Мотре покоя. Андрий понимал ее и ничего не требовал...

XIV

А шведы шли к Полтаве...

Весной кошевой атаман Костя Гордеенко, откликнувшись на призыв Мазепы, привел в шведский лагерь тысячи две запорожцев и гультаев, но эти вояки оказались год-

ными только на грабеж, пьянство и буйство. От них шведам было больше беспокойства, чем пользы.

Между тем украинские селяне и охотные казачьи отряды совместно с русскими войсками продолжали чинить шведам крупные неприятности. Украинский народ не соблазнялся ни на какие «приманки» иноземцев и боролся с ними не на живот, а на смерть.

Петро Колодуб, получив от Скоропадского разрешение на поиски в тылу противника, с помощью скрывавшихся в лесу селян успешно громил неприятельские транспорты, оторвавшиеся от главной шведской армии отряды и продовольственные команды. Шведы, узнав имя бесстрашного казака, объявили награду за его поимку.

Впрочем, украинские селяне не менее мужественно производили нападения на шведов и своими силами. При переправе шведского генерала Крейца через реку Псел селяне, вооруженные чем попало, истребили сильный неприятельский конвой и потопили огромный обоз с провiantом.

Когда царю Петру донесли об этом, он сказал:

— Сей храбрый народ, на которого лженаветствовал богоотступник Мазепа, своими похвальными делами и кровью нерушимую дружбу и верность нам являет..

В Решетилровке, где Крейц остановился на ночевку, двое местных жителей, сняв часовых, пытались сжечь генерала в избе. Селян схватили, связали. Полагая, что они подсланы командованием русской армии, Крейц приказал привести их к нему на допрос. Селяне были в худых свитках и стоптанных чоботах, но смотрели на генерала смело, будто даже и с насмешкой.

— Передай им,— строго сказал Крейц переводчику,— что они будут повешены, но, если честно признаются, кто они такие и кем посланы на злое дело, я обещаю помиловать...

— Скажи своему пану,— ответили селяне,— что нас никто не посылал, а смерти мы не боимся. Если же он по доброй воле не уберется отсюда, все равно не мы, так другие голову ему снесут...

Селянам отрубили уши и в таком виде отправили к фельдмаршалу Шереметеву.

Однако никакие наказания и угрозы не могли укротить ожесточения народа, защищавшего каждую пядь родной земли.

«Мы неожиданно очутились в необходимости постоянно драться, как с неприятелями, с жителями того края, куда мы вошли», — писал участник шведского похода.

Русская регулярная армия, избегая по приказу царя генеральной баталии, тоже по кускам щипала шведов, силы которых продолжали таять также от болезней и от недостатка продовольствия.

Король Карл очень надеялся на помощь поляков. Он не знал, что войска Станислава Лещинского и оставленный в Польше шведский корпус генерала Крассау, пытавшиеся проникнуть на Украину, потерпели поражение у городка Подкамня и вынуждены были уйти обратно. Русские войска заградили им все дороги.

Подойдя близко к Полтаве, король по настоянию своих генералов собрал военный совет, который должен был разрешить ряд важных вопросов...

...Когда Мазепа, приглашенный для участия в совете, вошел в шатер, там уже набилось много народу. Карл сидел на своей походной кровати, небрежно, как всегда, откинувшись на подушки и вытянув худые ноги. Его выпуклые голубые глаза, обведенные от бессонных ночей темными кругами, четко выделялись на болезненно-желтом лице и рассеянны, а порой насмешливо, смотрели на толстенького генерал-квартирмейстера Гилленкрока, — тот, стоя у изголовья кровати, делал обстоятельный доклад о плачевном состоянии шведской армии под Полтавой.

Первый министр граф Пипер, фельдмаршал Реншпльд, генералы Левенгаупт, Роос, Шлиппенбах и Крейц, сидевшие у стола, согласно разделяя мнение Гилленкрока, почтительно молчали, ожидая очередной вспышки королевского раздражения. Увидев вошедшего Мазепу, король молча кивнул ему и указал на ближние кресла. Гетман сел.

Умный Гилленкрок, превосходно понимавший настроение короля, решил отыгаться на этом старике, которого втайне презирал за измену, и, не меняя спокойного тона, продолжал:

— Народ Украины и русские мужики жгут свои деревни, оставляя нам пепел вместо хлеба и фуража. Они прячутся в лесах и выходят из трущоб для того, чтобы красть наших лошадей и убивать солдат. В этой проклятой стране у нас только одни враги, ваше величество. Очевид-

но, гетман, обещавший нам помощь населения, плохо знает свой народ...

Тут Гилленкрок передохнул и сделал полупоклон в сторону гетмана.

Но этот дипломатический ход, понятый генералами и Мазепой, внимания короля не привлек. Карл плохо слушал своего генерала. Он находился во власти собственных мыслей и, приняв паузу за окончание надоевшего доклада, облегченно вздохнул:

— Я так и знал, генерал, что вы не скажете ничего нового,— равнодушно произнес он.

— Но, ваше величество,— смутился Гилленкрок,— эти обстоятельства...

— Они ничего не меняют,— перебил Карл. И неожиданно приветливо улыбнувшись Мазепе, он обратился к нему: — А скажите, гетман, правда ли, что здесь, у Полтавы, найдены следы Александра Македонского?

— Здесь найден древний каменный памятник, будто бы воздвигнутый великим полководцем,— ответил Мазепа, бросив неприязненный взгляд в сторону Гилленкрока.

— Гетман шутит,— вспыхнул тот.— Здесь не было и не могло быть дороги в Азию, ваше величество.

— Это не значит, что ее не следует искать, дорогой генерал,— сказал Карл и поднялся.

Генералы и Мазепа встали вслед за королем, но он жестом велел им сесть, сделал несколько быстрых шагов, остановился у стола и, ткнув пальцем в карту, лежавшую перед Реншильдом, продолжал:

— Итак, вопрос ясен... Что вы предлагаете, господа?

— Подкрепить армию соединением с польскими войсками Лещинского,— сказал Реншильд.

— И с корпусом генерала Крассау, оставленным в Польше,— добавил граф Пипер.

— Это значит?

— Снова перейти Днепр и отступить в Польшу,— глядя в лицо короля, отчеканил граф.— Это единственное благоразумное решение вопроса, ваше величество...

Лицо Карла покрылось красными пятнами. В глазах зажегся огонек злобы и упрямства.

— Этот переход будет похож на бегство! — крикнул он срывающимся от волнения голосом.— А я никогда не побегу от царя Петра. Слышите, никогда! Если бы сам бог послал ангела небесного с приказанием отступить от Пол-

тавы, я бы и тогда не отступил. Я знаю русских лучше вас... Я их выгоню с казацкой земли... Я заставлю их принять мои условия... А вы, генерал,— резко повернулся он к Гилленкроку,— должны все подготовить к нападению на Полтаву и сказать нам, в какой день возьмем мы эту ничтожную крепость.

— В ней четыре тысячи гарнизона, ваше величество, кроме казаков и населения...

— Русские сдадутся при первом пушечном выстреле с нашей стороны!

— А я думаю,— возразил Гилленкрок,— что русские будут защищаться до последней крайности и пехоте вашего величества сильно достанется от продолжительных осадных работ...

— Я уверяю вас, генерал, русские долгой осады не выдержат. Как ваше мнение, гетман? — обратился король к Мазепе.

Гетман, хорошо знавший плачевное состояние шведской армии, понимал, что король затеял слишком рискованную игру, что генералы, советовавшие отступить в Польшу, правы, но сейчас старик, озлобленный презрительным отношением к себе этих надутых господ, решил стать на сторону короля: «Все равно упрямого мальчишку не убедишь, а портить с ним отношения мне сейчас нельзя», — подумал он.

— Непобедимость войск вашего величества известна всему свету,— спокойно сказал он.— Не малой сей фортеции противиться фортуне вашей...

— Вот голос мудрости, господи! — воскликнул король.— Завтра мы должны взять Полтаву штурмом...

...При выходе из шатра Гилленкрок взял под руку Мазепу и тихо, по-немецки, сказал:

— Вы напрасно говорили королю про памятник и фортуны. Он больше всего любит славу и легко поддается желанию делать то, что невыгодно ни нам, ни вам...

— Я стар, чтоб думать, как иные, о выгоде,— вздохнул Иван Степанович.— Я служу его величеству так, как могу...

— А если фортуна наша перейдет к русским? И вы станете их пленником?

— Господь милосердный не допустит,— испуганно перекрестился Мазепа, прощаясь с генералами,

Но испуг его был притворным. Мысль о возможности плена, вызывавшая еще недавно озноб всего тела, не смущала уже Мазепу. Он снова вел двойную игру. Поняв, что на шведов надеяться нечего, и решив схватить короля, гетман привлек к заговору ряд своих сторонников и уже подготовил многое.

XV

Полковник Алексей Степанович Келин, хотя и прослужил в царских войсках почти двадцать лет, выглядел самым мирным человеком. Был он неизменно добродушен, приветлив, разговаривал со всеми ровно и мягко, никогда не повышал голоса, за малую вину с подчиненных строго не взыскивал, любил пошутить и посмеяться, а в свободные часы и в рюхи с ребятами поиграть, не отказываясь и попадье, у которой квартировал, кровлю починить.

Носил он старенький, выцветший военный мундир, сидевший на его тщедушной фигуре как-то мешковато и смешно, а форменная треуголка, надеваемая по праздничным дням, совсем не шла к его маленькому курносому лицу с редкими рыжеватыми усами. Очевидно, Алексей Степанович и сам неважно чувствовал себя в военной форме, поэтому при каждом удобном случае, на службе и в гостях, он прежде всего старался освободиться от стеснительной одежды, предпочитая ей простую домашнюю рубаху.

Вместе с тем полковник, участник многих походов и битв, отличался отменной храбростью, упорством и исполнительностью.

Когда на военном совете у царя Петра встал вопрос о назначении «достойного офицера в полтавскую фортецию», имевшую большое военное значение, выбор пал на Келина. Правда, фельдмаршал Шереметев заметил при этом, что «полковник не zelo строг с народом», но Петр на такой довод рукой махнул:

— Не строгость надобна, а верность отечеству, мужество и доброе рачительство о делах, коими сей полковник знатен...

Петр не ошибся. Приехав в Полтаву, Алексей Степанович энергично взялся за укрепление крепости, быстро привел в боевую готовность четырехтысячный гарнизон и завоевал хорошую славу у населения.

Шведские войска, подошедшие сюда в конце апреля, встретили неожиданно для себя крепкий отпор. Десятки атак полтавцы стойко отбили.

Русские войска под начальством Меншикова, остановившись по другую сторону реки Ворсклы, вблизи Полтавы, не могли оказать осажденной крепости серьезной поддержки, — широкую низменную долину реки покрывали не проходимые весной болота.

«Полтавская крепость в зело доброй содержит себя дефензии* и никакого ущерба от действия неприятельского еще не обретається», — успокаивал Меншиков Петра, спешившего из Азова к армии.

В действительности же положение крепости, выдержавшей уже полуторамесячную осаду, было тяжелое. Таяли запасы продовольствия, кончался запас пороха, все дома были заполнены ранеными и больными, страдания которых усиливались от начавшейся страшной жары.

Прибывший в армию Петр приказал перебросить в крепость несколько пустых бомб с письмами, извещая защитников о своем прибытии и благодаря их за стойкость. Полковник в соборной церкви прочитал эти письма солдатам и горожанам, единодушно давшим клятву защищаться до последней капли крови.

Однако сам Алексей Степанович, по-прежнему добродушный и веселый, всячески ободрявший гарнизон и население, понимал, что долго крепости не устоять, и, не допуская мысли о возможности сдачи, готовился до конца выполнить свой долг верного сына отечества.

21 июня, поднявшись, как всегда, еще до восхода солнца и осматривая с крепостного вала шведские укрепления, полковник отметил необычайную тишину во вражеском лагере.

— А что, Федотов, не замечал ли ты ночью движения у господ шведов? — обратился он к дежурному сержанту, рослому молодцу, которого любил за сметливость.

— Никак нет... — ответил тот. — Как с вечера затихли, так и до сей поры, словно сурки в норе, сидят...

— Уж не отошли ли они, дал бы бог, — сказал Алексей Степанович. — Ты что думаешь?

— Думаю, что на хитрость пустились, господин полковник. Подвох какой-нибудь затевают. Кабы им отходить,

* Де ф е н з и я — (здесь) хорошо организованная оборона.

они беспрерывно все добро свое забрали бы, а то вот оно со вчерашнего дня висит,— указал сержант на ближний, полускрытый кустарником и мелкокошечьем редут.

— А что там такое? — спросил полковник, теперь тоже заметивший на одном из кустов едва приметное белое пятнышко.

— Офицерские утиральники... Им наша жара неприлична, вот они весь день водой и поливаются. А с вечера утиральники сушить развешивают.

— Так, так,— задумчиво произнес Алексей Степанович.— Значит, они притихли не зря... Что-то они сегодня нам готовят?..

И не успел он закончить фразы, как ударила пушка. Бомба, чуть-чуть не долетев до вала, гулко разорвалась внизу.

— Все по местам! — закричал полковник.— Заряды беречь до крайности! Бить без промаха!

В пять минут гарнизон собрался на валу.

Шведы открыли сильный огонь с четырех редутов.

Разрывавшиеся в крепости бомбы выводили из строя десятки людей. Начались пожары. Дым и гарь, гул орудий, крики людей и стоны раненых подняли на ноги всех горожан. В соборной церкви ударили в набат.

Огромный рыжебородый дьякон Иона, стоя на паперти и размахивая длинными, волосатыми руками, грозил нечестивым шведам проклятиями, призывая всех на защиту города.

Толпа горожан, которых полковник вооружил старыми ружьями, ждала сигнала, чтобы двинуться на помощь солдатам. Старый бывалый казак Петренко, покомандирски распоряжавшийся в этой толпе, на ходу объяснял новичкам разные военные приемы.

Задорная бабенка, солдатская вдова Настасья, подговаривала «жинок» не отставать от мужиков.

Полтавцы готовились сдержать клятву и дорого продать свою жизнь.

Неожиданно пушки умолкли. На крепостном валу настала минутная напряженная тишина. Из-за леса показались стройные колонны шведов. Десять тысяч отборной пехоты шли на штурм.

— Ну, с богом! — перекрестился Алексей Степанович и махнул рукой пушкарям.

Четыре пушки ударили сразу. Две бомбы разорвались

в гуще наступающих, но шведы не дрогнули и с трех сторон со страшным криком полезли на крепостной вал.

Отбитые с двух сторон, они все же сумели ворваться с третьей, заняв так называемое Мазуровское укрепление. Начальник этого укрепления и четыреста защитников погибли в яростной рукопашной схватке. Ни один не сдался, предпочитая смерть плену.

Над Мазуровским укреплением развернулись шведские знамена...

Тогда полковник Келин сам повел сюда два батальона солдат и вооруженных полтавцев.

— Послужим отечеству, ребята! Не владеть врагам русской крепостью! — кричал он, увлекая за собой солдат и народ.

Пуля попала ему в левую руку. Кровь, хлынувшая из раны, окрасила рубаху, но он, казалось, не замечал боли, нанося сабельные удары шведам. Один из них бросился на полковника со штыком, но кто-то из горожан ловко ударил шведа бревном по голове.

Дьякон Иона, с развевающимися космами и багровым лицом, орудовал прикладом.

— Бей еретиков! Сгинь, нечистая сила! — громыхал его зычный голос в самом пекле сражения.

Настасья и горожанки из-за плетней били шведов камнями и кирпичами. Старики и подростки подносили мешки с песком и бревна, которые сбрасывали на шведов, отступавших с вала...

Шведы не выдержали отпора. Мазуровское укрепление было очищено. Шесть последующих приступов тоже успеха не имели. Враг отступил, унося с собой две с половиной тысячи трупов.

Король Карл пришел в ярость.

— Мои генералы разучились воевать, — сказал он. — Через три дня я сам поведу свои войска и возьму эту крепость за два часа...

А поздно вечером переплывший через реку крестьянин доставил полковнику Келину из русского лагеря бумагу.

Прочитав ее, Алексей Степанович встал и с чувством перекрестился:

— Ну, слава богу и государю... Наши войска переправились сегодня на правый берег и укрепляются вблизи шведского лагеря. Теперь неприятелю не до нас. В скором времени надо ждать генеральной баталии...

XVI

Больше всех других своих генералов Карл любил Левенгаупта. Этот генерал был храбр и беззаветно предан своему королю. Но Карл никак не мог простить ему поражения у Лесной и последнее время почти не разговаривал с ним. Однако теперь, чувствуя скрытое недовольство со стороны многих соратников, он вновь стал приближать Левенгаупта.

Однажды ранним июньским утром, встретив генерала, король ласково предложил:

— Поедьте к реке, генерал. Я слышал, русские начали переправу...

Генерал охотно согласился. Они поехали верхами. Русские передовые посты, заметив их у реки, открыли стрельбу. Услышав первые выстрелы, король беспечно рассмеялся:

— Ого, я вижу, мы научили москвитов военному искусству. Они могут уже заряжать свои мушкеты...

— Им нельзя отказать и в храбрости, ваше величество...

— Вы думаете, генерал? — улыбнулся Карл.

И, словно желая показать, что такое настоящая храбрость, он прищпорил коня и спустился к самому берегу.

Левенгаупт последовал за ним. Пули свистели. Король подвергал себя напрасной опасности. Генерал встревожился:

— Ваше величество, я прошу вас...

Он не договорил. Шальная пуля убила под ним коня.

— Ваше величество,— падая, закричал Левенгаупт,— ради бога оставьте это место...

— Bagatel! Вы получите другую лошадь,— отвечал Карл и, явно издеваясь над генералом, продолжал гарцевать под выстрелами.

Тут пуля раздробила королю ступню левой ноги. Из сапога просочилась кровь. Карл держался мужественно и даже не слез с лошади.

— Пустяки! — успокаивал он Левенгаупта. — Пуля застряла в ноге, я ее вырежу...

Он поехал к своим войскам, сделал несколько распоряжений генералам и только через час вернулся домой. Рана вызвала воспаление, причиняла жестокую боль. Король

не кричал. Сам помогал доктору вынимать из ноги осколки раздробленной кости.

— Рана не опасна, — утешал он придворных, — скоро я опять буду на коне...

Все же ему пришлось лечь в постель.

Карл лежать не любил. Он нервничал. Его успокаивали только рассказы придворных о старых героических временах. Особенно нравилась ему сага о Рольфе Гетрэгсоне, славном рыцаре, покорителе русского волшебника на острове Ретузари.

Шведский король был еще очень молод и безрассуден...¹⁸

25 июня русские войска, подойдя к Полтаве, выстроились версты за полторы от шведов. Карлу донесли, будто царь ждет к себе на помощь несколько тысяч конницы с Поволжья. Чтобы не допустить усиления неприятеля, король решил немедленно дать русским генеральную баталию.

Весь следующий день обе стороны готовились к бою.

Больная нога не позволяла королю лично руководить войсками. Он назначил главнокомандующим фельдмаршала Реншильда, но заявил, что будет и сам принимать участие в битве.

Ему трудно было сидеть верхом на лошади. Шведы приготовили для короля носилки. Карлу такой способ передвижения не понравился. Ему казалось, что носилки делают его смешным. Придворные стали его ободрять.

— Наша победа над русскими, — говорили они, — будет казаться еще более величественной, когда мир узнает, что сражение выиграно раненым королем, передвигавшимся на носилках. Эти носилки войдут в историю, ваше величество. Потомство будет с завистью смотреть на них...

Доводы подействовали. Носилки короля уже не беспокоили, он даже находил их очень удобными.

...Царь Петр, собрав своих генералов, дал каждому точное указание о подготовке к бою. Осмотрел все редуты, проверил пушки.

Объезжая войска, он остановился перед дивизией Аларта и сказал солдатам ободряющую речь:

— Король шведский и самозванец Лещинский, а также изменник Мазепа клятвенно утвердились отторгнуть Украину, учинив из оной княжество под властью того изменника. Льстясь такой надеждой, проклятый Мазепа уповал собрать двести тысяч казацких войск, подкупил Порту и крымского хана, а для исполнения сего злоумышления призвал сюда короля шведского со всеми его силами и Лещинского, поспешавшего к нему с двадцатью пятью тысячами поляков. Но, с помощью божьей, украинский народ и казаки остались нам верными, шведы через разные наши победы истребились до половины, войска Лещинского побиты и разогнаны, султан подтвердил с нами мир. Ныне против нас осталось тридцать четыре полка неприятельских войск, остается над сими довершить победу нашу. Порадейте, воины русские! Вера, церковь и отечество сего от вас требуют!..

Весь вечер в русском лагере царила торжественная тишина. Не слышалось песен, но не было и уныния. Все понимали, что завтра должна решиться судьба отечества, и готовились мужественно защищать его.

XVII

Несмотря на сильную боль в ноге и бессонную ночь, Карл с утра находился в отличном настроении.

Когда генерал Гилленкрок сообщил, что русские отбили большой обоз с продовольствием и армию нечем кормить, король рассмеялся:

— Нам нет нужды об этом заботиться. В московском стане всего много. Сегодня мы будем обедать в шатрах царя Петра...

И дал приказ пехоте атаковать русские редуты.

Этих редутов, укреплением которых руководил сам Петр, было десять. За ними стояла русская регулярная конница под командой князя Меншикова и генерала Рене. Дальше виднелась стоявшая в строю пехота. Влево, у леса, расположились резерв и казачьи полки гетмана Скоропадского. Одним из этих полков командовал старый Семен Палий, нетерпеливо ждавший встретить на бранном поле своего заклятого врага Мазепу. Здесь же стоял и отряд бывших булавицев под начальством Петра Колодуба.

— А все-таки чудное дело вышло, братушки, — тихо сказал кто-то из булавицев. — То мы с атаманом Кондра-

тием супротив царя стояли, а то вроде за него в бой идем...

— За матку-отчизну, а не за царя! — сурово поправил Колодуб. — Ежели мы шведов и ляхов не осилим, они весь народ заполонят!..

— Гляди, гляди! Пошли шведы-то! — закричали казаки.

— О господи, сила их какая... великая...

Шведская пехота под начальством генералов Рооса и Спарре выполняла приказ короля. Русские не выдержали напора. Первый и второй редуты пали. Вступившая в дело русская конница генерала Рене была смята. Самого генерала, тяжело раненного в бок, насилу спасли от плена.

Заметив замешательство русских, граф Пипер, с позволения короля, двинул в помощь пехоте кавалерию генерала Крейца. Но главнокомандующий фельдмаршал Реншильд, враждовавший с графом, пришел в ярость от такого вмешательства и начал ссору с Пипером. В угоду фельдмаршалу король отменил приказ.

Царь Петр, зорко следивший за действиями неприятельских частей, увидев, что корпус генерала Рооса несколько оторвался от центра шведской армии, приказал Меншикову с десятью конными полками атаковать этот фланг.

И вот, развернувшись веером, дружно вынеслась стройная русская конница, охватывая с трех сторон растерявшихся от неожиданности шведов.

Меншиков скакал в первых рядах. Его рослая, статная фигура в зеленом генеральском мундире была хорошо приметна Петру, по озабоченному лицу которого скользнула усмешка:

— Бахвал... меры не знает...

Вдруг лошадь князя споткнулась. Зеленый мундир исчез из поля зрения. Лицо Петра передернулось легкой судорогой.

— Немедля пошли казачью сотню, — хрипло и отрывисто сказал он стоявшему рядом фельдмаршалу Шереметеву. — Накажи следить за князем... Ежели ранен, принесть сюда... Ежели жив, пусть держится опасливей... Ежели...

Но не успел Петр досказать свою мысль, как зеленое пятно генеральского мундира выплыло вновь.

Под князем убило лошадь. Отделавшись ушибом, Меншиков пересел на коня одного из драгун. Передняя цепь

кавалерии, обогнав князя, уже рубила не успевших выстроиться шведов.

— К лесу тесни их, к лесу! — кричал Меншиков, врежаясь в гущу схватки.

— Ваше сиятельство... Ваше сиятельство... Сдаются они, — сказал кто-то сзади.

— Некогда возиться! Бей всех к чертовой матери! Пушай помнят!..

— Знатные персоны, ваше сиятельство, — произнес тот же голос.

Тут Меншиков заметил на опушке леса большую группу спешившихся шведских офицеров, выкинувших белый флаг.

Это генерал Шлиппенбах со всем своим штабом сдавался на милость победителей.

Отправив в тыл пленных и четырнадцать захваченных знамен, князь хотел двинуться в погоню за бежавшими к Полтаве остатками разбитого корпуса, но его остановил подъехавший ординарец:

— Вас требует государь. Остальное приказано довершить генералу Ренцелю.

Меншиков злобно выругался, но послушаться не решился. Вернулся к Петру.

— Я бы их всех забрал, ваше величество, а мне ходу не дают, — досадливо ворчал князь. — Эх, мне бы еще пехоты тысяч пять. Ей-богу, я б их всех смял...

— Больше побеждает искусство и разум, нежели храбрость и пустословие, ваше сиятельство, — сурово оборвал его царь.

— Да я так только... к слову сказал... — смутился Меншиков.

— Ладно. Будешь со мной. Дела нынче всем хватит.

И, взглянув в глаза любимца, Петр не выдержал, расхохотался:

— Посмотри на кого похож. Весь в грязи да кровище. Морду обмой...

Было девять часов утра.

Русская пехота, выведенная за линию траншей, стояла в непосредственной близости от главных сил шведской армии.

Генерал Боуэр, назначенный на место раненого Рене,

спешно приводил в порядок конницу. Генерал Брюс заканчивал осмотр артиллерии. Петр в сопровождении Меншикова, фельдмаршала Шереметева, генералов Адарта, Белинга и свиты объезжал войска, делая последние указания к генеральной баталии.

Лицо Петра дышало решимостью и отвагой. Круглые, чуть выпуклые, красивые глаза его глядели строго и торжественно.

У одного из полков Петр остановился.

— Воины! — раздался его далеко слышный голос. — Вот пришел час, который решит судьбу отечества. Вы должны помышлять, что сражаетесь не за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество... А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в благоденствии и славе для благосостояния вашего...

А перед шведскими полками, окруженный двенадцатью драбантами и двадцатью четырьмя гвардейцами, появился Карл. Носилки его везли лошади. Узнав о поражении войск генерала Рооса, король едва сдерживал душившую его злобу и, казалось, не мог понять важности минуты, не мог найти слов ободрения для своих войск. Он по-прежнему не верил в силу и мужество русских, считая поражение случайностью, но все же утренняя бодрость была потеряна. Сделав несколько незначительных указаний, король молча кивнул головой генералу Левенгаупту, давая знак начать наступление.

Войска сошлись. Генеральная баталия началась...

XVIII

Тем временем Мазепа, находившийся в королевском обозе, переживал ужасные минуты.

Надежда — схватить короля, выдать его Петру и новым предательством заслужить себе прощение — рухнула еще несколько дней назад, когда Чуйкевич, Лизогуб и ряд полковников, обещавших содействие в этом деле, неожиданно сбежали в петровский лагерь, уведя с собой несколько верных казачьих сотен. К тому же Карл, словно почуявший тайный умысел гетмана, внезапно переменил к нему отношение, не спрашивал, как бывало, его советов, часто отказывал в приеме, окружил старика своими гвардейцами, назначенными якобы для почетного караула.

Мазепа ясно понимал, над какой пропастью он стоит. Правда, закончись бой победой шведов, Мазепа мог еще рассчитывать на возврат былого могущества... Но какие там расчеты! Какая там победа! Разве не видел он разницы между умным упорством Петра и мальчишеской самонадеянностью Карла? Разве не отдавал себе отчета в том, что безрассудная храбрость шведов все равно, как бурная волна о скалу, разобьется о стойкое мужество народа, защищавшего свою отчизну?

— Отчизна... где теперь моя отчизна? — горько усмехнулся предатель.

С холма, где он находился, открывался чудесный вид. Красавица Ворскла, сделав некрутой излом у Полтавы, блеснув серебром своих вод, чуть-чуть отклонялась в сторону и, скрываясь в камышовых зарослях, убегала в лес, плотным полукольцом подходивший с севера. Правей, широко и необозримо, раскинулось желтое море поспевавших хлебов, лежали тучные земли Украины. Виднелись тополи хуторов и далекие церквушки, застывшие мельницы-ветрянки... Хорошо знакомы старику эти богатые, красивые места. Вот и речка Коломак, воды которой были свидетелями торжества Мазепы. Здесь, предав своего благодетеля гетмана Самойловича, он получил булаву из рук подкупленного им Голицына... Вот там должна быть Диканька, хутор казненного Кочубея... Вот там... Нет, лучше не вспоминать. Душно от этих мыслей. А вот, вот это страшное поле, подернутое густыми слоями дыма, копоты и пыли. Только раскаты орудийных выстрелов и тяжелый сплошной гул доносятся до гетмана.

— Дядя! Надо отступать! — прервал думы старика подъехавший Андрий Войнаровский.

— Разве... уже... конец? — вздрогнул Мазепа.

Лицо Андрия покрыто потом и пылью. В глазах явная неприязнь к дяде. Голос дрожит от обиды и скрытой злобы.

— Шведы не выдержат. Русские двинули казачью конницу... Здесь нам опасно...

— Да, опасно, опасно, — заторопился старик. — Надо скорей... укладывать... Прикажи запрягать багажные телеги.

Спотыкаясь и озираясь по сторонам, он побежал к шатру, где стояли десятки сундуков с золотом и дорогими вещами.

В это время из ближнего леса вылетела казачья сотня. Впереди, по-казацки пригнувшись к шее коня, дико гикая, мчался седобородый старик.

— Це Мазепа! Мазепа проклятый! — кричал он. — Живым его визмемо, хлопцы...

Но не доскакали казаки до шатра. Выбежавший из-за пригорка шведский батальон охраны встретил их огнем. Сбитый тремя пулями, обливаясь кровью, совсем недалеко от шатра упал старик. Собрав все силы, он приподнялся, и страшный, предсмертный хрип вырвался у него из груди:

— Хай от вика и до вика живе и славится ридна отчизна... Хай на вик сгине род твой, Мазепа, и буде имя твое самым последним, бранным словом на земле, убийца, предатель и кат* народа!

Приподняв полотняный край шатра, дрожащий и жалкий, слушал эти слова Мазепа, и старая кровь его, казалось, совсем оледенела от страха и ужаса.

— Кто этот старик, дядя? — спросил вошедший в шатер Андрей.

— Казацкий батько... Семен Палий... — чуть слышно отозвался Мазепа.

Андрей отвернулся и, закрыв лицо руками, заплакал...

...А бой еще кипел.

Заметив в центре русской пехоты серые мундиры и полагая, что это полк рекрутов, король послал против них свою гвардию. Но он ошибся. В центре стояли не рекруты, а Новгородский пехотный полк, который стойко защищался.

Однако силы были неравны. Первый батальон новгородцев, не отступив ни шагу назад, погиб в жестокой штыковой схватке. Второй батальон дрогнул.

Шведы начали медленно продвигаться вперед...

Петр, руководивший боем под неприятельским огнем, сразу понял опасность. Поручив Меншикову и Боуэру двинуть с флангов конницу, он помчался к отступающим. Пуля пробила ему шляпу, другая застряла в седле, но он ничего не замечал.

— Ни шагу назад! Отечество требует! — соскочив с коня и задыхаясь от бешенства, закричал он новгородцам.

И, одной рукой схватив тяжелое полковое знамя,

* Кат — палач.

высоко поднял его и побежал вперед, увлекая за собой вновь воспрянувших духом солдат.

— За мной, воины русские! Порадеем за отечество!

— Порадеем за отечество!.. Ур-ра!.. — дружно откликнулись войска, грозной, сокрушительной лавой обрушиваясь на шведов.

Теперь фортуна явно перешла на сторону русских.

Шведы смешались. Карл велел везти себя в самый огонь битвы, но скоро лошади были убиты. Гвардейцы понесли носилки короля на руках. Но и носильщики были перебиты, а ядро раздробило носилки. Король упал.

Думая, что он убит, шведы пришли в окончательное расстройство и в панике побежали.

— Шведы! Шведы! — преодолевая мучительную боль в ноге, поднявшись с земли, в ужасе закричал Карл.

Но его уже никто не слушал. Все бежали, все спасались.

— Наша пехота погибла, ваше величество! Фельдмаршал Реншильд взят в плен! — крикнул, подбегая к королю, генерал Левенгаупт. — Не оставляйте короля в беде, ребята, — обратился он к кучке солдат, окруживших Карла.

Капрал Гиерта посадил короля на свою лошадь.

С небольшой группой офицеров и солдат, случайно избежав плена, Карл насилу догнал свой обоз, где и пересел в коляску Мазепы.

...К полудню бой окончился.

Полтавское поле густо покрыто трупами. Русские потеряли тысячу триста сорок два человека убитыми и три тысячи двести восемьдесят пять человек ранеными. Шведских трупов насчитано девять тысяч двести тридцать четыре. Победителям досталось сто тридцать семь шведских знамен и штандартов, четыре пушки, масса оружия и снаряжения, более двух миллионов золотых ефимков шведской казны и несколько тысяч пленных.

Отслужив благодарственный молебен, Петр с непокрытой головой объехал свои войска, стоявшие в стройных колоннах, затем обратился к ним с речью:

— Здравствуйте, сыны отечества, чада возлюбленные! Потем трудов моих родил я вас; без вас государству, как телу без души, жить невозможно. Вы, имея любовь к богу,

к вере православной, к отечеству, славе и ко мне не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрые дела ваши не будут забвенны у потомства!..

Затем в царских шатрах был устроен пир, на который приглашены знатные пленники — генералы и полковники.

Петр, приветливо поздоровавшись с фельдмаршалом Реншильдом, графом Пипером, генералами Шлиппенбахом, Роосом и другими, вернул им шпаги, отдал должное их мужеству.

— Я слышал, господа, — улынувшись, продолжал Петр, — что брат мой Карл приглашал вас на сегодня к обеду в шатрах моих, но он не сдержал своего королевского слова... Мы исполним сие за него и приглашаем вас с нами откусать...

Подняв заздравный кубок, он воскликнул:

— Здоровье брата моего Карла и наших учителей!

— Кто же эти учителя, ваше величество? — недоумевая, спросил Реншильд.

— Вы, господа шведы...

— Знатно же вы отблагодарили своих учителей, — заметил фельдмаршал.

Раздался пушечный залп. Загремела музыка. Начался пир.

Заста Пятая

I

Принято думать, что полтавский разгром окончательно уничтожил шведскую армию. На самом деле у Карла оставалось почти двадцатитысячное войско, которое на первых порах отступало сравнительно в порядке, пополняясь по дороге свежими шведскими отрядами, стоявшими в ближайших городах и не принимавшими участия в битве.

Но, как обычно бывает после напряженной и острой

борьбы, обе стороны — и русские и шведы — испытывали некоторую растерянность. Русские войска остались под Полтавой. Шведов преследовали лишь незначительные отряды генералов Голицына и Боуэра.

Меншиков пировал с царем, его кавалерия лишь на другой день вечером двинулась в погоню за шведами.

А король Карл, потрясенный событиями, окруженный испуганными генералами, даже не позаботился подсчитать свои силы, которые могли еще остановить идущие следом русские войска.

...День стоял знойный. Шведская армия и огромный обоз двигались медленно по широкой, пыльной дороге.

Сидя в покойной коляске Мазепы, король постепенно приходил в себя. Злоба — первое чувство, охватившее Карла, — утихала. На смену пришел стыд за поражение и бегство, а может быть, и раскаяние в своей излишней самонадеянности.

Карлу невыносимо тяжело было видеть позорное отступление своих войск, еще недавно считавшихся непобедимыми. Стыдясь отвечать на приветствия встречавшихся частей, король отвернулся в сторону Мазепы.

Тот полулежал на подушках, бледный, растерянный. Душевное состояние его было ужасно. Мысль о возможности попасть в руки царя страшила теперь предателя до такой степени, что он потерял обычную сообразительность и самообладание, не мог ничего говорить, казался мертвецом.

— Как ваше мнение, гетман, — спросил Карл, — мы можем еще драться?

Мазепа вздрогнул, приоткрыл глаза, но не повернул головы.

— Скорей... скорей уехать... — прошептал он.

— Бегство покроет нас вечным позором, — нахмурился Карл. — Я предпочитаю погибнуть.

— Могут догнать... схватить... Скорее уехать... — не слушая короля, словно в забытьи, твердил Мазепа.

Карл бросил на него взгляд, полный презрения, и прекратил разговор.

Они проехали уже верст двадцать. Дорога свернула к какому-то редкому лесу. Король приказал остановиться. Подъехали генералы Гилленкронк и Крейц, следом за ними

подскакал генерал Левенгаупт, подошел отряд драбантов. В лесу быстро поставили походный шатер, внесли туда короля.

— Где Реншильд? — спросил он, беспокойно оглядывая приближенных.

— В плену, ваше величество...

— А граф Пипер?

— В плену.

— А генерал Стакельберг?

— В плену.

— В плену у русских! — воскликнул Карл. — Какая ужасная судьба!.. Ну, генерал, — обратился он к Левенгаупту, — что нам теперь делать?

— Остается поступить так, как я вынужден был поступить под Лесной, — ответил Левенгаупт. — Бросить пушки, снаряжение и уходить быстрее...

— Никогда! — гневно перебил король. — Мы должны сражаться до последней капли крови... Смерть лучше бесславия.

— Я полагаю, — вмешался Гилленкрот, — можно отступить в порядке за Днепр и соединиться с польскими войсками.

— Вы забываете, генерал, — заметил Крейц, — что русские следуют по пятам, а Днепр еще далеко. Кроме того, мы вряд ли сможем переправить весь наш огромный обоз...

— Запорожцы обещают нам в Переволочне несколько паромов и лодки...

— Хорошо, господа, — сказал король. — Я согласен отступить за Днепр, но вся артиллерия и багаж должны оставаться с нами... Мы не отдадим русским ни одной нашей пушки... Если они нападут, будем драться. Прошу вас, господа, привести войска в порядок и не допускать паники.

Через полчаса с распущенными знаменами и барабанным боем перестроившиеся шведские полки с артиллерией и всем обозом тронулись к Переволочне.

Однако на следующий день, выдержав незначительные схватки с передовыми русскими отрядами, шведы поняли, какую помеху представляет для них обоз, и генерал Крейц, без ведома короля, распорядился уничтожить часть тяжелого багажементы, раздав лошадей пехоте.

Теперь отступление шло быстрее, и вечером 29 июня шведы достигли Переволочны.

Но они жестоко ошиблись в своих надеждах. Войска царского полковника Яковлева и казацкого полковника Галагана еще до Полтавской баталии, узнав про измену Кости Гордеенко, ушедшего с частью запорожцев к Мазепе, разорили укрепление Запорожской Сечи, сожгли Переволочню, уничтожили все паромы и лодки. Костя Гордеенко был схвачен и казнен. Большинство обманутых казаков-сечевиков вернулось в русскую армию.

Подойдя к Переволочне, шведы увидели лишь груды развалин. Местность была пустынна. Широкий, быстрый и глубоководный Днепр отрезал беглецам дорогу.

Правда, шведы сумели отыскать на берегу бревна и устроить несколько плотов, но их было мало, и нечего было думать о переправе через реку всего войска. А между тем разъезды уже доносили, что русские близко. Кавалерия Меншикова догоняла неприятеля.

Карл, видя безвыходность положения, опять предложил:

— Будем сражаться, господа... Я сяду верхом и сам поведу в бой моих шведов.

Генералы единодушно и решительно протестовали:

— Силы неравны, государь...

— Если неприятель сюда явится, он всех нас перебьет или заберет в плен...

— Что же вы предлагаете? — спросил Карл.

Тут генерал Левенгаупт опустился перед ним на колени и заявил:

— Всемиловитейший государь! Мы умоляем вас спасти свою особу... Пока не поздно, вы можете переправиться за Днепр, оставив армию на наше попечение...

— Нет, нет, ни за что! — вспыхнул Карл. — Я не покину своих солдат. Будем вместе обороняться и, если суждено, вместе погибнем...

— Обороняться невозможно, — возражали генералы. — Солдаты упали духом, позиции для нас неудобны... Бог поставил ваше величество правителем народа, и вы должны спасти себя... Если вы попадете к русским, тогда все пропало... Если вы спасетесь, то найдете способ освободить тех, которые попадут в руки неприятеля...

Доводы были разумны. Король задумался.

В это время к нему подошел Мазепа.

Гетман уже сумел где-то за большие деньги добыть пару плоскодонных лодок, приказал погрузить свое иму-

щество и два бочонка золотых. Зная, что теперь непосредственная опасность плена ему не угрожает, он сразу оживился.

— Скажите, гетман,— спросил король,— сколько верст отсюда до польских владений?

— Через сутки можно достигнуть шляха, ведущего в Брацлавское воеводство, ваше величество. Но эта дорога хорошо известна русским, они могут нас догнать...

— Вы слышите, господа? — перебив гетмана, обратился король к своим генералам.— Я же говорю, что у нас всех один выбор... Надо здесь укрепиться и дать отпор неприятелю или умереть...

— Я вижу более благоразумный путь, ваше величество,— спокойно вставил Мазепа.

— Какой же?

— Не рисковать напрасно, оставить здесь армию, переправиться налегке через Днепр и уйти в Бендеры, к сераскиру-паше... Он давний мой приятель и все для меня сделает...

Король покраснел. Спокойствие гетмана раздражало его. Предложение показалось наглостью и вывело из терпения. Он вспыхнул:

— Вы... вы нечестный человек! Вы обольститель!.. Можете один ехать к вашим татарам...

Мазепа не стал спорить. Он откланялся и ушел.

Через час вместе с ближними людьми,— среди которых были Войнаровский, Мотря, Орлик, Ломиковский, Горленко и другие изменники из числа старшины,— Мазепа находился уже на правом берегу реки.

А Карл еще продолжал спорить с генералами:

— Я скорее соглашусь попасть в плен, чем умышленно покинуть свое войско...

— Вы погубите всех нас,— убеждал Гилленкрот.— Тогда мы все вечно останемся пленниками русских...

— А что будет в плену со мной? Как вы думаете? — спросил король.

— Сохрани нас бог от такого несчастья... Русские стали бы глумиться над вашей особой и заставили бы подписать унижительные для шведов условия.

— Я прикажу заранее не соблюдать никаких условий, вынужденных от меня насилием...

Генералы продолжали упрашивать короля и, наконец, убедили принять их предложение.

Назначив главнокомандующим оставляемой армии генерала Левенгаупта, король приказал готовить переправу. Он брал с собой генералов Гилленкрока, Спарре и Лангеркрона, отряд драбантов и тысячу гвардейцев.

Была уже ночь. По берегу горели костры. Солдаты жгли факелы.

Всюду слышался негодующий ропот:

— Черт нас занес в эту страну!

— Король и генералы убегут, им всюду местечко найдется, а мы — расплачивайся головами!

— Не надо было королю слушать генерала Мазепу, наобещал он много, а ничего не исполнил!

— Повесить бы его за ноги на первом дереве!

Многие шведы, понимая свою обреченность, решили, несмотря на запрещение Левенгаупта, покинуть армию, бежать вслед за королем. Будь что будет!

Лишь только королевский паром отчалил от берега, шведы стали переправляться через Днепр вплавь. Некоторые погибли, иным удалось присоединиться к королю.

Рассветало... Королевский отряд, соединившись за рекой с гетманом и его свитой, быстро уходил в степь.

Левенгаупт приводил в порядок оставшиеся войска. В это время на ближайших холмах показались передовые части конницы Меншикова.

Не приняв боя, но умышленно затянув переговоры, чтоб дать возможность королю уйти подальше, Левенгаупт сдался.

Русским достался весь шведский обоз, двадцать восемь пушек, сто двадцать семь знамен и свыше шестнадцати тысяч пленных¹⁹.

Шведская инкursion кончилась...

II

Еще до полтавской баталии Андрий Войнаровский предложил Мотре бежать с ним к русским. Мотря не захотела.

Помимо жалости к гетману, который последнее время обращался с ней особенно нежно, ее удерживала боязнь плена, да и стыдилась она после стольких приключений, показаться на глаза суровым родным.

Андрею не хотелось расстаться с ней. Слабовольный и нерешительный, стыдясь самого себя, он уже не пытался противиться течению событий, увлекавшему его за собой. Вместе с Мотрей он остался при гетмане, соединив с ним свою судьбу.

Во время переправы через Днепр оправившийся от испуга Мазепа предложил Мотре место в своей коляске.

Она смутилась. Ей показалось, что крестный подозревает ее тайно хранимую любовь к Андрею, и, чтобы не подавать лишнего повода, она согласилась, пересела к нему.

Андрей в своей коляске ехал сзади...

События последних дней он переживал мучительно. Полтавский бой, услышанные им проклятия Семена Палия, позорное бегство — все это так взволновало и потрясло его, что личные дела стали казаться мелкими, ничтожными...

«Убийца, предатель и кат народа» — эти слова батьки Палия сожгли, казалось, остаток уважения и доверия к гетману.

Смутные догадки подтверждались. Мазепа обманул и его и всех. Что, кроме чувства отвращения, мог теперь испытывать Андрей к дяде? Ему противно было искать сейчас объяснения с этим лживым человеком, он умышленно старался с ним не встречаться... Что еще мог сказать в свое оправдание гетман? Какую новую басню придумать?

Пришли к Войнаровскому и новые, более жуткие мысли о собственном позорном малодушии, которое привело его в ряды изменников. Андрей отгонял от себя эти мысли, они неотступно преследовали его...

Такая попытка становилась нестерпимой. Сердце содрогалось от ужаса и гнева. Чтобы немного забыться, ночью Андрей первый раз в жизни напился с казаками до потери сознания.

Мотря заметила и, полагая, что он сделал это из ревности к гетману, на одной из остановок подбежала к нему, шепнула:

— Я люблю тебя, Андрей! Разве ты не чувствуешь?

Войнаровский больно сжал ей руку.

— Тяжело мне, Мотря... душа горит...

— Ты не хочешь, чтоб я ехала с ним?

— Нет... другое... После узнаешь...

...Шесть суток томительно тянулась необозримая окутанный горячим маревом дикая степь.

Высокий, густой ковыль и травы давали приют множеству зверей и птиц, но не спасали людей от немилосердных, палящих лучей июльского солнца. Не хватало воды, кончились запасы продовольствия.

Беглецы двигались двумя отрядами. Мазепа со своим казацким конвоем ехал впереди, шведы следовали за ним в некотором отдалении.

Король, скрывая от приближенных боль растрепанной раны, старался всячески ободрять своих солдат, ел с ними овсянку, пробовал шутить, но все же в шведском лагере царил уныние. Непривычные к степному зною солдаты были угрюмы и злы.

Но Мазепа, казалось, не замечал неудобств. Раньше он не раз ходил здесь с войсками, знал все степные дороги, степные обычаи... Нахлынувшие воспоминания о прошедшей молодости и близость крестницы, сидевшей с ним рядом, наполнили старика чувством умиления.

Он сознавал, что возврата назад ему не будет, что затеянная игра бесславно проиграна, но, освободившись от гнетущего страха, старался всячески ободрить себя новыми планами... В конце концов много ли старику нужно? Отчизна от него отвернулась... Но была ли когда-нибудь эта казацкая страна, которой столько лет он управлял, его отчизной?

Забывая все хорошее, Мазепа припоминал десятки обид и огорчений, усиливал в себе злобное чувство к «москалям» и «хлопам»... Нет, он никогда не любил эту отчизну, он презирал ее... Досадно, конечно, что сорвалось задуманное дело и он не стал неограниченным владыкой этих глупцов. Жалко потерянных и неисчислимых богатств, однако и с этим можно старику помириться... У него осталось еще золото, он купит превосходное имение и доживет остаток дней без хлопот, тихо и мирно.

Андрій и Мотря — единственные люди, к которым старик чувствовал привязанность, — ехали с ним... Они его не оставят, их ласки и заботы согреют его старость, она не будет одинока и печальна...

Догадывался ли Мазепа о любви Мотри к Андрию? Нет, он не догадывался, он знал все точно. Добрые люди, которые всегда найдутся при таких обстоятельствах, жалея гетмана, не преминули ему сообщить о тайных свиданиях

крестницы с племянником. Мазепа сначала почувствовал нечто вроде уколов ревности, но вскоре успокоился и, по старой своей привычке, старался использовать чужую любовь с выгодой для себя... Ему было семьдесят лет. Последняя вспышка страсти к Мотре угасла, связь давно прекратилась, он питал к крестнице лишь подобие отцовской нежности... Он в глубине души разрешал ей любить племянника. Мазепа до такой степени привык, стремясь к своей всегда корыстной и подлой цели, подчинять этой цели все чувства, что такое решение его не оскорбляло.

Больше всего на свете пугало его теперь одиночество. Покойная старость и забота близких людей — вот о чем мечтал он теперь. Открыть Андрию и Мотре свои истинные чувства, благословить их любовь — нельзя. Это развяжет их с ним, они могут в конце концов его оставить. Если же смотреть на их любовь сквозь пальцы, не подавая вида, что подозреваешь, можно до конца дней сохранить привязанность к себе обоих. Молодых людей в таких случаях всегда беспокоит глупая совесть. Они страдают от кажущейся греховности обмана и не решаются покинуть того, кого обманывают.

Мотря добра и жалостлива... Она никогда не узнает истинных его чувств и поэтому никогда его не оставит... Андрий — тот может. Мазепа не понимал всего, что творилось в душе племянника, но догадывался... «Его, очевидно, смутили события и бредни дурака Палия, — думал гетман. — Ничего! Он тоже не знает главного, а время скоро успокоит пылкость сердца...» Мазепа сделает его своим наследником. Андрий будет тайно любить Мотрю, и обман дяди будет искуплен его собственным обманом...

— Боже милосердный, до чего премудро устроил ты жизнь, — вслух произносит Мазепа. — Я буду вечно благодарить жизнедавца, что он, по справедливости своей наказуя меня за грехи многими бедами, послал такое утешение в печальной старости.

— Какое утешение? — посмотрев на него грустными глазами, спросила Мотря.

— Твою любовь, серденько, твою ласку... Тобой одной полна душа моя... Ты одна моя радость и жизнь...

Он нежно привлек к себе крестницу, она смущенно молчала.

«Боже мой,— промелькнуло в ее голове,— если б он знал! Бедный, жалкий крестный!»

Эти мысли мучают ее. Она заботливо поправляет сползшие подушки. Мазепе приятно. Он верит, что все будет так, как задумал он.

Может быть, именно тогда швед-очевидец записал:

«Мазепа ехал в коляске с какой-то казацкою госпожою, которая, как видно, ухаживала тогда за стариком...»

III

Мазепа не знал, что здесь, среди беглецов, у него есть опасный враг, хитро и умело готовящий ему удар в спину. Этим врагом был не кто иной, как верный писарь гетмана — Филипп Орлик.

Бродяга, вор и убийца, Орлик был труслив, вероломен и жаден. Он служил усердно, пока пан Мазепа находился в силе и почете, скрывал его старые грехи и преступления, осыпал милостями. Но с тех пор как благодетель стал доверять ему свои опасные мысли и тайные замыслы, писарь, поняв, что гетман одного с ним поля ягодка, осмелел, начал помышлять о лучшем устройстве своей собственной судьбы. Сначала Орлик намеревался выдать своего пана царю. Затем одумался. Ведь сам Мазепа не раз поучал его:

— С доносами спешить нельзя. Всякое дело требует долгого и разумного размышления...

Писарь был прилежным учеником, ценил опытность Мазепы и решил следовать его советам. Он начал размышлять:

«Как и кому выгоднее продать пана?»

Зная, каким доверием пользуется гетман у царя и каких покровителей он имеет, Орлик пришел к мысли, что доносить на него опасно. К тому же Мазепа сам его предупреждал:

— Смотри, Орлик, будь мне верен. Ты беден, я богат... Мне ничего не будет, а ты погибнешь...

Орлик стал ждать. Он по-прежнему показывал верность пану гетману, а в то же время тайно снимал для себя копии со всех важных бумаг и похитил несколько писем.

Перед изменой Мазепы, когда в руках у Орлика имелись несомненные улики, он опять заколебался и опять раздумал. Какую пользу ему лично принесет выдача гетмана? Царь может пожаловать за «верность» небольшую

сумму или какую-нибудь маетность. Еще недавно писарю такая награда казалась достаточной — теперь он уже находил ее ничтожной. Несметные богатства гетмана, о которых Орлик думал все чаще и чаще, не давали покоя, вызывая в воображении заманчивые картины... А жадность Орлика была подобна соленой воде: чем больше он пил, тем больше хотелось пить.

Он боялся продешевить и остался в рядах изменников. Грозные события, происходившие вокруг, ничуть не волновали Орлика. У него не было ни родины, ни земли, ни денег. Он ничего не терял, но хотел приобрести многое...

Мазепа был стар и богат. Орлик был молод и беден. Верность, совесть, честь и прочие добродетели для обоих не имели никакого значения. Ученик шел по стопам своего учителя.

Соображаясь с обстоятельствами (так любил говорить Мазепа), Орлик задумал ускорить смерть своего пана, завладеть его золотом и сделаться гетманом...

...Утром 6 июля беглецы достигли реки Буга, за которой располагалась турецкая крепость Очаков. У берега стояли десятки судов и лодок. Турки встретили беглецов радушно, привезли много хлеба, мяса и вина. Однако очаковский паша разрешил переправу не сразу. Охотно приняв подарок короля — две тысячи дукатов, паша сказал:

— Король, да будет над ним милость аллаха, наш гость. Я согласен его принять... Но гетмана Мазепу без разрешения падишаха впустить не могу...

Старый «приятель», узнав, что Мазепа прибыл не с пустыми руками, ждал от него подарка подороже.

В это время казаки из гетманского конвоя, бывшие в разведке, прискакали с тревожным донесением. Русские драгуны под начальством генерал-майора Волконского и бригадира Кропотова, посланные в погоню за беглецами, напали на их след и быстро приближались к Очакову.

Мазепу от такого известия чуть удар не хватил. Он вынужден был отсчитать паше столько золотых, сколько тот запросил.

В конце концов все устроилось. Беглецы переправились через Буг и, погостив несколько дней в Очакове, двинулись дальше.

Бендерский сераскир-паша прислал королю любезное письмо и обещал приют.

Первого августа беглецы благополучно прибыли в Бендеры.

IV

Между тем царь Петр, опасаясь, что Мазепа может поднять турок против русских и учинить много неприятностей, решил добыть изменника.

Через своего посла в Константинополе Толстого царь обратился к падишаху с просьбой выдать Мазепу. Падишах отказал.

Тогда Толстой получил распоряжение предложить великому визирю триста тысяч талеров, если тот уговорит падишаха выполнить просьбу.

Одновременно Петр вызвал находившегося в плену королевского секретаря Цедергельма и предложил:

— Донесите королю, что я согласен заключить с ним мир, если он уступит мне Ингрию, Эстляндию, Лифляндию, признает королем польским Августа и выдаст изменника Мазепу...

Цедергельм, явившись в Бендеры, немедленно доложил королю, но встретил со стороны того решительный отказ.

Таким образом, обстоятельства как будто благоприятствовали Мазепе, и он мог спокойно устраиваться на новом месте.

Но Филипп Орлик не дремал.

Хитрый и пронырливый писарь, с первых дней бегства находившийся вблизи короля, сумел лестью и угодничеством расположить его к себе. Узнав о требовании царя, он поспешил к гетману.

Мазепа, поселившись вместе с Андрием и Мотрей в одном из домов, уступленных ему сераскиром, захворал. Как ни старался старик ободрить себя, неприятности и утомительная дорога подорвали его силы.

К тому же Мазепу продолжал огорчать Андрий. Он по-прежнему пил, смотрел волком и не проявлял никакого желания мириться с дядей.

Явившись к Мазепе, Орлик застал его в постели.

— Я с хорошими вестями, пане гетман,— сказал тихо писарь.— Бог, видно, нас не оставляет... Сжалился над нами, бедными...

— А что за новости, Филипп?

— И падишах и его королевское величество окончательно отказали, пане гетман...

— Подожди... Я не понимаю, о чем ты речь ведешь? — изумился Мазепа.

— Об его царском величестве, ясновельможный...

Мазепа вздрогнул. На впалых щеках его появились красные пятна. Писарь, заметив испуг гетмана, не подал вида. Продолжал спокойно:

— Ныне можно полагать, что оный царский замысел никакой удачи иметь не будет...

— Какой замысел? Какая удача? — приподнялся Мазепа. — Ты какие-такие загадки сказываешь?

— А разве вашей милости неведомо, что царь домогается получить особу вашу? — в свою очередь удивился писарь.

— Получить?.. Мою особу?.. — задохнулся Мазепа, чувствуя, как холодная испарина покрывает его тело.

— Я полагал, — невозмутимо продолжал Орлик, — что ваша милость осведомлены, какие кондиции предложены его царским величеством падишаху и королю за выдачу вашей милости...

— Дальше! — не выдержал старик. — Дальше сказывай... Боже милосердный!..

— Царь соглашается заключить мир с его королевским величеством, ежели ваша особа будет послана к царскому величеству. А господину Толстому приказано за оную выдачу учинить великие подарки падишаху и визирю...

Тут Орлик нарочно остановился. Он знал, что Мазепа, хорошо знакомый с обычаями блистательной Порты, где взятки и золото решали все дела, поймет, как непрочен каждый день его жизни, и отныне мысль о выдаче «его особы» царю не даст старику покоя.

Писарь не ошибся в расчетах. Мазепа откинулся на подушки и не в состоянии был скрыть охвативший его страх. Неподвижные, остекленевшие глаза гетмана были устремлены в потолок, бледные губы шептали слова молитвы...

Тогда Орлик начал его утешать:

— Ныне мне доподлинно известно, что королевское величество отклонил царское предложение... А падишах приказал сераскиру охранять вашу ясновельможность... Бог милостив! Господа турки, хоть и басурманы, а тоже совесть имеют...

— Иди, Филипп, иди ради бога,— простонал гетман, прекрасно понимавший, что такое совесть в подобных делах.

— Вы напрасно печалитесь, пане гетман... Ей-богу, напрасно. Будем надеяться, что тот царский замысел не исполнится...

— Уйди... уйди...— прохрипел старик, отвертываясь лицом к стене.

Орлик почтительно поклонился и вышел.

...Войнаровский, как и полагал Мазепа, не зная главного — цели мазепинской измены, начал постепенно успокаиваться. Будучи человеком мягким и бескорыстным, Андрий не искал в поступках людей только дурного, но всегда стремился найти в них что-нибудь оправдывающее. Предсмертные слова Семена Палия, мысли о дядиной и своей собственной измене возмутили его душу, вселили озлобление и неприязнь к гетману, заставили искать забвения в вине. Но с некоторых пор Андрий, под влиянием Мотри, постоянно укорявшей его за враждебное отношение к больному дяде, пробовал оценивать случившееся иначе.

«А что если дядя стал жертвой несчастного случая? — думал он. — Что, если батюшко Палий введен в заблуждение царем? Может, я напрасно обижаю дядю?..»

Он вспоминал свое детство, проведенное в батуринском замке, вспоминал доброе отношение дяди, его заботы и начинал испытывать смущение.

Когда однажды вечером Мотря позвала Андрия к больному гетману, он не мог уже отказаться.

Старик несколько дней не вставал с постели. Страх, вызванный Орликом, не проходил, а усиливался, действуя разрушительно на организм больного. Мазепа похудел, пожелтел, обрюзг...

Печальный вид его пробудил в Андрии жалость.

— Пришел... порадовал.. спасибо...— с трудом, тихо произнес Мазепа.

Андрий, опустив голову, молчал. Мотря поправляла лампаду у икон, ее пальцы дрожали.

— Садись, Андрийко... Поговорим... Мы не чужие... Ты да она,— кивнул старик в сторону крестницы,— больше никого у меня нет...

Андрий сел в кресло у постели, поцеловал высохшую руку дяди.

— Я знаю,— медленно продолжал Мазепа,— как ныне все против меня злобствуют... Тебя смутили лживые слова и бредни... Ты напрасно на меня досадуешь, глупый...

Мазепа погладил склонившуюся голову племянника. Мотря бесшумно вышла, она не хотела мешать. Андрий поднял, наконец, влажные глаза и, захлебываясь от волнения, заговорил:

— Мне тяжело, дядя... Я видел... от нас отвернулась отчизна... народ... У нас нет больше родины... Я не хотел быть изменником. Я думал иначе... Я не хотел...

— А разве я хотел? — перебил Мазепа.— Разве я повинен, что судьба все переиначила?

— Я не знаю... Может, ты ошибся. Может, думал другое... Открой правду, дядя...

— Какую правду?

— Почему так получилось? Почему все они... все гнали нас, как врагов? Почему тогда... помнишь?.. батюшко Палай проклинал так страшно?

Мазепа через силу приподнялся. Лицо его приняло величавый вид.

— Бог свидетель, я хотел только счастья своей отчизне,— сказал он,— и не моя вина, что люди поняли меня иначе... У меня не было частных целей... Я думал об общей пользе народа... Клянусь тебе...

Андрий и на этот раз поверил.

Вошедшая через несколько минут в комнату Мотря застала дядю и племянника в мирной беседе и радостно вздохнула.

V

Мотря плохо разбиралась в событиях. Она была по-прежнему полна огромной любви к Андрию и огромной жалости к крестному.

Мысль о возможности возвращения на родину не приходила ей в голову. Да и родина казалась такой далекой и чужой. Что могло ожидать ее там? Вечные попреки родных, монастырь...

А здесь жили двое близких людей, которые ее любили, окружали постоянным вниманием и лаской... Может быть, придет время, она обвенчается с Андрием, они будут сча-

стливы и в чужой стороне. Но сейчас об этом думать не надо. Крестный болен... И она и Андрий все-таки виноваты перед ним... А этот Андрий еще сегодня сердился на крестного за какой-то «обман», словно он сам его не обманывал... Господи, боже мой! Просто стыдно перед бедным крестным... Как хорошо, что они наконец помирились... Правда, у Мотри есть одна маленькая тайна, скрытая от Андрия, но, право, это такой пустяк, что не стоит открывать... Можно опять их поссорить.

Мотря знает, что крестный хотел не только пользы отчизне, он хотел также быть королем этой отчизны... И она сама когда-то думала о короне... Мало ли кто о чем думает! Не следует придирается и затевать ссоры... Тем более, их «грех» перед крестным так велик...

А что поделаешь? Ведь если бедный крестный узнает о ее отношениях с Андрием, он не выдержит такого горя... ведь он так ее любит...

Подобные мысли заставляли Мотрю относиться к больному особенно чутко. Она проводила около него целые дни, ее заботливость умиляла его, отвлекала от мрачных дум. Однако болезнь шла своим чередом, здоровье гетмана не улучшалось...

...Орлик, зорко следивший за всем, что происходило в доме Мазепы, давно уже обхаживал Андрия Войнаровского, в котором видел единственного опасного соперника. Ведь в случае смерти старика Войнаровский делался его законным наследником и, вероятно, претендентом на гетманство.

Зная Андрия с детских лет, хорошо понимая его душевное состояние, Орлик всячески старался укрепить Андрия в мысли о возможности возвращения на родину, обещая даже свое тайное содействие.

Девка, — как всегда презрительно отзывался о Мотре писарь, — до сих пор в его планах роли не играла. Андрий, храня свои чувства, никогда ни словом, ни видом никому не открывался, поэтому Орлик предполагал, что между ними обычная «амурная история», и с девкой не считался. «Пусть только уедет Андрий, — думал он, — а для нее место я найду. Туркам слово шепнуть, живо в гарем продадут. Такую кралю любой басурман возьмет...»

Примирение Войнаровского с гетманом, грозившее разрушить все замыслы писаря, сразу изменило его отношение к Мотре.

Орлик догадался, что мир между племянником и дядей устроен проклятой девкой, и понял, какое значение она имеет в жизни Андрия.

Писарь изменил свой план и решил прежде всего разделиться с Мотрей.

Дом, где жил гетман, представлял огромное, похожее на сарай, каменное здание, с верхней деревянной надстройкой. Внизу помещалась кухня и девять комнат, занимаемых гетманом, Мотрей и слугами. Вверху, в двух комнатах, жил Войнаровский. Дом был окружен большим фруктовым садом и находился почти на окраине города.

Однажды вечером, зайдя справиться о здоровье пана гетмана, Орлик застал Мотрю на кухне. Девушка варила яблочное варенье, которое любил крестный.

— Добрый вечер, панночка, — приветливо поздоровался Орлик, войдя в комнату.

— Добрый вечер, пан Орлик, — недружелюбно ответила Мотря, чувствувавшая всегда скрытую неприязнь писаря. — Вы до гетмана?

— До него... Просфорку принес, коя в святом монастыре галацком во здравие благодетеля освящена...

— Гетман спит, пан Орлик. Завтра приходите... — перебила Мотря и отвернулась, не желая продолжать беседу.

Орлик не ушел. Он не спеша достал из кармана просфору, благоговейно поцеловал ее, положил на стол.

— А что, панночка, прошу прощенья, — опять начал Орлик, — не скучаете вы на чужой стороне по своим родичам?

Мотря почувствовала, что писарь затевает какую-то хитрость, и решила промолчать.

— Я потому говорю, панночка, что жалко мне вашу милость, — вкрадчиво продолжал Орлик. — Покойный родитель ваш Василий Леонтьевич, царство ему небесное, большой благодетель мне был...

— Уйдите, пан Орлик... — не выдержала и заволновалась Мотря. — Прошу вас... уйдите...

— Как вашей милости угодно, — писарь взялся за шапку... — Только вы худого не мыслите... Я из жалости к вашей доле сиротской предупредить желал...

— Я не хочу слушать...

— Напрасно. Погибнете в пучине обмана и лжи, прошу прощенья... Обман горек...

— Какой обман? — вздрогнула Мотря.

— Любовь к вашей особе ясновельможного нашего пана гетмана. Мне подлинно все известно... Все суета и томление духа, как истинно сказано в писании, — вздохнул писарь.

— Вы... вы лжете! — растерялась Мотря.

Орлик быстро шагнул к ней, схватил за руку, зашипел:

— Поклянись, что не выдашь меня гетману. Я открою тебе истину...

— Какую истину?

— Душу его... совесть... кровь отца твоего...

— Клянусь, — в ужасе прошептала Мотря, — клянусь богом...

Орлик оглянулся, достал какие-то бумаги.

— Вот, читай... Он потешался над твоей особой... Бумага канцлеру Головкину... Письмо Шафирову... Видишь: рука пана гетмана. Я послал копию... Вот еще, еще...

«Оная дура девка»... «поруванная невинность»... «амурный соблазн»... — прыгали строчки в помутневших от слез глазах Мотри.

«Боже мой! И это писалось им тогда... Ужели все его слова и клятвы были ложны? Как он мог... так подло крикнуть душой? Марать ее честь, ее самое дорогое?»

А голос над ухом продолжает:

— Когда пан судья послал донос, гетман переслал туда твои письма... Уверил, что отец мстит за твою честь... Гетман присвоил все ваши богатства... казнил твоего отца...

— Неправда, нет! Это царь, царь! — дико вскрикивает Мотря.

— Читай... Копия его письма... Он сам требовал казни, не оказал милосердия... Твоя милость тоже повинна в крови страдальца...

— Нет, нет, нет, — безумно твердила Мотря.

Она почувствовала, как силы покидают ее. Дыхание стеснило грудь. Ужас сковал язык. Потеряв сознание, она упала на пол.

Орлик растерялся, стал собирать и прятать по карманам бумаги.

В это время в комнату вошел Андрий.

— Мотря! — крикнул он, бросаясь к девушке. — Что с тобой? Мотря... Слышишь?

— Печальное событие, — тихо вставил Орлик.

— Какое событие? Что случилось? — повернулся к нему Андрий.

Орлик сообразил: все равно история выйдет теперь наружу, надо доводить дело до конца.

— Обманул вас обоих пан гетман, вот что, — развязно и грубо сказал он.

— Обманул? Дядя?

— Сам разумеешь... Ее милости ведомо стало, какова любовь его была... Очнется, расскажет... Да и ты через гор и корысть его гибнешь, изменником стал. Всех нас пан гетман соблазнил... На, прочитай да подумай...

Орлик швырнул Андрию какую-то бумагу и скрылся. На улице его догнал дикий крик Андрия.

Писарь, творя молитву, спотыкаясь, побежал домой.

Оставленная им бумага была точной копией договора гетмана с королем Лещинским о передаче полякам всей Украины,

VI

Мазепа открыл глаза. Ночник тускло освещал комнату. Глухой шум и крик становился все явственней. Кажется, это голос Андрия? Что там такое? Может... пришли за ним?.. Взять?.. Выдать царю?..

Гетман в ужасе поднимается. Одеяло сползает на пол. Расстегнутая рубаха обнажает старческую дряблую грудь. Крик повторяется... опять, опять... Слышны шаги... Мазепу бьет озноб. Инстинктивно он жмет в угол, хватается подушку...

Дверь открывается, вбегает Андрий. Его лицо искажено гневом и яростью.

— Ты обманул! — кричит он. — Ты лгал и богу, и людям, и мне! Ты хуже Иуды! Ты продавал народ! Отчизну! Я знаю теперь все...

Мазепа догадывается: случилось что-то непоправимое. Но он уже не может, как раньше, властвовать над собой. Сил нет... Мысли путаются... Мучительная судорога сводит все члены дряхлого тела...

— Боже милосердный, — бессмысленно шепчут его губы, — боже милосердный...

— Не смей опять лгать! — иступленно продолжает Андрий. — Не смей клясться! Ты хотел стать герцогом, королем... Тебе мало крови и слез, нищеты и горя... Ты ду-

мал сделать всех украинцев рабами... Ты изменник и кат народа!..

Словно удары бича, хлещут старика грозные слова.

Что может он возразить? Чем может оправдаться?

Андрій поднял руку. Скомканная бумажка, не долетев до постели, серым пятном ложится на ковер...

— Я ненавижу тебя! Не хочу видеть! Возьми на память!

«Что там такое?» — силится понять Мазепа, устремляя неподвижный взгляд на пятно. Он пытается встать. Ноги не слушаются. Тени от ночника начинают прыгать. Пятно неожиданно вырастает... становится огромным и белым...

— Мотря... серденько... — догадавшись, жалобно стонет старик.

— Я пришла проститься... Я не вернусь больше... Ты обманул меня... Погубил мою жизнь и мою душу...

— Неправда... — силится крикнуть Мазепа. — Я никого не губил...

Даже в эту минуту он не может не лгать.

— Ты казнил отца... Капли его крови на мне... Пусть судит тебя бог...

Пламя ночника вздрогнуло и погасло. Белое пятно исчезло. В окно смутно пробивается августовский рассвет.

Ужасные тени окружили старика со всех сторон... Ему грезилось, что он видит много, много знакомых лиц... Дорошенко, Самойлович, Голицын, Семен Палий, Кочубей, Петр, Карл. Десятки других, которые обмануты и проданы. Они все грозят ему... Они пришли схватить его, пытать огнем и железом, мучить... Кто заступится за него? Кто скажет, что он не виновен?.. И на что еще может надеяться всеми покинутый и всеми проклинаемый изменник?

22 августа, утром, его нашли мертвым. Он лежал на ковре у кровати. Искривленное предсмертной судорогой лицо его было страшно. Рука сжимала клочки порванного договора.

Говорят, что он отравился...

* * *

Прошло несколько лет.

Воинственный пыл короля Карла долго не утихал. Он тщетно пытался поднять турок против русских. Победоносная армия и могущественный флот царя Петра заставили султана отказаться от планов, предложенных самонадеян-

ным, горячим королем. Тогда Карл вернулся в свою Швецию. Там встретили его холодно и неприязненно. Длительная, неудачная война с русскими принесла слишком большие страдания народу. Карл, не имея сил и средств воевать с царем, задумал «покорить» маленькую соседнюю Норвегию. В 1718 году он вторгся сюда со своей гвардией, но норвежцы стойко защищались. В одной из схваток шальная пуля поразила насмерть храброго, но неразумного короля.

Филипп Орлик, утвержденный королем в чине «гетмана» и воспользовавшийся частью имущества Мазепы, тоже пытался воевать. Он прорвался даже на Украину. С помощью татарских орд взял несколько украинских городов.

Но народ не хотел признавать гетманом «изменника и самозванца», его с позором выбросили прочь. Он уехал со своим патроном-королем в Швецию. После смерти Карла Орлик скитался по разным европейским странам, получая жалкие подачки от правителей за свой громкий, но пустой титул.

Войнаровский, потрясенный ужасным неожиданным открытием предательских замыслов дяди, добровольно отдался царю:

«Я никогда не был допущен в совет с гетманом,— писал он.— Дядя всегда удалял меня из той комнаты, где сходились с ним его адгеренты. Быть может, он подозревал, что я к ним не пристану. После кончины дяди я не принял гетманского чина и тем навлек нерасположение шведского короля. Я не чинил ничего противного царскому величеству и оттого в службу шведскую не вступал. Надеюсь, что великий государь не станет наказывать меня, неповинного, за грехи моего дяди...»²⁹

Петр, конечно, не мог полностью доверять раскаявшемуся племяннику проклятого изменника. Войнаровского сослали в Сибирь, где он прожил долгие годы и умер глухим стариком, одичавший и всеми забытый.

А царь Петр продолжал неустанно трудиться над укреплением государства.

Желая загладить свою невольную вину в смерти Кочубея, он очень милостиво отнесся к семье покойного судьи. Кочубейха и ее сыновья получили обратно все отобранные Мазепой маестности, а также ряд новых деревень. Кочубейха долгие годы сурово и властно правила всеми делами. Богатство семейства умножалось...

Каждое лето ездила Любовь Федоровна с богатыми подарками в Пушкарский женский монастырь.

Там часто видели ее в келье монахини Манефы — миловидной, доброй, набожной, но совершенно молчаливой женщины. Монашки шептались, будто Манефа — одна из дочерей старухи и будто в миру звалась она Мотрей...

...Ну, а что случилось с «лесными казаками» Петра Колодуба? — спросит читатель.

Мы долго искали их следы в пожелтевших от времени архивных бумагах... Но тщетно! Видно, раскидала неласковая судьба в разные стороны отважных сынов отчизны. Одних удержала в казачьих войсках, других привела в запорожский кошт, третьих возвратила к подневольной жизни...

Однако о самом Петре Колодубе кое-что мы узнали случайно из одной старинной летописи.

В 1734 году народ Правобережной Украины, оставшийся под властью польской шляхты, вновь поднялся против своих поработителей. Заполыхали панские палацы по всей Подольщине и Брацлавщине. Начались волнения среди селян и хлопов на Волыни и в Галиции. В густых лесах, покрывавших верховье реки Ингул, собирал повстанцев, или гайдамаков, как их тогда называли, атаман Гнат Голый. Со всех сторон двигались к нему и селяне, и казаки, и беглые крепостные крестьяне из российских земель.

Для подавления восстания польское правительство направило большие воинские силы, но гайдамаки долго и упорно сопротивлялись.

Однажды королевским жолнерам удалось окружить обессиленный многодневными боями отряд Гната Голого, укрывшийся за каменными стенами панского замка. Гибель повстанцев казалась неизбежной. Правда, был слух, будто собирается на помощь гайдамакам охотное запорожское войско, но возлагать на это надежду не приходилось. Продовольственных запасов в замке не было, порох кончался.

Зная, на какие нечеловеческие муки обрекает шляхта пленников, гайдамаки решили живыми не сдаваться, а выйти из замка, попытаться прорваться сквозь вражеское кольцо или погибнуть с оружием в руках.

И вот, когда на рассвете у стен замка закипел страшный, неравный бой, из ближнего леса внезапно вылетело

несколько казачьих сотен, обрушившихся с тыла на расстрелявшихся от неожиданности жолнеров.

— Наши! Запорожцы! — радостно закричали гайдамаки, с новыми силами яростно бросаясь в смертельную схватку.

Королевские жолнеры не устояли, отступили...

Запорожских охочекомонных* казаков с Правобережной Украины, как говорится в летописи, привел на помощь гайдамакам куренной атаман Петро Колодуб.

* Охочекомонный — конный казак-доброволец.

П Р И М Е Ч А Н И Я А В Т О Р А

Над документальными материалами о Булавинском восстании я начал работать еще в тридцатых годах. Первый очерк, написанный мною о Булавине, был опубликован в альманахе «Литературный Воронеж» в 1938 году. Затем я использовал собранный материал в созданной мною народной трагедии «Кондрат Булавин», изданной в Воронеже в 1938 году, в Рос-

тове и в Москве в 1939 году. В предисловии к трагедии проф. В. И. Лебедев писал: «Восстание Булавина совершенно не было отражено ни в дореволюционной, ни в советской художественной литературе. Трагедия «Кондрат Булавин» Н. Задонского является поэтому первым ценным литературным произведением».

Однако мне казалось, что моя работа не завершена. Булавин застрелился, но множество булавинцев бежало на Украину. Какова их дальнейшая судьба? Я поехал в Киев. Здесь, используя малоизвестные и неизвестные исторические докумен- та- ции рукописного фонда Украинской Академии наук, я обнаружил, что многие була-

винцы служили сначала в сердюках у гетмана Мазепы, а затем, когда он принял протекцию короля шведского, оставили его и вместе с русскими войсками и украинскими селянами мужественно боролись против вторгнувшихся на украинскую землю шведских интервентов. Меня интересовал этот исторический факт. Я начал писать очерк, который разросся в небольшую историческую хроникку. Под названием «Мазепа» она была впервые, в 1940 году, выпущена Воронежским книгоиздательством. Впоследствии в значительно переработанном виде книга эта под названием «Смутная пора» издавалась Воронежским книгоиздательством в 1954 году и издательством «Советская Россия» в 1959 году.

Разоблачая изменника Мазепу, я показываю, как все хитроумие этого подлого агента польской шляхты оказалось бессильным, чтобы обмануть украинских казаков и селян, поколебать их нерушимую братскую дружбу с русским народом. Вместе с тем в хронике развернуты картины героической совместной борьбы украинского и русского народов против феодального гнета и против чужеземных захватчиков. На документальной основе рисуется также история любви гетмана Мазепы к своей крестнице Мотре Кочубей — сюжет, привлекавший некогда внимание Байрона и Пушкина.

Что же касается хроники «Донская либерия», то она впервые в сокращенном варианте была опубликована в журнале «Подъем» в 1959 году, затем выпущена издательством «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» под названием «Кондратий Булавин». В книге широко использованы ранее собранные мною документы, а также литературные источники, список которых указывается в библиографической справке.

Ввиду того, что события, описываемые в «Донской либерии», продолжаются частично в «Смутной поре», книги помещаются в соответствующем хронологическом порядке. Для настоящего издания они заново отредактированы. На некоторых событиях, отмеченных в хронике, я останавливаюсь подробно в примечаниях для того, чтоб дать возможность читателям составить о них более полное представление.

«ДОНСКАЯ ЛИБЕРИЯ»

¹ Астраханский бунт был в 1705 году. Донская старшина сумела удержать казаков от участия в этом бунте и выдала московскому правительству укrywшихся на Дону «заводчиков». «Царь пожаловал Донцов за верную службу войсковыми клейнотами, послал им пернач серебряный с камнем золочен, бунчук с яблоком и с доскою и с трубкой серебряной золочен, знамя большое, писанное на камке золотом, шесть знамен камчатых станичных» (Соловьев, История России).

² Царю Петру князь Долгорукий сообщил:

«По тому твоему, Великий Государь, имянному указу и по грамоте, сего сентября во второй день приехал я ходоц твой на Дон в городок Черкасской и войсковому атаману Лукьяну Максимову и всему войску донскому твой, Великий Государь, имянной указ сказывал, чтобы они войском мне в вышеписанном городку Черкасском и в иных городках беглых всяких чинов людей сыскивать велели. И они войском в том городку Черкасском всяких

чинов людей сыскивать мне не дали, о том они войском дали мне сказку за рукою и за войсковою печатью. И с той их сказки список к тебе, Великий государь, послал я под сей отпиской. А выше того Черкасского городка во все по Дону и по иным рекам стоящие донские городки послали они войсковые письма к атаманам и казакам, чтобы тех городков атаманы и казаки в сыске и в отдаче беглых всяких чинов людей были мне и посланным от меня офицерам во всем послушны. И для того послали они войском со мною холопам твоим старшин своих, знатных людей».

³ Связь Зерщикова с Булавиным отмечает генерал Ригельман в своей рукописи: «Сей злодей Кондрашка Булавин был Войска Донского казак, жительства из бывшей Трехизбянской станицы, при Северном Донце. Он определен был от бывшего войскового атамана Ильи Григорьева, сына Зерщикова, ведомства их, Войска Донского, в Бахмуте к соленому заводу, над работными людьми солеварами атаманом. Где будучи, имел он при себе набранных гулятьев, запорожцев, черкес и прочих людей сот до пяти человек».

⁴ Войсковой атаман послал в Москву в Посольский приказ на полковника Шидловского жалобу, в которой сообщалось, что «он, полковник, им, казакам, в урочищах на речке Бахмуте селиться не дал и новопостроенный их казацкий городок с жилищами разорил до основания, и пожитки их, казацкие, от полчан его разграблены, и соляными их, казацкими, заводами завладел, и их, казаков, с того поселения с бесчестьем и ругательством согнал, похваляясь смертным убийством, без указа, самовольством своим. И на рубежной речке Жеревце, на дачах их, донских казаков, также и на Красной речке мельницы и пасеки и всякие селитебные заводы он, полковник, и полчане его заводят самовольством, а их, казаков, стесняют, и луга и сенные покосы и всякие уголья отбивают... и в те уголья выезжать им, казакам, не велят и похваляются на них смертным убийством».

Со своей стороны, полковник Шидловский жалуется на донских казаков, которые «без его, Государева, указу из тех угодий с поселения Изюмского полку казаков выгоняют и чинят им многие обиды и бьют, и грабят, и сено косить не дают, и похваляются смертным убийством и разорением».

⁵ В отписке царю донской старшины о поступке Паньки Новикова говорится:

«А как был с розыском князь Юрий Владимирович и при нем будучие офицеры и старшины наши в Явсужском городке, и в то время Шульгинского городка атаман Фома Алексеев, уведав о таком злом совете, что собираются воры и изменники в некоем тайном месте и хотят-де князя Юрия Владимировича убить, и о том написал письмо и послал той же своей Шульгинской станицы с казаком Панькой Новиковым в Явсужскую станицу к нашим старшинам Абросиму Савельеву с товарищами... И тот казак Панька с тем посланным от Фомы письмом не поехал в Явсужскую станицу, а поворотя, поехал в то место, где собирался оные воры и изменники, и им-то письмо объявил».

После разгрома булавиновцев на Айдаре Панька Новиков был пойман и отправлен в Москву, где и погиб в Преображенском приказе.

⁶ Весьма важный вопрос о том, действительно ли Булавин ранее договаривался с астраханцами, запорожскими и терскими

казаками о помощи на случай восстания, до сих пор никем из историков не поднимался. А между тем решение этого вопроса имеет очень важное значение.

Возможно, Кондратий Булавин сказал о своей связи с астраханцами, запорожцами и терскими казаками для того, чтобы укрепить доверие к себе восставшей гольтыбы, а возможно, казак Мануйлов, давая показания, просто присочинил эту фразу. В свое время, работая над первым очерком о Булавине, я, как и другие его биографы, тоже этой, никакими документами не подтвержденной фразе значения не придал. Однако впоследствии, продолжая работу над булавинскими материалами, я обнаружил некоторые документальные намеки на возможную связь Булавина с теми казаками, о которых он сказал.

Английский посланник при русском дворе Чарльз Витворт 5 мая 1708 года в письме к статс-секретарю Гарлею прямо указывал, что Булавин «участник астраханского бунта, успевший бежать».

О том, что Булавин еще до восстания бывал в Запорожье, можно догадываться по тому, что после предательства войскового атамана он появляется в Сечи как старый знакомый запорожцев, превосходно осведомленный о всех их обычаях.

Несомненно, бывал Булавин и у кубанских казаков, среди которых находился его брат и много приятелей. В письме к кубанским казакам 27 мая 1708 года Булавин называет их по именам, бьет челом «всем приятелям, с которыми мы зиму зимовали и нужду терпели».

Таким образом, имеются основания полагать, что Булавин начал думать о возможности восстания не осенью 1707 года, а значительно раньше.

⁷ В этом красочном и довольно достоверном свидетельстве очевидца вызывает сомнение лишь упоминание о якобы замышляемом Булавиным походе на Азов и Таганрог, а затем на Воронеж и Москву. Мануйлов, вероятно, слышал об этом от булавинской вольницы, среди которой подобные разговоры велись непрерывно. Сам же Булавин столь широкого замысла тогда еще не имел, его намерения ограничивались тем, чтоб добыть своим голутвенным зипуны, коней и оружие во владениях всем ненавистного Изюмского слободского полка и зазимовать в Изюме, о чем и сообщила царю Петру донская войсковая старшина.

⁸ Посланная царю Петру отписка, восхваляющая усердие и верность домовитого казачества, была, разумеется, далека от истины.

«Наши казаки и калмыки, не допустя их, воров и изменников, до Закотного городка, босм на них били и к речке Айдару осадю их осадил. И мы, холопи твои, всем войском донским и с пущеным снарядам бой с ними учинили, и к ним приступали, и из пущек по них били, и в том бою знаменщика нашего убили и иных казаков и калмык ранили. И приспело время ночи, мы мало отступили, однако ж с того места свободного прохода в Закотный городок не дали и караулы в удобных местах поставили.

И они, враги и богоотступники, видя над собой нужную осаду и смертную погиль, вначале оный проклятый враг и богоотступник Кондрашка Булавин тайно от них из осады в лес ушел, также и оные его советники един по едину тайно ж из осады в лес

разбежались; потом между всеми ими мятеж учинился, и яко враги исчезоше, так же разбежались.

И мы, холопы твои, служа тебе, великий государь, и радея усердно, не дожидаясь света, на них били и переимали многих рядовых, которые приставали к ним по убийению князя Юрия Владимировича, и тем наказания чинили: носы резали более ста чело-векам, а иных плетью били, и из казачьих городков в русские города на Валуйки и в иные выслали, также и пущих заводчиков, которые, в собрании быв, оный совет умышляли и князя Юрия Владимировича и с ним офицеров побили, и таких врагов и богоотступников многих на том же месте похватили, близ десяти человек повесили по деревьям по обыкности своей за ноги, а иных перестреляли...

А того вора и богоотступника Кондрашку Булавина и иных заводчиков велено у нас, холопей твоих, во всех казачьих городках сыскивать накрепко и о том заказ учинить с жестоким страхом и под смертную казнь без пощады».

⁹ Странное, на первый взгляд, появление Булавина в Черкас-ске объясняется многими весьма существенными причинами. Н. С. Чаев по этому поводу делает нижеследующее замечание: «Тотчас же после убийства Ю. Долгорукого — т. е. первого акта восстания — консолидация казачества, или, выражаясь словами документов, «их общее согласие», нарушается изменой Л. Макси-мова и связанной с ним группы старшины, переходящих на сторо-ну московской ориентации. Однако эта группа не является, по-видимому, многочисленной и не пользуется популярностью. Боль-шинство старшины и домовитого казачества в это время все еще продолжает сочувствовать активному выступлению против Москвы. Так, известно, что Булавин после разгрома на р. Айдаре появляет-ся в Черкасске переодетым в монашеское платье и присутствует на войсковом кругу. Это происходит с ведома б. атамана Ильи Зерщикова, пользовавшегося большой популярностью в Черкасске в качестве давнего оппозиционера Москвы. Несомненно, Булавин не мог бы этого сделать, если бы большинство черкасского казаче-ства не сочувствовало начатому выступлению. Вполне возможно, что, только убедившись в доминирующих симпатиях к продолже-нию борьбы с Москвой со стороны большинства казачества и получив директивы от его виднейших представителей (И. Зерщи-кова, В. Поздеева и др.), Булавин отправляется в Запорожье и ве-дет там переговоры о совместном выступлении против Москвы.

¹⁰ Эти и последующие выдержки из писем английского послан-ника Чарльза Витворта взяты из его переписки со статс-секрета-рем Гарлеем (Сборник русского исторического общества, т. 50, СПб, 1886 г.).

¹¹ В подлинном булавинском обращении, присланном киев-ским губернатором Голицыным царю Петру и хранящимся в пет-ровских бумагах, последняя фраза написана так: «...то приезжайте в черны вершины Самарские». Полагая, вероятно, что неведомое слово «терны» появились в результате описки, С. М. Соловьев в «Истории России» записал вышеозначенную фразу так: «...то при-езжайте в черны вершины Самарские». В таком виде в дальнейшем эта фраза и печаталась во всех описаниях Булавинского восстания, в том числе и в моих очерках. Звучало это весьма романтично («приезжайте в черные вершины Самарские!»), но совершенно

искажало точный адрес, указанный Булавиным для собиравшихся повстанцев. Булавин писал обращение в запорожском городке Тернах, расположенном на гористом берегу речки Самары, поэтому я и делаю соответствующее исправление в тексте.

¹² Последнее доношение киевского воеводы не совсем верно. Булавин, у которого под рукой было восемьсот запорожцев, покинул урочище на реке Вороной не потому, что «уведал» о собравшемся близ него Полтавском полку, а потому, что этот полк, под начальством Ивана Левенца, и другой конный компанейский полк, под начальством Кожуховского, посланные Мазепой, произвели нападение на конницу Булавина и принудили ее искать другого пристанища. Об этом свидетельствует нижеследующая царская грамота гетману Мазепе:

«Ныне нашему царскому величеству известно, что те посланные твои два полка, полтавский да компанейский, сойдясь с вором Булавиным с восемьсот человеками, с божьей помощью учинили над ними, ворами-булавинцами, поиск, тех воров разбили и языков многих побрали. И мы, великий государь, тебя подданного нашего гетмана и кавалера Ивана Степановича за посылку тех regimentу твоего двух полков ратных людей жалуюм милостиво и премило-ство похваляем. И за ту службу указали мы послать полковнику полтавскому Ивану Левенцу и полковнику компанейскому Кожуховскому по паре соболей, по двадцати рублей пара, да по кафтану обьяривному на лисих бурых мехах. Сотникам двадцать одному человеку по поставу камок по паре соболей, по пяти рублей пара».

¹³ Г. В. Плеханов подтверждает: «Булавин, очевидно, хорошо знал, как дорого было многим недовольным «древнее благочестие». Он объявил себя его защитником, хотя сам он, может быть, мало дорожил им и, по-видимому, плохо повимал, чего собственно требуют староверы» (Г. В. Плеханов, Движение русской общественной мысли после Петровской реформы. Сочинения, т. XXI. Государственное издательство, 1925 г.).

¹⁴ Стремление действовать «с ведома общего совета», стремление улучшить казачье самоуправление — наиболее яркая отличительная черта Кондратия Булавина как вождя казацко-крестьянского восстания. И, думается, эта сторона деятельности Булавина, никем еще не затронутая, заслуживает особого исследования.

Стоит представить, что происходило двести пятьдесят лет назад в Пристанском городке. В то время всюду господствовала монархическая власть и никто из русских людей не помышлял об ином образе правления. А в Пристанском городке собираются «на совет» избранные в станицах «лучшие люди», утверждают ряд организационных мероприятий, выбирают временную исполнительную власть в лице походного атамана и старшины.

В дальнейшем, когда Черкасск булавинцами был взят, временная исполнительная власть, избранная в Пристанском городке, слагает свои обязанности. В Черкасск снова собираются «на совет» представители ста десяти станиц и городков, которые голосованием избирают всю донскую власть и войскового атамана и «по договору для крепкого впредь постоянства и твердости в книги написали».

Выборность, правда, существовала в донском войске издавна, но, с тех пор как донское казачество попало под контроль царского

правительства, демократический характер выборов был утерян. Донская власть избиралась из среды домовитого казачества, из лиц, угодных царскому правительству, причем голутвенные казаки верховых городков в выборах не участвовали, а «крикунов и старожилых, коренных казаков» домовитые или подкупали, или устранили от выборов.

Булавин изменил этот порядок. В выборах получили возможность участвовать самые широкие слои казачества и донской гольтыбы. Такие меры, как конфискация церковных денег, или высылка богатых низовых казаков, или, наконец, введение «заповеди под смертной казнью, чтоб никто про имянование великого государя не вспоминал», были проведены Булавиным лишь потому, что за эти меры в войсковых советах стояли наиболее революционно настроенные представители голутвенного верхового казачества.

Все это, несомненно, должно представлять большой интерес для историков и исследователей.

¹⁵ Поражение булавицев на Курлаке порадовало царя Петра, но возвращение Бахметева и Рыкмана в Воронеж причинило сильную досаду. Петр писал в Воронеж адмиралу Апраксину: «Поздравляю вашу милость добрыми ведомостями, что учинил господин Рыкман, где и сам ранен и прочие, над товарищами Булавина... токмо зело жаль, что была самая пора на них далее идти, и городки их воровские жечь, и прочее делать» (Голиков, Деяния Петра Великого).

¹⁶ Пленные булавицы все же не избежали страшной участи. 25 мая царь Петр писал адмиралу Апраксину: «Воров булавицев, которые ныне на Воронеже, прикажи казнить и перевешать по дорогам ближе тех городков, где они жили и воровали, и о том изволь отписать к майору Долгорукому». В начале июня пленные булавицы были повешены и расстреляны под Воронежем.

¹⁷ Киевский воевода Голицын 4 апреля 1708 года доносил царю Петру: «Булавина жена с сыном, которому полгода, привезена в Белгород. И о ней, что ваш указ повелит?» Царского ответа на этот вопрос нигде в бумагах я не обнаружил. Известно лишь, что в июле месяце среди белгородских заключенных «Ульяна Булавина с младенцем при ней» продолжала еще числиться. Дальнейшую судьбу ее выяснить не удалось.

¹⁸ Хочется отметить необычную форму и стиль переписки Булавина и его атаманов. Боярские и дворянские письма той эпохи характеризуются проявлением самого низкого угодничества и лести перед сильнейшими, бахвальства и чванства перед людьми, находящимися в подчинении.

Таковыми подписями, как «скудоумный раб твой» или «последний твой холоп», пестрят все дворянские письма к царю и вельможам.

Меншиков, став царским фаворитом, называет природного князя Григория Ивановича Волконского просто «Григорием», а иногда и «Гришкой», а Волконский именует себя «униженным рабом» фаворита и пишет ему в таком стиле: «Умилился надо мною таким бедным, чтобы я был взыскан вашею милостью, ни от кого себе помощи не имею, токмо надежду имею на бога и на вашу княжью милость, ото всем обидим, ни от кого ни помилуван».

В грамоте Булавина царю и воеводам унижительные для человеческого достоинства слова не употребляются. В письме Булавина князю Голицыну, как и в других его письмах, отражается твердая воля вождя народного восстания, сознание правоты затеянного им дела и уверенность в своих силах.

¹⁹ Посланные в Черкасск тайные соглядатаи доносили азовскому губернатору: «Да у него ж вора умышление, и будет посланные от него Некрасов и Драной полки Государевы разобьют, и у него же вора намерение идти под Азов и под Троицкой и в Русь по городам до Москвы. А буде ратные Государевы полки тех ево единомышленников побьют, и у него вора с Некрасовым положено собираться по Дону в Цимле, а собрався идти на Кубань».

²⁰ Бывшие в Запорожье посадские люди на допросе показали: «И была-де в раде меж казаками битва великая и положили-де было на том, что идти под самарские города для разорения. И послали было в конное стадо для того походу. И того ж де числа присланы из Киева в Сечу к церкви черные попы на перемену прежним попам, и те попы выносили из церкви в раду святое евангелие и крест, и от такова злого намерения их запорожцев уговаривали и отвращали. И того-де числа та их рада не состоялась».

²¹ Донская либерия! Что это такое? Несомненно, что слово «либерия» происходит от латинского «libertas» (свобода), но я нигде не встречал документов, в которых «либерией» именовались бы восстания Разина или Пугачева, а в булавинских бумагах это слово употребляется неоднократно.

Бригадир Федор Шидловский, после того как булавинцы разгромили Сумской полк и укрепились в силах, доносит Меншикову: «Донские казаки делали тайно, а ныне явно объявили свою либерию и воровство». В другом письме Шидловский сообщает, что пошел со своими полками «для истребления оной донской либерии и для искоренения воров». Следовательно, в понятие «либерия» вкладывалось нечто отличное от обычного «бунта», или «воровства», как тогда назывались антиправительственные выступления народа.

Очевидно, имелась в виду возглавляемая Булавиным донская власть, стоявшая за казачьи вольности и пытавшаяся демократизировать казачье самоуправление.

²² Г. В. Плеханов делает о Булавинском восстании нижеследующее замечание:

«Какие учреждения нужны и возможны были для того, чтобы оградить тяглую Русь от «напрасного» разорения, грабежа и битья, этого не знал Посошков, и это оставалось неизвестным всей многострадальной тягловой Руси. Для Булавина или для Голого этот вопрос решался очень просто: введением в России казачьего устройства. И мы видели, что, восставая против поставленных царем начальных людей, тяглые жители деревень и посадов не прочь были сделаться казаками. Но усвоение казачьих порядков разве лишь на время устранило бы в России те общественные «неисправы», которые толкали ее черных людей на восстание: разделение общественного труда при данных экономических условиях опять привело бы к порабощению трудящейся массы. При этом, вероятно, исчезли бы некоторые, наиболее тяжелые и унижительные последствия ее порабощения. И это, разумеется,

было бы чистым выигрышем для нее. Но и об этом можно было разве лишь мечтать. Соотношение общественных сил заранее обрекало на неудачу всякую попытку сломить установившийся на Руси общественно-политический строй» (Г. В. Плеханов, Движение русской общественной мысли после Петровской реформы. Сочинения, т. XXI. Государственное издательство, 1925 г.).

²³ Азовский губернатор Толстой 5 июня 1708 года доносил царю следующее: «По ведомостям из Черкасского от Василия Фролова с товарищами уведал я, что оный вор Булавин хочет из Черкасского с единомышленниками своими бежать вскоре на Кубань, посылал я раб твой к Черкасскому, для отгону воровских его конских табунов, чтобы оному вору бежать было не на чем. И те, Государь, посланные мои, согласясь с ним, Василием, с товарищами конские табуны от Черкасского отогнали к Азову, и они, Василий Фролов с товарищами, приехали в Азов».

²⁴ Изюмский житель Левко, бывший целовальник, показывал, как при нем «на Бахмуте собирали бахмутцев всех в круг и в кругу читали войсковую от Булавина грамоту. А в той грамоте написано, чтоб во всех юртовских городках, также и в Бахмуте, поверстали казаков в десятки, а с десятка выслали по семи человек в Черкасск со всеми войсковыми припасами, а по три человека оставляли в куренях... Да в том же кругу сказано, чтоб войско охотное кто хочет шли безопасно до Черкасского до Булавина».

²⁵ «Приехали в Сечу от вора Булавина три человека с прелестным письмом,— сообщает комендант Каменнозатонской крепости на Днепре,— а в том письме написано, чтоб запорожцы к нему, вору, приходили, а он-де, вор, будто станет им давать на месяц по десяти рублей денег. И по тому письму идут многие запорожцы... А из Каменнозатонских солдатских полков мая в разных числах бежало солдат двадцать два человека...»

²⁶ Булавин не ошибся. Украинский народ не пошел наговор со шведами, а совместно с русскими войсками истреблял интервентов. Булавина в то время не было в живых, но уцелевшие после разгрома восстания булавинцы, бежавшие на Украину, соединившись с селянами в охотничьи партизанские отряды, приняли самое активное участие в борьбе против чужеземных захватчиков. Об этом подробно сказано в последующей хронике «Смутная пера».

²⁷ Участник сражения у Кривой Луки офицер А. Ушаков так описывает это событие: «И пришли на него, вора, к тому урочищу июля второго дня за три часа до ночи. А он, вор, увидя наш приход, к нам с конницей и с пехотою и с пушками из обозу своего вышел с полторы версты, и учинили с нами баталию. И был бой до второго часу ночи... и их, воров, с того места сбили, и даже до самого обозу били и кололи, и его самого, вора Драного, убили. А вору остальные, той же ночью, через Донец переправляясь, потонули, а другие, переправясь Донец, ушли. И на том бою их, воров, побили больше тысячи человек... А было их под тем местечком пять тысяч, да полторы тысячи запорожцев».

²⁸ Киевский воевода Голицын доносил о появлении на Украине булавинцев: «У Днепра в Великом Логу 18 июля приехали булавинцы, черкасы, человек двести, которые ходили из Сечи вору на помощь. А полковник-де у них, воров, запорожский казак, прозванием Беловод, а сотником Кадацкой житель Кривошея.

И сказывали, что были они у Булавина на Дону. И тот-де вор посылал их под Азов для взятия города. И под Азовом-де их разбили, многих побили и в воде потонуло, и осталось их, воров, малое число... А 18 же июля на речке Волчье, в урочище Кленниках, наехали воров черкассы и русские люди, конница и пехота, тысячи с полторы у которых было двадцать знамен... И сказывали: были-де они у Булавина и у Драного и идут в Запорожскую Сечу и везут с собою на возах много раненых воров. Да с ними ж идут и бахмутские бурлаки, которые ходили с Бахмута с вором Драным».

²⁹ «Булавин, оставленный всеми, кроме одиннадцати преданных ему человек, защищался отчаянно и убил из своих рук двух казаков, но увидя, что дом начали обкладывать камышом и готовились зажечь, застрелился из пистолета» («Воронежские акты»).

³⁰ Донской историк Е. П. Савельев описывает смерть Булавина и его дочери несколько иначе. Заговорщики ворвались в атаманский дом. Вместе с Булавиным была переодетая в казачье платье его дочь Галя. Она вместе рубилась с отцом и, раненная, падая, вскричала:

— Отец, спасенья нет!

Потом, увидев, что отец взвел курок пистолы, вскочила, обнажила кинжал и проколола себе грудь, воскликнув, обращаясь к изменникам:

— Рабы, презренные и жалкие рабы! Смотрите, как умирает свободная казачка...

И упала мертвой на труп отца.

Следует, однако, заметить, что это описание основано Савельевым не на документах, а на предании. А их существует несколько. В другом, например, утверждается, что заколовшая себя женщина была не дочерью, а «полюбовницей» Булавина. В третьем говорится о том, будто Булавин находился в связи с женой своего брата Петра, красавицей черкешенкой.

Об этих преданиях я писал в послесловии к своей трагедии «Кондрат Булавин» (Воронежское книгоиздательство, 1938 г.).

³¹ Одновременно войска князя Хованского разгромили другую значительную группу булавицев, собравшихся близ Панышина. В письме к царю Хованский сообщал: «А было того их воровского собрания тысячи четыре, кроме жен и детей. А тех их жен и детей и пожитки их твои Государевы ратные люди да калмыки побрали по себе немалое число. А было того их воровского обозу с полторы тысячи телег. А которые воровские казаки с той баталии побежали было в лодках, и тех на плаву, нагнав на лошадях, калмыки множество покололи, а иных потопили, только их, воров, ушло в двух лодках самое малое число».

Хованский в этом же письме уведомляет, что его войска сожгли дотла восемь донских городков, в том числе Панышин, Голубых, Качалин.

³² Булавицы, бежавшие на Кубань, прожили там около семи-десяти лет, а затем они, вернее их дети и внуки, были переселены на Дунай. Находясь под властью турок свыше двух столетий, потомки булавицев и некрасовцев сохранили свою веру, быт, обычаи и продолжали страстно мечтать о возвращении на родину, но царское правительство отвергало все их ходатайства. Лишь при Советской власти потомкам булавицев и некрасовцев удалось

осуществить свою мечту. Они трудятся ныне в украинских и придонских колхозах.

³³ Долгорукий признает это в своих воспоминаниях. А генерал Ригельман отмечает, что Долгорукий «пойманных всех казнил и повешенных на плотах по Дону пушал. А непокоряющиеся и бунтующиеся с сопротивлением станицы, как то на Дону Старо-григорьевскую, а при устье Хопра реки — Пристановскую, по Донцу, почав с Шульгинки, и все окольные их места даже до самой Луганской станицы — все вырублены и до основания истреблены и сожжены».

³⁴ Впервые эти старинные песни о Булавине были опубликованы в воронежском журнале «Подъем» № 4, 1957 г.

³⁵ В связи с тем, что некоторые товарищи склонны усматривать в Булавином восстании черты реакционности, считаю необходимым привести нижеследующее замечание известного советского историка профессора А. В. Шестакова: «Совершенно неправильно делать выводы о том, что движении Булавина было явлением реакционным, что восставшие срывали прогрессивную политику Петра I, боровшегося тогда не на жизнь, а на смерть со шведами, за вступление России в семью западноевропейских народов. Народные восстания были протестом не против того лучшего и прогрессивного, что принесил в Россию Петр I. Они были направлены против варварских методов царя-преобразователя, в них нашел свое выражение протест против того господства, которое своей политикой укреплял Петр I в интересах класса помещиков и нарождавшегося класса купцов» (А. В. Шестаков, Россия XVIII века — империя помещиков и купцов).

«СМУТНАЯ ПОРА»

¹ Иезуиты — члены «Общества Иисусова», одной из наиболее реакционных и воинствующих организаций католической церкви, основанной в 1540 году Игнатием Лойолой. Иезуиты учили слепому повиновению церкви («если церковь римская назовет белое черным, мы должны без колебания следовать ей») и разрешили для вящей славы божьей любое преступление и ложные клятвы.

Основывая свою деятельность на принципе «цель оправдывает средства», иезуиты прославились своей хитростью и подлостью, слово «иезуит» давно уже стало нарицательным.

Вербуя в свои ряды преимущественно представителей шляхты, иезуиты Украины и Польши вели борьбу не только против православия, но и вообще проводили свою политику под лозунгом «подстрекать русских против русских, чтобы они истребляли друг друга». С помощью панов иезуиты насильственно вводили католицизм, разжигали постоянные религиозные распри среди населения и цинично уничтожали все памятники русской, украинской и белорусской культуры.

² Народные предания повествуют, что Сирко родился с зубами:

«Ото як він тилько родився, то баба взяла на руки та піднесла до стола, а на столі пироги з потрібкою. Сирко ухопив периг руками, та і з'їв. Родився, бачете, с зубами, тай весь, вик ив vorолив...»

Название реки Чертомлык тоже увязывается с именем Сирко. Он был якобы так отважен, что и черта не боялся. Шел однажды Сирко над речкой, видит, в ней черт полощется. Атаман выхватил пистоль и застрелил его. «Черт только млыкнул вверх ногами, когда луснул его Сирко».

Отличаясь редким бесстрашием, Сирко был не корыстолюбив и великодушен. Он отказывался от своей добычи, раздавая ее казакам, и никогда не преследовал слабого врага. Однажды запорожцы разорили татарский аул. Какая-то бедная татарка пришла к Сирко с жалобой: у нее угнали последнюю корову, ее детям нечего есть. Атаман приказал немедленно вернуть татарке все добро и корову, от себя подарив для детей кусок сукна.

Гетман Самойлович, проведав об этом, стал удивляться и укорять кошевого, но тот ответил:

— Когда бы и черт, пане гетмане, помогал людям в крайней нужде, то брезговати тем не годится. Бо кажут люде: нужда и законы зминяе. А когда мы бедной татарке и малым детям ее помогаем, то сие умному человеку нимало не удивительно, пане гетмане...

Сирко подозревал, может быть, и не без оснований, что несколько лет назад Дорошенко, желая уничтожить буйных сечевиков, тайно поднял против них крымского хана, внушив ему мысль захватить Сечь внезапным набегом.

В одну зимнюю ночь хан с сорокатысячной ордой, захватив сечевую стражу, напал на сонных запорожцев, но товариство отбило татар.

В отместку за предательское нападение кошевой Сирко весной того же года вторгся с войском в Крым, разорил много городов и ханскую столицу Бахчисарай, взяв огромный ясырь.

Возвратившись благополучно в Сечь, Сирко отправил крымскому хану такую отписку:

«Ясновельможнейший пане крымский, близкий наш сосед! Не мыслили бы мы, войско низовое, запорожское, воевать с вашей ханской милостью и со всем крымским панством, если бы не увидели дурного начала с вашей стороны. Подкравшись ночным временем к нашей Сечи, вы приказали (что стыдно было вам делать) не по кавалерству выбить и истребить нас, сонных и не чающих никакой беды. Так как ваш поступок причинил нам досаду, то мы решили воздать вам за обиду и огорчение равным за равное, но не тайно, как вы поступили, а явно, по-лицарски. И бог-сердцеведец за нашу правду помог нам лучше погостить в вашем крымском панстве, нежели вам в нашей сечевой кучко. Если мы обеспокоили вашу ханскую мплость, то извини нас на том, но мы и впредь будем платить за вашу дружбу равной дружбой... Желаем вашей милости доброго здоровья и счастливой жизни. Ваши доброжелательные приятели Иван Сирко, атаман Кошевой со всем войска низового запорожского товариством».

Хан, не стерпев обиды, обратился за помощью к турецкому султану. Тот послал своих янычар истребить запорожскую вольницу, одновременно отправив сечевикам письмо с требованием добровольной сдачи.

«Я султан, сын Магомета, брат солнца и луны, внук и наместник божий, владелец царств — македонского, вавилонского, перусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, власто-

лин над властелинами, рыцарь, никем непобедимый; неотступный попечитель гроба Иисуса Христа, самого бога, надежда и утешение мусульман, на страх христианам, великий защитник — повелеваю вам, запорожские казаки, сдаться мне добровольно, без сопротивления, и меня вашими нападениями не заставлять беспокоиться. Султан турецкий Махмуд IV».

Сечевики, обсудив всем коштом письмо султана, послали ему следующий ответ:

«Запорожские казаки турецкому султану. Ты — шайтан турецкий, проклятого черта брат и товарищ и самого люцыперя секретарь. Який ты, в черта, лыцарь? Черт выкидае, а твое войско пожирае. Не будешь ты годеи сынив христианских под собой маты. Твойго вийска мы не боимось, землю и водою будем битьца з тобою. Вавилонский ты кухарь, македонский колесник, иерусалимский броварнык, александрийский козолуп. Великого и Малого Египта свынарь, армянская свинья, татарский сагайдак, каменецкий кат, подолянський злодюка, самого гаспида внук и всего свиту и подсвиту блазень, а нашего бога дурень, свиняча морда, кобыляча с...а, ризницька собака, нехрещеный лоб, хай бы взяв тоби черт. Оттак тоби казаки видказали, плюгавче. Цевгоден еси матери вирных христиан. Числа не знаем, бо календаря не маем, мисяць у неби, год у кнызи, а день такий у нас, як и у вас, поцилуй за те ось куди нас. Кошевой атаман Иван Сирко завсим коштом запорожским».

³ Усиление крепостнического гнета со стороны старшинской верхушки вызывало непрерывные возмущения среди селян и рядового казачества. В 1687 году казаки Прилуцкого полка бросили в горящую печь своего полковника Л. Горленко и полкового судью, бесчеловечно относившихся к казакам и селянам. Казаки Гадяцкого полка убили полкового обозного. Одновременно начались селянские волнения в большинстве других полков и в монастырских владениях.

Гетман Мазепа жестоко расправлялся с «бунтовщиками», сотни казаков и селян были повешены, других нещадно драли плетью и ссылали на каторжные работы.

Сто тысяч селян, принадлежавших лично Мазепе, жили в постоянном страхе перед беспощадным наказанием за самую небольшую провинность.

Ненависть украинского народа к Мазепе была так сильна, что гетман вынужден был постоянно содержать большую личную охрану, а при поездках, опасаясь нападений, приказывал возить за собой пушки.

⁴ Следует, однако, заметить, что в местах, освобожденных от польской шляхты, палиевская старшина и казацкая верхушка немедленно прибирала земли к своим рукам, обогащаясь за счет эксплуатации бедного люда.

Палий закреплял земли за старшиной и монастырями специальными универсалами.

⁵ Жена Палия, имя которой, к сожалению, неизвестно, действительно была храброй женщиной. Тот же поп-очевидец Иван Лукьянов сообщает, что, когда он прибыл в Фастов, Семена Палия там не было, а всем полком управляла его жена. О том, что Палииха принимала участие в освобождении из «ляшской неволи» своего мужа, рассказывают народные предания.

• Желая разделаться с Палием, гетман Мазепа не жалел черных красок, описывая его поступки канцлеру Головкину.

«Вот уже шестой день,— сообщал гетман,— сидит Палий у меня в обозе. Пьян беспросыпно, кажется, уже пропил последний ум, какой у него оставался. Это человек без совести, и гультайство у себя держит такое же, каков сам: не знают они над собой ни царской, ни королевской власти и всегда только к грабёжам и разбоям рвутся». Дальше Мазепа сообщает, будто Палий, будучи у него в обозе, подговаривал казаков к открытому бунту и говорил: «Добра не будет, пока вы не збудете ваших панив и арендарив».

⁷ О жене Мазепы известно только, что она приходилась родственницей прилуцкому полковнику Горленко. Сначала она была замужем за неким богатым паном Фридрикевичем и, овдовев, жила в Корсуве. Мазепа познакомился с ней и женился еще в бытность свою у гетмана Дорошенко. Никакого участия в делах гетмана она не принимала. Умерла в 1702 году, за два года до начала романа Мазепы с Мотрей.

⁸ Письма Мазепы к Мотре Кочубей я использовал в хронике только частично и в несколько исправленном виде. Считаю не безынтересным познакомить читателей с подлинником одного из писем, относящихся к описываемому времени.

«Моя сердечне коханаая, наймилейшая, найлюбезнейшая Мотроненько. Вперед смерти на себе сподеваясь, неж такой в сердцу вашем отмени. Спомне тильке на свои слова, спомне на свою присягу, спомне на свои рученки, которые мене не поединократ давала: же мене хочь будешь за мною, хочь не будешь, до смерти любити обещала. Спомне на остаток любезную нашу беседу, коли есть бувала у мене на покою: нехай бог неправдивого карает, а я хочь любишь, хочь не любишь мене, до смерти тебе подлуг слова своего любити и сердечне кохати не перестану на злость моим ворогам. Прошу и велце, мое серденко, яким колвек способом обачься за мною: що с В. М. далее чинити: боюж больше не буду ворогам своим терпети, конечно одомщению учиню, а якое сама обачишь. Шасливши мои письма, що в рученках твоих бувають, нежли мои бедние очи, то тебе не оглядают».

⁹ Русские войска, численно пополняясь и перевооружаясь, в то же самое время продолжали успешно действовать против шведов в Прибалтике. Уже в 1701 году близ Эрестфера были разбиты войска генерала Шлиппенбаха. В следующем году потерпели поражение шведские флотилии на Ладожском и Чудском озерах, взята шведская крепость Нотебург (Орешек), а весной 1703 года — крепость Ньеншанц.

В 1704 году русские войска штурмом взяли Нарву и Дерпт, а шведы оттеснены к побережью в районе Рига—Ревель.

В 1705—1706 годах русские войска с успехом сражались со шведами в Польше, где осенью 1706 года при Калише была одержана победа над крупной группировкой шведских войск.

¹⁰ Подозрения на Адама Сениявского набрасывались Мазепой и другими лицами враждебного России лагеря с очевидной целью поколебать доверие Петра к своему верному союзнику. Адам Сениявский, опираясь на сечувствие польского народа, видевшего в шведах своих поработителей, остался верен союзу с Россией. Собранные Сениявским польские войска продолжали действовать про-

тив шведов. В конце 1708 года Петр выразил благодарность Сенявскому «за успешные действия против общих неприятелей» и послал в помощь ему семь драгунских полков. В начале 1709 года дополнительно посланы тринадцать пехотных полков. В июне из лагеря под Полтавой Петр высказал Сенявскому горячую признательность за сохранение союза.

¹¹ О Кондрате Булавине и булавинском восстании подробно см. мою книгу «Кондрат Булавин» (изд. Воронежского книгоиздательства, 1938; изд. Ростовского книгоиздательства, 1939; изд. «Искусство», Москва, 1939).

¹² Донос Кочубея и Искры, как видно из материалов следствия, не имел того значения, которое впоследствии было ему приписано.

Несомненно, что Искра принял участие в доносе из самых чистых, патриотических побуждений. Он никогда не принадлежал к числу «давних приятелей и единомышленников» гетмана, каким был прежде Кочубей, вместе с Мазепой участвовавший в расправе над Самойловичем. Искра, как и весь украинский народ, был убежден, что шляхтич Мазепа ненадежный человек, и, узнав о подозрениях свояка, не колеблясь ни минуты, решил довести об этом до сведения царя. Кочубей же, как свидетельствуют о том собственные его показания, учинил донос по «личной злобе к гетману». Ничего важного, принципиально нового в его показаниях для русского правительства не было. Подобные, а часто и куда более основательные доносы поступали на Мазепу много лет подряд.

Головкина следует винить не за то, что он не поверил Кочубею, а за то, что не обратил внимание на честные и бескорыстные донесения, поступавшие отовсюду. Разве нельзя было, например, тщательно проверить показания солдата Мирона или отнестись с большим доверием к Адаму Сенявскому, обличавшему гетмана в измене?

Между тем дети и внуки Кочубея, богатейшие украинские помещики и графы, старались всячески выпячивать личность Кочубея, окружая его особым героическим ореолом, отодвигая на второй план Искру и совершенно замалчивая тот факт, что украинский народ, свято храня нерушимую дружбу к русскому народу, задолго до Кочубея разоблачил Мазепу как изменника.

Мы показываем Кочубея в свете исторических документов, а не позднейших домыслов о нем.

¹³ Случай с крестьянином, обманувшим генерала Лангеркрона и приведшим шведов в другую сторону от Стародуба, мною не вымышлен. О нем сообщает в своих записках шведский историк Нордберг.

¹⁴ Ссылаясь на болезнь, гетман одновременно выставлял и другую причину невозможности выехать на соединение к царскому войску. Этой причиной была продолжавшаяся на Украине народная смута, которой Мазепа не раз пугал царя. «Если прибуду к Стародубу,— сообщал гетман Меншикову,— то разве пойду в самый город в осаду, а тут в Украине внутренний огонь бунтовничий от гультяев, пьяниц и мужиков во всех полках начал разгораться, которые, услыша о вступлении в Малороссийский край неприятельском по моем к Стародубу малолюдном отдалении, всюду в городах великими купаями с киями и с ружьем ходят, арендаторов

бьют до смерти, вино насильно забирают и выпивают, в Лубенском полку арендаря и ктитора убили до смерти, в Мглине сотника тамошнего изрубили и спицами покололи, в Гадяче на замок тамошней наступали, хотят добро мое там разграбить и господаря убить... Рассуди, ваша княжая светлость, своим высоким благоумием, какая в том польза будет интересам монаршим, если я пойду в Стародубовщину, а тут всю Украину в таких трудностях, опасностях и в начинающемся бунтовничьем пожаре на крайне разорение оставлю».

Меншиков переслал это письмо Петру и от себя сообщил: «Мне кажется, до Стародуба его ради тех противностей заволакивать не для чего, что отдаю в ваше высокоздравное рассуждение». Петр с мнением князя согласился и ответил, что гетмана можно не «отволакивать понеже большая польза его в удержании своих, нежели в войне».

¹⁵ Свидание царя с Мазепой в Острогожске состоялось в августе 1696 года, после взятия Азова. Гетман подарил царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и драгоценными камнями, а также щит на золотой цепи, украшенной алмазами, яхонтами и рубинами. Петр благосклонно принял подарок Мазепы и в свою очередь одарил гетмана, который получил 12 кусков бархата и соболей мех.

¹⁶ О гибели отряда генерала Лимрота сообщает шведский историк Адлерфельд.

¹⁷ Письмо Головкина приводится в несколько сокращенном виде. Оно написано 22 декабря 1708 года.

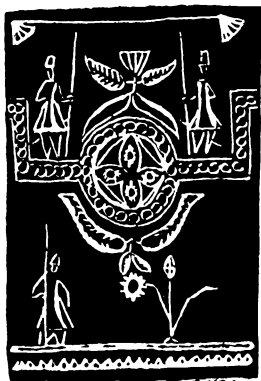
¹⁸ Сцены с королем не вымышлены мною, их согласно подтверждают все шведские историки. Нет сомнения, что Карл был способным и храбрым военачальником, но я не видел никаких исторических документов, которые подтвердили бы мнение, будто Карл принадлежал к разряду особо выдающихся, талантливых полководцев чуть ли не мирового масштаба. Победа шведов над русскими под Нарвой объясняется прежде всего не личными качествами Карла, а лучшей организованностью и вооружением шведских войск. С тех пор как Петр добился перевооружения армии и ввел строгую дисциплину, шведы начали терпеть поражения.

Победу Карла над разрозненными и плохо дисциплинированными польскими войсками Августа тоже нельзя объяснить особым воинским искусством шведского полководца. А с лучшими европейскими войсками и полководцами того времени Карл не сталкивался. Слова английского герцога Мальборо о «государе, удивившем всю Европу», и ряд подобных льстивых фраз, очевидно, имели целью подстрекать честолюбивого короля на дальнейшую борьбу с быстро укреплявшимся Русским государством.

¹⁹ Помимо пушек и знамен под Полтавой и Переволочной, русские захватили у шведов 5400 кавалерийских и артиллерийских лошадей, 21 630 ружей и карабинов, 220 пудов пороха, 32 840 шпак и палашей, большое количество всякой воинской амуниции.

Наконец, был захвачен почти весь шведский обоз, в котором находились огромные ценности, награбленные шведами в Польше и других местах. Попала в руки русских и часть имущества Мазепы, стоимостью в 300 тысяч рублей.

²⁰ Войнаровский после смерти Мазепы, получив часть богатого наследства, уехал из Турции, жил в Вене, Бреславле, Гамбурге. В руки царя он добровольно отдался в 1716 году, когда, очевидно, и была написана им челобитная, отрывок из которой я помещаю. Для обрисовки Войнаровского мною использованы следственные материалы и очень скудные исторические документы, позволяющие судить о нем, как о малодушном человеке, запутавшемся в мазепинских тенетах и косвенно повинном в измене. Но возможно, что степень его виновности была более значительна, поэтому на полную историчность мой Войнаровский не претендует.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Рукописные фонды Украинской Академии наук.

Бумаги Воронежских архивов.

Булавинское восстание. Труды Историко-археографического института Академии наук СССР. Москва, 1935.

Броневский И. История Донского Войска. СПб, 1934.

Голиков. Деяния Петра Великого, часть XI. М., 1789.

Задонский Н. Кондрат Булавин. Народная трагедия и исторический очерк. Воронеж, 1938.

Краснов. Земля Войска Донского. СПб, 1936.

Лебедев В. Булавинское восстание. М., 1934.

Лебедев В. Восстание Булавина. Предисловие к трагедии Н. Задонского «Кондрат Булавин». Куйбышев, 1950.

Плеханов Г. Движение русской общественной мысли после петровских реформ. Сочинения, т. XXI, 1925.

Ригельман А. История о донских казаках (рукопись), 1778.

Савельев Е. История Дона.

Соловьев С. История России, т. 3.

Сухоруков. Историческое описание земли Войска Донского.

Чаев Н. Булавинское восстание. М., 1934.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОНСКАЯ ЛИБЕРИЯ	5
СМУТНАЯ ПОРА	171
ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА	378

***Николай Алексеевич
Задонский***

ДОНСКАЯ ЛИБЕРИЯ

Художник *А. М. Кадушкин*

Редактор *В. М. Курганова*

Худ. редактор *Э. А. Розен*

Тех. редактор *Т. И. Гончарова*

Корректор *Л. М. Логунова*

Сдано в набор 3/III-1966 г. Подписано
к печати 15/XI-1966 г. Формат бум.
84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 12,5. Усл. печ. л.
20,5. Уч.-изд. л. 21,5. Изд. инд. ЛХ-92,
Тираж 50 000 экз. Цена в переплете
82 коп., в переплете с супером 85 коп.
Бум. № 2. Тем. план 1966 г. № 169.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавпо-
лиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР,
г. Электросталь Московской области,
Школьная, 25. Заказ № 468.

К читателям

*Издательство просит отзывы об этой
книге и пожелания присылать по ад-
ресу: Москва, Центр, проезд Сапу-
нова, д. 13/15, издательство «Совет-
ская Россия»*

Издательство „СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“

Вышла в свет книга:

ЖУКОВ Ю. ЛЮДИ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ.

576 стр., цена 1 р. 46 к.

В этой книге речь идет о той, далекой теперь эпохе, когда закладывались основы нашего нынешнего образа жизни, когда мы были еще очень бедны деньгами, но уже необычайно богаты душой, когда пыль столбом стояла над нашей землей и у первых вырытых лопатами огромных котлованов новостроек скрипели оси тысяч телег, когда кулаки еще стреляли из обрезов в организаторов колхозов, но первые тракторы уже распахивали межи,— речь пойдет о становлении нового мира.

Так начинает свою книгу известный советский писатель-публицист Ю р и й Ж у к о в.

В книге проходят образы солдат революции, строителей первых пятилеток, ученых, рабочих, инженеров, писателей, журналистов, чей труд, подвиги, думы, чаяния заслуживают того, чтобы читатель познакомился с ними.

Встречи с этими людьми на страницах книги помогут современному молодому человеку нагляднее увидеть, как свершилось великое «русское чудо» и чему можно поучиться у тех, кто его свершил.

Книга богато иллюстрирована документальными фотографиями тридцатых годов.

Книга продается в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

85 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

ДОНСКАЯ ДНБЕРНЯ